

СОВРЕМЕННАЯ
ФАНТАСТИКА

ДЖЕК ЧАЛКЕР

ПОЛНОЧЬ
У КОЛОДЦА ДУШ

СОВРЕМЕННАЯ
ФАНТАСТИКА

***Jack L.
Chalker***

***Midnight at the
Well of Souls***

■

ДЖЕК
ЧАЛКЕР

ПОЛНОЧЬ
У КОЛОДЦА ДУШ

ББК 84 (7США)
Ч17

Серия основана в 1992 году

Серийное оформление А.В. Сальникова

Перевод с английского И.М. Дижура

Художник М.Н. Калинин

Печатается с разрешения автора
и его литературного агента Spectrum Literary Agency

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Чалкер Дж. Л.

Ч17 Полночь у Колодца Душ: Роман / Пер. с англ.
И. М. Дижура. – М.: ООО "Фирма "Издательство
АСТ", 1998. – 480 с. – (Координаты чудес).

ISBN 5-237-00042-8

Бортовой компьютер корабля "Стеекин", ведомого среди звезд железной рукой капитана Натана Бразила, засек таинственный сигнал бедствия. Кто-то – или что-то? – хотел, чтобы люди высадились на Далгонии, мертвой планете, нашли тела семерых погибших ужасной смертью, продолжили поиски – и оказались в самом сердце Колодца Душ, обращающего каждого, кто имеет несчастье оказаться в нем, во что-то невероятное. Ибо есть в Колодце Душ нечто, ради чего стоит жить – или погибнуть...

© Jack L. Chalker, 1977

© ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1998

ДАЛГОНИЯ

В массовом убийстве обычно больше всего потрясают необычность обстановки и тайна, окутывающая личность убийцы. Именно такое впечатление производила далгонийская резня.

Далгония — бесплодная каменистая планета — вращается вокруг умирающего солнца, купаясь в его призрачном красноватом сиянии. Тусклые дрожащие лучи еле освещают вершины скал, у подножия которых в глубоких ущельях шевелятся размытые зловещие тени. От далгонийской атмосферы почти уже ничего не осталось, и сейчас трудно даже представить, что когда-то здесь существовала жизнь. Вода, подобно кислороду, прячется глубоко в скалах. Гаснущее солнце не в силах осветить небо, которое, несмотря на легкую голубоватую дымку, образованную чудом сохранившимися в атмосфере инертными газами, залито непроглядной тьмой. Далгония — мир призраков.

И призраки появились.

Девять ослепительно белых фигур молча стояли перед развалинами города, мало чем отличающимися от окружающих их скальных громадин. В красноватом полумраке возвышались покосившиеся зеленовато-бурые башни и полуразрушенные замки, гигантские размеры которых словно подчеркивали ни-

чтожество смельчаков, неожиданно вторгнувшихся в этот загадочный мир. Казалось, лишь белые скафандры не дают дерзким пришельцам раствориться в мертвом каменном лабиринте.

Внимательный наблюдатель немедленно распознал бы в призраках нарушивших покой древних развалин людей — существ, населяющих относительно недавно образовавшийся сектор спирального рукава галактики. Пятеро принадлежали к женскому полу, четверо — к мужскому. Возглавлял группу худой хрупкий человек средних лет. На его скафандре спереди и сзади было выбито имя — Скандер.

И как многие до них, люди остановились у полуразрушенных городских ворот, глядя на немислимые, но величественные руины.

*«Я — Озимандия, я — мощный царь царей!
Взгляните на мои великие деянья,
Владыки всех времен, всех стран и всех морей!»
Кругом нет ничего... Глубокое молчанье...
Пустыня мертвая... И небеса над ней*.*

Не обязательно именно эти строки пришли на ум каждому стоящему сейчас перед городскими воротами, но, как и у тысяч других людей, разглядывавших и раскапывавших подобные города на десятках мертвых планет, у всех наверняка возникли вопросы, вот уже многие годы остающиеся без ответа:

«Кто были те, что создали такое великолепие?

Почему они погибли?»

— Учитывая то, что это ваше первое посещение марковианских руин после получения степени бакалавра, — зазвучавший в приемных устройствах ска-

* Перси Биши Шелли. Озимандия. Сонет. Пер. К.Д. Бальмон

фандров пронзительный голос Скандера нарушил наконец благоговейное молчание, — я должен сделать краткое вступление. Прошу прощения, если окажусь многословным, но надеюсь, что вам это всё пригодится.

Впервые — продолжал он, — подобные развалины были обнаружены несколько столетий назад. Наткнулся на них Джерид Марков на планете, находящейся в ста световых годах от Далгонии. Именно тогда мы получили первое доказательство существования иного разума в нашей галактике, и это открытие вызвало невероятное возбуждение. Возраст тех руин составлял четверть миллиона стандартных лет, но и по сей день они считаются самыми молодыми из числа обнаруженных. Стало ясно, что, когда наши предки спустились с деревьев и только учились добывать огонь, какие-то другие существа создавали гигантскую звездную империю, размеры которой неизвестны и по сей день. Чем дальше мы проникаем в галактику, тем многочисленнее становятся эти реликты — вот собственно и все, что мы знаем. Личности создателей так и остались полнейшей загадкой.

— И никаких остатков материальной культуры? — недоверчиво спросил женский голос.

— Никаких. Кстати, бакалавру следовало бы это знать, гражданка Джейнет, — последовал сухой ответ, который все слушатели расценили как мягкий упрек. — И именно это так бесит. Да, есть города, позволяющие сделать кое-какие предположения об их строителях, но нет ни мебели, ни картин, ничего такого, что имело хотя бы отдаленное отношение к повседневной жизни. Комнаты, как вы сейчас увидите, абсолютно пусты. Нет кладбищ. Нет, в сущности, и никаких машин.

— Наверное, это как-то связано с компьютерами? — раздался хриловатый голос, принадлежащий коренастой девушке с родовым именем Марино.

— Да, — согласился Скандер. — Но давайте войдем в город. Беседовать можно и на ходу.

Они двинулись вперед и вышли на широкую городскую улицу, по обеим сторонам которой тянулись странные гладкие полосы, напоминающие движущиеся пешеходные дорожки космопортов, доставляющие пассажиров к посадочным платформам. Эти дорожки были из того же зеленовато-бурого камня или металла, что и стены домов.

— Исследования, проведенные здесь и в других марковианских мирах, — продолжал свои объяснения Скандер, — показали, что между корой Далгонии, толщина которой составляет сорок — сорок пять километров, и расположенной под нею каменной мантией существует разрыв, местами достигающий одного километра. Это, как оказалось, искусственный слой. Состоит он в основном из пластика, но есть подозрение, что в нем гнездится определенный вид жизни. Подумайте, как много информации содержат в себе клетки человека. Вы представляете собой продукт новейшей генетической технологии, самые совершенные — и в физическом, и в интеллектуальном отношении — образцы, вобравшие в себя лучшее из того, чем обладают расы, приспособившиеся к жизни на ваших родных планетах. И при этом вы — нечто большее, чем просто сумма ваших органов. Ваши клетки, особенно клетки мозга, способны накапливать и постоянно накапливают огромное количество информации. Мы полагаем, что компьютер, находящийся у вас под ногами, собран из бесконечно сложных искусственных мозговых клеток. Только вообразите! Всем на этой планете управ-

ляет мозг толщиной в километр. И мы считаем, что он был настроен на индивидуальные волны мозга каждого жителя этого города.

Представьте себе это, если можете. Стоило лишь пожелать чего-нибудь — и вот оно, пожалуйста: Образы пищи, мебели — если они пользовались мебелью, — даже предметов искусства рождались в мозгу индивидуума, а компьютер делал их реальностью. Все это пока лишь краткая примитивная версия, но мы убеждены, что на Далгонии, возможно тысячами, существовало некое фантастическое производство. Достаточно было просто подумать о чем-нибудь, и вы это получали!

— Эта утопическая теория объясняет большую часть того, что мы видим, но не проливает свет на причины гибели столь мощной цивилизации, — раздался высокий мальчишеский голос, принадлежащий Варнетту, самому юному и, вероятно, самому способному члену группы (существовало, однако, отдельное мнение, что непомерно развитое воображение может завести этого юнца слишком далеко).

— Вы абсолютно правы, гражданин Варнетт, — признался Скандер, — но на этот счет имеются три гипотезы. Первая состоит в том, что компьютер сломался, вторая, теория амока*, — что компьютер потерял власть над собой и стал буйствовать, а обитатели этого мира не знали, что предпринять. Кто-нибудь знаком с третьей теорией?

— Стагнация, — ответила Джейнет. — Они умерли потому, что у них не осталось ничего такого, ради чего стоило бы жить, бороться или трудиться.

— Правильно, — заметил Скандер. — Однако существуют проблемы, касающиеся всех трех гипотез.

* Амок (малайск.) — состояние неконтролируемой ярости, одержимости. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Межзвездная цивилизация такого размаха просто не могла не иметь никакой дублирующей системы. Что касается теории амока, то она превосходна, за исключением утверждения, будто бы это печальное событие произошло сразу на всем пространстве космической империи. Ну на одной планете, на нескольких, согласен, но не на всех же одновременно. Я не могу принять эту теорию, даже если она объясняет все наилучшим образом. Мне кажется, что создатели этой системы должны были быть готовы даже к такому повороту событий.

— А может, они сами запрограммировали свое вырождение, но оно наступило слишком рано? — опять подал голос Варнетт.

— Что? — В голосе Скандера прозвучало не только удивление, но и острый интерес. — Запрограммированное — запланированное вырождение! Это любопытная гипотеза, гражданин Варнетт! Думаю, в свое время мы поразмыслим над этим.

Он махнул рукой, и группа двинулась к зданию, имевшему необычный, гексагональный* портал. Чуть позже выяснилось, что такую форму имеют здесь все дверные проемы.

— Комнаты тоже имеют гексагональную форму, — сказал Скандер, — гексагональны и город, и почти все, что в нем находится. Нужно только выбрать правильный угол зрения. По-видимому, они придавали числу «шесть» какое-то особое значение. А может быть, оно было священным. Но исходя из размера и формы помещений, дверных проемов, окон и всего прочего, можно сделать предположение о том, как эти существа выглядели. Мы полагаем, что они имели форму волчка

* Гексагональный (греч.) — шестиугольный

или, скорее, репы и обладали шестью конечностями со щупальцами, которые использовали как для ходьбы, так и в качестве рук. Мы считаем, что число «шесть» пришло к ним естественным путем: это доказывают их математика и их архитектура; не исключено, что эти существа были шестиглазыми. Судя по высоте дверей, их рост составлял около двух метров, а ширина талии достигала, вероятно, еще большей величины. Мы убеждены, что именно там располагались руки, ноги, щупальца... В общем, все было сконцентрировано там. Поэтому дверные проемы в средней своей части делались более широкими.

Некоторое время все стояли неподвижно, пытаюсь представить себе обитателей этих комнат разгуливающими по улицам города.

— Пора возвращаться в лагерь, — прервал наконец молчание Скандер. — У вас будет достаточно времени, чтобы как следует изучить это место и обшарить здесь каждый угол.

Студентам действительно предстояло провести на Далгонии целый год, работая под руководством профессора Скандера на университетской станции.

Группа немедленно затрусила к городским воротам, на ходу теряя серьезность, и уже через час достигла базового лагеря, расположенного примерно в пяти километрах от города.

Лагерь состоял из девяти огромных куполообразных палаток, таких же ослепительно белых, как и скафандры, и соединенных между собой длинными, то и дело вспучивающимися трубами — таким образом контрольные компьютеры постоянно регулировали температуру и атмосферное давление внутри помещений. В этом мертвом мире никакой другой защиты не требовалось, да и внутреннее пространство палаток было устроено таким образом, что прокол был прак-

тически невозможен. Если бы нечто подобное все же случилось, погибли бы лишь те, кто оказался бы непосредственно у места прокола; компьютер мог мгновенно заблокировать любую часть комплекса.

Скандер вошел последним. Он взобрался в воздушный шлюз лишь после того, как убедился, что никто из его подопечных и ни одна хоть скольконибудь существенная часть снаряжения не остались снаружи. Когда шлюз наполнился воздухом, он вошел внутрь палатки. Группа радостно освобождалась от скафандров.

Скандер на минуту задержался и оглядел их. Восемь представителей четырех планет Конфедерации, за исключением Марино, прибывшей из мира с повышенной силой тяжести, выглядели совершенно одинаково.

Все были необычайно подтянуты и мускулисты, как гимнасты, и, хотя их возраст колебался от четырнадцати до двадцати двух лет, никто из них, казалось, еще не достиг половой зрелости. Впрочем, так оно и было. Их половое развитие искусственно остановили, и это состояние пока еще продолжалось. Профессор взглянул на Варнетта и на Джайнет, они прибыли с одной планеты, название которой он забыл. Самая старшая и самый младший из членов экспедиции имели одинаковые рост, вес и благодаря своим бритым головам были совершенно не отличимы друг от друга. Они появились на свет в лаборатории родильной фабрики и воспитаны государством таким образом, что стали мыслить столь же одинаково, сколь одинаковы были внешне. Как-то раз Скандер полушутя поинтересовался, почему продолжается выпуск и мужских, и женских моделей. Ему вполне серьезно объяснили, что это резерв, создаю-

щийся на случай, если на родильных фабриках неожиданно произойдет какой-нибудь сбой.

Человечество заселило по меньшей мере три сотни планет, и почти все они пошли тем же путем, что и мир, породивший эту парочку близнецов. «Абсолютная идентичность, — с отвращением подумал профессор. — Одинаково выглядят, одинаково ведут себя, одинаково мыслят, даже желания у них наверняка одинаковые. Поручая этим прекрасно отлаженным человеческим механизмам то или иное дело, им вдалбливают, что это единственная подходящая для них работа и что выполнить ее — их долг». Его всегда удивляло, из каких же соображений исходят правители-технократы, решая, кто кем должен стать.

Скандер мысленно вернулся к последней группе студентов. Трое из ее состава прибыли с планеты, где давно уже обходятся даже без имен и личных местоимений.

«Любопытно, — размышлял он, — насколько человеческая раса в этом вопросе отличается от созданий, живших хотя бы в этом заброшенном далгонийском городе».

Даже в мирах, подобных его собственному, дело, в сущности, обстояло точно так же. Да, на его планете мужчины отращивали бороду и нормой был групповой секс, что потрясло бы людей, собравшихся в этой палатке. Его мир был основан группой нонконформистов, бежавших с одной из планет внешней спирали галактики, где господствовал технократический коммунизм. «Но, развиваясь, он стал таким же конформистским, как мир Варнетта, — усмехнулся Скандер. — Попади Варнетт на Калигристо, его высмеют и, возможно, даже линчуют. Ведь у него нет ни бороды, ни подходящей одежды, ни пола, чтобы

соответствовать тамошнему стилю жизни. Вы же не можете быть нонконформистом, если не одеты надлежащим образом!»

Его давно занимал вопрос: не содержится ли в глубинах человеческой психики тяга к трибализму? Люди обычно ведут войны не столько для защиты своего собственного образа жизни, сколько для навязывания его другим.

Вот почему многие миры походили на те, из которых прибыли эти юнцы, — там воевали ради распространения своей веры и обращения в эту веру покоренных. Но Конфедерация запретила войны, поддерживая существующее соотношение сил различных миров и защищая их статус-кво. Главы этих планет, заседавшие в Совете, постановили уничтожить любую планету, которая вступит на «опасный» путь, специальным оружием, управляемым варварами-психопатами, прошедшими специальную подготовку. Но это оружие устрашения не могло быть применено без согласия большинства членов Совета.

Это сработало. Войны прекратились.

Так удалось сплотить все человечество.

«И подобным же образом поступили марковiane, — подумал он. — Разумеется, размеры, а иногда также цвет и отделка их городов варьировались, но незначительно.

Кстати, что такое сказал этот мальчик, Варнетт? Что они, может быть, *намеренно* разрушили свою систему?»

Освобождаясь от последних частей скафандра, Скандер хмурился. Блестящие идеи, подобные этой, свидетельствовали о незаурядных творческих способностях, но представляли опасность для цивилизаций, аналогичных той, к которой принадлежал мальчик. Они воскрешали религиозные воззрения, которые

полностью исчезли, когда генетики занялись совершенствованием человека.

«Каким образом у него могла появиться такая странная идея? И почему его не схватили и не оставили?»

Скандер смотрел на обнаженные юные тела, пока его подопечные гуськом шли через туннель, направляясь к душам и в спальни.

«Так мыслят одни лишь варвары!»

Неужели Конфедерация догадывалась, чем он занимается на Далгонии? Неужели за невинным студентом, каким все считали Варнетта, прячется секретный агент? И что он пытается выведать?

Ему вдруг стало холодно, хотя температура в палатке не изменилась.

«Предположим, что все они существовали...»

Прошло три месяца. Скандер изучал электронную микрофотографию клетчатки, добытой две недели назад с помощью колонкового бурения.

На соседнем экране находилось изображение точно такого же образца, полученного во время прежних исследований, — та же самая изумительная клеточная структура, бесконечно более сложная, чем любая клетка человека или животного, и столь же бесконечно чужая. К тому же клетка имела гексагональную форму. Профессор часто размышлял над тем, почему даже их клетки были гексагональны, но так ни к чему и не пришел.

Он смотрел и смотрел на образец. Наконец дал максимальное увеличение и вставил в микроскоп специальные фильтры, усовершенствованием которых занимался все девять с лишним лет, проведенных на этой пустынной планете.

Неожиданно изображение на экране оживо. В клетке заметались крошечные искры и возникла микроскопическая электрическая буря. Как всегда, Скандера зачаровало зрелище, которое было дано видеть только ему одному.

Клетка оказалась живой.

Открытие это произошло совершенно случайно, вспоминал Скандер, три года назад. Какой-то беззаботный студент баловался с экраном, стараясь добиться каких-то интересных эффектов, и оставил его включенным. На следующий день Скандер выключил его, не заметив ничего необычного, затем ввел для очередного скучного просмотра рутинную программу обнаружения энергии.

Это была всего лишь мгновенная вспышка, но он заметил ее — и по собственной инициативе тайно стал разрабатывать систему специальных фильтров, с помощью которой можно было бы сфотографировать проявление этой загадочной энергии.

Он экспериментировал с классическими образцами других грунтов, в том числе даже с образцом, присланным ему на корабле с припасами. Все они были мертвы.

Но этот...

Значит, в глубине Далгонии, примерно в сорока километрах под ним, марковианский мозг по-прежнему жив.

— Что это такое, профессор? — раздался у него за спиной голос Варнетта. Скандер мгновенно выключил экран и в смятении обернулся.

Мальчишеское лицо студента, как всегда, выражало полнейшую невинность.

— Ничего особенного, — смущенно забормотал Скандер, понимая, что врать он совершенно не умеет. — Просто подключил развлекательную про-

грамму. Хотел посмотреть, на что похожи в клетке электрические заряды.

Варнетт не поверил.

— Это не похоже на развлекательную программу, — сказал он упрямо. — Если вы сделали важное открытие, вы обязаны сообщить об этом. Я считаю...

— Я же сказал, ничего особенного, — сердито перебил его Скандер и, с трудом взяв себя в руки, властно добавил: — Это все, гражданин Варнетт! А теперь оставьте меня.

Пожав плечами, Варнетт удалился.

Несколько минут Скандер сидел неподвижно. Его била дрожь, и прошло немало времени, прежде чем приступ миновал. Медленно, с тревогой на лице, он повернулся к микроскопу. Руки профессора так тряслись, что он чуть не выронил фильтр, пока укладывал его в крошечную коробочку, которую засунул в широкий пояс с инструментами и предметами личного обихода. Это была единственная одежда, которую они носили на базе.

Вернувшись в свою комнату в спальном отсеке, он лег на кровать и уставился в потолок.

«Варнетт, — думал он. — Опять Варнетт. Три месяца прошло с тех пор, как группа прибыла на базу, и все эти три месяца мальчишка сует свой нос решительно во все». Остальные в свободное от занятий время играли во всевозможные игры, вытворяли обычные студенческие глупости. Этот был не таков. Серьезный, необычайно усердный, без усталости читающий отчеты о выполненных проектах и прослушивающий старые записи.

Внезапно Скандер ощутил, как все это ему мешает. А заветная цель еще так далека!

Теперь Варнетт все знает. Только что он собственными глазами видел, что мозг Далгонии жив.

Мальчик достаточно умен, чтобы сделать следующий шаг — догадаться, что Скандер почти расшифровал код и что скоро, может быть, даже в следующем году, он окажется в состоянии отправить мозгу послание и восстановить его активность.

И станет богом.

Ему, возможно, суждено спасти человеческую расу с помощью тех самых инструментов, которые должны были уничтожить ее создателя.

Внезапно, подчиняясь какому-то внутреннему импульсу, Скандер вскочил и бросился бежать по коридору. Он словно всей кожей чувствовал надвигающуюся опасность. Ему казалось, что сейчас, в данную минуту, происходит нечто страшное, непоправимое...

Дверь в лабораторию была распахнута.

Варнетт сидел у включенного телевизора, рассматривая *четкое изображение* той самой клетки, которую исследовал Скандер, *со всеми ее энергетическими связями!*

Скандер остановился как вкопанный. Его рука скользнула к поясу, и дрожащие пальцы нащупали коробочку с фильтром. Да, все на месте.

Но как же тогда мальчишка получил это изображение?

Варнетт между тем занимался вычислениями, сверяясь с данными на втором экране, то и дело поворачиваясь к лабораторному компьютеру. Скандер стоял не *шедохнувшись* и отчетливо слышал, как студент что-то весело напевал себе под нос.

Скандер взглянул на хронометр. Девять часов! Прошло уже девять часов! Предаваясь мрачным размышлениям, он, оказывается, заснул, и мальчишка, воспользовавшись этим, беспрепятственно проник в лабораторию!

Но тут Варнетт, видимо, почувствовал, что за ним наблюдают. На мгновение он застыл, потом боязливо оглянулся.

— Профессор! — воскликнул он. — Как я рад, что это вы! Это изумительно! Почему вы об этом никому не сказали?

— Как... — Скандер запнулся и указал на экран. — Как вам удалось получить это изображение?

Варнетт улыбнулся.

— О, это оказалось проще простого. Вы забыли отключить память.

Скандер проклинал себя за глупость. Конечно же, компьютер записывает действие любого прибора. Внезапное появление Варнетта так потрясло его, что он забыл вырубить запись!

— Это только предварительные сведения, — нашелся наконец профессор. — Их нужно еще десять раз перепроверить.

— Но это же сенсация! — возбужденно воскликнул мальчик. — Вы так близко подошли к решению проблемы! Осталось совсем чуть-чуть. И эта задача как раз для вас, профессор. Ведь вы специализируетесь в области биологии и археологии?

— Совершенно верно, — подтвердил Скандер, пытаясь понять, куда может завести этот разговор. — Многие годы я занимался экзобиологией, а когда начал работать над проблемой марковиянского мозга, стал и археологом.

— Да, да, но вы еще и многогранный ученый. Мой же мир готовит узких специалистов в определенных отраслях науки с того момента, когда мозг только начинает формироваться. Мою специальность вы знаете.

— Математика, — сказал Скандер. — Мне помнится, что все математики вашего мира носят имя Варнетт в честь древнего математического гения.

— Верно, — заметил мальчик. — Поскольку меня создали на родильной фабрике, в мою голову впечатали все существующие в мире математические знания. Это продолжалось все время, пока я рос. К семи годам, когда мой мозг полностью сформировался, я знал всю известную нам математику — прикладную и теоретическую. И поскольку любую информацию можно передать в математической форме, я все рассматривал с математической точки зрения. Мой мир направил меня сюда, так как я был очарован незнакомой математической симметрией марковиданского мозга. Но тогда я еще ничего не знал об энергии межклеточного вещества, соединяющего отдельные части клетки.

— А что теперь? — спросил Скандер, против воли увлеченный его рассказом.

— Полная бессмыслица. Это бросает вызов математической логике, так как получается, что в математике нет ничего абсолютного! Ничего! Всякий раз, как я пытаюсь применить к этому образцу какую-нибудь математическую модель, получается, что дважды два равно вовсе не четырем, а некой странной относительной величине.

— И что это значит? — в замешательстве спросил Скандер.

Варнетт увлеченно продолжал:

— Это значит, что между материей и энергией существует прямая математическая зависимость. Что фактически ничего реального не существует, вообще ничего. Мы с вами, эта комната, эта планета, вся галактика, вся Вселенная — ничто из этого не является постоянным! Стоит вам чуточку поправить уравнение, описывающее любой предмет, изменить пропорции, как этот предмет превратится в нечто совсем иное. То есть получается, что любой предмет может превратиться во что угодно!

Он замолчал, увидев, что Скандер по-прежнему пребывает в полном недоумении.

— На самом деле я привел элементарный пример, — произнес Варнетт, придя в себя после внезапной вспышки. — Прежде всего, если сможете, представьте себе: во Вселенной существует ограниченное количество энергии, и это единственная мировая константа. По нашим меркам, это количество безгранично велико. Заметьте, эти утверждения ничуть не противоречат друг другу. Вы следите за моей мыслью?

Скандер кивнул.

— Значит, вы утверждаете, что не существует ничего, кроме чистой энергии? — спросил он.

— Более или менее, — согласился Варнетт. — Вся материя и связанная энергия, такая, как звезды, созданы этим потоком энергии. В нынешнем положении вас, меня, комнату, планету, на которой мы находимся, поддерживает состояние математического равновесия. Что-то — некое количество — находится в соответствии с каким-то иным количеством, и это формирует нас. И делает нас стабильными. Но если мне известна формула для Элкиноса Скандера или для Варнетта Математика Два шестьдесят один, то я могу изменить или даже прекратить наше существование. Изменены или уничтожены могут быть даже такие замечательные категории, как время и пространство. Если бы я знал вашу формулу, я мог бы, при одном условии, не только превратить вас, скажем, в стул, но и изменить все обстоятельства таким образом, чтобы вы навсегда остались стулом!

— Что это за условие? — робко спросил взволнованный Скандер, с удивлением понимая, что ответа он просто боится.

— Ну как же! Ведь необходим прибор, который перевел бы эту формулу в реальность. И способ, который позволил бы исполнить ваше желание.

— Марковианский мозг, — прошептал Скандер.

— Да. Но этот мозг — этот прибор, — по-видимому, пригоден только для местного употребления. Иначе говоря, он воздействует на эту планету, а может быть, на солнечную систему, в которой она находится, но не далее. Однако где-то должен существовать главный блок, который может воздействовать на половину, а возможно, и на всю галактику. Он *должен* существовать, поскольку все прочие пункты моей гипотезы справедливы.

— Почему должен? — спросил Скандер, испытывая неприятную тяжесть в желудке.

— Потому что мы стабильны, — ответил мальчик, и в его голосе было нечто такое, что внушало благоговение.

Воцарилась тишина, нарушаемая лишь слабыми звуками работающих лабораторных приборов.

— И вы нашли код? — спросил наконец Скандер.

— Полагаю, да. Хотя это противоречит моему глубокому убеждению, что эти уравнения корректны. И еще — знаете ли вы, почему эту энергию нельзя выявить обычными средствами?

Скандер отрицательно покачал головой, и математик продолжал:

— Это — сама первичная энергия. Да, кстати, тот фильтр у вас с собой?

Скандер нервно сглотнул и достал коробочку. Мальчик нетерпеливо схватил ее, но, вместо того чтобы вставить фильтр в микроскоп, подошел к внешней стене лаборатории. Он не спеша надел комбинезон, антирадиационные очки и велел Скандеру сделать то же самое. Плотнo закрыв дверь в лабораторию, он откинул полог, закрывающий окно, — окна на базе доставляли всем одни неудобства, но палатки были универсальны и имели массу ненужных приспособлений.

Перед ними открылся мрачный красноватый ландшафт, который Варнетт, крепко зажмурив один глаз, принялся внимательно изучать через крошечный фильтр. От изумления мальчишка раскрыл рот.

— Я был прав!

Профессор, забыв обо всем, выхватил у него из рук свое творение.

Над поверхностью планеты свирепствовала электрическая буря. Скандер не мог оторваться от этого зрелища.

— Марковианский мозг повсюду вокруг нас, — шептал Варнетт. — Он притягивает то, в чем нуждается, и отталкивает все лишнее. Если бы мы сумели войти с ним в контакт...

— То стали бы подобны богам, — закончил Скандер.

Он неохотно отнял от глаза фильтр и протянул его Варнетту. Тот снова вперился в ландшафт.

— Какую же вселенную вы намереваетесь создать, Варнетт? — прошептал Скандер, нащупывая под защитным комбинезоном нож и незаметно вытаскивая его. — Математически совершенный мир, где все будет абсолютно одинаковым и полностью уравновешенным?

— Спрячьте свою железку, Скандер, — сказал Варнетт, не отрывая взгляда от ландшафта. — Без меня вы абсолютно беспомощны, и если как следует подумаете, то поймете почему. Через какие-то несколько месяцев здесь найдут наши тела, и что это вам даст?

Несколько секунд Скандер колебался, затем нож скользнул обратно в пояс.

— Кто, черт побери, вы такой, Варнетт? — подозрительно спросил Скандер.

— Отклонение, — последовал ответ. — Иногда это случается. Обычно таких хватают, и дело с кон-

цом. Но со мной все обстоит иначе, по крайней мере пока. Впрочем, они это сделают, если я не сумею опередить их.

— Что вы имеете в виду под отклонениями? — неуверенно спросил Скандер.

— Я — человек, Скандер. Настоящий человек. И я тоже хочу стать богом.

Варнетту понадобилось всего семь часов, чтобы решить эту задачу математическим путем. Куда больше времени ушло на то, чтобы заставить марковианский мозг обратить внимание на их попытки войти в контакт. Скандер и Варнетт работали так напряженно, что прочие члены группы, в первую очередь ассистенты, заметили это и начали что-то подозревать. В конце концов было решено им открыться. Частично. Варнетт был уверен, что, вступив в контакт с марковианским мозгом, сумеет изложить свою версию событий, а у Скандера просто не было выбора. Пока они занимались в лаборатории, остальные прочесывали планету на небольших летательных аппаратах.

— Вам следует искать отдушину, вход, ворота, а может быть, храм или аналогичное сооружение, через которое можно вступить в непосредственный контакт с марковианским мозгом, — напутствовал их Скандер.

По мере того как продвигалась работа, он все больше предвкушал, как сообщит Конфедерации, что создание совершенного общества находится во власти человека.

И вот наконец в один прекрасный день, когда до прибытия следующего корабля оставалось всего два месяца, поиски увенчались успехом.

Джейнет и Данна, ассистент по исследовательской работе, глядя через сконструированные ими

большие фильтры, обнаружили, что на крошечном участке около северного полюса планеты нет электрической бури.

Пролетая над этим участком, они увидели под собой темную, глубокую расселину гексагональной формы. Не решившись исследовать ее самостоятельно, они сообщили о своем открытии остальным.

— Ничего не вижу, — пожаловался разочарованный Скандер. — Нет здесь никакой гексагональной расселины.

— Но она была! — возразила Джейнет, а Данна молча кивнула, подтверждая ее слова. — Она была именно здесь, почти точно на полюсе. Здесь! Я это докажу.

Под скептическими взглядами всей группы Джейнет перемотала пленку в кассете носовой камеры флаера.

— Смотрите! Что я вам говорила!

Сомнений быть не могло. Варнетт смотрел на экран, затем на панораму, разворачивавшуюся перед ними, затем снова на экран. Точно, раньше тут находилась гексагональная расселина, ширина которой в поперечнике составляла почти два километра. Ориентиры совпадали — это было то самое место.

Но сейчас внизу была видна только голая плоская равнина.

Они ждали почти весь день. Внезапно часть равнины словно исчезла, и расселина появилась снова.

Они сфотографировали ее и проделали всевозможные анализы.

— Давайте сбросим что-нибудь в нее, — предложил наконец Варнетт.

Они нашли запасной скафандр и, зависнув над пропастью, сбросили его вниз.

Скафандр ударился о расселину. «Ударился» было единственным словом, которое казалось уместным в

данной ситуации. Скафандр «стукнулся» о верхнюю часть пустоты и прилип там, вовсе и не собираясь падать. Мгновение он висел, а затем прямо на глазах стал постепенно исчезать.

Через несколько минут исчезла и сама расселина.

— Сорок шесть стандартных минут, — сказал Варнетт. — Держу пари, что завтра щель откроется в это же самое время.

— Но куда исчез скафандр? Почему он не падал? — спросила Джейнет.

— Вспомните про мощь этой штуки, — сказал ей Скандер. — Если вам надо добраться до мозга, нет необходимости спускаться на сорок с лишним километров. Следует просто вовремя прибыть на это место.

— Верно, — подтвердил Варнетт. — Стоит лишь изменить уравнение, и вы окажетесь «там», а не «здесь».

— Но где это «там»? — спросила Джейнет.

— В центре управления марковиданского мозга, — ответил Скандер. — Он должен существовать — точно так же на космическом корабле имеются две рубки. Вторая — для непредвиденных случаев. «Или для обитателей вашей планеты мужского и женского пола», — чуть не произнес он вслух.

— Нам лучше вернуться в лагерь и занести полученную информацию в наш банк данных, — предложил Варнетт. — Щель открывается и закрывается регулярно. Поэтому мы можем спокойно отложить на завтра то, что хотели сделать сегодня.

Возражений не было — все вокруг одновременно почувствовали, что невероятно устали.

— Кто-то должен остаться, — сказал Скандер, — чтобы наблюдать за этой штукой и следить, чтобы работала камера.

— Я останусь, — вызвался Варнетт. — Спать я буду в этом флаере, а вы улетите на двух остальных.

Если что-нибудь случится, я вам сообщу. А завтра меня кто-нибудь сменит.

Все немедленно согласились и, оставив Варнетта одного, вылетели в базовый лагерь.

Большинство тут же улеглись спать, лишь Скандер и Данна потратили некоторое время на то, чтобы ввести свои записи в банк данных. Вскоре и они разошлись по своим комнатам.

Скандер сидел на краю койки, слишком возбужденный, чтобы ощущать усталость.

«Я обязан пойти на эту авантюру, — думал он. — Иначе придется рассказывать о входе в мозг. Через какие-то пятьдесят дней эту команду увезут, и они отправятся по домам выбалтывать тайну. Тогда все узнают об этом, и государственные деятели Конфедерации обретут неслыханную власть».

Разве подобное уже не произошло с марковианами? Разве не создали они социальный рай, который привел их к стагнации и гибели?

«Нет! — сказал он себе. — Не для них! Я либо погибну, либо спасу человечество».

Профессор бросился в лабораторию и стер из банка данных только что внесенную в него информацию. После этого вывел из строя все рабочие приборы, с тем чтобы никто никогда даже частично не смог восстановить полученные им результаты. Затем двинулся в центр управления, контролировавший температуру и давление в палатках. Медленно, методично он отключил одну за другой все системы, кроме той, что регулировала подачу кислорода. Ему пришлось ждать целый час, пока приборы не показали, что атмосфера во всех палатках почти целиком состоит из кислорода.

Сделав это, он бесшумно направился в воздушный шлюз. Нервничая при мысли о том, что кто-нибудь из спящих может проснуться и случайно высечь

искру, он надел свой скафандр, а остальные вынес наружу.

Затем он влез в один из флаеров и вынул из аварийного комплекта ракетницу. Прокол, сделанный таким образом, мог автоматически затянуться в течение нескольких секунд, но не в том случае, когда внутри жилых помещений взрывается кислород.

Палатки вспыхнули, точно бумага.

Через несколько минут на месте лагеря виднелись лишь гряда искореженного металла и семь обуглившихся тел, которые так и остались лежать на кроватях.

«Семерых уже нет, а мне надо торопиться», — подумал Скандер, не испытывая ни малейших угрызений совести.

Его флаер поднялся в воздух и взял курс на северный полюс. Взглянув на хронометр, Скандер подсчитал, что путь к лагерю занял девять часов, на работу в лагере ушло три часа и еще девять часов потребуется, чтобы достичь полюса. До открытия щели останется один час.

Для Варнетта времени хватит.

Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем он добрался до места, но хронометр засвидетельствовал, что полет занял немногим более девяти часов.

Всматриваясь в темноту, Скандер наконец разглядел крошечное белое пятнышко в центре равнины.

«Мальчишка! Он хочет войти туда первым!»

Заметив какое-то движение, Варнетт посмотрел вверх и кинулся бежать.

Скандер бросил свой флаер вниз, за ним, и промчался над землей так низко, что чуть не разбился. Варнетт увернулся, оставшись невредимым.

Выругав себя за неловкость, Скандер решил переменить тактику. У него оставались нож и ракетница. Выстрелом из ракетницы скафандр не пробьешь, но

ослепить Варнетта ему удастся. Скандер не принадлежал к числу крупных мужчин, но все же был на голову выше мальчика; это преимущество профессор также учитывал.

Приземлившись возле флаера Варнетта, он быстро вылез и, держа ракетницу наготове, осторожно огляделся по сторонам.

В эту минуту с другого флаера спрыгнула белая фигура и ударила его в спину.

Два человека, сцепившись, покатались по каменистой земле. Скандер был крупнее, но намного старше и физически слабее Варнетта. И все же ему удалось сильным толчком отбросить мальчика в сторону и кинуться на него с ножом. Варнетт подпустил профессора вплотную, а когда Скандер попытался нанести удар, обхватил обеими руками его запястье. Они боролись, тяжело дыша в своих скафандрах, пока Скандер старался дожать нож до конца.

Белые фигуры застыли в этой живописной позе, когда под ногами у них разверзлась бездна.

Оба мгновенно оказались внутри.

И исчезли.

ДРУГОЙ СЕКТОР ПРОСТРАНСТВА

Войдя в капитанскую рубку грузового корабля «Стеекин», Натан Бразил тут же развалился в мягком глубоком кресле. Корабль находился в девяти днях полета от Рая, имея на борту груз зерна, предназначенный для пострадавшего от засухи Кориолана, и троих пассажиров. Для подобных рейсов пассажиры были обычным явлением — путешествие на грузовике стоило значительно дешевле и выходило намного удобнее, если вы спешили. Ограничений на полеты грузовыми кораблями практически не существовало.

Экипаж «Стеекина» состоял из одного Бразила. Такие корабли действовали в автоматическом режиме, и капитан находился здесь, как говорится, на всякий случай. Пища для всех была приготовлена еще до отлета и погружена в автоматическую кухню. Крошечная кают-компания использовалась лишь в тех случаях, когда кому-нибудь надоел tête-à-tête с тарелками в своей каюте или взбрело в голову пообедать с капитаном.

В сущности, пассажиры презирали Бразила сильнее, чем он их. Войдя в тот возраст, когда люди обычно становятся крайними конформистами, подобные На-

тану Бразилу оставались диссидентами, одиночками, не желавшими приспособливаться. Прибывая большей частью из пограничных варварских миров, они соглашались на работу, подразумевавшую временное одиночество, и могли неделями не общаться с себе подобными. Большинство социологов именовали их социопатами, считая людьми, чуждыми обществу.

Бразилу нравились нормальные люди, а созданий фабричной выделки он на дух не переносил. Большую часть времени он проводил в своих владениях, любясь на звезды, появляющиеся на огромном трехмерном экране, и размышляя о том, почему общество чуждается его.

Роста он был небольшого, около ста семидесяти сантиметров, смуглый, худой, изящный. У него были большие карие глаза, римский нос и широкий насмешливый рот, полный зубов. Его темные волосы, вечно свисавшие сальными прядями, достигали плеч, а тонкие усики и маленькая бородка выглядели так, словно кто-то попытался вырастить щетку, но не довел дело до конца. В одежде он предпочитал свободный покрой, поэтому и зимой, и летом носил широкую, вызывающе яркую блузу, такие же штаны и любимые блекло-зеленые сандалии.

Он знал, что до смерти напугал пассажиров, и очень гордился собой. К несчастью, эти овцы будут находиться на борту еще тридцать дней, и рано или поздно скука и клаустрофобия заставят их забрести на его территорию.

«Черт возьми, — думал Бразил, — может быть, мне самому согнать их вместе? Они давно не собирались в этом маленьком стойле на корме».

Протянув руку, он шелкнул тумблером.

— Капитан, — произнес он нараспев и несколько саркастическим тоном, — просит позволения на-

сладиться вашим обществом сегодня за обедом. Жду через тридцать минут в кают-компании. Если идти не захочется, не переживайте. Я не обижусь, — закончил он и, посмеиваясь, выключил переговорное устройство.

«Зачем я это делаю? — подумал он, наверное, уже в тысячный раз. — Девять дней я всячески гонял их, изводил и третировал, как только мог. А теперь, став общительным, я злюсь на себя».

Вздохнув, он включил аппарат для автоматического подогрева пищи. Теперь они или явятся, или умрут с голоду. Лениво почесавшись, Бразил подумал, а не принять ли ему перед обедом душ. «Нет, лишний раз мочиться не хочется, — решил он. — Лучше воспользуюсь деодорантом».

Он взял в руки книгу, которую изучил вдоль и поперек; — кровавый приключенческий роман о какой-то далекой планете, изданный несколько веков назад. Этот экземпляр в факсимильном виде удивленный и обрадованный библиотекарь изготовил специально для него.

Библиотекарей Бразил называл своими секретными агентами, так как принадлежал к весьма узкому кругу людей, вообще читающих книги. Библиотеки обычно имелись на планетах в единственном числе, и посетителей у них практически не было. «Никто больше не пишет книг, — думал Бразил, — даже такое чтиво. Впрочем, это неудивительно. Любую нужную информацию можно получить от компьютерного терминала, стоящего в каждом доме; причем громадное большинство компьютеров обладают еще и даром речи и отвечают на вопросы вслух. Так что чтением утруждают себя одни технократы».

А еще варвары и люди, сбившиеся с пути.

И библиотекари.

Все остальные могут просто щелкнуть выключателем и получить обладающее цветом, вкусом и запахом трехмерное порождение своей собственной фантазии или то, что создано командой профессиональных фантастов, отобранных правительством.

«Чертовски тупое дерьмо, — вздохнул про себя Бразил. — Их даже воспитывали так, чтобы они были на чисто лишены воображения. Тех, кто случайно обладал им, лечили — слишком опасно позволять людям мыслить, особенно не так, как угодно властям».

Интересно, умеет ли кто-нибудь из его пассажиров читать. «Может, Кабан, — так он мысленно окрестил Датама Хаина, весьма напоминавшего это животное, — но этот, вероятно, дальше материалов по товароведению и прочего подобного дерьма не пошел. Впрочем, судя по физиономии, какое-нибудь «Руководство по повешению людей двадцатью различными способами» наверняка доставило бы ему огромное удовольствие».

Девушку, которая летела вместе с ним, оценить было намного труднее. Как и Хаин, она явно происходила из мира, обходящегося без родильных фабрик. Ей было лет двадцать, и, если бы не изнуренный вид, она выглядела бы весьма привлекательной. Не то чтобы хорошо сложенной или красивой, но симпатичной. Однако у нее был пустой стеклянный взгляд, и она подчеркнуто рабски прислуживала этому толстяку. Ву Чжули — вспомнил Бразил ее имя, указанное в списке пассажиров. Чжули Ву? — билось где-то в уголке его мозга. Вот оно, опять! Черт побери! Он попытался докопаться до источника мелькнувшей у него мысли, но тщетно.

Она похожа на китайнку, подсказал уголок памяти, но мысль снова ускользнула.

Китайка. Много лет назад это слово что-то означало. Но откуда он об этом знает? И почему не может вспомнить? «Черт возьми, в те дни почти все люди имели такие характеристики», — подумал Бразил и успокоился.

Третьего пассажира можно было отнести к категории роботов обыкновенных, если не считать, что Бразилу еще не приходилось видеть автомат, вечно остающийся двенадцатилетним. Всех их воспитывали одинаково, в одних и тех же условиях, и они одинаково выглядели, думали и верили, что их миры — самые лучшие из всех возможных и путешествовать нет никакого смысла. Но Вардия Дипло 1261 находилась на самой нижней ступени социальной лестницы. Она выполняла функции курьера, перевозившего почту между своим миром и еще одним гнездом роботов, расположенным далее по этой линии. Все свое свободное время она посвящала физическим упражнениям.

Звон крошечного колокольчика, прервав его размышления, известил о том, что обед готов. Бразил встал и неторопливо направился в кают-компанию.

Большую часть этой комнаты — никто не знал, почему ее называли именно кают-компанией, — занимали огромный стол, привинченный к полу, и несколько стульев, которые оставались деталями пола до тех пор, пока вы не наступали на маленькое не приметное кольцо, после чего они поднимались, превращаясь в удобные сиденья. Все помещение — стены, пол, потолок, даже поверхность стола — было облицовано молочно-белым пластиком. Цветовое однообразие нарушали маленькие настенные декоративные тарелки, на которых красовались название корабля, его конструктивные данные, имя владельца, полномочия, предоставленные ему Конфедерацией, а также капитанская лицензия.

Бразил вошел в кают-компанию, наполовину уверенный, что там никого нет, и был удивлен, увидев, что обе женщины уже заняли свои места. Толстяк, стоя у стены, внимательно изучал его капитанскую лицензию.

На Хаине была легкая синяя тога, делавшая его похожим на Нерона. Ву Чжули оделась точно так же, но на ней тога сидела куда лучше. Обитательница комм-мира, Вардия, предпочла простое черное платье, сооруженное из целикового куска материи. Бразил отметил, что Ву Чжули, уставившаяся прямо перед собой, по-видимому, находится в трансе.

Хаин закончил чтение надписей на настенных табличках и повернулся к своему стулу возле Ву Чжули; его жирное лицо выражало неодобрение.

— Что-нибудь с моей лицензией? — соболезнующе осведомился Бразил.

— Этот бланк, — осторожно ответил Хаин с явной тревогой в голосе. — Он такой старый! На моей памяти подобными бланками никогда не пользовались.

Капитан, улыбнувшись, нажал кнопку под своим стулом. Наверху распахнулись пищевые отсеки, и перед каждым участником обеда возникла тарелка с дымящейся едой. В круге, открывшемся в середине стола, появились большая бутылка и четыре стакана.

— Я получил ее давным-давно, — сказал Бразил, наливая себе безалкогольное вино.

— Вы делали омоложение, капитан? — учтиво спросил Хаин.

Бразил кивнул.

— Несколько раз. Капитаны грузовых кораблей любят такие штуки.

— Но ведь это очень дорого, если вы не обладаете влиянием в Совете, — заметил Хаин.

— Верно, — согласился Бразил, жуя синтетическое мясо. — Но нам хорошо платят, а в порту мы проводим лишь несколько дней. Капитаны еле успевают проматывать свое жалование.

— Но взгляните на дату! — вмешалась Вардия. — Лицензия очень-очень старая! Гражданин Хаин сказал, что ей триста шестьдесят два стандартных года!

Бразил пожал плечами:

— В этом нет ничего необычного. Один мой коллега, работающий на этой же линии, получил свою лицензию пятьсот лет назад.

— Да, — сказал Хаин, — но на лицензии стоит штамп — «Третье обновление». Сколько же вам все-таки?

Бразил снова пожал плечами.

— Честно говоря, не помню. Человеческий мозг обладает ограниченной емкостью, так что при каждом обновлении стирается некоторая часть прошлого. Время от времени ко мне возвращаются какие-то обрывочные воспоминания, но удержать я ничего не могу. Может быть, мне шестьсот лет, а может, и все шесть тысяч, хотя в последнем я сомневаюсь.

— И вы никогда не пробовали это выяснить? — удивленно спросил Хаин.

— Нет, — промычал Бразил с набитым ртом. Минуту он энергично работал челюстями, затем сделал хороший глоток вина.

— Мерзкое пойло, — фыркнул он, ставя стакан на стол, и тут же вспомнил, что разговор оборван на полуслове. — Разумеется, все это меня удивляло, но записи такого рода имеют дурацкую привычку теряться. Я пережил слишком многих бюрократов. К счастью, меня волнует только настоящее и будущее.

Хаин уже кончил есть и похлопал себя по объемистому животу.

— Мое первое обновление должно произойти через год или два, — сказал он. — Мне почти девяносто, и боюсь, что последние несколько лет я слишком пренебрегал здоровьем.

В продолжение этого незамысловатого разговора Бразил смотрел на Ву Чжули, сидевшую рядом с Хаином. Она не обращала никакого внимания на беседу и едва прикоснулась к еде.

— Ну что ж, — сказал Бразил, сдерживая любопытство, которое возбудила в нем эта странная девушка, — факты из моей биографии украшают эти стены, про гражданку Вардию мне все ясно, а что заставляет вас мотаться по солнечным системам, Хаин?

— Я торговец, капитан, — ответил толстяк. — А на всех планетах в числе товаров, которые там производятся, обязательно найдется что-нибудь особенное, единственное в своем роде. Нужно только как следует поискать. Это первая причина. Кроме того, то, что для одной планеты — излишек, для другой — жизненная необходимость. Вот я и устраиваю такие сделки. И это вторая причина

— А как насчет вас, гражданка Ву Чжули? — сменил тему Бразил. — Вы его секретарь?

Девушка неожиданно смутилась. «В ее глазах промелькнул настоящий страх», — сказал себе Бразил. Она повернулась к Хаину, словно умоляя о помощи.

— Моя... э... племянница, капитан, очень застенчива, — вкрадчиво сказал Хаин. — Она предпочитает быть незаметной. Ведь правда же, дорогая, ты всегда предпочитаешь оставаться в тени?

— Я всегда предпочитаю оставаться в тени, — эхом отозвалась Ву Чжули монотонно, как машина. Казалось, она не понимает смысл слов, которые произносит.

— Простите! — Бразил поднял руки в знак смирения.

«Забавная подобралась компания, — сказал он себе. — Продукт родильной фабрики разговорчив и даже любознателен, а настоящая девушка ведет себя как робот». Он вспомнил о двух девицах, с которыми познакомился еще в стародавние времена. Первую все считали сексуальной красоткой, и мужчины начинали томиться от вожделения после первого же взгляда на нее. Другая была мужеподобной уродиной с хриплым голосом и замашками водителя автокара. Однако секс-бомба предпочитала женщин, а мужеподобная была божественна в постели.

«Господи, как же все-таки обманчива внешность», — сделал он мрачный вывод.

Тишину нарушила Вардия. В конце концов, се ведь готовили к дипломатической службе.

— Мне кажется, это прелестно, что вы так стары, капитан, — сказала она весело. — Вдруг вы вообще старше всех живущих. Моя раса, разумеется, не знает омоложения, в нем нет нужды.

«Конечно, нет, — с грустью подумал Бразил. — Питомцы родильных фабрик не стареют, они всю жизнь остаются шестнадцатилетними юнцами. Эти консервы копошатся в своем муравейнике положенные им восемьдесят лет, а затем спокойно являются на местную смертную фабрику, чтобы быть переработанными в удобрение. Муравейник? — Он сам удивился этой мысли. — Кто же тогда, черт возьми, муравьи?»

Вслух же он заметил:

— Ну, старый я или нет, сказать не могу, но радости от этого мало, если не иметь такой работы, как у меня. А живу я так долго, наверное, потому, что в моем организме выработался некий иммунитет против смерти.

Лицо Вардии просияло. Вот *это* она могла понять.

— Интересно, что это за мир, который нуждается в таком императиве выживания? — задумчиво произнесла она, показав остальным, что ровным счетом ничего не поняла.

— Навсегда ушедший, — сухо отрезал Бразил.

— Думаю, нам следует вернуться в свои каюты, капитан, — вмешался Хаин, вставая и потягиваясь. — По правде говоря, единственная вещь, которая утомляет больше работы, — это безделье.

Ву Чжули немедленно вскочила, и они вместе вышли из кают-компаний.

— Я тоже, пожалуй, пойду, капитан, — сказала Вардия, — но мне бы хотелось как-нибудь поговорить с вами еще и, если возможно, побывать в рубке.

— Милости прошу, — ответил Бразил сердечно. — Я всегда буду рад компании. Может быть, завтра пообедаем вместе, а потом я покажу вам, как управляется этот корабль.

— С удовольствием, — согласилась девушка, и ему почудилось, что ее плоское лицо стало чуточку человечнее. Бразил попытался вычислить соотношение искренности и дипломатии в этом ответе, но махнул рукой. «Вряд ли мне когда-либо удастся узнать, что происходит в мозгу этих насекомых, — подумал он. — Ладно, в данном случае это ничего не меняет, я покажу ей схему управления кораблем, и она, наверное, будет в восторге».

Оставшись в кают-компаний один, Бразил внимательно оглядел стол.

Так и есть — тарелка Ву Чжули осталась почти нетронутой. Девушка лишь притворялась, что ест.

«Неудивительно, что бедняжка так истощена физически, — подумал он. — Но почему и умственно? Конечно, она не племянница Хаина, что бы он там ни болтал. Секретарь — тоже вряд ли».

В чем же тогда дело?

Бразил нажал кнопку и вернул стулья в прежнее положение. Затем возвратился в рубку.

Капитаны олицетворяли в космосе закон. Поэтому на всех линиях все корабли были оборудованы охранными системами и разными хитроумными устройствами, известными только самим капитанам.

Бразил уселся в кресло и взглянул на экран, который передавал все ту же звездную панораму. Она выглядела очень реалистично, но на деле изображение создавалось компьютером. Переход Балла — Друббика, сделавший возможным полеты со сверхзвуковой скоростью, был по природе своей внепространственным. За пределами энергетического колодца, в котором мчался корабль, не было ничего, что можно было бы передать в терминах, понятных человеку.

Капитан набрал на клавиатуре компьютера: «Подозреваю незаконную деятельность. Проверить каюту 6 на левом экране и каюту 7 на правом экране». На компьютере загорелся желтый огонек в знак того, что личный код капитана удостоверен; затем на месте искусственной звездной панорамы бок о бок появились изображения двух кают.

Тот факт, что во всех каютах имелись скрытые видеокамеры, был тщательно охраняемой тайной, и когда несколько любопытных случайно узнали о существовании следящих устройств, их память по приказу правительства Конфедерации была подвергнута чистке. Подобными методами удалось выследить многих безумцев и преступников. Бразил знал, что портовые власти планет, входящих в состав Конфедерации, просматривают записи и потребуют от него подробный отчет. В общем, делать это было нелегко.

Хаина на месте не оказалось, но он быстро нашелся в каюте, которую занимала Ву Чжули. У менее

опытного и менее пресыщенного человека представшая перед глазами Бразила картина вызвала бы отвращение.

Хаин стоял возле запертой двери совершенно голый. Ву Чжули также была обнажена, ее лицо выражало животный ужас.

Бразил усилил звук.

— Начинай, Чжули, — приказал Хаин, его голос выдавал крайнее возбуждение. Было абсолютно ясно, что он имеет в виду.

Девушка в страхе отшатнулась.

— Пожалуйста! Пожалуйста, хозяин! — Она была в состоянии истерики, которое искусно скрывала на людях.

— Когда ты это сделаешь, Чжули, — тихо, но настойчиво произнес Хаин. — Только тогда.

Она выполнила то, что он требовал.

Менее опытные и менее пресыщенные люди отвернулись бы от этого зрелища.

Бразила оно возбудило.

Закончив, Ву Чжули продолжала молить толстяка, чтобы он дал ей *это*. Бразил терпеливо ждал, уже догадываясь, что она имеет в виду. Ему оставалось узнать, где у торговца тайник.

Хаин приказал девушке ждать и накинул на себя тогу. Отперев дверь, он осторожно выглянул в коридор и, убедившись, что никого нет, кинулся к своей двери. Невидимый наблюдатель перевел взгляд на изображение каюты 6.

Войдя внутрь, Хаин вытащил из-под ванны плоский чемоданчик. Бразил заметил секретные замки — пять небольших квадратиков были запрограммированы на отпечатки пальцев. Комбинацию он не видел, но она бы ровным счетом ничего не дала: без прикосновения пальцев хозяина все содержимое чемоданчика растворилось бы в кислоте.

Хаин открыл крышку. Показалось что-то вроде шкатулки для драгоценностей и косметики, занимающее весь внутренний объем чемоданчика.

После того как операция с отпечатками пальцев повторилась — на этот раз через тонкую пластиковую пластинку, за которой скрывалось еще одно предохранительное устройство, — шкатулка освободилась, и у Бразила создалось впечатление, что она плавает в какой-то жидкости. Толстяк вынул ее из чемоданчика.

Только тут Бразил обратил внимание на то, что руки Хаина обтягивают тонкие прозрачные перчатки и, очевидно, торговец надел их еще до того как явиться к Чжули.

Толстяк сунул руку в шкатулку и выудил оттуда крошечный скользкий предмет, с которого стекала вода. Подозрения Бразила подтвердились.

Датам Хаин был торговцем губками.

Губки считались контрабандным товаром и росли в далеком морском мире, ныне отлученном от Конфедерации.

Бразил вспомнил историю прелестной планеты, большую часть которой занимал океан, усеянный миллионами островов, связанных между собой сетью отмелей. Тропический климат, за исключением приполюсных районов. Она казалась раем, и, судя по материалам проверки, там не нашли ничего такого, что могло бы причинить вред человеческой расе. В соответствии с правилами на двух самых крупных островах основали экспериментальную колонию в составе двухсот — трехсот человек.

Как всегда в таких случаях, добровольцами стали представители человечества, сохранившие психологию первых переселенцев, основной задачей которых было выживание. Если все протекало благополучно, они становились хозяевами нового мира — чтобы

развивать его или попросту делать с ним все, что за-
благорассудится. Главная причина необходимости
такого эксперимента состояла в том, что приборы,
созданные человеком, анализировали факты или уже
известные, или хотя бы теоретически возможные, но
они не могли распознать угрозу настолько чуждую,
что ее вообще нельзя было вообразить.

Итак, колонисты поселились на этих островах и
благополучно прожили на них целый месяц. Они
жили, любили, веселились и строили.

А затем начали сходить с ума. Здоровые, казалось
бы, люди регрессировали на глазах и постепенно пре-
вратились в животных. Они стали похожи на диких
обезьян, лишившись даже рудиментарных остатков
умения рассуждать. В конце концов они погибли из-
за неспособности добыть себе пропитание. Большин-
ство утонуло; некоторые поубивали друг друга.

И из их тел в неслыханном изобилии выросли чу-
десные цветы.

Ученые предположили, что некие простейшие
природные организмы, построенные на основе окис-
лов железа, покрывающих скалы на этих прелест-
ных островах, через воздух вступили во взаимодей-
ствие с синтетической пищей, которая должна была
выручать переселенцев до тех пор, пока они не ра-
зовьют собственное сельское хозяйство. Люди ели ее,
а она пожирала их.

Но один человек пережил всех. Это была женщи-
на, которая спряталась среди гигантской колонии
губок, расположенной вдоль скалистого берега. О,
она тоже умерла, но чуть ли не тремя неделями позже
остальных, когда перестала каждый вечер возвра-
щаться в колонию губок, чтобы провести там ночь.

Естественная секреция губок действовала не как
противоядие, а как замедлитель болезни. До тех пор

пока жертва ежедневно поглощала эту секрецию, мутантное воздействие было, по-видимому, неощутимо. Но стоило лишь отказаться от приема этого вещества, и процесс деградации возобновлялся. Ученые взяли с собой несколько проб субстанции, осуществляющей мутантное воздействие, и образцы губок, чтобы исследовать их в своих лабораториях на далеких планетах. Они считали, что впоследствии весь этот материал будет уничтожен. Но произошла утечка. Кое-что попало в руки отъявленных негодяев, и они развернули выращивание губок в неизведанных мирах.

Это был идеальный товар.

Стоило тайно внести мутантное вещество в пищу, и человек заболел. Когда возникали симптомы заболевания и все оказывалось сбито с толку, появлялся торговец. Он снимал боль и возвращал пациента в нормальное состояние, давая ему кусочек губки — так, как это только что сделал Хаин.

Конфедерация не желала помогать больным. Она лишь сохранила колонию в том запретном мире для отчаявшихся, для тех, кто был готов вести чрезвычайно примитивную жизнь и проводить все ночи в ванне из губок. Если, конечно, жертву доставляли туда до того, как болезнь заходила слишком далеко.

Торговцы губками выбирали самых богатых и могущественных людей или их детей, если в данном мире существовали семьи. О плате за ежедневную доставку губок не было и речи, о нет. Вы просто выполняли то, о чем вас просили, когда наступало время просить.

Существовало подозрение, что заложниками этого снадобья стали многие правители Конфедерации и что именно поэтому серьезные исследования для поисков противоядия или лекарства все еще не начинались.

Дело в том, что главной целью торговцев губками была власть.

Натану Бразилу очень хотелось узнать, кто же такая Ву Чжули. Дочь какой-нибудь важной персоны — правителя, банкира, промышленника? А может быть, ее отец — глава карательных органов Конфедерации? Скорее всего она представляла собой демонстрационный экземпляр. И никакого риска разоблачения — девушка, несомненно, была покорной рабыней Хаина. Толстяк позволил болезни развиваться в ее организме до самой критической точки, за которой она начинает бурно прогрессировать. Да, Ву Чжули — человек, но с наполовину уменьшившимся коэффициентом умственного развития, постоянно испытывающий умеренную боль, которая начинает усиливаться, когда воздействие содержащегося в губке антитоксина ослабевало. Эффективная демонстрация, которая освобождала торговца от необходимости заражать невинного человека и предоставляла событиям развиваться естественным путем. Так делалось, когда к этому вынуждали обстоятельства, но вести подобную игру долгое время было опасно, особенно если агентам Конфедерации становилось известно, что торговец действует в открытую.

Бразила удивляло, что девушка не покончила с собой. Он бы поступил именно так. Видимо, к тому времени, когда жертва начинала догадываться, что это — единственный выход, она уже полностью утрачивала волю.

Капитан снова взглянул на экраны. Хаин спрятал чемоданчик и готовился отойти ко сну. Умно устроен этот чемоданчик, подумал капитан. Губка великолепно прессуется и нуждается лишь в смачивании морской водой. Она даже растет там. По мере изъятия образцов их место занимают новые. Вот почему жер-

тве всегда давали самый необходимый минимум: стоило завладеть достаточным количеством, и вы сами могли выращивать губки.

Ву Чжули разметавшись лежала на кровати, на ее лице застыла идиотская улыбка.

Кусочек губки, дающий облегчение и на завтрашний день, проглочен, тело уничтожило все улики.

Натан Бразил почувствовал тошноту.

«Кем ты была, Ву Чжули, до того как Датам Хаин накормил тебя этой дрянью? — размышлял он. — Студенткой, школьницей, а может быть, профессионалом, таким, как Вардия? Балованным ребенком? Пропавший человек», — с грустью подумал он.

Записи полностью разоблачат Датама Хаина, и синдикат торговцев губками приговорит его к смертной казни. Скорее всего он подвергнется психологическому давлению и добровольно уйдет из жизни.

Но что будет с Ву Чжули? Потребуется восемнадцать дней, прежде чем они попадут в колонию на этой проклятой планете, а девушка приближается к стадии экспоненциального репродуктивного роста или уже находится в ней.

Без губки она превратится в безмозглое существо, бессильное что-либо сделать со своей нервной системой, которая заставит ее все время бродить, подобно животному. А через день или два ее мозг будет сожран, и девушка погибнет.

И никто не станет беспокоиться. Ее тело отправят на ближайшую фабрику смерти и сделают из него что-нибудь полезное.

О Натане Бразиле говорили, что он тяжелый человек: опытный, умелый и холодный как лед, не испытывающий никаких чувств ни к кому, кроме себя самого.

И этот бездушный человек плакал один, в темной рубке своего могучего корабля.

Ни Хаин, ни Ву Чжули не являлись больше к обеду, хотя Бразил часто видел толстяка и постоянно слышал от него уверения в искренней дружбе. Торговец губками и вправду мог быть очень приятным собеседником, когда, удобно устроившись в общей гостиной, со стаканом подогретого вина, рассказывал о своей юности. Скоро выяснилось, что он даже очень неплохо играет в карты.

Вардия, естественно, всегда решительно отказывалась составить им компанию; эти вещи были выше ее разума. Единственной практической целью игр, по ее мнению, являлось развитие физической силы или умственных способностей. Идея игры на деньги была ей еще менее понятна: ее народ печатал их лишь для межпланетной торговли. Правительство обеспечивало жителей всем необходимым, так к чему же пытаться получить что-нибудь еще?

Бразила ее логика, как всегда, заводила в тупик. Всю свою жизнь он обязательно с кем-нибудь соревновался. Он был твердо убежден в своей уникальности и превосходстве над многими, хотя иногда его посещала мысль, что Вселенная просто не в состоянии оценить по достоинству такую личность. Но Вардия оставалась любознательной и продолжала задавать вопросы.

— Несколько дней назад вы обещали показать мне рубку, — напомнила она однажды.

— Верно, — согласился он. — Что ж, сейчас время подходящее. Почему бы нам не отправиться немедленно?

Выйдя из гостиной, расположенной на корме, они прошли по узкому мостику над грузовой палубой.

— Я не собираюсь совать нос в чужие дела, Вардия, — сказал Бразил, — но удовлетворите мое любопытство: ваша миссия так уж жизненно важна?

— Вы имеете в виду вопросы войны и мира или что-нибудь другое в этом роде? — уточнила Вардия. — Нет, ничего похожего. По правде говоря, я ничего не знаю о послании, которое везу. Оно записано в моей памяти и заблокировано, а ключ хранится в нашем посольстве на Кориолане. После того, как я расскажу все то, что, видимо, должна передать, эта информация будет стерта. Но по тону и по выражению лица, передающего послание, я обычно могу определить, серьезно оно или нет. Нынешнее — явно нет.

«Очевидно, что-то, связанное с грузом», — подумал Бразил, когда они прошли через кают-компанию и оказались на другом, более коротком мостике. Здесь чувствовалась пульсация расположенных внизу огромных машин, поддерживающих вокруг корабля силовое поле, отделяющее его от реальной Вселенной.

— Вы не знаете, как обстоят дела на Кориолане? — спросил он.

Вардия пожала плечами:

— Пока терпимо. Голод начнется через несколько месяцев, когда засуха погубит последний урожай. Тогда и понадобится этот груз. Почему вы спрашиваете?

— Из любопытства, — ответил Бразил, но голос его был необычно серьезным.

Они вошли в рубку.

Вардия сразу же кинулась осматривать приборы. «Что это такое?», «Как это действует?» и еще целая куча вопросов посыпалась из нее градом. Он отвечал как умел.

Компьютер ее восхитил.

— Я никогда не видела механизм, которому надо писать и читать, — сказала она с благоговением, ко-

торое обычно возникает при лицемерии подлинно исторических реликвий.

Бразил решил не объяснять ей, что, по его мнению, нынешнее поколение чересчур многое автоматизировало и что сам он не смог бы вынести постоянного присутствия возле себя механического существа. Вместо этого он ответил:

— Что поделаешь, такое оборудование нам дают. Впрочем, этот компьютер столь же современен и эффективен, как и любой другой. Я привык к нему, и с ним мне проще обращаться. Хотя работы у меня немного, в чрезвычайных обстоятельствах я могу за доли секунды принять тысячи решений. В таких ситуациях предпочтительнее то, что вы можете использовать инстинктивно.

Она приняла это полуправдивое объяснение и обратила внимание на его маленькую библиотеку, состоящую из книг в грязно-коричневых бумажных обложках. Бразил спросил, умеет ли она читать.

— Нет, — ответила Вардия. — А зачем это?

Конечно, таким, как она, представляющим собой всего лишь чистую кассету для записи, не было никакого резона учиться читать.

Он представил, как где-то кто-то просматривает программу под названием Вардия Дипло, затем все стирает и переписывает для следующей поездки. В противном случае она не задавала бы такие наивные вопросы, поскольку наверняка видела и капитанские рубки и не раз сталкивалась с иной культурой. Скорее всего ее изготовили совсем недавно, хотя трудно было определить, сколько ей лет — двенадцать или сорок два.

Так или иначе Бразил был рад, что девушка не умеет читать. Он испытал несколько неприятных

минут, когда, войдя в рубку, обнаружил, что забыл выключить монитор.

НЕРАЗРЕШЕННОЕ ИЗМЕНЕНИЕ КУРСА, — гласил текст, высвеченный на экране. — **ПОСТУПОК НЕ ОБОСНОВАН. КУРС НАНЕСЕН НА КАРТУ И БУДЕТ СООБЩЕН КОНФЕДЕРАЦИИ ПО ПРИБЫТИИ К МЕСТУ НАЗНАЧЕНИЯ.**

А она еще удивлялась, почему у него нет говорящего компьютера!

Между тем корабль продолжал лететь новым курсом, и никто, кроме капитана и компьютера, не знал, куда они направляются.

«Гениальная идея!» — поздравил себя Бразил после ухода Вардии. То, что девушка рассказала ему о положении дел на Кориолане, несколько успокоило его совесть. Заказчики получают свое зерно — только немного позднее. Хаин будет по-прежнему давать Ву Чжули губки, и так будет продолжаться до тех пор, пока они не прибудут в мир, где губки растут сами по себе и в большом количестве. Там он высадит двух пассажиров — Ву Чжули останется человеком, а Хаина отправят в исправительную колонию за торговлю наркотиками.

Вряд ли Совет Адмиралтейства Галактики его осудит; кроме того, у него уже была куча устных и письменных выговоров. Впрочем, Вардия никогда не поймет ход его мыслей.

Громкий удар гонга, раздавшийся во всех помещениях корабля, оторвал его от сладостных мечтаний. Бразил вскочил на ноги и взглянул на экран компьютера.

ПЕРЕХВАЧЕН СИГНАЛ БЕДСТВИЯ. ЖДИТЕ ИНСТРУКЦИЙ.

Прочитав послание, он первым делом вырубил гонг и включил внутреннюю селекторную связь. Трое пассажиров, естественно, были встревожены.

— Не волнуйтесь, — сказал он им. — Это всего-навсего сигнал бедствия. Какой-нибудь корабль или маленькая колония нуждаются в помощи. Я должен ответить на этот вызов, так что мы немного задержимся. О дальнейших событиях я вас извещу.

Затем он повернулся к компьютеру и велел ему определить координаты точки, из которой поступал сигнал. Все это ему не нравилось: кажется, помощь требовалась в районе, расположенном далеко от избранного им курса. Это грозило преждевременным разоблачением. Но он не мог проигнорировать такой сигнал. Его самого не раз спасали подобным образом, и шансы, что кто-то другой перехватит эти позывные, были несравненно меньше, чем его шансы поспеть вовремя.

Завыли двигатели, и вибрация корабля стала ослабевать. Энергетическое поле, окружавшее «Степкин», слилось с обычным пространством.

На экранах возникла реальная галактика. Прямо по курсу маячила крупная планета. Каменистая и красноватая в слабом свете звезды-карлика.

Бразил запросил у компьютера ее координаты. Экран долго оставался пустым, затем на нем появился весьма короткий ответ:

**ДАЛГОНИЯ, ЗВЕЗДА АРАХНИС, МЕРТВЫЙ МИР
МАРКОВИАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ, ДРУГОЙ
ИНФОРМАЦИИ НЕТ. НЕОБИТАЕМА.**

«Нанести на карту координаты зоны бедствия и увеличить», — приказал Бразил, и компьютер начал исследовать мрачную панораму, квадрант за квадрантом. Наконец он остановился и резко увеличил изображение.

Поверхность планеты в этом районе была белоснежно-белой и на ней четко различался маленький базовый лагерь. Но что-то в нем было странное...

Бразил вывел корабль на синхронную орбиту и приготовился к спуску, желая выяснить, что же там такого неправильного. Но вначале снова включил селектор.

— Боюсь, мне придется запереть вас в кормовом отсеке, — сообщил он своим пассажирам. — Мне необходимо спуститься на эту планету. Если я не вернусь через восемь стандартных часов, корабль автоматически продолжит свой путь и с максимальной скоростью доставит вас на Кориолан, так что беспокоиться вам не о чем.

— Можно мне сопровождать вас? — раздался голос Вардии.

Бразил рассмеялся.

— К сожалению, нет. Знаете ли, правила и все такое. Вы все время будете поддерживать со мной связь через интерком.

Надев скафандр, он подумал о том, что не пользовался им уже многие годы. Затем он спустился в небольшой отсек, расположенный под машинным отделением, и забрался в спасательную шлюпку. Через пять минут шлюпка отделилась от корабля.

Корабельный компьютер руководил полетом по радио, и через час Бразил уже приземлился.

Ему потребовалась пара минут, чтобы осмотреть место происшествия и сообщить об увиденном корабельному записывающему устройству, в то время как пассажиры с волнением внимали каждому его слову.

— Это — типичный базовый лагерь научной экспедиции, — диктовал он. — Секции палаточного типа, модульные, довольно новые — похоже, что они взорваны.

Ему было известно, что это невозможно, но факт оставался фактом.

Увидев возле остатков входного шлюза сваленные в кучу скафандры, он подошел поближе.

— Скафандры, притом пустые, находятся за пределами лагеря, — произнес он в интерком. — Такое впечатление, что кто-то их здесь бросил. Результатом взрыва это быть не могло, на них нет никаких повреждений. Подождите минуту, я подойду к спальням.

Вардия слушала его с возрастающим восхищением, очень огорченная тем, что не может ни видеть этого, ни задавать вопросы.

— Боже! — раздался голос Бразила. — Какая ужасная смерть! Они сгорели заживо, если их не убило при взрыве. Гм... Семеро. Не могу понять. Здесь все разворочено, хотя взрыв мог лишь изорвать палатки.

Он двинулся дальше, внимательно исследуя место происшествия.

— Странно, — сказал он, — выглядит так, будто кто-то баловался с силовой установкой. Во всяком случае, вот что здесь получается. Какой-то умник напустил в палатки чистый кислород, перекрыв подачу воздуха. Было достаточно одной искры... Все это мне здорово не нравится. Тут стоят две дюжины устройств, предохраняющих от подобных экспериментов. Похоже на преднамеренное убийство.

У пассажиров, слушавших его отчет, мороз пробежал по коже. Даже Ву Чжули, казалось, была потрясена этим сообщением.

— Всем сохранять спокойствие, я только пересчитаю кровати, — произнес Бразил, но в его голосе чувствовалась тревога. — Одна спальня — для пятерых, другая — для троих и одноместная — видимо, для начальника экспедиции. Пустует одна койка в трехместной спальне и кровать шефа. Гм... и скафандров семь. А должно было быть девять.

Потом он долго молчал из-за душившей его ярости.

Наконец из селектора донеслось:

— Отсутствуют два флаера, так что исчезнувшие где-то на планете. Нет сомнений, что один из них — убийца.

Снова воцарилась тишина, прерываемая лишь шумом его дыхания. Оставшиеся на корабле были напуганы. Им не надо было обладать большим воображением, чтобы понять: по планете свободно разгуливают двое сумасшедших, а Бразил находился там совершенно один.

— А теперь самое странное, — раздался наконец голос капитана. — Я добрался до источника сигнала бедствия. Это примерно в километре от лагеря, на низком горном краже. Так вот, этот источник не включен.

Прошло больше двух часов, прежде чем Натан Бразил снова очутился на борту своего корабля. Он стащил с головы шлем и остался в скафандре. Взглянув на экран компьютера, он убедился, что сигнал бедствия продолжает поступать от радиомаяка, расположенного на поверхности планеты.

Это было просто невероятно!

Просто это было невозможно.

Он отпер помещение на корме и вошел к сидевшим в гостинной пассажирам.

— Итак, что же вы намерены делать, капитан? — с важным видом осведомился Хаин.

— Прежде всего уверовать в привидения, — усмехнулся Бразил. — *Этот сигнал никем не подается.* Чтобы окончательно убедиться в этом, я перед возвращением на корабль полностью разобрал сигнальное устройство. Но сигнал по-прежнему продолжает поступать.

— Тогда где-то должно быть еще одно сигнальное устройство, — подала голос Вардия.

— Его нет. Прежде всего это стандартное устройство, здесь все стандартное; кроме того, компьютер, умеющий прокладывать курс в глубоком космосе и доставлять вас в нужный порт на нужной планете, не ошибется при определении координат источника сигнала бедствия.

— В таком случае поговорим о том, что нам известно, — предложил Хаин. — Мы знаем, что сигнал существует. Нет-нет, позвольте мне закончить! — запротестовал он, увидев, что Бразил собирается прервать его. — Как я уже сказал, сигнал существует. Он послан, вероятно, тем или теми, кто уцелел после... ну, скажем, катастрофы. Кто-то или что-то хотел, чтобы мы спустились и нашли станцию, терпящую бедствие, теперь он хочет *чего-то еще*.

— Чужая злобная цивилизация? — скептически процедил Бразил. — Ну-ну, давайте. Мы исследовали около тысячи солнечных систем и обнаружили все, что оставили нам марковiane, — кстати, один из их городов расположен недалеко от лагеря, который, возможно, принадлежал группе, занимавшейся его изучением, — а также множество вариантов животной и растительной жизни. Однако мы не нашли ни одной чужой цивилизации.

— Но тысячи солнечных систем — это же так мало! — возразил Хаин. — Нас окружают миллиарды миллиардов звезд. Вы ведь знаете, что шансы есть.

— Но не в нашем секторе галактики, — ответил капитан.

— Гражданин Хаин прав, — вмешалась Вардия. — Может быть, кто-то открыл нас.

— Нет, — сказал Бразил, — все совсем не так. Всему этому есть простое логическое объяснение. То, что произошло внизу, было хладнокровным убийством. И совершил его один из членов экспедиции. В

сумасшествие я не верю. Эти люди не в состоянии покинуть планету, захватив с собой то, что им удалось добыть. Если они не умрут с голода, их подберет корабль, который перехватит сигналы бедствия.

— То есть вы не намерены заниматься их поисками? — удивленно подняла брови Вардия. — Но вы обязаны это сделать! В противном случае им ответит какой-нибудь другой корабль, и убийцы захватят его, прежде чем нам удастся предостеречь капитана.

— Ну, вероятность того, что кто-нибудь еще услышит этот сигнал, чрезвычайно мала, — терпеливо объяснил Бразил.

— Уверяю вас, — решительно заявил Хаин, — мне меньше всего хочется гоняться за убийцей по незнакомой планете. Тем не менее гражданка Вардия права. Если мы слышали их сигналы, их могут слышать и другие.

Бразил удивленно поднял брови.

— Вы умеете обращаться с оружием? — спросил он толстяка. — А вы? — повернулся он к Вардии.

— Умею, — невозмутимо ответил Хаин, — и имею.

— Я хорошо фехтую, — заметила Вардия, — и у меня с собой церемониальный меч. Он пробивает скафандр.

Бразил еле удержался от смеха.

— Меч? У вас?

Девушка бросилась в свою каюту и возвратилась, держа в руке внушительный блестящий клинок.

— Упражнения с мечом вырабатывают быструю реакцию и укрепляют мышцы, — объяснила она. — Кроме того, меч — традиционный атрибут работника нашей службы.

К Бразилу вернулась серьезность.

— А что вы скажете о Ву Чжули? — спросил он Хаина.

— Она пойдет туда же, куда и я, — осторожно ответил тот. — А в трудную минуту поможет нам защищаться.

«Готов держать пари, — мрачно подумал Бразил. — Уж тебя-то она будет защищать в первую очередь».

Скафандры оказались универсальными, и их легко можно было подогнать по любой фигуре, даже у Хаина почти не возникло проблем.

Бразил сразу повел их к радиомаяку, посылавшему сигнал бедствия, — в основном, чтобы еще раз убедиться в своей правоте. Хаин и Вардия внимательно осмотрели антенну и согласились, что все это очень странно.

Однако маленький монитор спасательной шлюпки, связанный с корабельным компьютером, показывал, что сигнал бедствия все еще поступает.

Они снова забрались в шлюпку и направились на север. Обстановка была такой напряженной, что никто не обратил внимания на марковианские руины, тянувшиеся вдоль их маршрута. Корабельный компьютер засек два пропавших летательных аппарата на равнине в районе северного полюса. Эту зону решили исследовать — если кто-нибудь и остался в живых, то он должен был находиться именно там.

— Как вы думаете, зачем они прилетели сюда? — прошептала Бразилу Вардия.

— По моей версии, убийца не смог заманить свою жертву в базовый лагерь, и она упорхнула на флаере. Последовала погоня, и на этой равнине они встретились, — ответил капитан. — Очень скоро все станет ясно, мы уже почти на месте.

Спасательная шлюпка, оснащенная космическим двигателем, могла совершать длительные переле-

ты — возвращаться на орбиту и снова спускаться. Поэтому вместо девяти часов путешествие заняло чуть больше девяноста минут. Когда они перемахнули через последнюю горную гряду, Бразил снизил скорость до минимальной.

— Вот они! — воскликнула Вардия, указывая на два маленьких серебристых диска, посверкивающих на краю какого-то странного обесцвеченного пятна.

Бразил описал над ними несколько кругов.

— Я никого не вижу, — доложил Хаин. — Никаких признаков жизни. Может быть, они прячутся во флаере?

— Ладно, — сказал Бразил, — я сяду в сотне метров от них. Хаин, выходи вместе, и вы прикрываете меня, стоя у самой шлюпки. Двое остаются внутри.

Они ощутили мягкий удар и оказались на поверхности Далгонии. Из широкого черного пояса, надетого на скафандр, Бразил вынул два небольших пистолета и молча протянул один из них Хаину.

На вид пистолеты были не очень внушительными, но стреляли они короткими энергетическими импульсами, делая от одного до пятисот выстрелов в секунду, причем в последнем случае можно было вывести из строя небольшое воинское подразделение. При установке этого оружия на «оглушение» выстрел парализовывал человека по меньшей мере на полчаса, но оба они установили пистолеты на «поражение».

Далеко на юге лежали семь изуродованных тел.

В жуткой тишине почти абсолютного вакуума Бразил осторожно выбрался из люка и, не теряя из вида флаеры, укрылся за бортом шлюпки. По его расчетам, это была относительно безопасная зона — летательный аппарат, способный выдерживать чудовищное давление и даже трение, служит прекрасной

защитой от любого оружия, которое могло оказаться в распоряжении преследуемой дичи.

Хаин вылез после небольшой заминки — с его весом это оказалось довольно трудно, несмотря на слабую гравитацию. Он выбрал позицию у самого носа шлюпки, чтобы было удобнее стрелять.

Удовлетворенный увиденным, Бразил осторожно двинулся вперед.

Меньше чем через две минуты он достиг ближайшего флаера.

— Все тихо, — сообщил он остальным. — Я собираюсь забраться внутрь и посмотреть, что там происходит.

Он поднялся по трапу и подошел к входному люку.

— Никого не видно. Вхожу.

Через три минуты, убедившись, что флаер брошен, он осмотрел второй летательный аппарат. Здесь картина была точно такой же, если не считать, что кто-то явно провел в кабине несколько часов.

— Вылезайте, — велел Бразил обеим девушкам, спускаясь на землю. — Здесь и на много километров кругом ни души. Я хочу услышать ваше мнение об этом.

Когда троица приблизилась, оказалось, что Вардия все-таки вооружилась своим замечательным мечом. Бразил фыркнул, но от комментариев воздержался.

— Взгляните-ка на почву, — произнес он, указывая на следы, ведущие к огромной площадке с несевшей пылью.

— Что вы об этом думаете, капитан? — спросил Хаин.

— Похоже, моя версия подтверждается. Смотрите: первый из них находился здесь. Он увидел, что второй приземляется, и притаился за флаером. Когда преследователь — а я убежден, что парень, приземлившийся

вторым, и есть убийца, — никого не обнаружил, он направился сюда и первый прыгнул на него сверху. Здесь они дрались, затем один побежал по равнине, а другой следом. Нам остается только найти победителя.

Между тем Вардия уже шла по следу, ведущему на равнину. Неожиданно она резко остановилась.

— Капитан! Все сюда! — крикнула она, указывая на участок земли прямо перед собой.

Пыль там немного осела, и каменистая поверхность изменила цвет с тускло-оранжевого на сероватый, однако никто не понял, на что собственно надо смотреть. Бразил подошел поближе и наклонился.

Там, где двигался первый человек, на границе серого и оранжевого, он разглядел пол-отпечатка ноги очень маленького размера. Отпечаток был направлен под углом к следу убежавшего и обрезан как бы по середине — там, где оранжевый цвет сменялся серым, пыль была нетронута.

— Как это возможно, капитан? — спросила Вардия, впервые в жизни испытывая благоговейный страх.

— Не знаю, но в конце концов мы во всем разберемся. Давайте пройдем немного дальше.

Они углубились в серую зону. Через несколько минут, желая убедиться, что уж они-то следы оставили, Вардия оглянулась.

— Капитан! — В ее неэмоциональном голосе прозвучал такой панический ужас, что все немедленно обернулись.

Флаеры и спасательная шляпка исчезли, унылая нетронутая оранжевая равнина тянулась в сторону дальних гор.

— Что за дьявол! — пробормотал Бразил, оглядываясь по сторонам в поисках хоть какого-то разумного объяснения. Но в окутывавшем их сумраке не было ничего, кроме холодных мерцающих звезд.

— Что случилось? — с тревогой спросил Хаин. — Неужели наш убийца...

— Да нет же, — резко оборвал его Бразил, и оба почувствовали взаимную неприязнь. — Ни один человек, ни двое не способны управлять тремя летательными аппаратами одновременно, и никто, кроме меня, не знает, как поднять в воздух эту спасательную шлюпку.

Внезапно все почувствовали под ногами странную вибрацию, похожую на слабое землетрясение.

Воздух вокруг них прорезали жуткие сине-белые молнии. Их были тысячи!

— Черт меня подери, что же я за идиот! — воскликнул Бразил. — Нас поймали.

— Кто? — выдохнула Вардия.

Ву Чжули завизжала.

В следующую минуту все заволочла темнота, рассекаемая фантастическими синими молниями с золотыми искрами. Они почувствовали, что медленно падают, вращаясь и переворачиваясь, словно опускаются в бездонную пропасть. Не было ни верха, ни низа, только тьма, прерываемая вспышками ослепительного света.

А Ву Чжули продолжала визжать.

Внезапно они поняли, что лежат на плоской, гладкой, как стекло, поверхности. У всех кружилась голова, и не было сил подняться. Бразил, профессиональный астронавт, первым пришел в себя и приподнялся на черном зеркальном полу.

Они находились в гигантском шестиугольном зале, напоминающем склад. Вдоль стен тянулось ограждение и что-то вроде пешеходной дорожки. Единственная лампа, тоже шестиугольная, свешивалась с изогнутого потолка прямо над их голова-

ми. Помещение казалось таким огромным, что в нем легко можно было спрятать небольшой грузовой корабль.

Вардия уже пришла в себя и сумела сесть. Хаин лежал на полу, тяжело дыша. Бразил с трудом поднялся на ноги и, пошатываясь, подошел к Ву Чжули. Она была без сознания.

— Все в порядке? — спросил он.

Вардия кивнула и попыталась подняться. Он помог ей удержаться на ногах, и девушка полностью пришла в себя. Хаин застонал, но в конце концов тоже справился со слабостью.

— Примерно одно «г», — заметил Бразил. — А вот это интересно.

— Что вы имеете в виду? — спросил Хаин.

— Проходы в этом ограждении, ближайший — справа от вас. Мы могли бы, пожалуй, добраться до него.

Восприняв их молчание как знак согласия, он поднял на руки обмякшее тело Ву Чжули и двинулся вперед. Каждый шаг давался ему с трудом — девушка оказалась тяжелой, а Натан Бразил особенной силой не отличался.

Он с грустью смотрел на нее. «Что с тобой теперь будет, Ву Чжули? Но я постараюсь! Боже! Я постараюсь!»

Ву Чжули открыла глаза и взглянула на него через затемненное стекло шлема. То ли она оценила его благородство, то ли ее тронуло выражение его лица, а может быть, просто потому, что это оказался он, а не Хаин, но она улыбнулась.

Они прошли примерно полпути, и, по мере того как организм освобождался от адреналина, впрыснутого в кровь во время падения, ноша Бразила становилась все тяжелее. Наконец он признал свое пора-

жение и опустил девушку на пол. Она не протестовала, но тут же ухватилась за его руку.

Как это произошло, не имело значения, но Хаину она больше не принадлежала.

Ступени из материала, походившего на полированный камень, вели к проходу через ограждение и заканчивались платформой, от которой тянулись полосы, напоминающие ленты транспортного конвейера.

Все посмотрели на капитана, ожидая дальнейших инструкций, и Натан Бразил впервые в жизни ощутил всю меру своей ответственности. Он привел сюда этих людей — не важно, что они сами уговорили его сделать это, все равно он за них отвечает — и не имел ни малейшего понятия, что делать дальше.

— Ну так вот, — начал он, — если мы останемся здесь, то либо умрем от голода, либо задохнемся. Чему быть — того не миновать, но давайте хотя бы узнаем, что это за место. Может быть, найдется какой-то выход.

— Как видите, их целых шесть, — съязвил Хаин.

Бразил встал на одну из полос, и та моментально двинулась вперед. Это оказалось настолько неожиданным, что капитан очутился уже довольно далеко, прежде чем его спутники сумели произнести хоть слово.

— Лучше становитесь на нее, — крикнул он, — а то вы меня потеряете! Я не знаю, как остановить эту штуку!

Он уносился все дальше и дальше, когда Ву Чжули встала на движущуюся дорожку. Остальные последовали ее примеру.

Сбоку неожиданно показалась длинная широкая платформа. Бразил прыгнул на нее, но оступился и упал.

— Внимание! Платформа! — крикнул он.

Остальные успели подготовиться и перескочили более удачно.

— Если вы собираетесь передвигаться таким образом, — сказала Вардия, — должна предупредить вас, что эти дорожки имеют различную скорость. Чем ближе они к платформе, тем медленнее они двигаются.

Неожиданно дорожка остановилась.

— Здесь нет выхода, — сказал Хаин.

— Полагаю, что да. О черт! — воскликнул Бразил, только-только вознамерившийся направиться дальше: вторая дорожка двинулась в обратном направлении! — Кажется, кто-то едет нам навстречу. — Веселый тон не мог скрыть бушевавшего его волнения. Он вынул пистолет и заметил, что Хаин сделал то же самое. Вардия сжала рукоятку своего меча.

Увидев приближающуюся к ним гигантскую фигуру, они в ужасе отступили к заднему краю платформы. Ничего подобного Вселенная еще не знала.

Человеческий торс шоколадного цвета, невероятно широкий, с грудными мышцами, напоминающими квадратные бронированные плиты. Безволосая голова овальной формы, тоже коричневая. Под широким плоским носом — моржовые усы. Шесть рук — по три с каждой стороны, — необычайно мускулистых и, за исключением плечевой пары, напоминающих суставчатые клешни краба. Ниже рук торс покрывала крупная чешуя, идущая желтыми и коричневыми полосами, а нижняя, змееподобная часть тела была свернута кольцами и на глаз достигала по меньшей мере пяти метров.

Существо воззрилось на них огромными человеческими глазами и, поравнявшись с платформой, левой рукой хлопнуло по ограждению. Дорожка остановилась. Четверо людей в призрачно-белых ска-

фандрах и порождение чудовищного нереста с удивлением уставились друг на друга.

Наконец существо показало на них и покрутило верхней парой рук, словно снимая с пришельцев шлемы. Увидев, что его не поняли, оно снова показало на них и глубоко вздохнуло.

— Мне кажется, он пытается объяснить, что мы можем здесь дышать, — неуверенно сказал Бразил.

— Конечно, но это ОН так считает, — возразил Хаин.

— Выбора нет, — ответил Бразил. — У нас почти не осталось воздуха. Придется рискнуть.

— Сейчас! — неожиданно послышался слабый голос Ву Чжули. Девушка отстегивала шлем. Справившись с креплением, она сделала вдох.

И продолжала дышать.

Вардия и Бразил немедленно последовали ее примеру. Хаин некоторое время сомневался. Лишь убедившись, что остальные дышат нормально, он тоже освободился от шлема.

— Что будем делать дальше? — деловито осведомился торговец.

— Будь я проклят, если знаю, — честно ответил Бразил. — Как нам поздороваться с этим моржовым змием?

— Будь и я проклят! — воскликнул моржовый змий, демонстрируя отличное знание языка Конфедерации, — если это не Натан Бразил!

ЗОНА (ПОЯВЛЕНИЕ ПРИЗРАКОВ)

Никто не был так потрясен, как Натан Бразил. — А ведь я знал, что тебя сюда занесет, — продолжало существо. — раньше или позже, это происходит почти со всеми ветеранами.

— Ты знаешь меня? — недоверчиво спросил Бразил.

Существо рассмеялось.

— Конечно, а ты прекрасно знаешь меня, если только не переборщил с омоложениями. И у меня возникла эта проблема, когда я пролетел через Колодец. Скажу лишь, что люди здесь изменяются, и слава Богу. Пойдемте со мной, я немного введу вас в курс дела. — С этими словами существо развернулось в обратную сторону и отступило метра на два. — Становитесь сюда, — пригласило оно.

Все посмотрели на Бразила.

— Думаю, у нас нет выбора, — произнес капитан. Затем, увидев, что Хаин по-прежнему сжимает в руке пистолет, тихо добавил: — Держите этот пугач подальше, пока мы здесь все не выясним. А то еще пальнете в себя.

Все встали на дорожку, однако та двинулась лишь после того, как их чужеземный хозяин снова шлеп-

нул по ограждению. Впервые они услышали шум — словно заработал гигантский вентилятор. Он разбудил эхо в огромном зале, а дорожка издавала свое собственное равномерное жужжание.

— Вы едите то же, что и мы? — спросил Ханн у чужака.

Тот фыркнул.

— Ни в коем случае, но не беспокойтесь, людоедов здесь нет. По крайней мере среди таких, как вы. А насчет ужина не сомневайтесь — мы раздобудем вам настоящую пищу! Такую, какую вы, за исключением Ната, никогда в жизни не ели.

Они сменили три движущиеся дорожки, прежде чем прибыли к последней, самой большой платформе. Стены здесь изгибались, словно старались отдалиться от Колодца. Бразил наконец понял, почему издали их очертания были неразличимы.

Затем они долго шли по длинному сводчатому туннелю вслед за человеком-змеей, существу с таким крупным извивающимся телом передвигаться было не просто. От туннеля в обе стороны уходили многочисленные ответвления, но они прошли больше тысячи метров, прежде чем свернули в боковой коридор.

Закончился он огромной комнатой, обставленной наподобие приемной. Было довольно странно видеть здесь стулья с плюшевыми сиденьями, стены, облицованные пластиком и украшенные цветами. Все это совершенно не гармонировало с тем, что осталось за дверью. В комнате чудовище повело себя как дома и подползло к чему-то вроде полукруглого стола, устроенного таким образом, что его хвост, свитый в кольцо, спокойно поместился сзади. На столе лежали обычная ручка с пером, маленький блокнот и печать — разумеется, гексагональная, — по-видимому, из чистого золота, в оправе из прозрачного пластика.

Печать изображала змею, обвившуюся вокруг большого креста. По краю была выгравирована какая-то надпись.

Человек-змея поднял крышку стола, под которой обнаружилась приборная панель совершенно незнакомой конструкции.

— Необходима регулировка Колодца, — объяснил он свои манипуляции. — Не то мы заполучим несколько созданий, не нуждающихся в кислороде, и им придется висеть на складе до тех пор, пока кто-нибудь не вспомнит, что следует нажать всего одну кнопку. Теперь я закажу для вас ужин. — Чудище нажало несколько кнопок подряд, а затем закрыло приборную доску. — Все будет готово через десять — пятнадцать минут. Кстати, Нат, что ты скажешь насчет бифштекса с жареной картошкой?

— Ты неплохо осведомлен о моих вкусах, — ответил Бразил. — Но прошло столько времени с тех пор, как я в последний раз ел бифштекс. Я даже забыл, как он выглядит. И все же откуда ты меня знаешь?

Мечтательная улыбка осветила лицо чудовища.

— Ты помнишь старого бродягу, которого звали Сержем Ортегой?

Бразил задумался, но тут же встрепенулся:

— Еще бы не помнить! Настоящий мошенник. Ради денег был готов на все и к тому же имел адский характер. Но ты не можешь быть им: мы расстались лет сто назад, задолго до того, как его родная Испаньола вступила в Конфедерацию и приобщилась к Миру и Свободе. О внешнем сходстве я промолчу.

— Так значит, Испаньола стала частью комм-мира? Бедная планета! — печально ответило чудище. — Эти негодяи погубили мой народ. А кто был зачинщиком? Брассарио?

— Брассарио, — подтвердил Бразил. — Но это ничего не объясняет.

— О нет, объясняет, — возразил человек-змея. — Потому что я и есть Серж Ортега. Этот мир превратил меня в то, что ты видишь.

— Не нахожу ничего плохого в существовании комм-миров, — сказала вдруг Вардия, но они не обратили на ее слова никакого внимания.

Бразил пристально смотрел на чудище. Голос и глаза действительно напомнили ему Ортегу. Его повадки. Тот же сумасшедший блеск в глазах, та же стремительная речь, забавное высокомерие, сквозившее в каждом движении и служившее причиной бесконечных драк.

Но как же это было давно!

— Послушайте, — вмешался Хаин. — Все это, конечно, очень интересно — о добрых старых временах, но давайте поговорим о главном. Сэр, или как вас там, мне бы очень хотелось узнать, где мы, как здесь очутились и когда сможем возвратиться на корабль.

Ортега мрачно улыбнулся.

— Ладно, по поводу того, где вы, объясняю: вы попали в Мир Колодца. Другого названия не существует — это действительно колодец. Где он находится, я не знаю. Никому еще не удавалось выбраться отсюда. Здешнее ночное небо — весьма странная картина. Я провел в космосе почти двести лет, но ничего подобного никогда не видел — ни одного знакомого ориентира! Скорее всего мы на противоположном краю галактики, а может быть, вообще в другой галактике. Что же касается того, как вы здесь очутились и когда вернетесь на корабль, скажу лишь одно — вы угодили в марковнианские ворота и теперь, как и все, застряли здесь надолго. Тут совсем неплохо, сударь. Лучше уж привыкнуть к этому.

— Но позвольте! — с раздражением воскликнул Хаин. — Я обладаю властью, влиянием...

— Здесь это ничего не значит, — сухо заметил Ортега.

— А мое задание! — запротестовала Вардия. — Я обязана выполнить свой долг!

— Забудьте о своем долге, — сказал человек-змея. — Поймите: вы находитесь в мире, построенном марковианами — да, именно «построенном». Насколько мы поняли, вся эта проклятая штука — совершенный продукт заранее запрограммированного марковианского мозга.

— Я считал, что мы находимся внутри Далгонии, — сказал Бразил. — Было полное ощущение, что все мы куда-то падаем.

— Нет-нет, — ответил Ортега, — к падению это не имело никакого отношения. Марковиане были могущественными, как боги, и умели передавать материю на расстояние.

— Но подобная вещь невозможна, — возразил Хаин. — Она противоречит законам физики!

Ортега пожал всеми шестью конечностями.

— Кто знает? Когда-то невозможными считали полеты. Потом было невозможно покинуть планету, затем — пределы Солнечной системы, после этого — летать со скоростью, превышающей скорость света. Единственное, что делает вещи невозможными, — это невежество. Здесь, в Мире Колодца, невозможное стало частью жизни.

В этот момент в комнату вкатилась маленькая автоматическая тележка с едой. Она подъезжала ко всем по очереди, предлагая каждому поднос с горячей пищей, под которым, когда его брали, оказывался точно такой же. Сняв крышку, Бразил остолбенел. Придя в себя, он благоговейно прошептал:

— Настоящий бифштекс! — но заколебался и вопросительно посмотрел на Ортегу: — Он и вправду настоящий?

— Настоящий, настоящий, — уверил его человек-змея. — Картофель и бобы тоже. Попробуй!

Хаин уже набросился на еду, но Вардия смотрела на нее в растерянности.

— В чем дело? — с набитым ртом спросил Бразил.

— Это абсолютно безопасная пища, — уговаривал девушку Ортега. — В ней нет микроорганизмов, которые могли бы создать для вас проблемы — во всяком случае, до тех пор, пока вы отсюда не выберетесь. Продукт биологически совместимый.

— Нет-нет. — Она запнулась. — Дело в том, что я никогда раньше не видела подобной пищи. Как это едят?..

— Следуйте моему примеру, — со смехом сказал Бразил. — Видите? Пользуясь ножом и вилок, вы отрезаете кусок, вот так, затем...

Через несколько минут Вардия полностью освоилась и уплетала за обе щеки. Одна Ву Чжули сидела неподвижно, даже не глядя на свой поднос.

— Эта девушка больна? — спросил Ортега.

Бразил оторвался от тарелки и посмотрел на Хаина, который уже наелся и громогласно рыгал. Капитан нахмурился.

— Она сидит на губке, — тихо произнес он.

Торговец поднял брови, но промолчал.

Лицо Ортеги омрачилось.

— Как далеко это зашло?

— Дела неважные, — ответил Бразил. — Глубокое поражение психики, возможно, пятилетней давности, сознательная деятельность — в основном чисто эмоциональная. — Неожиданно он повернулся и вне себя от гнева в упор посмотрел на Хаина. —

Что скажете, Хаин? — резко спросил он. — Я прав, или вы можете что-нибудь возразить?

Кабанье лицо Хаина осталось невозмутимым, голос звучал почти расслабленно.

— Честно говоря, в данный момент меня больше занимает мысль, не переборщил ли я во время обеда.

— Если бы нас не заманили сюда, мой корабль сел бы на Аркадриане, прежде чем вы сообразили бы, что происходит, — бросил ему Бразил.

Эти слова проняли толстяка. Но тут его озарила какая-то идея, и к нему тотчас вернулась самоуверенность.

— Но тогда, видимо, благодаря этим... непредвиденным обстоятельствам я попал не в ужасное, а в самое выгодное положение, — сказал он спокойно. — Впрочем, мне искренне жаль эту даму, — добавил он с наигранным сочувствием.

— Ах ты, сукин сын! — прорычал Бразил и, отбросив поднос, прыгнул на толстяка, пытаясь схватить его за глотку. Он понимал, что Хаин на голову выше и в два раза тяжелее, но клекотавшая в груди ненависть прибавила ему сил.

Хаин молотил кулаками, пытаясь освободиться, но пальцы Бразила уже сомкнулись вокруг его шеи. На лице капитана застыла твердая решимость довести дело до конца.

Вардия наблюдала за ними разинув рот. Действия Бразила, как и его рассказ, казались ей просто непостижимыми. На ее планете не было людей, существовали лишь клетки, из которых формировались готовые тела. Больная клетка сразу же уничтожалась. Поэтому в голове девушки не укладывалось, что кто-то может специально вызвать такую страшную болезнь

Ву Чжули смотрела на дерущихся совершенно бесстрашно, поднос Бразила, перевернувшись, лежал у нее на коленях.

Внезапно Ортега перепрыгнул через стол и двумя огромными руками оторвал Бразила от торговца. Гигант двигался так быстро, что за ним едва можно было уследить. Вардию ошеломили скорость и уверенность, с которыми он действовал.

Бразил попытался вырваться, и тогда правая средняя рука Ортеги нанесла ему сокрушительный удар в подбородок. Капитан обмяк и перестал сопротивляться.

Хаин судорожно ловил воздух ртом. Его огромный живот вздымался и опадал, а на жирной шее медленно проступали багровые кровоподтеки.

Ортега быстро обследовал бесчувственное тело капитана и, убедившись, что кости целы, заботливо уложил его на сдвинутые стулья. После этого чело-век-змея перенес внимание на торговца губками.

— Благодарю вас, сэр, — все еще задыхаясь, произнес Хаин, и его рука непроизвольно коснулась горла. — Вы спасли мне жизнь.

— И поступил против своей совести, — язвительно прервал его Ортега. — Если когда-нибудь Нат схватит вас за пределами этого мира, я с удовольствием помогу ему разорвать вас на мелкие кусочки. Но здесь подобные вещи я не позволю! — прогремел он, поворачиваясь к Бразилу, который как раз начал приходить в себя.

Слова Ортеги выбили Хаина из колеи, но тут он заметил свой пистолет, выпавший во время драки и валяющийся под соседним стулом. Его рука медленно поползла по ковру.

— Нет! — закричала Ву Чжули, но Хаин уже схватил оружие. Бразил уже сидел, трясая головой и по-

тирая подбородок. Случайно его взгляд упал на направленное в него дуло. Ортега, заметив, что капитан побледнел, повернулся к толстяку.

— А теперь ведите себя прилично, и тогда я не наделаю глупостей, — сказал им Хаин обычным самоуверенным тоном. — Я немедленно покидаю это очаровательное место и...

— Каким образом? — перебил его Серж Ортега.

Этот вопрос, видимо, застал Хаина врасплох и явно ему не понравился.

— Так же... так же, как мы попали сюда, — произнес он наконец.

— Это — дверь в коридор. В одну сторону он ведет к Колодцу — и это единственный путь, — сказал Ортега. — В другой стороне вы найдете множество помещений, похожих на это, — всего их насчитывается семьсот восемьдесят; они расположены в лабиринте, построенном наподобие пчелиных сотов. В них живут существа семисот восьмидесяти видов, Хаин. Некоторые из них в отличие от вас не дышат. Некоторым вы не понравитесь, и они даже могут вас убить.

— Но должен же здесь быть какой-то выход, — пробормотал Хаин с отчаянием в голосе. — Он должен быть! Я найду его.

— И что тогда? — спокойно спросил Ортега. — Вы окажетесь один в огромном чужом мире. Вы даже не знаете, что это за планета, на каких языках здесь говорят, не знаете ничего. Вы умный человек, Хаин. Каковы же ваши шансы?

Хаин смутился, но тут же вспомнил про пистолет.

— Вот что дает мне шансы, — сказал он жестко.

— Никогда не делайте ставки, пока не узнаете правила игры, — негромко посоветовал Ортега и медленно двинулся к торговцу.

— Я буду стрелять! — пригрозил Хаин, но его голос прозвучал на октаву выше обычного.

— Валяйте, — согласился Ортега не останавливаясь.

— Ладно, я не хотел, вы сами напросились! — крикнул Хаин и нажал спусковой крючок.

Ничего не произошло.

Раздался громкий щелчок, но этим все и закончилось.

Неожиданно Ортега сделал молниеносный бросок и выбил пистолет из руки толстяка.

— Оружие здесь не действует, — твердо произнес человек-змея.

Хаин, разинув рот и выпучив глаза, забился в угол. Может быть, впервые в жизни его покинула присущая ему самоуверенность.

— С тобой все в порядке, Нат? — спросил Ортега у Бразила, который все еще держался за подбородок.

— Сукин ты сын, — слабым голосом ответил Бразил, трясая головой, чтобы вернуть ясность мыслям. — Ну, парень, у тебя чертовски сильный удар.

Ортега ухмыльнулся:

— Как-то раз в баре на Сиприаносе я надрался, накурился опиума и был готов сразиться со всем заведением, а они с радостью перерезали бы мне глотку, чтобы потешить публику. Я уже ввязался в драку с вышибалой, когда ты схватил меня и одним хорошим ударом охладил мой пыл. Прошло недель десять, прежде чем я понял, что ты спас мне жизнь.

У Бразила отвисла челюсть, но он, застонав от боли, немедленно вернул ее на место.

— Ты и в самом деле Серж Ортега! — признал он, несколько озадаченный. — Я совсем забыл этот случай.

Ортега улыбнулся:

— Я же тебе говорил, Нат.

— Но, Боже мой, парень, как ты изменился! — удивленно воскликнул Бразил.

— Я уже говорил тебе, Нат, этот мир изменяет людей, — ответил Ортега. — Он изменит и тебя. И всех вас.

— В прежние времена ты бы не помешал мне прикончить эту свинью.

— Я бы и сейчас не помешал, — ухмыльнулся Ортега. — Но мы находимся в Зоне. Если ты сядешь подальше от этого типа, — заявил он, указывая на низкий диванчик, — а вы прекратите свои прелестные маленькие игры, — продолжал он, обращаясь к торговцу, — и пообещаете вести себя спокойно, то я объясню вам, что здесь происходит — какие правила существуют, каких нет и кое-что по поводу вашего будущего.

Хаин, мыча что-то невразумительное, уселся на свое место. Бразил, придерживая ушибленный подбородок, безмолвно направился к диванчику. Повалившись на мягкие подушки, он застонал.

— У меня все еще кружится и адски болит голова, — объяснил он.

Ортега улыбнулся и снова устроился за своим столом.

— С тобой случались вещи и похуже, — напомнил капитану человек-змея. — Но прежде всего самое главное. Заказать тебе еще один бифштекс? Свой ты загубил.

— Ты чертовски хорошо знаешь, что я не смогу жевать еще несколько дней, — простонал Бразил. — Черт возьми, почему ты не позволил мне его добить?

— По двум причинам. Первая — можно сказать, дипломатическая. Убийство одного Пришельца другим было бы трудно объяснить моему правительству.

Но вторая причина куда более важна: девушка не погибнет, а это значит, что мотивы убийства были бы необоснованными

Бразил забыл и о головной боли, и о ноющем подбородке.

— Что ты сказал?

— Я сказал, что девушка не погибнет. Ее спасло то самое изменение курса, которое освободило Хаина от суда. В сущности, Аркадриан — не решение проблемы: Ву Чжули уже превратилась в растение. Я не сомневаюсь, что по мере того как она привыкала к боли, Хаин уменьшал дозы. Он позволял ей деградировать, но достаточно медленно, чтобы полет был спокойным. Хаин, можно узнать, зачем вы это делали?

— Ву Чжули выросла в одном из комм-миров, — начал Хаин. — Жила в обычном улье и работала на крупной народной ферме. Я имею в виду грязную работу — сгребала дерьмо, красила дома, чинила заборы и так далее. Генетическим путем коэффициент ее умственного развития занизили: она — человек, занимающийся физическим трудом, умственно отстающий, умеющий выполнять только простые команды — одну за один раз, — не способный к абстрактному мышлению и активной деятельности. Но Ву Чжули оказалась такой тупой, что не справилась даже с этой работой, и тогда ее стали использовать в качестве партийной проститутки. Но и там она потерпела полное фиаско.

— Это клевета! — страстно запротестовала Вардия. — Каждый гражданин обязан выполнять свою работу. Это его долг. Без таких людей, как она и я, развалится все общество.

— А вы бы согласились поменяться с ней местами? — саркастически улыбнулся Бразил.

— Конечно, нет, — ответила застигнутая врасплох Вардия. — Никакая другая работа, кроме моей собственной, не принесла бы мне счастья. Но в любом случае такие граждане, как Ву Чжули, являются необходимым элементом социальной структуры.

— Боже, и мой народ пошел тем же путем, — с грустью сказал Ортега. — Но мне казалось, что низший слой общества должен в основном состоять из роботов. В мое время это уже практиковалось.

— О нет! — возразила Вардия. — Будущее человека связано с землей и природой. Роботизация вызывает общественный упадок и допустима лишь в том случае, когда это необходимо для сохранения равенства.

— Понимаю, — сухо сказал Ортега. Он помолчал, затем снова повернулся к Хаину: — Но как вы отыскиали эту девушку? И зачем посадили ее на губку?

— Мне понадобился образец. Точнее — пример. Мы всегда используем для этого комм-людей, исчезновения которых никто не замечает и которые фактически ничем не отличаются от растений. Естественно, большинство их миров мы контролируем. Подложить препарат в пищу членам Президиума, не говоря уже о том, чтобы получить у них аудиенцию, чрезвычайно трудно, но, если уж это удалось, вы держите под контролем целый мир — мир людей, запрограммированных быть счастливыми, что бы с ними ни случилось, и воспитанных в слепом повиновении партии. Я получил аудиенцию у члена Президиума на Кориолане — на это ушло три года, поверьте, — и добился своего. Имеются сотни способов инфицировать человека, с которым вы находитесь в непосредственном контакте. Так вот, постепенно уменьшая дозы, следовало держать бедную Ву Чжули

в животном состоянии. Она должна была послужить для влиятельнейшего члена Президиума грозным предостережением, должна была продемонстрировать ему, что происходит с моим э... клиентом, если он не лечится.

— В моем мире это не сработало бы, — гордо заявила Вардия. — Инфицированный член Президиума просто отправился бы на фабрику смерти. Вместе с вами и вашим примером.

— Люди комм-миров не перестают изумлять меня, — усмехнулся Хаин. — Неужели вы и в самом деле думаете, что ваши члены Президиума хоть в чем-то похожи на вас? Они ведут свое происхождение от партии, которая в давние времена широко распространила свое влияние. Ее члены провозгласили равенство и вслух мечтали об Утопии, в которой не будет никакого правительства. Фактически же они стремились к власти. Лидеры этой партии никогда не трудились в поле, они вообще никогда не работали, лишь отдавали приказы и пытались осуществлять всевозможные безумные планы и проводить неизведанные эксперименты. И они страстно любили власть! И дети детей их детей, заседающие сейчас в ваших президиумах, так же страстно любят ее, чувствуя себя богами на планетах, полных счастливых, довольных, покорных рабов, которые будут делать все, что им прикажут. Но когда меньше чем через час после заражения у них появляется боль, они соглашаются на все, лишь бы остаться в живых. На все!

— Но ведь дело это весьма рискованное, — заметил Ортега. — Что, если какой-нибудь маньяк, не смотря ни на что, прикончит вас?

Хаин пожал плечами.

— Конечно, риск есть, — сказал он. — Большинство моих коллег гибнут оттого, что пытаются

залезть слишком высоко. Но все мы — неудачники, люди, потерпевшие поражение, или те, кто поднялся с самого дна в худшем из миров. Мы не были рождены для власти — мы боремся за нее, рискуем ради нее, стараемся ее заслужить. И выжившим достаются трофеи.

Ортега мрачно кивнул.

— И сколько же — спокойно, Нат! Или я тебе еще раз врежу! — сколько миров вы сейчас контролируете?

Хаин снова пожал плечами:

— Кто знает? Я не состою в Совете. Может, тридцать миров, может, тридцать пять — их число постоянно растет. Прибавьте сюда две новые колонии, предназначенные для тех, кого мы сломали. Когда-нибудь это будет настоящая империя. — В глазах у него появился маниакальный блеск. — Огромная межзвездная империя. Я уверен — в конечном счете у нас в руках окажется вся галактика.

— Империя, управляемая подонками, — с ненавистью процедил Бразил.

— Сильнейшими! — парировал Хаин. — Самыми умными! Теми, кто это заслужил!

— Не знаю, стоит ли впускать сюда такое зло, — с сомнением в голосе сказал Ортега. — Впрочем, у нас бывали и похуже. Мир Колодца подвергнет вас суровому испытанию, Хаин. Думаю, что в конце концов он вас убьет, но это уже ваше дело. Здесь вы начнете все с нуля. А у вас не будет ни губки, ни других наркотиков. Конечно, вы сможете поэкспериментировать, но придется испробовать тысячу пятьсот шестьдесят различных видов, многие из которых так чужеродны, что вы даже не сможете понять, что они собой представляют, почему воздействуют определенным образом и воздействуют ли вообще. Кое-

какие из них будут очень похожи на те, что вам давно известны. Но этот мир — сумасшедший дом, Хаин, и он убьет вас. Мы еще увидим это.

На мгновение воцарилась тишина. Речь Ортеги встревожила Бразила и Вардию не меньше, чем Хаина. Молчание нарушил Бразил:

— Серж, ты сказал, что она не погибнет. Почему?

— Это связано с тем, что здесь происходит с людьми, — ответил человек-змея. — Позже я тебе расскажу все подробно. Мир Колодца не только изменяет, но и возвращает то, чего ты лишился. Нат, ты вернешь себе прежнее здоровье и память. Ты вспомнишь даже то, о чем не хочешь вспоминать. И ты будешь подготовлен — запрограммирован, если хочешь, — ко всему, что бы и где бы с тобой ни случилось. Не так, как это принято в комм-мире, — нет, ты будешь подготовлен именно к тому, что необходимо Натану Бразилу. Тебе дадут возможность начать все сначала, но речь не об омоложении. Это всего-навсего новый старт, дружище. Но здесь ты рано или поздно умрешь, и продолжительность твоей жизни будет зависеть от того, что ты собой представляешь.

Они спали в той же самой комнате с пластиковыми стенами и плюшевыми стульями. Все смертельно устали, а у Бразила, помимо того, еще ныла челюсть и болела голова. Однако по настоянию Ортеги, слишком хорошо знающего своего старого друга, Хаина положили отдельно и заперли во избежание рецидивов бешенства у вспыльчивого капитана.

Человек-змея разбудил их утром. Они были убеждены, что это — утро, хотя и не видели, что делается снаружи. Их ждал старомодный завтрак, состоявший из яиц, омлета, колбасы, тостов и кофе; его доставила

та же маленькая тележка, которая прошлым вечером привозила им ужин. Бразил заметил, что следы вчерашнего побоища были тщательно вычищены.

Ву Чжули выглядела не хуже, чем накануне; по ее виду нельзя было сказать, что она сильно страдает от боли. Девушка даже немного поела, сдавшись на настойчивые уговоры капитана.

Когда с завтраком было покончено и тележка с пустыми подносами укатила, Серж Ортега нажал кнопку на скрытом в столе приборном щитке, и справа от него опустился небольшой экран.

— К сожалению, — сказал он, — наше время ограничено, поскольку на мне лежит масса других обязанностей. Но когда много лет назад я вышел из Зоны совершенно неподготовленным, сразу же возникла куча проблем. Так вот я бы очень хотел, чтобы вам было хоть немного полегче.

— Как давно вы попали сюда, гражданин Ортега? — спросила Вардия.

— Трудно сказать. Не менее семидесяти стандартных лет назад — здесь все еще ведут отсчет времени в этих годах. Может такое быть, Нат?

Бразил утвердительно кивнул, и Ортега продолжал:

— Это случилось в период поздней колонизации. Я доставлял контрабандное оружие на один из астероидов, расположенных за Сириусом. Удачно сбросив свой груз на одном из золотых рудников и избежав встречи с полицией, на обратном пути я умудрился в самом центре глубокого космоса попасть в какую-то чертову трубу, которая засосала меня, прежде чем я успел с кем-нибудь связаться. Мне рассказывали, что в подавляющем большинстве случаев марковрианские ворота расположены на планетах. Может быть, эти астероиды некогда представляли собой единое целое. В общем, так или иначе я оказался здесь.

— Сколько времени существует это место? — спросил Бразил.

— Никто не знает. Возможно, пару миллионов лет. Древняя история этой планеты так же окутана тайной и полна мифов, как и наша собственная. И за всем этим стоят марковиане — кто-нибудь из вас знает о них?

— Очень немного, — ответил Бразил. — Что-то вроде сверхрасы, которая управляла с помощью мозга, находящегося под поверхностью каждой заселенной ими планеты, и которая внезапно вымерла.

— Совершенно верно, — сказал Ортега. — Их расцвет, как полагают здешние ученые, пришелся на тот период, когда предки людей еще только слезали с деревьев. Марковиане обжили всю галактику, Нат! Может быть, проникли даже дальше. Трудно сказать с полной уверенностью, но, видимо, существует множество исчезающих народов, чьи знания о Вселенной не имеют ничего общего с тем, что известно людям. И вот что самое странное: большинство из них чертовски на нас похожи.

— М-м... давай-ка уточним, Серж, на кого все-таки они похожи, — попросил Бразил. — На нас или на тебя?

Ортега расхохотался.

— И на вас, и на меня. Пожалуй, слово «гуманоид» было бы здесь самым уместным. Ну ладно, прежде я покажу вам то, что творится за этими стенами, а остальное добавлю по ходу дела.

Человек-змея уменьшил яркость света, и на экране возникла карта двух планетных полушарий. Она выглядела как обычная карта, но оба круга от полюса до полюса были заполнены гексагонами.

— Все это, — начал Ортега, — построили марковиане, помешанные на числе «шесть». Мы не знаем,

почему и как, нам известно — зачем. Каждый их мир имеет по меньшей мере одни ворота — такие же, как те, что перебросили вас сюда. Вы находитесь в Южной Полярной Зоне. Сюда прибывают те, у кого в основе жизни лежит углерод. Все гексы* южного полушария базируются на углероде или могут существовать в условиях базирующейся на углероде окружающей среды. Например, мехи из гекса 3 — 67 не базируются на углероде, но в их гексе вы спокойно можете жить.

— Значит, Северная Полярная Зона полна биологической экзотики? — спросил Хаин.

Ортега кивнул:

— Да, там собраны настоящие чужаки, — существа, с которыми мы не имеем буквально ничего общего. Их гексы занимают все северное полушарие.

— А что это за черная полоса на экваторе? Условная разделительная линия, или она что-нибудь означает? — спросила Вардия.

— Нет, это не условная линия, — ответил Ортега, — и у вас острый глаз, если вы ее заметили. Это... как бы лучше вам объяснить, это — отвесная непрозрачная стена высотой в несколько километров, которую можно увидеть, только подойдя к ней вплотную. Ни перелезть, ни перелететь через нее нельзя. Она, так сказать, просто существует. У нас, естественно, имеется несколько теорий относительно ее происхождения, и по одной из них это выходящая наружу часть марковианского мозга, составляющего ядро этой планеты. Ее издавна называют Колодцем Душ — вероятно, это и в самом деле так. Вы, наверное, слышали старинную поговорку: «До полуночи у

* Сокр. от «гексагон».

Колодца Душ». Теперь это — ритуальное присловье, однако в далеком прошлом оно могло иметь некий реальный смысл. Черт побери, если это — Колодец Душ, тогда где-нибудь всегда полночь!

— Что представляют собой гексагоны? — спросил Хаин.

— Ну, всего их на планете тысяча пятьсот шестьдесят, — отвечал Ортега. — Почему именно столько и почему все здесь упирается в число «шесть» никто не знает. По размерам все гексы одинаковы: каждая его сторона представляет собой темную полосу длиной чуть менее трехсот пятидесяти пяти километров; такая же темная полоса длиной почти шестьсот пятнадцать километров проходит поперек гекса. Понятно, что, создавая все это, марковиане пользовались своей измерительной системой, а что она из себя представляет, мы опять-таки не знаем.

— А что находится внутри гексов? — допытывался Бразил.

— Их можно назвать и государствами, — сказал Ортега, — но это было бы слишком условно. Каждый из них представляет собой замкнутую биосферу, предназначенную для определенной формы жизни и для ассоциированных с нею более низких форм. Марковианский мозг обеспечивает существование всех гексов, а те в свою очередь поддерживают определенный технологический уровень. Социальное устройство оставлено на усмотрение обитателей, так что здесь есть все — от монархий и диктатур до анархических режимов.

— Что ты имеешь в виду под определенным технологическим уровнем? — спросил его Бразил. — Что в одних гексах машины есть, а в других нет?

— Именно так, — подтвердил Ортега. — И причем повышать технологический уровень можно

сколько угодно за счет только тех ресурсов, которые находятся внутри гекса. Все, что получено за его пределами, не будет в нем работать, как это вчера произошло с пистолетом Хаина.

— У меня такое впечатление, что ты не прочь провести здесь остаток жизни, — прокомментировал его слова Бразил. — Кстати, я полагаю, все создания здесь со скуки интенсивно размножаются, как же марковIANскому мозгу удастся содержать все возрастающее количество народу?

— За количество народа не беспокойся, — ответил Ортега. — Обитатели этой планеты смертны. В некоторых гексах жизнь очень тяжела, некоторые виды вообще живут сравнительно недолго. Уровень репродуктивности сбалансирован. Если же численность населения начинает чрезмерно возрастать и естественные факторы — например, катастрофы, которые здесь случаются, или войны, которые, к счастью, большей частью локальны и не так ужасны, как всеобщие, — не приводят к ее сокращению, тогда большинство представителей следующих возрастных групп рождаются стерильными, хотя и абсолютно нормальными в сексуальном отношении. Как только все приходит в норму, способность к деторождению восстанавливается. Фактически же численность населения в каждом гексе стабильна — примерно от двухсот тысяч до миллиона особей.

Что же касается таких, как ты, Пришельцев, то, как я уже объяснял, марковIANе широко расселились в галактике, но на многих планетах мозг погиб и часть ворот по той или иной причине закрылась навсегда. Остальные так хорошо замаскированы, что необходима грубая ошибка, такая, как моя, одна на триллион, чтобы обнаружить вход. Все говорят, что ежегодно к нам попадает не более сотни Пришель-

цев. Когда Колодец начинает действовать, раздается сигнал тревоги, и некоторые из нас, сменяясь по очереди каждый день, встречают Пришельцев. Ваше счастье, что на вас натолкнулся именно я. Кое-кто здесь Пришельцев не любит и дурно с ними обращается. Я иногда заменяю их, так что они — мои должники.

— В Зоне находятся представители всех рас, населяющих южное полушарие? — спросила Вардия.

Человек-змея кивнул.

— Большинство, — сказал он. — По сути, Зона — это посольский центр. Здесь могут встречаться и вести переговоры представители любых наших рас. Когда им пора возвращаться, Ворота — мы их скоро увидим — в одно мгновение переносят их домой. Кстати, эти Ворота, черт бы их побрал, работают только в одну сторону — отсюда в родной гекс. До Зоны все добираются за свой счет. И еще здесь имеются специальные апартаменты для северян, и такие же созданы для нас в Северной Зоне, на тот случай, если нам необходимо поговорить. Однако мы с ними настолько непохожи, что такое случается чрезвычайно редко.

На лице Бразила появилось странное выражение.

— Серж, ты довольно подробно рассказал нам об этом мире, но упустил из виду одну очень важную деталь: каким образом такой недомерок-латинянин, как ты, превратился в шестирукого моржового змия.

Ортега был само смирение.

— Я считал, это очевидно. Когда Пришелец впервые проходит через Ворота, марковианский мозг решает, в какой гекс его отправить, от этого зависит, кем он становится.

— И что потом? — нервно спросил Хаин.

— Потом, разумеется, наступает период адаптации. Впервые пройдя через Ворота, я оказался в стра-

не уликов, которые выглядят так, как я сейчас. Потребовалось совсем немного времени, чтобы научиться пользоваться тем, что меня окружало, и значительно больше времени, чтобы все это уложилось у меня в голове. Но, к счастью, я обнаружил, что знаю их язык, и постепенно начал чувствовать себя все более и более комфортно. В результате я превратился в улика, оставшись прежним собой лишь в очень малой степени. Сейчас я и не вспоминаю, на что это похоже — быть человеком. И конечно, мой ум никогда не был столь ясным. Но вы теперь для меня — чужаки.

— Пока они переваривали эту информацию, стояла тишина. Нарушил ее Бразил.

— Однако, Серж, — сказал он, — если семьсот восемьдесят форм жизни, о которых ты говоришь, существуют в совместимых биосферах, то почему каждую особь прикрепили к ее собственной маленькой зоне?

— По разным причинам, — ответил Ортега. — Но в основном народы привязаны к своим территориям потому, что они несходны между собой. Чужаков никто не любит, и для этого всегда найдется малейший предлог — цвет кожи, язык, форма носа, религия и все остальное. У нас тут в разные времена было немало войн и массовых убийств. Теперь такими вещами никто не занимается — выгоды никакой, неприятностей — масса. Поэтому обитатели этого мира большей частью сидят в своих гексах и занимаются своими собственными делами. Кроме того, сможете ли вы общаться на равных с питающимся сырым мясом волосатым трехметровым пауком, даже если он тоже играет в шахматы и любит оркестровую музыку? И может ли общество, базирующееся на высокой технологии, долго держать в подчинении гекс,

в котором ничто из этой технологии не работает? Теперь эти вопросы решены — технологические гексы мирно соседствуют с нетехнологическими, где царит анархия и все решает меч.

При упоминании о мече глаза Вардии засверкали — она-то в таком гексе не пропадет.

— Кстати, в некоторых гексах имеется по нескольку прелестных добрых волшебниц, и их чары действуют, — предупредил Ортега.

— Ну, хватит, — с отвращением произнес Хаин. — Вы уже явно перегибаете палку. Магия? Чушь!

— Всякая магия представляет собой грань между знанием и невежеством, — ответил Ортега. — Волшебник просто умеет делать нечто такое, что вы сделать не в состоянии. Например, любая технология для примитивного существа — волшебство. Помните, это — древний мир и его обитатели — совершенно необычные существа. И если вы попытаетесь втиснуть этот мир в рамки вашего стандартного мышления или попытаетесь навязать ему свои собственные жизненные правила, свои собственные предубеждения, этот мир уничтожит вас.

— И все-таки опиши нам общую политическую ситуацию, Серж, — попросил Бразил. — Мне бы хотелось узнать значительно больше, прежде чем я отсюда выйду.

— Ты просишь невозможного, Нат! Как и на любой планете с огромным количеством стран и социальных систем, здесь все находится в постоянном движении. Меняются условия, правители. Постепенно ты сам все узнаешь. Скажу лишь одно — примерно тысячу лет назад какой-то генерал захватил более шестидесяти гексов. Его погубила растянутость линий снабжения и неспособность завоевать несколько гексов в тылу, которые в конце концов от-

резали его от баз. Урок этот был хорошо усвоен. Отныне дела здесь стали решать скорее правдами, чем неправдами.

Глаза Хаина заблестели.

— Это мне подходит, — прошептал он.

— А теперь, — закончил Ортега, — вы должны идти. Я не имею права держать вас здесь больше суток.

— Но у нас еще столько вопросов! — запротестовала Вардия. — Климат, времена года, тысячи необходимых деталей.

— Что касается климата, то он варьируется от гекса к гексу, но не зависит от географического положения, — сказал Ортега. — В каждом случае состояние климата поддерживается мозгом. Где бы гекс ни был расположен, дневное время составляет ровно половину суток. День, а значит, и ночь, равен четырнадцати и одной восьмой стандартного часа. Ось вращения планеты — абсолютно прямая. Впрочем, ее наклон можно искусственно менять. Но довольно! Я могу продолжать без конца, и все равно вы никогда не узнаете достаточно. Время истекло!

— А если я откажусь? — вызывающе заявила Вардия, подняв свой меч.

Столь же молниеносно, как это произошло во время драки Бразила с Хаином, змеиное тело улика развернулось и, подобно пружине, метнулось вперед; Ортега выхватил у девушки меч и меньше чем через полсекунды вернулся на свое прежнее место.

— У вас нет выбора, — сказал он спокойно. — Теперь вы пойдете со мной?

Они покорно двинулись за послем уликов тем же длинным извивающимся коридором, по которому шли накануне. Казалось, этот путь будет бесконечен.

Примерно через полчаса они оказались в огромном пустом зале. Три стены были облицованы тем же на-

поминающим пластик материалом, что и в кабинете Ортеги. Четвертая казалась абсолютно черной.

— Это — Ворота, — сказал Ортега, указывая на черную стену. — Мы пользуемся ими, чтобы возвращаться в гексы. Сейчас ими воспользуетесь вы. Пожалуйста, не бойтесь. Ворота не изменят вашу личность; после периода адаптации вы обнаружите, что не утратили ни капли своего интеллекта и даже несколько помнели. Что же касается этой юной девушки, то для нее проход через Ворота будет означать излечение от наркомании и исправление того, что в свое время было сделано для ограничения ее коэффициента умственного развития и способности. Разумеется, она может остаться тупым сельскохозяйственным рабочим, но в любом случае губка ей больше не понадобится.

Никто не двинулся с места, и Ортега повысил голос:

— Дверь, что у вас за спиной, заперта. Никто, даже я, не может вернуться в Зону до тех пор, пока не побывает в гексе. Вот так работает эта система!

— Я пойду первым, — сказал Бразил и шагнул к Воротам. Но на его плечо легла огромная рука.

— Не спеши, — тихо сказал ему человек-змея. — Ты пойдешь последним.

Бразил удивился, но, догадавшись, что Ортега хочет поговорить с ним без свидетелей, кивнул и повернулся к торговцу:

— Как насчет вас, Хаин? Не хотите получить пинка на прощание? Мы ведь не в посольском центре.

— Вам больше не удастся застать меня врасплох, капитан, — ответил Хаин с прежней ухмылкой. — А если вы хорошенько подумаете, то сообразите, что я могу разнести вас на куски. В Зоне посол Ортега спас вашу жизнь, а не мою. И все же я пойду. Мое будущее не здесь.

С этими словами он решительно шагнул в темноту. И она тут же поглотила его.

Вардия и Ву Чжули неподвижно стояли около входа.

Повернувшись к Ву Чжули, Ортега взял ее за руку и повел к черной стене. Она не сопротивлялась, но, оказавшись рядом с темнотой, резко остановилась и закричала:

— Нет! Нет! — Затем умоляюще взглянула на Бразила.

— Идите вперед, — мягко сказал он, но девушка рванулась и, освободившись от хватки Ортеги, кинулась к капитану.

Бразил посмотрел ей в глаза; жалость терзала ему сердце.

— Вы должны идти, — произнес он. — Должны. Я найду вас.

Она не двигалась, еще крепче сжимая его руку. Внезапно сила, которой невозможно было сопротивляться, оторвала ее от капитана — одним неуловимым движением Ортега швырнул ее в темноту.

Ву Чжули завопила, но мрак поглотил ее, и вопль оборвался, как выключенная на полуслове звукозапись.

— Иногда это бывает довольно паскудным делом, — проворчал Ортега и обернулся к Бразилу. — С тобой все в порядке?

— Угу. — Бразил проглотил подступивший к горлу комок. — Я все понимаю, Серж, — сказал он мягко и затем, словно у него изменилось настроение, добавил с притворной злостью: — Но если ты намерен проделать со мной то же самое, я принципиально останусь!

Эти слова нарушили меланхолию человека-змеи, и он рассмеялся, обняв Бразила верхней правой рукой.

— Боже! — воскликнул он. — Разве можно устоять против такой силы духа!

Но тут его взгляд упал на Вардию, и он моментально успокоился.

«Интересно, что сейчас происходит в ее голове?» — думал Бразил. Рожденная в тоталитарном государстве и подготовленная для выполнения четких функций, она просто не запрограммирована на такой поворот в своей жизни. Каждый ее день был полон определенности, и, защищенная этим однообразием, она не сомневалась, что делает полезное дело.

Впервые в жизни ей предстояло принять самостоятельное решение.

Бразил немного помолчал и вдруг нашелся.

— Вардия, — сказал он командирским тоном, — когда мы высадились на Далгонии, мы намеревались заняться расследованием преступления. Следы привели нас сюда, но надо идти дальше. Вардия, на Далгонии остались семь тел, одно как минимум принадлежит вашему соотечественнику. И ваш долг найти убийцу.

Тяжелое дыхание выдавало душевные страдания девушки. Наконец она решилась и, взглянув на них последний раз, бросилась в темноту.

И исчезла.

Бразил с Ортегой остались одни.

— Что там насчет семи тел? — спросил человек-змея.

Бразил рассказал о таинственном сигнале бедствия, об ужасной находке на Далгонии и о следах, оставленных двумя людьми, исчезнувшими подобно ему и его спутникам.

Ортега помрачнел.

— Если бы я знал это десять недель назад, когда та парочка явилась сюда! Это во многом изменило бы соотношение сил в Совете.

Бразил удивленно поднял брови.

— Так ты их знаешь?

Ортега кивнул:

— Да, знаю. Я не раз просматривал записи об их прибытии. Прежде чем пропустить их через Ворота, здесь много спорили.

— Кто они? Что с ними произошло?

— Они прибыли вместе, и один из них все пытался убить другого, пока гре'атон — тип 6-22, похож на гигантскую саранчу, — не прекратил это. Его сменили несколько парней, выглядевших более или менее по-человечески; дерущихся разделили, и они больше не видели друг друга.

Каждый из них поведал фантастическую историю о том, как он, причем он один, открыл некое уравнение, использовавшееся марковнианским мозгом. Каждый из них объявил, что все во Вселенной связано серией заданных математических формул, детерминированных марковнианским мозгом. Когда для них провели стандартный инструктаж, оба пришли в величайшее возбуждение и стали уверять, будто Мир Колодца и есть управляющий мозг и что они могли бы каким-то образом связаться с ним и, может быть, даже взять его под контроль. Каждый утверждал, что другой украл это открытие и мечтал стать богом. Естественно, каждый уверял, что другой на него напал, а он пытался его остановить.

— Ты им поверил?

— Оба говорили очень убедительно. Мы использовали стандартные детекторы лжи и даже телепатию — с помощью одного из ребят с Севера.

— И что же дальше? — продолжал допытываться Бразил.

— Насколько мы могли судить, а мы не владеем методикой подлинно научного исследования, оба они говорили правду

— Ну и ну! Ты считаешь, что они законченные психопаты?

— Нет, каждый из них искренне верит, что именно он расшифровал код, а другой украл его открытие, и каждый искренне верит, что именно он достоин стать богом.

— Ты и вправду веришь в эту божественную чепуху? — спросил Бразил.

Ортега умудрился пожать плечами, используя все шесть рук.

— Кто знает? Многие здесь выдвигают сходные идеи, но никто пока не сумел их применить. Мы созвали Совет — в полном составе, с участием более тысячи двухсот представителей, сообщили им факты. Споров было на несколько дней.

Конечно, эта теория многое объясняет. Например, магию. Но она слишком сложна. И, как отмечают некоторые наши математики, ничего не значит, так как в любом случае никто не может управлять марковским мозгом. В конце концов, несмотря на то что часть членов Совета предложила убить этих Пришельцев, большинством голосов было решено пропустить их к нам.

— А как голосовал ты, Серж? — спросил Бразил.

— За то, чтобы их убить, Нат. Оба они — маньяки, и оба наделены гениальностью. Каждый верит, что смог бы выполнить задуманное, и оба, кажется, убеждены, что попасть сюда сразу же после сделанного ими открытия было предназначено им судьбой.

— Ближе к делу, Серж. Сам-то ты им веришь?

— Да, — угрюмо ответил гигант. — Я считаю, что эти двое — самые опасные существа во Вселенной. Но ближе к делу, как говоришь ты. Я полагаю, что один из них, не могу сказать — который, имеет все шансы на успех.

— Как их зовут, Серж, и откуда они?

Глаза у Ортеги заблестели.

— Так, значит, Бог в Своей безграничной мудрости все же смилостивился над нами! Нат, ты хотел схватить их, и Бог направил тебя прямо к нам!

Бразил несколько секунд помолчал.

— Серж, ты когда-нибудь слышал, — сказал он наконец, — чтобы марковнианский мозг буквально заманивал людей, посылая им ложные сигналы или нечто подобное?

— Нет, — не задумываясь ответил Ортега, — насколько я знаю, это всегда происходило случайно или по ошибке. Именно поэтому к нам попадает так мало народу. Теперь ты понимаешь, что я имел в виду, сказав, что сам Бог посылает тебя ко мне?

— Уж как-нибудь понимаю, — сухо ответил Бразил. — Мне бы хотелось побольше узнать об этих людях, прежде чем я начну искать две иголки в стоге сена размером с планету.

— Это можно, — сказал Ортега. — Пойдем ко мне в кабинет, и я покажу тебе все материалы.

Бразил едва не открыл рот.

— Но ведь ты сказал, что пути назад нет!

Ортега еще раз пожал всеми своими плечами.

— Я пошутил, — сказал он.

Через несколько часов Бразил уже знал все, что можно было почерпнуть из звукозаписей, фильмов, свидетельских показаний и аргументации комитетов Совета.

— У тебя есть что-нибудь еще об этих Скандере и Варнетте? — спросил он Ортегу. — Где они теперь? И какими стали?

— Новоприбывшие всегда бросаются в глаза, — ответил человек-змея, — они очень заметны. Но

эти двое словно растворились. Так что ничем не могу помочь.

— И тебе не кажется это странным? — допытывался Бразил. — Или, хуже того, подозрительным?

— Понимаю, что ты имеешь в виду. Вся планета видела и слышала то, что видел и слышал ты. У них вполне могли появиться какие-нибудь союзники.

— Вот это-то меня и беспокоит, — резко сказал Бразил. — Факты свидетельствуют о том, что где-то здесь существует некая чудовищная раса и что эта планета — средоточие разума, способного натворить Бог знает что, если зло победит.

— А может быть, они все-таки погибли? — с надеждой спросил Ортега.

Бразил покачал головой:

— Только не эти ребята. Они умны и опасны. Скандер — классический пример безумца-ученого, а Варнетт еще хуже: ренегат, комм высокого класса. Один из них своего добьется и впоследствии обязательно найдет способ избавиться от союзников.

— Тебе помогут все гексы, голосовавшие за их уничтожение, — подчеркнул Ортега.

— Хорошо, Серж, я это учту. Но предстоящая операция — для одинокого волка. В политическом смысле ваш Совет оказался очень недальновидным. Они ведь могли сосчитать. Даже гексы, голосовавшие за уничтожение, знали, что Пришельцев все равно не убьют, так какой же прок от их голосования? Конечно, мне может понадобиться помощь, особенно там, но когда я попаду туда, каждый друг, которым я обзаведусь в этом мире, станет добиваться божественной власти, и не важно, что я не знаю, как общаться с мозгом. Нет, Серж, я обязан покончить с обоими полностью, навсегда и как можно скорее.

— Где это тебе так понадобится помощь и где ты окажешься? — в недоумении спросил Ортега.

— У Колодца Душ, разумеется, — спокойно ответил Бразил. — И до полуночи.

Человек-змея удивился еще больше.

— Но ведь это всего лишь древняя поговорка, — сказал он.

— Это решение, Серж, — уверенно заявил Бразил. — Никто просто не сумел расшифровать код и воспользоваться им.

— Но поговорка не содержит реального смысла!

— Конечно, содержит! — возразил Бразил. — Это ответ на чудовищный вопрос и ключ к еще более чудовищным угрозам. Могу себе представить, как загорелись глаза у Скандера и Варнетта, когда они впервые услышали эту фразу. Они-то ее поняли.

— Но в чем заключается вопрос? — недоуменно спросил Ортега, совсем сбитый с толку.

— Этого я еще не знаю, — ответил Бразил. — Но оба они считали, что решение есть и что они смогут его найти. А если смогут они, то смогу и я. Послушай, Серж, зачем создан этот мир? — продолжал он. — Пусть они правы, и все мы — плод марковрианского воображения. Но зачем нужны Колодец, гексы, цивилизации? Если я пойму это, то сумею найти ответ и на самый важный вопрос. И я найду его! — воскликнул Бразил.

— Почему ты так в этом уверен? — В голосе Ортеги прозвучало сомнение.

— Потому что кому-то — или чему-то — я нужен! — продолжал Бразил так же возбужденно. — Меня сюда заманили! Ведь в конце концов именно поэтому я здесь, Серж! Это определило даже выбор времени. Даже теперь они опережают нас на десять недель! Ты первый сказал мне об этом у Ворота.

Ортега с мрачным видом покачал головой.

— То, что я болтал о Боге, чепуха, Нат. Просто я снова общаюсь с иезуитами — да, у нас их здесь несколько; они прибыли на одиноком корабле и пытаются обратить язычников. Но будь разумен, парень! Ты бы ни за что не услышал сигналов бедствия, если бы не избрал кружной путь. Ты бы не сделал крюк, если бы на твоём корабле не было Ву Чжули. Все это трудно спланировать заранее, не говоря уже о твоём акте милосердия.

— А я считаю, что это было запланировано, Серж, — спокойно возразил Бразил. — Кто-то долго водил меня за нос.

— Но зачем? — воскликнул Ортега.

— Я узнаю, — произнес Бразил, и в его голосе слышались и твердость, и страх одновременно. — Узнаю в полночь у Колодца Душ.

Они снова стояли у Ворот, теперь — в последний раз.

— Все уже согласовано, — сказал Ортега. — Как только пройдёшь через Ворота и сориентируешься, обратись к местному правителю. Всех их оповестили о твоём появлении и просили оказывать тебе всяческую помощь. Однако по меньшей мере один из них в сговоре с твоими врагами. Ты уверен в себе? Что, если ты исчезнешь?

— Этого не случится, Серж, — невозмутимо ответил Бразил. — Шахматисты не жертвуют королевой в начале партии.

Ортега в последний раз пожал всеми своими плечами.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — но будь осторожен, дружище! Если с тобой что-нибудь случится, я отомщу.

Бразил улыбнулся и бросил взгляд на Ворота.

— Что лучше — бежать сквозь них, идти или как-нибудь еще?

— Не имеет значения, — сказал Ортега. — В любом случае это будет как пробуждение после долгого сна. Может быть, ты проснешься в обличье улика!

Бразил снова улыбнулся, но свои соображения по поводу превращения в семиметрового шестирукого моржового змия оставил при себе. Он подошел к Воротам, затем обернулся, чтобы бросить последний взгляд на своего старого друга.

— Надеюсь, что в любом случае я проснусь, Серж, — сказал он спокойно.

— С Богом, ты, старый язычник, — произнес Ортега.

— Черт возьми, — пробормотал Бразил, наполовину самому себе, — спустя столько лет я действительно могу проснуться идолопоклонником. — С этими словами он вошел в Ворота.

И погрузился в сновидения

Он стоял на гигантской, простиравшейся во всех направлениях шахматной доске. На его стороне — стороне белых — семь пешек были побиты. Их обгорелые, замерзшие тела лежали на почерневших больничных койках.

Сквозь редкий строй черных фигур он видел Скандера и Варнетта — королеву и короля.

Бразила — белую королеву — украшали роскошные одежды. В руке он держал скипетр. Королева искала глазами своего короля, но никак не могла его обнаружить. Перед ней стояли Ву Чжули — пешка и Вардия — офицер со сверкающим мечом.

Ортега, епископ*, быстро скользил по доске, но упал, получив удар от черной ладьи с лицом Датама Хаина.

Белая королева, стараясь не наступить на подол своего длинного платья, быстро двинулась к Хаину, приготовясь ударить скипетром по его безобразному порсящему лицу, когда внезапно вновь появился Ортега и оттолкнул черную фигуру.

— Королевская семья черных бежала, ваше высочество! — громко прозвучал голос Ортеги. — Они направляются к Колодцу Душ!

Королева огляделась, однако главные вражеские фигуры исчезли.

— Но где находится этот Колодец Душ? — вскричала королева. — Не зная этого, я не могу найти короля!

Неожиданно из-за пределов доски раздался невероятный, космический хохот. Чудовишный, гулкий, всеподавляющий. Гигантская рука схватила королеву и потащила ее далеко, к другому краю доски.

— Вот он! — насмешливо произнес могучий голос.

Королева осмотрелась и в ужасе завопила. Король с лицом Скандера стоял на одну клетку правее, а королева с лицом Варнетта — на клетку выше.

— Наш ход! — произнесли они оба и разразились маниакальным смехом.

Бразил очнулся и тут же вскочил на ноги. «Странно, — подумал он с удивлением, — я проснулся более свежим и здоровым, чем когда бы то ни было».

Он оглядел свое тело, чтобы узнать, кем же он стал. На берегу расположенного неподалеку озера

* В русской шахматной номинации — слон.

бродили животные и другие существа, очень похожие на него.

— Будь я проклят! — громко сказал Бразил. — Конечно! Вот он — ответ на первый вопрос! Я должен был догадаться еще в кабинете Сержа!

Иногда в очевидное нужно ткнуться носом, иначе ничего не доходит.

Размышляя о том, почему это место оказалось столь примитивным, Бразил с тревогой в душе отправился на поиски Ворот Зоны.

ЧИЛА-ВЕСНА
(ПОЯВЛЯЕТСЯ ВАРДИЯ
ДИПЛО 1261, СПЯЩАЯ)

на так никогда и не поняла, почему в конце концов прошла через Ворота. Может быть, ее заставило сделать это ощущение неизбежности, а может быть, покорность всякой власти, внушенная воспитанием.

В темноте, поглотившей ее, пульсировали удивительные цветные узоры — желтые, зеленые, красные, синие, меняющиеся, словно рисунок в калейдоскопе, пульсации сопровождали механические звенящие звуки, и все это сливалось в странную, монотонную симфонию.

Проснулась она совершенно неожиданно.

Вокруг была буйная саванна, высокие зеленые и золотые травы расстилались до далеких предгорий. На значительном расстоянии от нее виднелись деревья, похожие на эвкалипты, в изобилии растущие на равнине. Однако выглядели они как голые пни, оставшиеся от некогда возвышавшихся здесь более крупных деревьев.

И тут до нее дошло, что эти деревья-пни двигаются в каком-то странном синкопированном ритме. Их стволы на самом деле были ногами, и у Вардии

создалось впечатление, что все они идут огромными шагами, то и дело останавливаясь. Это было то же самое, что увидеть медленно прогуливающимися участников соревнований велосипедистов-трековиков. Впрочем, впечатление оказалось обманчиво; как ей удалось заметить, некоторые пни чрезвычайно быстро покрывали значительные расстояния.

«Кажется, они что-то затевают, — подумала она. — Если у них есть цель, это свидетельствует о существовании здесь некой цивилизации; но прежде чем определить, какая роль отведена мне, нужно узнать, где я, собственно, нахожусь».

Девушка направилась к дальним фигурам.

И вдруг остановилась как вкопанная, случайно бросив взгляд на свое собственное тело.

Кожа ее стала светло-зеленой и глянцевитой, как кожица винограда. У нее были толстые, но длинные и гибкие ноги без явно выраженных суставов. Грудь и влагалище отсутствовали. Зад оказался гладким и плоским. Руки, очень похожие на ноги, но немного тоньше, гнулись во все стороны и заканчивались не кистями, а щупальцами. На правой руке красовался короткий отросток. Возможно, это был большой палец.

Она поднесла руку к лицу. Широкая щель, явно служившая ртом, еле открывалась. Нос представлял собой дырку, жесткую по краям. На голове вместо волос росло нечто тонкое и упругое, размером с плоскую академическую шапочку, но неправильной формы.

«Во что же я превратилась?!» — в панике думала Вардия, понимая, что еще немного, и у нее впервые в жизни начнется настоящая истерика.

Стремясь вернуть себе душевное равновесие, она попыталась сделать глубокий вдох, что всегда помогало ей, но осознала, что не в состоянии сделать даже

это — ее единственная ноздря могла пропустить лишь крошечную дозу воздуха.

Прислушавшись к себе, девушка поняла, что нос главным образом орган обоняния. Дышала она через поры своей зеленой кожи.

Вскоре паника как-то сама собой утихла, и она стала думать о том, что же делать дальше. Зеленые пни спешили по своим делам, а ей нужно было найти какую-нибудь дорогу.

Придется вступить в контакт с этими созданиями и посмотреть, что из этого выйдет. Вардия двинулась вперед и с удивлением обнаружила, что, несмотря на высокую траву, прошла почти километр всего за несколько минут. Приблизившись к загадочным фигурам, девушка увидела, что они двигаются по дороге. Широкой, с красно-коричневым грунтом.

Никто не обращал на нее никакого внимания, а Вардия спокойно все изучила. Существа были очень похожи на нее, и то, что ей не удалось увидеть, рассматривая себя, теперь можно было хорошо разглядеть: например, два больших круглых желтых глаза с темными зрачками, лишенные век. Внезапно Вардия почувствовала, что не только не моргает, но вообще не помнит, как это делается.

Штука, растущая у нее на голове, оказалась большим листом довольно странной формы — причем двух одинаковых она не заметила. У листа был толстый, короткий стебель и более интенсивная по сравнению с остальным окраска; на ощупь он чрезвычайно напоминал воск.

Не зная, как заговорить с кем-нибудь, и даже немного побаиваясь предпринять такую попытку, девушка решила просто пойти по дороге. «Дорога обязательно должна куда-нибудь вести, — сказала она себе. — А направление для меня абсолютно не важно».

Она двинулась в сторону невысоких гор, видневшихся слева от нее. Впереди шло не менее дюжины — кого? Людей? Нагоняя их, она услышала, что они беседуют. Звуки были музыкальные и как будто очень знакомые. Приблизившись к одной паре, Вардия замедлила шаг и окончательно убедилась, что понимает эту странную шелестящую речь.

— ...вчитался в материалы духовной страты Бла'ахалиагана и не смог ничего понять. Если Благословенные Старейшины немедленно не уберут это дерьмо, я занесу все это в каталог.

— Гм... Дело довольно поганое, но я тебя понимаю, — благожелательно отозвался другой. — Криндел, работающий на Старейшину Мадидула, здорово сел в лужу, не разобравшись с примитивной игрой, которую занес Пришелец, попавший к нам около трехсот лет назад. Предполагалось, что эта игра имеет бесконечное количество вариантов после первых же нескольких ходов, отсюда возникла идея обучить ей компьютер. Не получилось. Непонятная история. Дело едва не ушло к Посредникам и по вине Криндела погибло.

— А как Достойнейшему удалось из этого выбраться? — спросил первый.

— Мадидул подхватил вирусное заболевание, и Старейшинам пришлось ввести карантин, — фыркнул другой. — Достойнейший под шумок закрыл отдел, загубивший этот проект, и перераспределил обязанности персонала. Старейшины занялись вопросом, имеют ли камни душу, и это уберегло Достойнейшего от грозивших ему неприятностей.

Разговор становился все более и более непонятным, и Вардия перестала слушать. «Единственное, что я пока поняла, — думала девушка, — это то, что

их языку явно недостает личных местоимений третьего лица единственного числа».

Она заметила, что шеи говоривших украшают золотые цепочки, но, что к ним было прикреплено, не разглядела.

Вардия шла уже довольно долго, продолжая наблюдать и размышлять. Прежде всего было похоже, что здешние обитатели живут общинами. То здесь, то там в стороне от дороги виднелись группы зеленых существ, численность которых колебалась от трех-четырех до нескольких дюжин. Члены таких групп образовывали круг, напоминающий лагерь, но лагерь без костра. Время от времени в центрах групп мелькал таинственный свет, но ничего особенно необычного девушка не замечала. В некоторых группах пели, в некоторых танцевали, в остальных велись оживленные беседы — столь сложные и непонятные, что вызывали ассоциации с монотонным жужжанием пчел.

Неожиданно она осознала, что не чувствует ни усталости, ни голода. «Это хорошо, — подумала Вардия, — тем более что я понятия не имею, что эти создания едят».

Она продолжала думать на своем родном языке, хотя без труда понимала чужой монотонный шелест.

Пара, за которой она шла, свернула на боковую тропинку, ведущую к большой группе существ, собравшихся в необычайно живописном месте. Это была поистине пасторальная картина — пышные цветы и кустарники на берегу быстротекущей речки.

Девушка резко остановилась на перекрестке, и тот, кто шел сзади, с трудом обогнул ее. Вардия поняла, что стоит на проходе.

— Простите, — сказала она чисто механически и отступила в сторону.

— Ничего, ничего, — раздалось в ответ.

Прошла целая минута, прежде чем она поняла, что произошло. Она говорила, и ее поняли!

Девушка бросилась догонять существо, которое ей ответило.

— Подождите! Пожалуйста! Мне нужна ваша помощь!

Существо обернулось, явно озадаченное.

— Что случилось? — спросило оно, когда Вардия подошла поближе.

— Я... я заблудилась, — выпалила она. — Я только что превратилась в одну из вас и не знаю, где нахожусь и что мне следует делать.

Ее собеседника словно озарило.

— Так вы — новый Пришелец! Замечательно! За всю мою жизнь в Чилле не было ни одного Пришельца! Конечно, вы растеряны. Идемте! Эту ночь вы проведете у нас и расскажете о своем происхождении, а мы расскажем вам о Чилле. — Существо нетерпеливо, словно ребенок, получивший новую игрушку, потянуло ее за руку. — Идемте!

Оказавшись у купы деревьев, существо быстро созвало своих собратьев и возбужденно сообщило им, что в Речной излучине, так, видимо, назывался этот лагерь, появился Пришелец.

Вардия, которая еще не привыкла к новой внешности и не освоилась в новой обстановке, воспринимала любое внимание к своей особе крайне нервно.

И было отчего понервничать — существа обступили ее плотным кольцом, задавая сотни вопросов одновременно, перебывая друг друга и создавая страшный шум. Наконец одно из них, обладавшее самым громким голосом, обратилось к собравшимся с призывом успокоиться.

— Не галдите! — кричало оно, пытаясь утихомирить напивавших на Вардию любопытных. — Разве

вы не видите, что бедное создание до смерти напугано? Понравилось бы вам, если, проснувшись утром, вы обнаружили бы, что превратились в пиа. А эти отвратительные твари взяли бы вас в кольцо и принялись орать?

В конце концов все успокоились, и удовлетворенное существо повернулось к Вардии:

— Как давно вы находитесь в Чилле?

— Я... я только что прибыла, — сказала она. — Вы — первый, с кем я заговорила. И я даже не знаю, как мне это удалось.

— Ну что ж, вы попали в компанию отъявленных болтунов, — сказала оно, забавляясь. — Меня зовут Броудер, и я не стану представлять вам всех и каждого. Как только весть о вас разнесется по гексу, народ повалит сюда толпой.

«Как странно, — подумала девушка, — что эти чудные посвист и шелест тут же переводятся в мозг на язык Конфедерации». Имя этого существа было, конечно, не Броудер; оно состояло из серии звуков, все более низких по тону. Тем не менее для нее они звучали именно так, и, по-видимому, то же самое происходило в обратном направлении.

— Я — Вардия Дипло Тысяча двести шестьдесят один из Нуэва Альбиона, — назвалась она.

— Из комм-мира! — разочарованно протянул кто-то. — Ну, правильно! Как из комм-мира, так сразу к нам.

— Не обращайтесь на этих крикунов, — сказал Броудер. — У них просто такая привычка здороваться. — Последние слова он произнес с невыразимым сарказмом.

— А чем вы занимались до того, как попали к нам? — спросил кто-то еще.

— Моя работа? — переспросила Вардия и тут же ответила: — Я была дипломатическим курьером.

Осуществляла связь между Нуэва Альбионом и Кориоланом.

— Слышите вы? — сердито фыркнул Броудер. — Она образованная!

— А я все равно держу пари, что славный представитель комм-мира не умеет даже читать! — послышался голос откуда-то сзади.

— Не обращайтесь внимания, — повторил Броудер, махнув одним из своих щупалец. — На самом деле мы дружная группа. Я был... Что случилось? — внезапно спросил он Вардию.

— Мне дурно, — прошептала она. Земля и толпа поплыли у нее перед глазами. Она качнулась и попыталась опереться на Броудера.

— Это бывает, — успокаивающе заметил Броудер. — Мне надо было подумать об этом раньше. Пойдемте, я помогу вам спуститься к реке.

Он свел девушку вниз, к стремительно несущемуся потоку, который странным образом подействовал на нее успокаивающе, и велел ей войти в воду.

— Просто постоит здесь несколько минут, — сказал чиллианин. — Вернетесь, когда почувствуете себя лучше.

Она автоматически отметила, как из небольших полостей в ее ногах появились странные завитки, похожие на усики выходящих растений, и стали зарываться в речное дно на мелководье. Она хлебнула холодной воды в том месте, где находились усики, и почувствовала, что головокружение и слабость прошли.

Обернувшись к берегу, она обнаружила, что пятнадцать или двадцать светло-зеленых бесполок созданий с болтающимися на головах листьями выстроились в ряд и таращатся на нее своими круглыми желтыми глазами. Она немедленно втянула обратно свои усики и решительно вышла из воды.

— Ну как, теперь все в порядке? — спросил Бродер. — Мы поступили глупо: разумеется, в вашем организме не хватало воды. В Чилле уже многие годы не было Пришельцев, на нашей памяти вы — первый. Так что, пожалуйста, если ощутите хоть малейшее неудобство или слабость, дайте нам знать. Это будет совершенно естественно.

Его слова звучали абсолютно искренне, и это подбодрило Вардию больше, чем холодная вода. Похоже, она находится среди друзей.

— Может быть, теперь вы ответите на несколько моих вопросов? — спросила она.

— Давайте, — ответил Бродер.

— Хорошо. То, что я спрошу, может показаться вам страшной глупостью, но для меня все это очень важно, — начала она. — Прежде всего кто я? Вернее, кто мы?

— Я — Грингер, — произнес другой чиллианин. — Вероятно, я лучше отвечу на ваш вопрос. Вы — чиллианин. Страна наша именуется Чилл, и, хотя вам это ничего не говорит, у вас по крайней мере есть этикетка.

— Что означает это название? — спросила она.

Грингер продемонстрировал чиллианский эквивалент пожатия плечами.

— В сущности, ничего. В наши дни большинство названий ничего не означают. Во всяком случае, — продолжал он, — в этих краях мы — явление необычное, так как представляем собой скорее растения, чем какой-либо вид животных. В Мире Колодца существуют и другие мыслящие растения — одиннадцать видов на Юге и девять на Севере, хотя я не уверен, что северяне — настоящие растения. В общем, так или иначе мы составляем здесь явное меньшинство. Но существует огромное преимущество в том, чтобы жить в растительном царстве.

— Например? — спросила Вардия, злясь на себя за то, что ей все это очень нравится.

— Мы не зависим ни от какой пищи. Наши тела получают ее, поглощая солнечный свет, как это делает большинство растений. Достаточно несколько часов в день впитывать излучение настоящего или искусственного солнца, и вы никогда не почувствуете голод. Вам нужны некоторые минералы, содержащиеся в почве, но их потребляет большинство обитателей Мира Колодца, так что имеется куча мест, где вы спокойно можете жить. Единственное, что вам действительно необходимо, — это вода, однако потребность в ней вполне достаточно удовлетворять раз в несколько дней. Тело само скажет вам — когда, как это только что с вами произошло. Если вы наладите регулярный режим питья, у вас никогда не будет головокружения и слабости и вам не придется рисковать здоровьем из-за нехватки воды. Здесь нет понятия пола и нет примитивных импульсов, которые создают у животных такую невротическую путаницу.

— Вещи такого рода сведены к минимуму и на моей родной планете, — заметила Вардия. — Из ваших слов я могу заключить, что ваши принципы очень близки к моим собственным социальным концепциям. Но если у вас нет понятия пола, то, значит, вы размножаетесь искусственным путем?

Слушатели залились смехом.

— Нет, — ответил Грингер, — все расы в Мира Колодца представляют собой автономные биологические сообщества, которые могут выжить самостоятельно в определенных экологических условиях. Мы размножаемся медленно, так как принадлежим к числу старейших рас, населяющих эту планету. Когда возникает потребность в увеличении популяции, мы сами на длительный период вкореняемся в

почву и производим себе подобных путем деления клеток. Это намного практичнее любого другого способа. Все, что у нас есть, просто дублируется клетка за клеткой, и плод получается точной копией своего родителя, он даже сохраняет его память и индивидуальность. Таким образом, мы все здесь живем вечно, ибо плоды столь идентичны, что не всегда можно определить, кто есть кто.

Вардия оглянулась, рассматривая толпу.

— А нет ли среди вас таких двойников? — спросила она.

— Нет, — ответил Грингер. — Мы склонны держаться друг от друга подальше — до тех пор, пока годы и жизненный опыт не изменят нас. Мы живем небольшими группами, такими, как эта; у нас многообразные занятия и интересы, что обеспечивает нам широкий круг общения и спасает от скуки.

— В чем же заключаются ваши занятия? — спросила Вардия. — Я имею в виду, что большинство э... животных цивилизаций заняты производством пищи, промышленной продукции, строительством и содержанием жилищ, обучением молодежи. Вы же, судя по вашим словам, ни в чем подобном не нуждаетесь.

— Верно, — ответил Броудер. — Освободившись от свойственной животным потребности в пище, одежде, крове и сексе, мы посвятили себя таким занятиям, которым остальные расы из-за приоритета перечисленных мною потребностей вынуждены уделять лишь малую часть времени.

Вардия была озадачена еще больше, чем раньше.

— О каком роде деятельности вы говорите? — спросила она.

— Мы думаем.

— Броудер имеет в виду, — вмешался Грингер, заметив ее непонимающий взгляд, — что мы зани-

маемся исследованиями почти во всех областях знаний. Можете считать нас гигантским университетом. Мы собираем данные, классифицируем их, занимаемся решением определенных проблем — как практических, так и теоретических, — и что-то добавляем к огромному массиву науки. Если вы сходите с проторенного пути и избираете новое направление, вы можете отправиться в Центр, где работают те, кому необходимо лабораторное или техническое оборудование, и где те, кто трудится в смежных областях, встречаются для обсуждения своих открытий и проблем.

Вардия пыталась понять, но не могла.

— Зачем? — спросила она.

Броудер и Грингер выразили явное удивление:

— Что зачем?

— Зачем вы все это делаете? С какой целью?

Эти слова повергли всех в шоковое состояние. Затем в собравшейся толпе начались оживленные разговоры. Вардию встревожила такая реакция. Она решила, что ее, должно быть, просто не поняли.

— Я, наверное, неправильно сформулировала вопрос, — сказала она. — Что в итоге дают эти исследования? Если вы сами не используете их результаты, то для кого они предназначены?

Грингер выглядел так, словно его хватил удар.

— Но ведь поиски ради самого знания — это единственное, что отличает мыслящие существа от обычных растений или низших животных! — чуть резче ответил чиллианин.

Броудер обратился к ней почти покровительственным тоном, будто обращался к ребенку:

— Послушайте, что, по-вашему, является конечным результатом цивилизованной деятельности? Какова цель вашего народа?

— Жить счастливо в полной гармонии с окружающими во все времена, — ответила она, словно распевая литургию; этому ее учили с того самого дня, как изготовили на родильной фабрике.

Длинные щупальца Грингера возбужденно задвигались. Правое опустилось и сорвало стебелек желтой травы, которой заросло все кругом на многие километры. Грингер поднес травинку к лицу Вардии и помахал как указкой.

— Эта былинка счастлива, — решительно заявил он. — Она получает все, что ей необходимо для выживания. Она не думает и не нуждается в этом. Она остается счастливой даже тогда, когда я срываю ее и ей суждено умереть. Она об этом не знает и не узнает, когда умрет. Таковы же и ее сородичи, растущие на окружающей нас равнине. Они вполне подходят под ваше определение конечной цели цивилизованного общества. Они ничего не знают, и в их совершенном невежестве заключаются их абсолютное совершенство и гармония с окружающим миром. Так что же, нам искать пути для превращения всех мыслящих существ в траву или полевые цветы? Добиваться прекращения эволюции?

У Вардии голова пошла кругом. Такая логика и такие вопросы находились за пределами ее жизненного опыта и ее упорядоченной запрограммированной Вселенной. На это у нее не было ответа — они что, еретики? Загнанная в угол, но все еще не желающая признать правду, она пала духом.

— Я хочу вернуться обратно, — простонала она.

Броудер опечалился. Чувство жалости испытывали все собравшиеся, и не только в связи со вставшей перед Вардией философской дилеммой, но и из-за ее народа, миллиардов живых существ, слепо преданных абсолютно бессмысленной цели. Гибкие шу-

пальца Броудера обвилились вокруг ее плеч, и чиллианин отвел девушку на взрыхленную красновато-коричневую почву около лагеря.

— Все остальные вопросы могут подождать, — мягко сказал он. — У вас еще будет время все узнать и приспособиться. Уже темнеет, а вы нуждаетесь в отдыхе.

Тени становились длиннее, и далекое солнце превратилось в оранжевый шар, опускающийся за горизонт. Впервые за все время, прошедшее с момента пробуждения, Вардия почувствовала усталость. Ее начало знобить.

— Если мы не в Центре, где имеется искусственное освещение, ночь — время отдыха, — объяснил Броудер. — Хотя мы можем быть деятельны неопределенно долго, нам нужно вкореняться, чтобы сохранить здоровье и активность. Мы получаем из почвы минеральные элементы и тем самым восстанавливаем свои силы; кроме того, это необходимо для поддержания умственного здоровья.

— А как мне э... вкореняться? — спросила она.

— Вы выбираете место, на небольшом расстоянии от соседей, и ждете наступления темноты. Да вы сейчас сами увидите, — сказал Броудер.

С этими словами чиллианин указал ей место получше, а сам отошел шагов на пять.

Вардия стояла, глядя в сгущающихся сумерках на маленькую общину. Она заметила, что, хотя глаза ее по-прежнему открыты, видит она хуже и хуже. Затем она почувствовала, как мириады крошечных усиков в ответ на какой-то автоматический сигнал выползли из ее ног и глубоко зарылись в рыхлую почву. Холод и усталость отступили, и девушка ощутила, как внутри у нее поднимается тепло. Ей казалось, что каждая клетка ее нового тела трепещет, и она испытала близ-

кое к оргазму невыразимое наслаждение, погасившее мысль.

В гексе Чилл все, кто не был занят в Центре, вкоренились. Сторонний наблюдатель увидел бы, что страна усеяна более чем миллионом высоких толстых виноградин, неподвижных, словно деревья.

И все же природа бодрствовала. Миллионы ночных насекомых пели хором, и множество мелких млекопитающих бегали в поисках пищи, попутно очищая воздух и удобряя почву. Они обеспечивали замену углекислого газа кислородом, необходимую для сохранения в этом гексе атмосферного баланса. Бесчисленные легионы жизней сосуществовали с чиллианами, создавая идеальное равновесие. Все это происходило под усыпанным тысячами звезд ночным небом, которое не могли видеть спящие люди-растения.

Ее глаза были лишены век, поэтому она увидела мир, как только пробудилась. Она испытывала совершенно незнакомые чувства, когда, выйдя из своего бесконечно сладостного сна, обнаружила, что утро уже в полном разгаре. В поле ее зрения находились несколько чиллиан, и она заметила, что они спят в жестко зафиксированной позе. Щупальца опустились и почти соединились с торсом, ноги слились воедино.

Она обратила внимание, что выбор места для ночного сна оказался гораздо важнее, чем ей показалось накануне. Активность чиллианину возвращали солнечные лучи, освещающие растущий на макушке одинокий лист; поэтому чем больше собратьев закрывали от него солнце, тем медленнее протекал этот процесс. Вардия почувствовала, как ее усики втяну-

лись обратно, и, словно очнувшись от паралича, ощутила, что может свободно двигаться.

К ней подошел Броудер.

— Ну как? Теперь вам лучше? — бодро спросил он.

— Да, спасибо. — Вардия и в самом деле чувствовала себя лучше, ее сомнения и страхи улетучились. Впервые она заметила, что шею Броудера обвивает золотая цепочка, точно такая же, какая была у тех чиллиан, за которыми она вчера шла. На цепочке висели часы с цифровым циферблатом.

Броудер посмотрел на них и кивнул.

— Сегодня мы проснулись довольно рано, — важно произнес он и тут же сконфуженно улыбнулся, — простите, я всегда так говорю, хотя мы каждое утро пробуждаемся в одно и то же время.

— Тогда зачем вам часы?

— Я часто участвую в конференциях, проводимых в Центре. Недавно, кстати, чуть не опоздал из-за этой железки — в последнее время стрелки здорово отстают.

— А над чем вы сейчас работаете?

— Над весьма необычным проектом, необычным даже для этих краев. Мы пытаемся решить загадку, возможно, неразрешимую, относящуюся только к этому миру. Сейчас этим в Центре занимаются очень многие. Однако беда в том, что большинство считает ее действительно неразрешимой.

— Тогда почему вы возитесь с ней? — спросила Вардия.

Чиллианин мрачно посмотрел на нее.

— А вот почему. Несмотря на то что для работы над этой проблемой мы оснащены лучше, чем кто бы то ни было, ею занимаются и другие. Если имеется хоть малейший шанс разрешить ее, в наших руках окажется абсолютное знание. Если это знание

попадет в чужие руки, оно может превратиться в угрозу нашему существованию.

Вот это Вардия понимала и потому стала добиваться у своего нового друга дополнительной информации. Но чиллианин оборвал расспросы, пообещав со временем все ей рассказать. У нее возникло четкое ощущение, что труд этот слишком важен, чтобы они сочли возможным довериться ей, хотя она и стала отныне одной из них.

— Сейчас я отправляюсь в Центр, — сказал Бродер. — Вы могли бы пойти со мной. И не только потому, что это даст вам возможность немного увидеть нашу страну, — Центр наверняка захочет испытать вас и поручить вам какую-нибудь работу.

Вардия с готовностью согласилась, и они двинулись по дороге в ту же самую сторону, куда она шла накануне. Бродер развлекал ее рассказами о стране.

— В поперечнике, — говорил он, — Чилл, как и все прочие гексы Мира Колодца, за исключением экваториальных, составляет шестьсот четырнадцать целых и восемьдесят шесть сотых километра. У нас, естественно, шесть соседей. Двое из них — океанические расы. Семь наших крупных рек образуются из сотен ручьев и речек — вроде той, что течет у нашего лагеря. Реки впадают в огромный океан — один из трех в южном полушарии. Он покрывает почти тридцать гексов и именуется Сверхмрачным. Одна из морских рас — млекопитающие, полугуманоиды-полурыбы. Они дышат воздухом, но большую часть жизни проводят под водой. Их называют уминау, нескольких вы сможете встретить в Центре. Мы всегда совместно занимаемся многими исследованиями, и в первую очередь, конечно, океанографическими. Другие океанические расы составляют отвратительную группу, называемую пиа; у них адский характер,

великолепные мозги и глаза, как у гуманоидов, но, кроме того, десять щупалец с покрытыми слизью клейкими присосками и широко разинутый рот с двенадцатью рядами зубов. Общение с пиа невозможно из-за их мерзкой привычки пожирать все, что движется.

Представив себе этот ужас, Вардия содрогнулась.

— Почему же тогда они не поедают умиау? — спросила она.

Броудер хихикнул.

— Они бы с удовольствием, но во всех гексах Мира Колодца, где бок о бок существуют антагонистические расы, действует система природных ограничений. Страна умиау лежит около устьев трех рек, и недостаточная соленость воды отпугивает пиа. Кроме того, умиау оснащены некоторыми естественными средствами защиты, да и плавают значительно быстрее. Сейчас у них с пиа своего рода перемирие. Впрочем, умиау, хоть они и не кровожадны, спокойно могут поесть пиа. Просто они это не афишируют.

На этом разговор прервался и возобновился лишь у развилки.

— Нам налево, — сказал Броудер. — И не вздумайте ходить по правой дороге: она ведет к лагерям больных и изолированных.

— А что это за болезни? — с беспокойством спросила Вардия.

— Те же, что и повсюду, — отвечал Броудер. — Но каждый раз мы создаем иммунную сыворотку, способную бороться с новыми мутациями вирусов. Не тревожьтесь. Средняя продолжительность жизни чиллианина — двести пятьдесят лет, и вы не раз успеете вырастить двойника. Стабильная численность населения в полтора миллиона особей — это немало, но и не много. Число рождений и смертей у нас при-

мерно одинаково — об этом заботится планетный мозг. Кроме того, мы не стареем в том смысле, в каком это понимает большинство других живых существ, поскольку в состоянии регенерировать большую часть наших органов, которые начинают плохо функционировать или повреждены.

— Регенерировать? — удивленно спросила Вардия. — Это значит, что, если я потеряю руку или ногу, они вырастут снова?

— Верно, — сказал Броудер. — Ваша внутренняя структура запечатлена в каждой клетке тела. Поскольку дыхание осуществляется непосредственно через поры, вы сможете возвращать себе свои органы многократно, если только не поврежден ваш мозг. Это болезненно — хотя сильной боли мы не испытываем, — но возможно.

— Следовательно, единственная часть тела, которую я должна беречь, — моя голова?

Броудер визгливо засмеялся.

— Нет, не голова, определенно нет! Скорее ноги, — произнес он, указывая на ее странные нижние конечности, похожие на перевернутые вазы с губчатыми крышками вместо подошв.

— Вы хотите сказать, что я хожу на своих мозгах? — недоверчиво спросила она.

— Именно так, — подтвердил Броудер. — Каждая нога контролирует соответствующую половину тела, но содержит полную информацию о вашем строении, включая мышление и память. Если бы вам отрубили ствол у самого основания, ваши ноги врылись бы в землю, и каждая вырастила бы новую Вардию. Ваша голова содержит лишь сенсорную информацию, поступающую от нервной системы, — большей частью малозначительную. Если голову отрубить, вы просто отправитесь спать и будете стоять, вкоренившись, до тех пор, пока не вырастет новая.

Некоторое время они шли молча, и Вардия попыталась представить, как у нее вырастает новая голова. «Неужели это правда? — думала она в смятении. — Неужели это он обо мне говорил?»

— А вот и Центр, — сказал Броудер, когда они поднялись на холм.

Перед ними лежало гигантское сооружение, протянувшееся, казалось, до самого горизонта. В середине его возвышался огромный купол, отражавший свет, подобно зеркалу, и несколько рук, сделанных из материала, похожего на прозрачное стекло, и симметрично вытянутых в стороны. Вокруг купола, напротив кончиков стеклянных пальцев, возвышались построенные из того же прозрачного материала небоскребы в двадцать этажей и более.

— Это невероятно! — восхитилась она.

— Но вы еще не все видели, — с ноткой гордости в голосе ответил Броудер. — Здесь трудятся наши лучшие умы, постоянно поставляя нам всевозможные знания. Серебристые полосы, проходящие сквозь стены и потолки, — это искусственный солнечный свет, позволяющий им бодрствовать целыми сутками. Если вы взглянете в сторону горизонта, то увидите текущую в нашу сторону реку Аверил. Центр построен точно над нею. Наличие света, воды, а также витаминные ванны позволяют нам работать без сна от семи до десяти суток. Однако рано или поздно это вас доконает, и чем дольше вы бодрствуете, тем дольше вам суждено стоять вкоренившись.

Что-то напомнило ей о Натане Бразиле и о книге, которую он читал, о той самой, в грязновато-коричневой обложке.

— А библиотека у вас тут есть? — спросила Вардия.

— Самая лучшая, — похвастался Броудер. — В ней собрано все, что когда-либо писалось жителями

этой планеты, — наши исследования, сообщения Пришельцев, сведения по истории, социологии и даже техническая информация.

— А романы?

— О да, — последовал ответ. — И легенды, и сказки, и вообще все что угодно. Особенно плодovиты в этом жанре умиау. До Центра они добираются по реке.

— А пиа? — спросила она с опаской.

— Помните, я говорил вам, что они не переносят пресную воду? А умиау — млекопитающие, им безразлично, в какой воде находиться.

Броудер перешел к описанию социальной структуры Центра. Возглавляла Центр небольшая группа специалистов — Старейшин, именуемых так потому, что они занимали первое место в своих отраслях науки. Старейшины руководили своими ассистентами — Учеными, проводящими исследования и выполняющими основную проектную работу. Броудер и Грингер были Учеными. Следующий, более низкий слой составляли Ученики, которые готовились к научной деятельности и ждали момента, чтобы проявить себя и продвинуться. Самый нижний уровень занимали Смотрители — уборщики и садовники, а также технический персонал; они содержали Центр в надлежащем состоянии, с тем чтобы специалисты могли полностью отдаваться научной работе. Смотрители выбирали себе эту профессию сами; их ряды нередко пополняли те, кто прежде занимал высокое положение, но решил, что уже сделал на этом поприще все, что мог, а также те, кого ожидала близкая смерть. Но некоторым эта работа просто нравилась.

Броудер ввел Вардию внутрь и представил Ученому по имени Мадриел, занимающемуся психологией. С этой минуты в течение нескольких недель ее без конца расспрашивали, изнурили долгими беседа-

ми, экзаменами и всяческими экспериментами, пытаюсь вывести всю ее подноготную. Вдобавок ее стали учить читать по-чиллиански. Мадриелу очень импонировали быстрота и легкость, с которыми она овладевала этим искусством.

Каждый вечер ее отсылали в специальный лагерь, расположенный возле Отдела психологии. Одни только звезды видели странный лес, выраставший вокруг Центра, когда тысячи тружеников всех рангов вкоренялись на ночь. Правда, некоторые проводили в таком положении целые сутки, отсыпаясь после долгой бессонной работы.

Вардия была единственным подопечным Мадриела.

— Вы — первый Пришелец, превратившийся в чиллианина на протяжении всей нашей жизни, — объяснил Ученый. — В обычных условиях я занимаюсь изучением деятельности работников, состоящих в различных отделах: проверяю, не заболели ли они, не утратил ли их труд эффективности, соответствует ли занимаемое ими место их способностям. Такое случается все время. Иногда, если это удастся, мы работаем с Пришельцами, посланными сюда для исследований из других гексов. Если же это оказывается невозможным, я сам отправляюсь туда. Я — один из тех чиллиан — а их насчитывается не более тысячи, — которые побывали в северном полушарии.

— На что похожа жизнь северян? Я понимаю, что там все по-другому.

— Вы нашли очень точные слова, — согласился Мадриел и содрогнулся. — Но ведь и у нас иногда бывает не лучше. Подумайте только, каково это беседовать с пиа на их собственной территории, когда они рассуждают о материях бытия и одновременно пытаются вас съесть. Я это испытал.

— И остались в живых! — с восхищением воскликнула Вардия.

Мадриел сделал жест отрицания.

— Так бывало не всегда, — сказал он. — Однажды меня сбили с ног, три или четыре раза калечили и дважды убивали.

— Убивали! — вскрикнула Вардия. — Но...

Мадриел пожал плечами.

— Я делился, создавая своего двойника, четыре раза по естественным причинам, — деловито сообщил он, — и еще раз, когда от меня остался один лишь мозг. Существуют четыре моих «я». Мы занимаемся одинаковой работой и, отправляясь в путешествия, стараемся избегать риска.

Изумленная Вардия покачала головой. В этом движении было больше человеческого, чем чиллианского.

Оказалось, что большинство двойников по распоряжению Отдела психологии работали по разным специальностям. Но занятые опасной деятельностью специалисты часто трудились бок о бок. Вардия несколько раз сталкивалась в Центре с подобными парами, что вызывало взаимное смущение.

В один прекрасный день Мадриел пригласил ее в свой кабинет. На столе перед ним лежало толстенное досье.

— Настало время поручить вам какое-нибудь дело и заняться другими проблемами, — сказал ей психолог. — Вы пробыли здесь достаточно долго, и мы сумели узнать вас лучше, чем любого другого чиллианина. Должен сказать, что вы — замечательный объект, хотя кое-что нас смущает.

— Что именно? — спросила Вардия.

Постепенно она все больше привыкала к своему новому телу и окружающему миру и все меньше ощущала социальную отчужденность, мучавшую ее в первый вечер.

— Вы пришли в норму, — продолжал Мадриел. — Теперь вы чувствуете себя так, словно родились среди нас, и ваше прошлое — это чисто мысленное переживание.

— Верно, — сказала Вардия. — Мне даже иногда кажется, что все это происходило с кем-то другим, что я просто наблюдала за этим со стороны.

— Так происходит со всеми Пришельцами, — заметил Мадриел. — Биологические изменения активно воздействуют на психику. Многое в нашем поведении основывается на биологических факторах. У представителей вашей бывшей расы гормональная неустойчивость вызывает половые различия; путем введения определенных препаратов в организм мужской особи, достигшей половой зрелости, можно придать ей женские признаки, и наоборот. Что же касается вас, то нам удалось привести ваш разум в соответствие с вашим новым телом, и это — к лучшему.

— Что же вас тогда беспокоит? — снова спросила Вардия.

— Отсутствие у вас специальности, — ответил психолог. — Все что-то делают. Но вы, явно обладая недюжинным умом, абсолютно невежественны. Вы можете с легкостью перевозить послания и передавать беседы, но ничего больше. Нас изумляет, что вы почти ничего не знаете о своем секторе галактики. Вы, в сущности, были человеком-магнитофоном. Поняли ли вы, например, что за восемьдесят три дня, проведенные у нас, вы испытали и получили больше, чем за всю свою прошлую жизнь?

— Я... я вас не понимаю, — пробормотала Вардия.

Тон Мадриела выражал жалость, смешанную с отвращением.

— При рождении вы получили высочайший интеллект, но, когда выросли, вас запрограммировали

таким образом, чтобы вы никогда не смогли его использовать. Поверх всего этого наложили личность, известную как Вардия Дипло Тысяча двести шестьдесят один; скрытое значение этого числа мне неприятно. В результате вы стали любознательны, пытливы, но все это лишь на поверхности. Вы никогда не могли, да и не желали действовать на основе получаемой информации. Вы занимались главным образом тем, что помогали другим устраиваться с комфортом. Когда определилось ваше предназначение, служащий посольства загипнотизировал вас, прочел вслух послание, после чего заставил забыть все, что произошло. Затем в вас должны были вложить ответное послание, если бы оно было. Это случилось бы, если бы вы прибыли на Кориолан. Вы хорошо запомнили вашего капитана, Бразила, и других пасажиров, сохранили яркое воспоминание о Далгонии. Теперь все это постепенно уйдет. Все, кого вы знали и с кем раньше встречались, станут для вас чужаками. Они просто привыкнут к мысли, как это делаете и вы, что знали другую Вардию Дипло. Вернитесь мысленно назад — что вы помните о вашей жизни до посадки на корабль Бразила?

Вардия вспомнила, как попрощалась со служащими Политического управления, как вышла оттуда, как добралась до космопорта, как села на корабль.

Но до этого — ничего.

— Я никогда не понимала... — начала она, но Мадриел прервал ее.

— Знаю, — сказал он. — Это — часть глубокого программирования. Это вообще бы никогда не пришло вам в голову. Вам даже не было известно содержание послания, которое вы везли, тайного послания, отправленного в такую даль. Вы запрограммированы на то, чтобы находиться в прекрасной физи-

ческой форме и в случае возникновения опасности или нападения на вас самоотверженно сражаться за свою свободу. Если бы вас стали преследовать, то вы должны были бы серией особых импульсом покончить жизнь самоубийством..

В глазах Вардии Мадриел увидел страх и недоверие.

— Не беспокойтесь, — сказал ей психолог. — Мы удалили глубоко заложенную программу. Вы останетесь самой собой. Хотите услышать послание, которое везли?

Вардия тупо кивнула, голова у нее была словно в тумане.

Психолог достал крошечный полупрозрачный кубик и вставил его в приемное окно стоящего на столе рекордера. И тут Вардия неожиданно услышала свой голос — прежний голос, у нее больше не было голосовых связок для такой речи, голос, произносящий слова с металлическим оттенком: «Комиссариат представляет вам Датама Хаина, который вместе со своей спутницей прибывает на том же корабле, что и курьер. Гражданину Хаину поручена миссия, жизненно важная для Комиссариата. Необходимо дать ему возможность встретиться за обедом с несколькими членами Президиума Кориолана, причем желательно, чтобы таких встреч было как можно больше. Вы должны точно, без вопросов и сомнений, следовать его инструкциям. Задержите курьера до тех пор, пока не будет устроена хотя бы одна такая встреча, затем перепрограммируйте его для доклада об этой встрече, причем перепрограммирование должно происходить в присутствии Хаина и с его санкции. Слава Народной Революции, слава ее пророкам».

Когда запись кончилась, Мадриел внимательно посмотрел на Вардию. Экс-курьер была явно потрясена, и этим шоковым лечением следовало управ-

лять. Чиллианин понимал, какая внутренняя борьба происходит в душе Пришельца.

Это было ужасно — разрушить чью-то устоявшуюся картину мира. Наконец психолог мягко спросил:

— Не хотите ли вкорениться и прийти в себя? Делайте это столько времени, сколько вам нужно.

Вардия покачала головой.

— Нет, — сказала она почти шепотом, — нет, со мной все в порядке.

— Знаю, — успокаивающе произнес психолог. — Это ужасно — обнаружить, что в жизни есть ложь. Вот одна из причин, по которым нам поручают выяснить правду. В этом мире имеются столь же скверные сообщества и расы, может быть, даже еще хуже. Датам Хаин находится где-то здесь и, вероятно, уже связался с дурной компанией. Такие сообщества враждебны цивилизации, и с ними мы воюем. Хотите присоединиться к нам в этой борьбе?

Несколько секунд Вардия молчала. Затем внезапно, словно в ней что-то щелкнуло, сказала с удивившей ее самой горячностью:

— Да!

Мадриел одарил ее чиллианским эквивалентом улыбки, достав печать, приложил ее к чистому листу, открывавшему досье. По-чиллиански на ней было выведено: «Готова для назначения».

Закончился последний этап, и Вардия Дипло 1261 исчезла.

Из кабинета вышел Вардия-чиллианин.

АККАФИАНСКАЯ ИМПЕРИЯ (ПОЯВЛЯЕТСЯ ДАТАМ ХАИН, СПЯЩИЙ)

Датам Хаин вошел в Ворота, бравирюя своей храбростью, хотя в действительности умирал от страха. В темноте его подхватил ураган чудовищных кошмаров, которые он испытал на протяжении своей долгой жизни. Все это непроизвольно всплывало в его сознании — марковианский мозг анализировал и классифицировал каждый объект в соответствии с заданной в незапамятные времена логикой.

Очнулся он мгновенно и тут же принялся оглядываться по сторонам. Ничего подобного он раньше не видел.

Во-первых, мир стал одноцветным; впрочем, вместо черного, белого и оттенков серого все было окрашено в мягкие светло-коричневые тона, вследствие чего одни предметы казались нерезкими, другие же четко выделялись на их фоне. Во-вторых, обострилось его восприятие. С одного взгляда он мог точно определить расстояние между тем, что находилось непосредственно перед глазами и что располагалось вдали, кроме того, его поле зрения увеличилось до ста восьмидесяти градусов.

Он стоял на высоком холме, а далеко внизу лежала унылая песчаная равнина, однообразие которой нарушали сотни конусов, весьма напоминающих кратеры потухших вулканов. Присмотревшись, он обнаружил, что время от времени эта панорама как бы приближается, каждый раз увеличиваясь в два-три раза. Едва различимая волосая линия, делившая пополам поле его зрения, тоже увеличивалась, превращаясь в высокую гряду, делившую ландшафт на правую и левую стороны. Это было похоже на то, как если бы он смотрел в два окна, уткнувшись носом в разделяющую их перегородку.

Внизу копошились какие-то странные существа. Хаин глядел на них как зачарованный, удивляясь, почему они ему так нравятся, вместо того чтобы вызывать ужас или отвращение. Это были гигантские насекомые; длина их колебалась от одного до четырех метров, средний рост составлял около метра. У них были два больших фасеточных глаза, помещавшихся, как у мухи, в передней части головы. Под глазами, по бокам рта, похожего на клюв попугая, торчали мощные жвалы. Неожиданно одно из этих созданий остановилось и длинным гибким черным языком вымыло себе лицо.

Удлиненное тело насекомых было покрыто шерстью — разрешающая способность глаз Хаина была так велика, что он мог даже сосчитать волоски. И еще: у них было по нескольку пар крыльев. Задняя часть тела заканчивалась костистым острием. Это, без сомнения, было жало. Хаин попытался представить себе судьбу тех, в кого вонзится пика такого размера.

Голова, по-видимому, была укреплена на шарнире или на круглом суставе, так как существа легко вертели ею в разные стороны.

Хаин заметил у них на лбу гигантские антенны, которые, казалось, жили своей собственной жизнью, находясь в постоянном движении; заканчивались они волосатыми узелками.

Восемь толстых волосатых ног каждого насекомого были многосуставчатыми, и он наблюдал, как пара этих существ использовала свои передние ноги в качестве рук, чтобы убрать с тропы каменную глыбу, мешавшую движению. Он заметил, что на жалах волос нет, что жала очень остры и покрыты какой-то липкой секрецией.

Насекомые передвигались с поразительной быстротой, время от времени взмывая в воздух. Летать очень далеко, обладая таким весом, они, конечно, не могли, но при желании совершали короткие прыжки. Некоторые управляли какими-то машинами. Одна из них, похожая на снегоочиститель, убирала с дороги пыль и обломки камней; предназначение других было неясно.

Хаин понял, что это не животные, а одна из форм разумной жизни Мира Колодца. И тут его осенило. Он попытался повернуть голову, чтобы рассмотреть себя, но не смог. Тогда он открыл свой непривычно жесткий рот и высунул язык. Длина его превышала три метра, и им можно было действовать как рукой; кроме того, он был покрыт каким-то невероятно клейким веществом.

«Я — один из них», — сказал себе торговец губками, испытывая не столько страх, сколько изумление.

Подняв голову, он поднес к глазам обе передние ноги и убедился, что не ошибся: каждая состояла из трех членистых сегментов, изгибающихся во все стороны. Концы ног, сделанных словно из жесткой резины, были заострены и тоже покрыты секрецией. Он попытался поднять ими небольшой камень.

Клейкая секреция обеспечила крепкий захват. Когда он отбросил его, секреция превратилась в тонкую пленку и отвалилась, подобно коже во время линьки.

Хаин отметил, что, когда камень упал на землю, он ничего не услышал, но почувствовал резкую единичную пульсацию. «Это антенна, — сообразил он. — Она реагирует на движение воздуха».

Внезапно он ощутил тысячи микроимпульсов и, как это ни странно, почти точно определил их источники.

«Это дает кое-какие возможности», — подумал Хаин.

С помощью языка он исследовал свое тело, стараясь не коснуться жала. «Не напороться бы на него случайно», — подумал он с опаской.

Он обнаружил, что имеет в длину около трех метров и почти ничем не отличается от существ, ползающих вниз.

Развернув крылья — их оказалось шесть пар, — Хаин убедился, что они слишком тонкие и хрупкие, чтобы выдерживать его вес. Он решил, что не станет ими пользоваться до тех пор, пока не узнает побольше о строении своего тела. «Даже птицам надо учиться летать, — подумал торговец, — а у мыслящих существ инстинкт — если он вообще существует — развит слабее, чем у видов, стоящих на более низкой ступени развития».

«Но как спуститься с этого уступа?» — задал он вопрос самому себе и, немного поколебавшись, решился на эксперимент. Когда его передние ноги коснулись края обрыва, они выделили уже известное ему вещество и накрепко приклеились к грунту.

Ободренный этим, он оттолкнулся и медленно начал спускаться. Это оказалось необычайно просто, и с каждым шагом его уверенность возрастала. «В пи-

ковом случае я пройду и по потолку», — самодовольно подумал Хаин. Он был приятно удивлен, ощутив безупречную скоординированность своих движений, но тело было слишком тяжелым и неповоротливым, и требовалась практика, чтобы научиться маневрировать, не рискуя упасть.

Оказавшись внизу, он столкнулся с проблемой, которую его разум был не в состоянии решить. Ему хотелось, чтобы его как можно быстрее представили здешним обитателям, чтобы его где-то поселили, ему хотелось узнать о здешней социально-политической системе, о географическом положении этого места и о многом другом. Кроме того, он был голоден и не имел ни малейшего представления о том, чем эти создания питаются.

Но как они общаются друг с другом? На каком языке говорят и говорят ли вообще?

Хаин помнил объяснения Ортеги, что об этом позаботится планетный мозг, но он страшно нервничал, когда встретился лицом к лицу с одним из этих существ.

Увидев Хаина, существо немедленно остановилось.

— Ты что здесь торчишь, марклинг? — спросило оно резко. — Тебе что — делать нечего?

Хаин был ошеломлен. Речь представляла собой серию невероятно быстрых импульсов, посылавшихся на его антенну. Но он все понял! Точнее, все, кроме последнего слова. Он решил, что попробует ответить.

— Пожалуйста! Я только что заново родился в этом мире и нуждаюсь в помощи и руководстве, — начал он и тут же ощутил, что его антенна затрепетала. Получилось!

— Что за черт! — сердито ответил прохожий — мозг Хаина, видимо, автоматически перевел эти слова в знакомые символы. — Ты болен?

— Нет, нет, — запротестовал Хаин. — Я из Зоны и только что проснулся таким, как вы.

Прохожий молчал целую минуту. Наконец его прорвало:

— Будь я проклят! Пришелец! Первый за десять с лишним лет! — Но тут к нему вдруг вернулся прежний скептицизм: — А ты не прикидываешься?

— Уверю вас, все, что я говорю, — чистейшая правда. Еще сегодня утром я принадлежал к совершенно другой расе.

— Ну что ж, ты прекрасно адаптировался, — сказал собеседник. — Большинство Пришельцев неделями страдают от мучительных припадков. Ладно, я отведу тебя в ближайшее государственное учреждение, и дальше это уж их проблема. Мне надо работать. Иди за мной.

С этими словами он двинулся по дороге.

Семена следом, Хаин заметил, что проводник намного крупнее его, тогда как большинство созданий, мимо которых они проходили, были примерно такого же размера, как он, или даже меньше. Им повстречались несколько огромных особей; это, видимо, были начальники.

Подойдя к одному из гигантских конусов, по виду ничем не отличающемуся от всех остальных, они поднялись по боковой стене и вошли в отверстие у его вершины. Хаин заметил, что края входного отверстия окованы металлом. Внутри он ужасно перепугался: надземная часть конуса, высотой около десяти метров, была пустотелой. Спускаться пришлось под отрицательным углом.

Преодолев это препятствие, они ступили на металлический пол круглого зала. Облицованные кафелем туннели, расходившиеся отсюда в разные стороны, подобно спицам чудовищного колеса, освеща-

лись неоновыми лампами, выполненными в виде длинных трубок. Коридоры были достаточно широки, чтобы двое таких существ могли идти рядом: Хаин со своим провожатым повстречали нескольких из них, когда свернули в ближайший коридор.

Они проходили мимо пустых дверных проемов, за которыми открывались огромные комнаты, полные всевозможных диковинок; часто в них находились десятки существ, занятых какими-то своими делами. Наконец они достигли дверного проема, над которым лампы образовывали гексагон. Внутри шестиугольника был нарисован большой серый круг; в нем помещался черный, поменьше, в центре которого торчала жирная белая точка. Хаин внутренне улыбнулся, так как это изображение очень напоминало зад его проводника с торчащим посередине грозным жалом.

Комната под гексагоном оказалась канцелярией. Повсюду стояли печатающие устройства, похожие на огромные пишущие машинки с телеэкранами, за которыми трудились существа средних размеров. Хаин заметил, что клавиатура устройств состояла из сорока или пятидесяти одинаковых светящихся при прикосновении кубиков. На экраны выводился непонятный точечный рисунок, не имевший, казалось, никакого смысла. Когда поле заполнялось до конца, задняя нога клерка нажимала большую клавишу, экран пустел, и все начиналось сначала.

«Значит, читать на этом языке я не умею, — подумал Хаин. — Ну что ж, не все сразу».

Проводник терпеливо ждал, пока их соизволят заметить. Наконец кто-то из служащих оторвал глаза от клавиатуры.

— В чем дело? — В голосе клерка прозвучало неприкрытое отвращение.

— Обнаружил на дороге этого марклинга, говорит, что он — Пришелец, — произнес проводник тем же раздраженным тоном, каким разговаривал с Хаином.

«Опять это слово. Что же такое марклинг? Черт бы их побрал!»

— Одну минуту, — сказал секретарь, или, точнее, секретарша, — Хаин интуитивно чувствовал, что его проводник — существо мужского пола, а секретарь и большинство служащих — женского. — Узнаю, сможет ли вас принять его высочество.

Она скрылась в соседней комнате и оставалась там несколько минут. До Хаина постепенно начинало доходить происходящее. «Наследственная монархия, — думал он. — Ничего страшного, могло быть и хуже».

Наконец секретарь возвратилась.

— Его высочество желает видеть Пришельца, — сказала она.

Проводник двинулся вперед.

— Только Пришельца, — резко осадил его. — Вам надлежит вернуться к своим обязанностям.

— Как скажете, — вяло ответил тот и отправился восвояси.

Собрав все свое мужество, Хаин шагнул вперед, и его глазам предстала весьма впечатляющая картина.

В комнате среди вполне обычных тюков и ящиков, за уже знакомым Хаину печатающим устройством, правда, со значительно более крупным экраном, поджав под себя четыре задние ноги, сидело существо невероятно огромных размеров, до глаз заросшее тонкой ослепительно белой шерстью.

Тут Хаин окончательно понял, что собой представляет эта наследственная монархия.

Он был ошеломлен и даже напуган, но старался ничем не выдать своих чувств.

— Как вас зовут, Пришелец? — величественно осведомился белый гигант. Тон, как догадался Хаин, определялся интенсивностью сигнала.

— Датам Хаин, ваше высочество, — ответил он как можно почтительнее.

Чиновник задумался, закинув язык на свой клюв. Затем он повернулся к пишущей машинке, напечатал что-то очень короткое и стукнул по переключателю. Экран немедленно заполнился теми же забавными точками.

Несколько минут чиновник изучал текст. Потом повернулся к изнывавшему от нетерпения Хаину, причем для этого ему пришлось передвинуться почти на четыре метра.

— Обычно, Хаин, мы лишь обучаем Пришельцев, и они либо адаптируются, либо умирают. — Сердце Хаина, если оно еще у него осталось, екнуло. — Но в данном случае, — продолжал императорский чиновник, — мы намерены использовать вас особым образом. Плохо, что вы превратились в марклинга, но этого следовало ожидать. Вас устроят поблизости — мой помощник покажет дорогу. Через три двери отсюда находится продовольственный склад. Большинство Пришельцев являются к нам, умирая от голода, так что идите и ешьте досыта. Относительно пищи не тревожьтесь: мы едим буквально все. Ждите там, где вас поселят, пока я не получу инструкций из императорской штаб-квартиры.

Хаин не шевелился, переваривая сказанное. Наконец он произнес:

— Ваше высочество, позволено ли мне будет задать вопрос?

— Да-да, — нетерпеливо сказал тот. — В чем дело?

— Что такое марклинг?

— Хаин, — более спокойно начал чиновник, — жизнь в Аккафианской империи тяжела. У нас очень высокая детская смертность, во-первых, из-за естественных факторов, во-вторых, вследствие других причин, которые вы сами раньше или позже обнаружите. В результате, чтобы обеспечить дальнейшее существование расы, на одну особь мужского пола рождаются около пятидесяти особей женского пола. Марклинг — это аккафианин женского пола, Хаин. Вы поменяли пол.

Кто-то из персонала проводил растерявшегося Хаина до продовольственного склада — большой светлой комнаты, полной необычных животных, растений и червей, часть которых была еще жива. Питаться по-аккафиански было омерзительно, по крайней мере для взбудораженной психики Хаина, но он утешал себя, что это необходимо. Откровенно говоря, вкус у этой пищи был не так уж и плох — фактически она была почти безвкусна и просто заполняла пустоту в желудке. Если не думать о том, что именно ешь, все шло отлично.

Язык действовал как великолепно управляемый клейкий хлыст. Он хватал еще живую жертву, подносил ее к жалу, чтобы парализовать, затем доставлял к жвалам, после чего она немедленно попадала в клюв.

Узнав, что отныне он не «он», а «она», Хаин не особенно расстроился. Сексуальные отношения у этих существ были настолько специфичны, что различия между полами были, видимо, малозначительны. Важно было другое: судя по всему, особи мужского пола занимали здесь командное положение. Нирлинги (так они именовались) контролировали систему государственного управления и производство. Особи женского пола, большей частью бесплодные, были обязаны трудиться. Насилия или принуж-

дения не требовалось — рабочие выполняли свои обязанности самоотверженно, не задавая вопросов и не жалуясь. Хаин быстро разобрался в этой системе: она напоминала комм-миры, где основная масса людей рождалась только для того, чтобы трудиться.

«Единственная проблема состоит в том, — подумал он, — что я стою на нижней ступеньке социальной лестницы». Быть абсолютно другим — с этим он мог согласиться. Быть существом женского пола — тоже мог. Но стать в этой системе рабыней — никогда.

Как только он насытился, его отвели в зону отдыха. Эта раса трудилась круглосуточно, одни сменялись другими, так что рабочие могли отдыхать в интервалах, определенных расписанием.

Зона отдыха состояла из нескольких ярусов. Это была стена с вырубленными в ней спальнями. Хаину назвали номер комнаты, велели забраться в нее и ждать дальнейших указаний.

Хаин легко поднялся по стене и вошел в назначенную ему спальню. Там было тепло и очень влажно, что, как ни странно, оказалось приятнее, чем сухой воздух канцелярии. На полу лежала шкура какого-то животного. Одну стену украшал маленький контрольный щиток с двумя кнопками, одна была опущена. Удивившись, Хаин нажал вторую кнопку. Это оказалось радио, которое транслировало серию звуковых образов; эти импульсы доставили ему огромное удовольствие и принесли успокоение. Расслабляющая волна омыла его тело насекомого, и он погрузился в сон без сновидений.

Секретарь, который привел его туда, убедившись, что Хаин заснул, направился к контрольной панели у основания зоны отдыха. Управляющая зоной, опускавшая подносы с отбросами и прочими делика-

тесами, удивилась, узнав в посетителе чиновника из канцелярии барона.

— По приказу его высочества, — заявил секретарь, — марклинг в номере один девяносто восемь должна спать, пока ее не вызовут. Проверьте, что успокоитель находится в нужной позиции.

Управляющая повторила приказ и отправилась к панели с пластиковыми кнопками, с помощью которых поддерживалась связь со спальнями; многие кнопки, в том числе та, что соответствовала спальне Хаина, светились. Управляющая нажала передней ногой кнопку номер сто девяносто восемь, и на панели с двух сторон загорелись красные огоньки.

Хаин должен был покоиться в блаженном сне до тех пор, пока кнопку не нажмут снова.

Секретарь выразил удовлетворение и вернулся для доклада в кабинет барона. Огромный белый нирлинг одобрительно кивнул и отпустил его.

Немного погодя он подошел к пульту связи и набрал номер императорского дворца. Он не любил звонить во дворец: император и его честолюбивые придворные были непостоянны и очень ненадежны. Бароны находились внизу иерархической лестницы, но зато жили они значительно дольше, ибо пребывали вне пределов дворца. Прими то, что выпало на твою долю, и жизнь покажется прекрасной.

Связь осуществлялась на звуковой частоте, поэтому требовалась расшифровка текста. Хотя у аккафиан не было ушей, они «слышали» точно так же, как и те, кто имел уши. Ведь звук в конце концов — это всего лишь изменение давления в окружающей нас воздушной среде. Хотя барон никогда не слышал звук как таковой, его слух был лучше, чем у большинства обитателей Мира Колодца.

Прошло немало времени, прежде чем во дворце проснулись и ответили. «Императорское окружение вырождается, — думал барон. — А день, когда бароны совершат переворот, все ближе и ближе».

Разумеется, титулы и все остальное не были тождественны человеческим эквивалентам, но если бы Хаин сумел перевести разговор на язык Конфедерации, он бы звучал примерно так:

— Говорит барон Клуksм из субгекса Девятнадцать. У меня имеется срочное сообщение для Тайного совета его величества.

— Тайный совет еще не собирался, — последовал раздраженный ответ. — Вы можете подождать со своим сообщением, барон?

Клуksм тихо выругался, взбешенный наглостью и глупостью, распространившимися даже на придворную челядь. Оператор была, по-видимому, одной из императорских марклингов.

— Я сказал «срочно», оператор! — отчеканил барон, из последних сил сдерживая гнев. — Несу за это полную ответственность.

Оператор, вероятно, не нашла что возразить и в конце концов в лучших бюрократических традициях решила свалить ответственность на другого.

— Соединяю вас с генералом Итилом из императорского штаба, — сказала она. — Подобные вопросы в его компетенции.

Клуksм не успел ничего ответить, раздался щелчок реле, и новый, на этот раз мужской, голос коротко произнес:

— Итил.

Барон крайне редко обращался за помощью к военным и откровенно их недолюбливал — каждые несколько лет, когда возникал очередной кризис, связанный с товарным дефицитом, и Аккафиан ввязывался

в войны с другими гексами, военные неизменно их проигрывали. Впрочем, Клуksм сообразил, что можно поступить, как и оператор: после того как он изложит ситуацию генералу, это перестанет быть его проблемой.

— Сегодня ко мне явился Пришелец, один из тех, за которыми было приказано наблюдать.

— Пришелец! — Голос Итила выдал охватившее его возбуждение. Звуковые волны были так интенсивны, что у Клуksма начиналась головная боль. — Который?

— Датам Хаин. Обычный марклинг-производитель, — добавил Клуksм.

Голос Итила все еще дрожал от возбуждения, хотя последние слова явно разочаровали его.

— Марклинг-производитель! Жаль! Но, подумать только, одного мы уже заполучили! Гм... В сущности, это, может быть, даже к лучшему. Пойду просмотрю материалы о Хаине в Зоне, насколько я помню, это алчный и властолюбивый тип.

— Да, именно так говорится в моем досье, — подтвердил Клуksм. — Но сейчас он необычайно почитителен и спокоен. Похоже, что он великолепно приспособлен к нашей форме.

— Этого следовало ожидать, — сказал Итил. — И пусть его не особенно притесняют. Хаин достаточно сообразителен, чтобы разобраться в социальной структуре и разумно оценить вытекающие отсюда для него ограничения. Где он теперь?

— В зоне отдыха недалеко от моей канцелярии, — ответил Клуksм. — Он сыт и находится под воздействием убаюкивающей музыки. Это может продлиться два-три дня, пока голод снова не даст о себе знать.

— Превосходно, — одобрил Итил. — Я созову Тайный совет, и, когда все будет готово, мы пошлем за ним. Вы достойны похвалы, барон. Отличная работа!

«На кой черт мне нужна твоя похвала!» — мрачно подумал Клуksм.

Между тем Итил, уже забыв о бароне, быстро шел по дворцовым покоем. Оказавшись в комнате, занимаемой службой безопасности, он взял крошечный черный предмет на длинной цепочке, похожий на драгоценный камень, и осторожно надел его на свою правую антенну. Затем генерал спустился на самый нижний этаж дворца.

Увидев его, охранники не выразили никакого удивления: для высокопоставленных военных и дипломатов пользоваться Воротами Зоны было обычным делом.

ЗОНА — АККАФИАНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО

Когда генерал Итил появился из Ворот Зоны, секретарь-марклинг, сидевшая в приемной, вздрогнула.

Помимо главных Ворот, классифицирующих Пришельцев, в каждом гексе имелись Ворота, через которые можно было мгновенно перенестись в Зону и вернуться обратно. Это весьма облегчало контакты между расами.

Генерал Итил отмахнулся от пугливых восклицаний секретаря, суетливо защелкавшей кнопками селектора, и направился прямо в кабинет императорского посла.

Не успел барон Азкфру получить сообщение о неожиданном госте, как генерал уже возник на пороге. Посла поразили возбуждение и тревога, сквозившие в каждом движении Итила.

— Дорогой лорд барон! — воскликнул генерал. — Пророчество сбылось! Мы получили нового Пришельца!

— Спокойнее, Итил, — проворчал Азкфру. — Вы теряете достоинство, приличествующее вашему сану, и утрачиваете самоконтроль. А теперь расскажите мне все по порядку.

— Некто по имени Хаин, — начал Итил, немного успокоившись, — появился сегодня утром в баронстве Клуksма в виде марклинга-производителя.

— Гм... — задумчиво промычал посол. — Чертовски плохо, что он — производитель, но этому уже не поможешь. Что теперь делает этот Пришелец?

— Крепко спит и будет спать еще два-три дня, — ответил генерал. — Клуksм уверен, что я извещу об этом императорский Тайный совет. Он ждет, когда за Хаином пришлют.

— Ну что ж, прекрасно, — заметил Азкфру. — Я никогда не придавал большого значения пророчествам и прочей чепухе, но, раз уж это случилось, поблагодарим провидение, предоставляющее нам такие огромные возможности. Кто еще знает о Пришельце, кроме Клуksма и вас?

— Разумеется, никто, ваше высочество, — ответил Итил. — Я был чрезвычайно осторожен.

Барон Азкфру молниеносно просчитал в уме все возможные варианты и выработал программу действий. Именно это качество — мгновенно принимать решения — гарантировало ему в дальнейшем головокружительную карьеру.

— Хорошо, возвращайтесь к своим обязанностям, и никому ни слова! Все приготовления я беру на себя.

— Вы уже имели дело с северянами? — спросил Итил.

Азкфру издал аккафианский эквивалент вздоха.

— Итил, сколько раз нужно вам напоминать, что вопросы здесь задаю я? Ваше дело — выполнять приказ.

— Я только... — жалобно начал Итил, но Азкфру прервал его.

— Идите же, — нетерпеливо произнес он, и генерал повернулся, чтобы уйти.

Открыв ящик стола, Азкфру вынул оттуда импульсное ружье. Оно действовало в Зоне, по крайней мере в посольских апартаментах.

— Итил! — позвал он, когда генерал был уже на полпути к двери.

Итил остановился, но повернуться не успел.

— Милорд?

— Прощай, глупец, — сказал Азкфру и нажал спусковой крючок. Он стрелял до тех пор, пока беловолосое тело не превратилось в обуглившиеся останки.

Азкфру вызвал охрану. «Жаль, что я не мог доверить этому идиоту, но его некомпетентность была опасна», — подумал он.

Появившиеся охранники немного занервничали, увидев останки генерала, но удивления не выказали.

— Генерал пытался убить меня, — объявил посол, даже не стараясь быть убедительным. — Я защищался. Он и барон Клуksм находились в самом центре заговора баронов. Когда отделаетесь от этой падали, отправляйтесь к Клуksму и уничтожьте весь его персонал и, конечно, самого барона. Потом двигайте в зону отдыха и доставьте в мое поместье марклинга по имени Хаин. Сделайте все это без шума. А я доложу о готовившемся мятеже.

Охранники кивнули и в несколько минут сожрали обуглившееся тело.

Когда они ушли, Азкфру вызвал помощника.

— Отправляйся к классификационным Воротам и войди внутрь. Они перенесут тебя в Северную Зону. Оставайся в комнате у ворот. Первому, кто тебя спросит, скажи, что ты хочешь поговорить с послем гекса тысяча триста сорокового, и жди его там. Когда посол придет, назови себя и того, кто тебя послал, и сообщи, что мы готовы прийти к соглашению. Понял?

Помощник помахал своей антенной и повторил задание.

Отослав его, барон занялся последними деталями. Щелкнув кнопкой интеркома, он сказал секретарю:

— Генерала Итила здесь не было. Ясно? Ты даже никогда не слышала о нем.

Секретарь все отлично поняла и стерла в журнале дежурств запись о визите Итила.

Барон знал, что начинает большую игру и поражение может стоить ему жизни. Но ставки! Ставки были слишком высоки, чтобы упустить такой случай!

БАРОНСТВО АЗКФРУ, АККАФИАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Массивная туша Датама Хаина, погруженно-го в наркотический сон, покоилась в середине нижнего этажа родового гнезда барона Азкфру. Комната была полна компьютеров, то и дело загорались световые сигналы, раздавались звон и жужжание. Четыре толстых провода были подсоединены к ключевым точкам головы Хаина, а два провода потоньше закреплены у оснований обеих его антенн. Два марклинга-техника с нарисованной между глаз эмблемой барона следили за показаниями многочисленных приборов, проверяли и перепроверяли надежность соединений.

Антенны барона Азкфру выражали полнейшее удовлетворение. Посол не раз задумывался о том, как прореагировал бы императорский двор, если бы узнал, что в его распоряжении находится один из ТЕХ приборов. Наверное, все кончилось бы гражданской войной, подумал он.

Кондиционер-внушатель был изобретен выдающимся аккафианским ученым из императорского окружения почти восемьдесят лет назад, когда посол был еще ребенком. Это изобретение положило конец периодическим мятежам знати и обеспечило ста-

бильность нового — теперь уже старого — режима. Разумеется, в таком тонком деле, как внушение, о стопроцентной гарантии успеха не было и речи, так что делалось это весьма хитро. Каждому барону представлялась возможность сколько угодно мечтать о гибели империи. Но мечта так и оставалась мечтой — не повиноваться повелениям императора никто не осмеливался.

Но на бароне Азкфру эта система споткнулась.

Вскоре после изобретения внушателя отец Азкфру создал его копию. Медленно, методично крупнейшие деятели империи были перекодированы. Но изменить базовые черты личности внушаемого не мог никто. Вот почему пришлось исчезнуть Итилу: он был слишком глуп, чтобы молчать. Что же касается Клуксма, то послу было известно о нескольких нирлингах, страстно желавших свободы, но никогда не обращавшихся за поддержкой к остальным закодированным лидерам.

— Можно начинать, ваше высочество, — обратился к барону один из техников.

Азкфру спустился на пол.

К его антеннам были быстро подсоединены два дополнительных провода, таких же, как у Хаина. Если теперь он что-нибудь произнесет, прибор это зафиксирует, усилит, обработает и передаст непосредственно в мозг Датама Хаина таким образом, что сказанное будет запечатлено там навеки.

Барон подал сигнал начинать, и техники включили аппаратуру.

— Датам Хаин! — послал импульс мозг посла.

— Да?

— Свое прошлое вплоть до этого момента ты сохранишь в памяти, но это — чисто теоретическое прошлое, которое никак не связано с твоим настоя-

шим и будущим, — транслировал барон. — Сегодня тебе важно знать одно: ты — марклинг-производитель из баронства Азкфру. Ты обязана выполнять все, что барон Азкфру пожелает, и это доставляет тебе радость. Моя воля — это твоя воля, твоя единственная воля. Ты существуешь для того, чтобы служить мне. Ты никогда не предашь меня, не позволишь злу приблизиться ко мне. Ты — моя собственность, и в этом заключается твое счастье. Ты радуешься, когда служишь мне, и печалишься, когда не служишь. Я — твой вождь, твой господин и единственный бог. Ты понимаешь меня?

— Да, господин, — механически ответил Хаин.

Барон подал знак, и техники отсоединили провода от его антенн.

— Как все прошло? — спросил Азкфру у одного из них.

— Она восприимчива, — ответил тот. В числе внушенных этому технику идей была убежденность в том, что сам он никогда не подвергался внушению. — Однако в ее психологическом облике доминирует крайний эгоизм. В конечном счете это может аннулировать внушение и вызвать психическое расстройство.

— Твои предложения?

— Продолжайте внушать ей ту же идею, — сказал техник. — Сообщите ей, что единственный путь к богатству и могуществу связан для нее с вами и ни с кем другим. Эту мысль ее мозг воспримет полностью, так как она не будет противоречить стандартному кодированию, которое вы уже произвели. А когда она проснется, пообещайте ей самое высокое положение, которого может достичь марклинг-производитель.

— Понимаю, — ответил барон. — Это будет прекрасным завершением. Заканчивайте кодирование, — приказал он.

Датам Хаин проснулся с очень странными ощущениями, не осознавая, что прошло уже десять дней с тех пор, как он очутился на аккафианской территории.

Вскоре к нему в комнату вошла марклинг с эмблемой барона Азкфру. Увидев, что Хаин проснулся, посетительница весело сказала:

— Ты, наверное, проголодалась, бедняжка? Следуй за мной, и мы обо всем позаботимся.

Хаину и в самом деле очень хотелось есть, поэтому повторять ему не понадобилось. В столовой было полно емкостей с длинными полосатыми червями. Поедая эту пищу, Хаин уже не испытывал приступов тошноты. Более того, он нашел ее восхитительной.

— Барон разводит своих собственных фикфов, — объяснила провожатая, когда сама наелась до отвала. — Для домочадцев — только самое лучшее, до полуночи у Колодца Душ.

Хаин внезапно прекратил есть.

— Как ты сказала?

— О, это всего лишь поговорка, — ответила та. Тут же все позабыв, Хаин продолжал насыщаться.

Убедившись, что ее подопечная наконец утолила голод, служанка сказала:

— Теперь в приемную, там ты увидишь барона.

Хаин покорно последовал за ней по длинным роскошным коридорам в просторную приемную, где на полу лежал ковер из пушистого меха и где раздавалась негромкая «музыка», приятная, но не убаюкивающая.

— Теперь расслабься, — сказала ему провожатая барона. — Его высочество вызовет тебя, когда будет готов.

Но расслабиться Хаин не пожелал.

Он нервно расхаживал по комнате в ожидании баронских милостей.

А барон тем временем принимал гостя, а может быть, и гостей, — точно определить он не мог. Хотя Азкфру многие годы поддерживал связь с представителем правительства, которому подчинялось это существо — или существа, — он никогда с ним (с ними) не встречался и ничего о нем (о них) не знал. «Я и сейчас ничего не знаю», — подумал он с раздражением. Такая ситуация ему очень не нравилась. Представители северного полушария своей чужеродностью и загадочностью вызывали у барона безотчетную тревогу, и он предпочел бы иметь дело с самым непохожим на него представителем южной расы, чем с самым близким ему по внешнему виду обитателем Севера.

Объект размышлений и источник тревоги плавал в воздухе метрах в трех от него. Именно плавал, решил барон: его явно ничто не поддерживало. Существо это выглядело как слегка изогнутый узкий кусок хрусталя, с которого свешивались десятки маленьких хрустальных колокольчиков; длина его не превышала метра. Он висел, едва не касаясь пола. Над этой хрустальной лентой плавало нечто, состоящее, казалось, из сотен то и дело вспыхивающих огоньков. Их расположение наводило на мысль, что они покоятся внутри прозрачного шара, каким-то образом связанного с хрустальным держателем, но, как барон ни старался, он так и не смог убедиться в существовании шара, присутствие которого чувствовал.

Он отдавал себе отчет в том, что с точки зрения Провидца и Опоры он тоже выглядит странно, но понимал, что никогда этого не узнает. Ему бы не понравился их мир, он вообще не хотел бы там очутиться. Но они находились здесь, на его территории, и это давало ему ощущение некоего превосходства.

— А вы уверены, что этот Хаин останется верен вам? — спросил Опора, используя для формирования слов свои колокольчики. Голос его был начисто лишен модуляций и интонационной окраски.

— Абсолютно, — ответил Азкфру. — Хотя в любом случае я не понимаю, почему нам так необходим этот марклинг. Я не доверяю тем, кого плохо знаю.

— Придется, — заметил Опора. — Вспомните, как Провидец предсказал, что к вам явится один из этих Пришельцев и что без него решить наши проблемы невозможно.

— Помню, помню, — сказал Азкфру, — и мне приятно, что именно я вступил в контакт с вашей расой. Мы поставили на это предприятие столько же, сколько и вы. — Он нервно заерзал. — Но откуда вы знаете, что это именно тот, кто нам нужен?

— Мы не знаем, — согласился Опора. — Провидцу лишь известно, что один из четверых, составлявших эту группу, необходим, чтобы открыть Колодец. Одному было суждено попасть в Чилл, другому — в Адригал, третьему — в Диллию, четвертому — сюда. Из этой четверки именно Хаин больше всего подходит для нашего дела.

— Понимаю, — сказал Азкфру, и в его голосе одновременно прозвучали и неуверенность, и смирение. — Конечно, двадцать пять процентов лучше, чем ничего. Но почему бы не схватить остальных для полной уверенности?

— Вы прекрасно знаете, — терпеливо объяснил Опора, — что, если мы упустим хотя бы одного из этих Пришельцев, его спрячут и следить за ним мы не сможем. В нашем же случае мы будем знать, где они находятся и что делают.

— Ладно. Но ведь есть и второе предсказание.

— Совершенно верно, — согласился Опора. — Когда Колодец будет открыт, через него пройдут все

Пришельцы. Следовательно, если мы возьмем с собой хотя бы одного из них, то получим верный шанс пройти через Колодец.

— Я бы сам хотел пройти через него вместе с вами, — сказал барон. — Меня тревожит, что единственным представителем моей расы будет закодированный чужестранец, известный своей ненадежностью.

— Даже один из нас будет сильно бросаться в глаза, — заметил Опора. — А двое таких, как вы, привлекут внимание сотен прочих обеспокоенных правительств. Кроме того, неизвестно, не заключил ли кто-нибудь подобное соглашение с одним из трех оставшихся Пришельцев или даже со всеми тремя.

Эта мысль крайне встревожила барона.

— Черт возьми, а вы-то — или половина вас, или кто там из вас Провидец, вы-то знаете?

— Конечно, нет, — ответил Опора. — Настоящее так же скрыто от Провидца, как и от вас. К нему поступают случайные обрывки информации, и процесс этот абсолютно не поддается контролю. На этот раз материалов нужно больше, чем мы обычно собираем по любой проблеме. Надеемся, что с развитием событий мы сможем сложить эти куски в единое целое.

Вместо того чтобы еще больше огорчить, эта новость обрадовала барона. Значит, эта проклятая штука не всесильна. И вообще ему хотелось побольше узнать о существе, плавающем в его кабинете. Насколько оно могущественно? Какие фокусы может выкинуть?

Больше всего он боялся, что его обманут.

Провидец — или Опора, — видимо, почувствовал это.

— Наши гексы, — сказал он, — чужды друг другу настолько, насколько это только возможно. У нас нет общих интересов, мы не занимаемся никакой совместной деятельностью. И вы, и ваши поступки для

нас непостижимы. Мы никогда не появились бы здесь, рискуя своим здоровьем, если бы перед нашими расами не встала неотложная проблема: выживание. Мы насыщаемся в едином процессе, а действуем в соответствии с нашей структурой. Наша единственная цель — сохранить все так, как оно есть.

Барон почти ничего не понял, но до него дошло, что его связывает с ними борьба за выживание и что они стремятся сохранить статус-кво. Беда состояла в том, что он мог бы сказать точно то же самое, и каждое слово было бы ложью.

А теперь все его будущее зависело от Датама Хаина.

Барон издал аккафианский эквивалент вздоха смирения. В конце концов у него не было выбора. Кодирование должно сработать.

— Когда вы хотите начать? — спросил он у северянина.

— Очень многое зависит от вас, — заметил Опора. — Без Скандера весь план лопнет, так как у этой задачи возникнет бесчисленное множество решений.

— Но сказать ему об этом сможете только вы, — ответил барон. — Я буду готов одновременно с вами.

— Тогда не позже чем через неделю, — заявил Опора. — У нас имеются основания подозревать, что, если мы задержимся, Скандер окажется вне пределов досягаемости.

— Очень хорошо, — сказал барон. — Я закодирую двух моих лучших бойцов-марклингов. Ведь Хаин для этой операции вам не нужен?

— Нет, — ответил Опора. — Все пройдет как надо. Работать будем по ночам, а днем прятаться, и в один прекрасный день мы это сделаем. Еще два дня нам потребуется, чтобы добраться сюда, по возможности незаметно. Вы сможете подготовиться за сутки?

— Думаю, да, — уверенно ответил барон. — Что-нибудь еще?

— Пока вы будете готовить своих бойцов, мне бы хотелось поговорить с тем из них, кто разбирается в системах электроснабжения. Это возможно?

— Конечно, — ответил барон с некоторым удивлением. — Но зачем?

— Необходимо организовать небольшой саботаж, чтобы несколько облегчить нашу задачу, — туманно объяснил Опора. — Мы уже изучили эти системы, но нам хочется получить подтверждение у специалиста, чтобы быть вдвойне уверенными в успехе.

— Будет сделано, — сказал Азкфру. — Теперь я должен заняться другими делами. Выходите в боковую дверь, и мой помощник отведет вас в вашу комнату. Техников я пришлю.

— Идем готовиться, — нараспев произнес Опора и выплыл в указанную ему дверь.

Азкфру выждал несколько минут, желая убедиться, что северянин действительно удалился, затем подошел к двери, ведущей в главную приемную, и нажал передней ногой кнопку вызова.

— Войди, мар Датам, — произнес он величественно и, взбежав на возвышение, которое было устроено в центре кабинета, принял самую устрашающую позу.

Услышав эти слова, Датам Хаин задрожал всем телом. В кабинет он вошел словно под гипнозом и тут же согнулся в раболепном поклоне.

«Он — бог, — пронеслось в его закодированной голове. — Он — олицетворение величия».

— Мой господин и хозяин, я ваша раба. Приказывайте мне! — произнес Хаин, вкладывая всю душу в каждое слово.

Искренность марклинга полностью удовлетворила Азкфру. Значит, внушение удалось.

— Отдаешься ли ты мне, мар Датам, навеки телом и душой и будешь ли делать то, что я велю? — грозно спросил он.

— Да, хозяин и господин, да! Прикажите мне умереть, и я с радостью убью себя.

«Замечательно. Эта тварь в полном моем распоряжении. Немного дрессировки, и ей можно будет доверять. А теперь нужно дать ей пинка», — подумал Азкфру.

— Ты — низшая из низших, мар Датам, ниже, чем фикфы, которых разводят для еды, ниже, чем испражнения этих фикф, — продолжал он.

Это действительно так, с горечью понял Хаин. Трудно даже вообразить, каким ничтожеством он себя ощущал. Его разум был абсолютно пуст, хотя и испытывал чисто эмоциональное наслаждение от присутствия Того, кто был Вся Слава.

— Тебе суждено всегда оставаться на самом дне, — объявил Хозяин. — Однако по моему повелению ты, низшая из низших, можешь достичь значительных высот. — Пришла очередь решающего довода. — Тебе будет поручено задание огромной важности, и от твоей любви и преданности зависит все твое будущее — станешь ли ты безмозглой чистильщицей отхожих мест или... — он сделал паузу, чтобы с особой силой подчеркнуть свои слова, — или даже, возможно, главной наложницей императора.

Хаин был готов пресмыкаться еще больше, когда эта мысль угнездилась в его глупой голове.

— Отныне твое имя — Кокур, и так будет до тех пор, пока ты не выполнишь задание, которое я тебе поручу. Только тогда тебе будет возвращено прежнее имя, и это имя станет великим. Теперь иди. Моя служанка покажет тебе, чем ты будешь заниматься, пока я не призову тебя.

Хаин повернулся и на подгибающихся ногах вышел из кабинета.

Когда дверь закрылась, барон расслабился.

«Что ж, — подумал он, — дело сделано. В ближайшие несколько дней, если Провидец и Опора добьются успеха, Датам Хаин и вправду окажется так низко, как это только возможно. Этого грязного недоумка, ощущающего себя покорным и счастливым, безжалостно унижат. И будут унижать до тех пор, пока он не согласится на все, лишь бы вернуть свое прежнее жалкое состояние, которое будет казаться ему пределом мечтаний».

Кокур было не имя, а род занятий.

«До тех пор, пока Провидец и Опора не вернутся, — размышлял Акзфру, — Датам Хаин будет работать в отхожих местах, сгребая в гигантские кучи дерьмо, производимое в баронстве, — в том числе свое собственное, — а затем обрабатывать дерьмо химикалиями и прочими реагентами, превращая его в отвратительную, но с медицинской точки зрения безвредную пищу. Хаин будет не только работать в дерьме, но и спать, и гулять в нем, и, в качестве персональной диеты, будет его есть. И единственным именем, на которое он станет откликаться, будет «Кокур», что означает дерьмояд.

Когда он расстанется с Провидцем и Опорой, это будет постоянным унижающим напоминанием о низком статусе Хаина и его пожизненной судьбе неудачника, напоминанием, которое с помощью автоматических переводчиков, используемых в Мире Колодца, можно будет даже довести до сведения других.

Датам Хаин станет самой покорной рабыней.

«Вообще-то она привлекательна, — подумал барон. — Как жаль, что она — производитель».

ДИЛАДЯ — УТРО (ПОЯВЛЕНИЕ ВУ ЧЖУЛИ, СПЯЩЕЙ)

Очнувшись после долгого сна без сновидений, Ву Чжули чувствовала себя как-то странно. У нее немного кружилась голова, но привычная боль исчезла.

Она закрыла глаза и резко потрянула головой. Головокружение на секунду усилилось, затем все предметы возвратились на свое место.

Ву Чжули огляделась.

Она лежала в чудесном лесу. Деревья, стройные, как столбы, поднимались на пятьдесят метров и выше, их кроны терялись в легком утреннем тумане. Подлесок был пышным и ярко-зеленым. В траве росли прелестные цветы. Рядом проходила тропа, посыпанная толстым слоем опилок и обложенная камешками. Издалека доносился слабый, но непрекращающийся шум; Ву Чжули стало любопытно.

Тропа, судя по всему, вела туда, где раздавался шум, и она решила двинуться по ней. Идти было почему-то неприятно, но мысль об этом прмелькнула в ее голове, не задев сознания. Здесь все казалось странным и необычным. Девушка прошла почти километр, когда перед ней открылся водопад. Вода величественно стекала с горы тремя каскадами, серые

камни по краям обрыва были источены тысячетлетней эрозией. Дальше водный поток превращался в бурную речку. В мелких местах сквозь зеленоватую воду виднелось каменистое дно. Тут и там лежали стволы упавших деревьев, а на кустах, ветки которых свисали до самой воды, росли желто-зеленые мшистые плоды. В воздухе жужжали и гудели мелкие насекомые, но Ву Чжули, как ни старалась, рассмотреть их не могла.

Треск в кустах заставил ее испуганно обернуться. Небольшое, похожее на грызуна животное с коричневой шкуркой и широким плоским хвостом прыгнуло в ручей, зажав в зубах зеленую веточку. Девушка следила за ним до тех пор, пока оно не выбралось на противоположный берег и не скрылось в зарослях.

Действуя неосознанно, словно только что родившийся ребенок, впервые увидевший Божий мир, она спустилась вниз по ручью до того места, куда уже не долетали брызги водопада.

Взглянув на свое отражение в воде, она увидела лицо совсем юной девушки — не красивое, но приятное, длинные темные волосы спускались на маленькую, хорошо вылепленную грудь.

У нее была смуглая кожа и розовые ладони. Подняв руку, она откинула волосы назад. «У меня остроконечные уши», — весело подумала она, взглядевшись в воду. Внутри уши отливали нежно-розовым и стояли торчком, если она не нагибала голову. Импульсивно девушка попыталась ими пошевелить — и они явно двигались!

Затем она взглянула на свое тело. Легкий пушок, начинающийся сразу под грудью, постепенно переходил в короткую блестящую шерстку такого же цвета, что и ее кожа. Ниже она увидела две крепкие ноги, заканчивающиеся изящными копытами.

«Как странно! — подумала она. — Копыта и ост-роконечные шевелящиеся уши!»

Изогнувшись в талии, Ву Чжули посмотрела назад. Она увидела длинное сильное лошадиное тело, две задние ноги и хвост! Большой шетинистый хвост, которым, как тут же выяснила, можно грациозно помахивать.

«Что со мной? — внезапно испугалась она. — Куда я попала?»

Девушка обнаружила, что забыла не только то, как она забрела в этот лес, но и то, что с ней было раньше.

«Как будто я только что родилась, — пронеслось у нее в голове. — Ничего не могу вспомнить. Даже свое имя».

Отражение и тело — все это казалось ей просто невероятным.

«Я помню слова, — думала она. — Я знаю, что это — ручей и что это — водопад, а существо в воде — мое отражение и что я — юная девушка».

Ву Чжули даже не сознавала, что и прежде была девушкой.

«Такое состояние как-то называется, — решила она и попыталась вспомнить. — Ах, да! Амнезия — вот что это такое! Люди, которые забыли свое прошлое».

Девушка в растерянности стояла на берегу ручья, не зная, что делать дальше. Несколько надоедливых насекомых жужжали у ее зада, и чисто автоматически она махнула хвостом, отгоняя их.

Вдруг со стороны тропинки донесся веселый смех. Ву Чжули в панике заметалась по берегу в поисках укрытия, но было поздно. Прямо перед ней из леса появилась очень странная парочка. Юноша и девушка. Такое впечатление, что верхняя половина человека выросла на теле пони, отметил ее мозг. При этой мысли на лице Ву Чжули появилась лукавая ус-

мешка. «Если это люди, то что же это такое, в конце концов? И при чем здесь пони?»

Юноша был на голову выше девушки и сложен более пропорционально. Его смуглая кожа имела золотистый оттенок, а плечи покрывал серебристо-белый пушок. Окладистая борода точно такого же цвета была аккуратно подстрижена. Девушка оказалась крапчато-серой с большими черными пятнами. Ее длинные серебристые волосы падали на серую грудь, которая была намного больше, чем у страдающей амнезией наблюдательницы.

«Нет пупков, — мелькнула у Ву Чжули дурацкая мысль. — У нас нет пупков».

Увидев ее, пара остановилась, смех затих. Они смотрели на нее с удивлением, но без враждебности или тревоги.

— Привет! — крикнул юноша. На вид ему было лет восемнадцать, девушке — примерно столько же. — По-моему, мы тебя здесь раньше не видели.

Мгновение Ву Чжули колебалась, потом нерешительно ответила:

— По-моему, тоже. Я... я просто не знаю. — Из ее глаз хлынули слезы.

Догадавшись, что она в беде, оба кентавра бросились к ней.

— Что случилось? — спросила девушка. У нее был высокий, полудетский голос.

Ву Чжули разрыдалась.

— Не знаю, я ничего не могу вспомнить, — всхлипывала она.

— Ну-ну, не плачь, — ласково произнес юноша и стал гладить ее по спине. — Перестань, расскажи нам, в чем дело.

Поглаживание немного успокоило Ву Чжули. Она выпрямилась и вытерла рукой слезы.

— Не знаю, — начала она, откашлявшись. — Я... я просто проснулась возле тропы и ничего не могу вспомнить — кто я, где я и даже что я собой представляю.

Юноша, по сравнению с которым она оказалась еще ниже, чем его подружка, осмотрел ее лицо, голову и ощупал череп.

— Тебя что-нибудь беспокоит, когда я так делаю? — спросил он.

— Нет, — ответила Ву Чжули. — Немного щекотно, и все.

Он поднял ее лицо и пристально посмотрел в глаза.

— Не потускнели, — сказал он, больше самому себе. — Никаких признаков болезни. Замечательно.

— А что ты рассчитывал обнаружить, Джол? — спросила его спутница.

— Симптом какой-нибудь болезни или след от ушиба, — ответил юноша, словно настоящий врач. — А теперь, детка, покажи язык.

Чувствуя себя немножко глупо, Ву Чжули высунула язык, он оказа́лся большим, плоским, серовато-розовым.

— Прекрасно, можешь его спрятать, — сказал Джол. — Язык не обложен. Если бы ты ушиблась или заболела, это было бы видно.

— А может быть, она заколдована, Джол? — предположил серый кентавр и отступил назад.

— Всё может быть, — допустил юноша, — но если это так, нас это не касается.

— И что же нам теперь делать? — спросила его спутница.

Джол повернулся, и Ву Чжули заметила у него что-то вроде переметной сумы, которая держалась на ремне, обвязанном вокруг талии.

— Прежде всего примем душ, — ответил он, доставая из сумки кусок мыла и несколько полоте-

нец. — А затем отведем нашу таинственную незнакомку в соседний городок. Пусть ею займутся те, кто посообразительнее.

Так они и поступили. После некоторых колебаний Ву Чжули присоединилась к ним и, наплескавшись вволю, получила полотенце.

— Не вытирайтесь насухо, — сказала ей девушка, которую звали Дал. — Обсохнуть на воздухе гораздо приятнее.

После этого все трое двинулись по тропе.

Когда они выехали из леса, глазам Ву Чжули предстали небольшой городок и необъятные за ним дали.

«Какой чудесный край!» — подумала она, разглядывая величественные снеговые горы, которые возвышались слева и справа, открывая взору роскошную долину и слегка сглаженные холмы.

Городок оказался скоплением не очень красивых, но добротных бревенчатых домов, расположенных на берегу голубовато-зеленого озера. Окрестные поля были хорошо обработаны и засажены. Ву Чжули заметила нескольких кентавров, осматривавших и очищавших от сорняков посевы незнакомых злаков.

По ее расчетам, городок мог насчитывать — или, вернее, поля могли прокормить — не более нескольких сотен жителей; это мнение она высказала своим спутникам.

Джол рассмеялся:

— Теперь понятно, что ты нездешняя. Земля внизу принадлежит нескольким очень крупным общинам. Фактически в долине около тысячи жителей, но мы расселяемся по всему краю. В городке постоянно живут пятьдесят — шестьдесят семей.

Широкая главная улица городка, подобно лесной тропе, была посыпана толстым слоем опилок и обложена камешками.

Первый дом, к которому они подошли, оказался самым большим. В нем помещалась огромная кузница. Внутри толпились несколько кентавров обоего пола. Ву Чжули изумилась, увидев, как кентавр-женщина подняла заднюю ногу и мускулистый кентавр-мужчина в защитном фартуке стал что-то прибивать, явно безболезненно, к ее копыту.

В соседних домах помещались лавки, где торговали сельскохозяйственными орудиями, семенами и прочими товарами подобного сорта. В городке были даже парикмахерская и бар, который сейчас был закрыт, но его можно было безошибочно узнать по бочонкам и пивным кружкам.

— Здесь всегда так тепло и влажно? — спросила Ву Чжули у Джолы.

Он снова засмеялся — и так же необидно.

— Нет, это четырехсезонный гекс, — объяснил он загадочно. — Зимой мы надеваем шубы из меха гаммота, шапки, перчатки и весело возимся в снегу.

Гаммот, как она догадалась, был тот грызун, за которым она следила у ручья.

— Должно быть, это огромные шубы; — заметила она, и на этот раз Дал и Джол захохотали вместе.

— У тебя и в самом деле амнезия! — воскликнула Дал. — Шерсть на наших телах и толстый слой жира, который мы откладываем летом, — великолепный изоляционный материал. В защите от холода нуждаются только безволосые части тела.

— Смотри, вот очаги и камины, — показал ей Джол. У большинства домов стена, выходящая на улицу, отсутствовала. — Осенью фасадную часть дома закрывают, и внутри становится тепло.

Ву Чжули собиралась спросить, как они поступают во время дождя, но заметила, что дома расположены таким образом, что понадобилась бы поистине

ужасная буря, чтобы во внутренние помещения попало много дождевой воды.

— Сдается мне, что любой здесь может украсть все, что пожелает, — заметила Ву Чжули.

Оба кентавра остановились и как-то странно на нее посмотрели.

— Ничего подобного здесь никто никогда не делает — во всяком случае, диллианин, — оскорбленно произнес Джол.

Его реакция испугала девушку, и она тут же стала извиняться:

— Прости меня. Сама не знаю, почему я так подумала.

— К нам время от времени приезжают торговцы из других гексов, они иногда пытаются что-нибудь стянуть, — вмешалась Дал, желая внести ясность в этот вопрос. — Добра им это не приносит. Единственная дорога сюда ведет через озеро, причем его глубина почти равна длине. В лесах нам нет равных, а тот, кто захочет карабкаться шесть километров по горным кручам при температуре ниже нуля, потеряет больше, чем сможет нахапать.

Миновав примерно тридцать домов, они подошли к темному приземистому зданию. На столбе висел выжженный каким-то инструментом символ гекса — два маленьких дерева и рядом одно высокое. Внутри здания девушка увидела старого кентавра с длинными седыми волосами и неухоженной бородой, спускавшейся до груди. Ву Чжули поняла, что когда-то он был угольно-черным, но теперь шерсть на его теле местами стала серебристо-белой.

Стоя за своей заваленной бумагами конторкой, старик кентавр выглядел бы очень внушительно, если бы не спал или хотя бы не храпел громко.

— Это Йомакс, — сказал Джол. — Он у нас что-то вроде правительства. Он — и мэр, и почтмейстер,

и главный лесничий, и устроитель развлечений. Свое учреждение он всегда открывает ровно в семь, но до одиннадцати тридцати, когда прибывает паром, все равно спит. Эй, Йомакс! — крикнул он. — Проснись! Службное дело!

Старик зашевелился, протер глаза и потянулся всем своим длинным телом.

— Кхе... В чем дело? Какое-то чертово отродье все время меня дурачит, — пробормотал он и неторопливо повернулся, чтобы посмотреть, кто же все-таки торчит у него на пороге.

Его глаза сразу остановились на Ву Чжули.

— Привет! — воскликнул он в явном замешательстве. — Не помню, чтобы я тебя здесь раньше видел.

— Она потеряла память, Йомакс, — объяснил Джол. — Мы нашли ее около тройного водопада.

— Она совсем ничего не знает, — добавила Дал. — Не знает даже о зиме и шубах.

Старик нахмурился и подошел к Ву Чжули вплотную. Не обращая внимания на протесты Джолы, заявлявшего, что он все уже сделал сам, Йомакс повторил процедуру осмотра — и с теми же результатами.

Старик почесал бороду и задумался.

— Странно! — пробормотал он. Внезапно его лицо просветлело. — Подними-ка правую переднюю ногу.

Когда девушка повиновалась, он крепко сжал ее копыто и повернул его.

— Я считаю, что она заколдована, — продолжала твердить Дал.

— Подойдите-ка, — тихо сказал Йомакс.

Они придвинулись поближе.

— У нее нет подков! — воскликнул Джол.

— И не только это, — заметил старик. — Нет никаких признаков, что они у нее вообще когда-то были.

— Это ни о чем не говорит, — возразила Дал. — Многие не носят подков, особенно в долине.

— Пожалуй, ты права, — согласился Йомакс, опустив ногу Ву Чжули. — Но это — девственное копыто. Ни застарелых пятен, ни застрявших камешков, ничего. Словно у новорожденной.

— Ха, для новорожденной она великовата, — насмешливо сказал Джол.

— Я же говорю вам, она заколдована, — настаивала Дал.

— Так, вы, двое, убирайтесь отсюда и пойте свои песни где-нибудь в другом месте, — проворчал Йомакс, отсылая парочку взмахом руки. — Кажется, я что-то начинаю понимать.

Дал и Джол неохотно повиновались, а затем попытались вернуться. Но Йомакс прогнал их прочь.

— А теперь, юная дама, — начал он, довольный, что они наконец остались одни, — позволь мне назвать тебе несколько имен. Вдруг хотя бы одно из них тебе знакомо.

— Давайте, — сказала она, заинтригованная.

— Натан Бразил, — начал он, сверяясь с бумагой, которую достал из битком набитого выдвижного ящика своей конторки. — Вардия Дипло Тысяча двести шестьдесят один. Датам Хаин. Ву Чжули. Ну, что скажешь?

Она медленно покачала головой:

— Я никогда раньше не слышала этих имен. Во всяком случае, так мне кажется.

— Гм... — промычал старик, задумчиво посмотрев на нее. — И все же я уверен, что прав. Это — единственно возможное объяснение. Ладно, когда прибудет паром, мы тебя испытаем. Последний Пришелец явился к нам из тех же мест, что и эти ребята десять или пятнадцать лет назад, а когда старый Гле-

тин, отказавшийся смириться со своим возрастом, пару лет назад упал в озеро, Пришелец стал управлять паромом. Он еще помнит свой язык. Я попрошу его что-нибудь продекламировать на этой тарабарщине, и, может быть, ты что-нибудь поймешь.

До прибытия парома они провели время в приятной беседе. Старик с гордостью и любовью рассказывал ей о своей стране. Из его бессвязных, но увлекательных воспоминаний, временами превращавшихся в лекцию по географии, Ву Чжули извлекла массу полезных сведений. Она узнала о существовании Мира Колодца и гексов, о Зоне и Воротах и о странных созданиях, обитающих повсюду. Она узнала, что, хотя диллиане живут в среднем около ста здешних лет, численность населения в Диллии относительно мала. У особой женского пола течка происходит раз в два года и длится очень недолго; рожают они, как правило, только одного детеныша, который в половине случаев умирает. Если же он достигает половой зрелости, а вероятность этого составляет около двадцати процентов, ему суждено прожить долгую жизнь, так как он уже получил иммунитет от большинства болезней, которые могли бы его убить.

Разный цвет кожи — а по словам Йомакса, существовали сотни комбинаций, — не следовало объяснять скрещиванием, поскольку ген, определяющий цвет, — рецессивный.

— С возрастом приходит высокое положение, — продолжал свой рассказ Йомакс. — Когда ты становишься слишком стар, чтобы пахать, рубить деревья и заниматься их перевозкой, тебя делают руководителем. Поскольку никто не любит признаваться в том, что он стар, когда работы так мало, — а ты видела, с каким уважением ко мне относится молодежь, — я один забочусь почти обо всех нуждах городка.

Высшим авторитетом в воспитании детей является мать, объяснил старый кентавр, но моральную ответственность за ребенка несут все члены семейной группы. Такие обычаи, как брак и наследование, диллианам неизвестны, и потому семейные группы формируются теми, кто нравится друг другу, причем сексу особенного значения не придается. Большей частью семейные группы носят традиционный характер, но время от времени молодежь, достигшая половой зрелости, создает новые группы от трех до шести членов.

Она узнала, что гекс представляет собой череду городков и деревень. Это объясняется низким уровнем рождаемости и существующими здесь природными ограничениями в сфере технологии: в Диллии не может действовать механизм сложнее паровой машины. Поэтому обитатели Диллии ведут очень простую, почти пасторальную жизнь. Но жизнь эта стабильная, мирная, спокойная.

— В некоторых гексах не сразу даже сообразишь, что там раньше было, — сказал ей Йомакс. — Повсюду машины и вонюща, все живут в пузырях с кондиционированным воздухом. А теперь они, видите ли, хотят перебраться сюда, чтобы быть поближе к природе! В других частях страны развит туризм, но наша долина — довольно изолированное местечко, и его до сих пор никто не обнаружил. И скажу тебе по секрету, первого же сунувшегося к нам чужака ждет такой прием, что остальные и дорогу сюда забудут!

Страстную речь Йомакса прервал протяжный паровой гудок, троекратно повторенный горным эхом.

Старый кентавр схватил перевязанный бечевкой мешок с почтой и вместе с Ву Чжули спустился на пристань. Там девушка увидела деревянный причал

и несколько высоких столбов. Группа горожан стояла у самой воды, то ли собираясь отправиться по делам на другой берег озера, то ли встречая пассажиров.

Судно, подошедшее к причалу, было самым необычным из всех, которые Ву Чжули когда-либо видел. Оно представляло собой гигантский овальный плот, над которым располагался второй точно такой же, поддерживаемый толстыми бревнами, скрепленными крест-накрест. Посредине нижнего плота находился огромный паровой котел, черная труба которого извергала почти бесцветный дым. У штурвала, оснащенного огромными рычагами, стоял черно-бело-полосатый кентавр в нелепой широкополой шляпе. Рычаги вели к котлу и, судя по всему, служили для регулировки давления. Толстым канатом, а может быть, цепью, котел соединялся с маленьким деревянным колесом на корме.

Около двенадцати разномастных диллиан стояли на нижней палубе, некоторые — между дубовыми сундуками с непонятной кладью. Под крестовиной находилась стойка с бочонками и пивными кружками. Рядом с ней была навалена куча зерна.

Ву Чжули догадалась, что это бар. Она уже позавтракала с Йомаксом и обнаружила, что кентавры — травоядные; иногда они готовят отварные блюда, но в основном питаются сырым зерном и луговыми травами. Все, что она съела, показалось ей очень вкусным.

Двое встречавших поймали брошенные с примитивного парохода канаты и закрепили их на причальных столбах. После этого капитан направился на корму и спустился на нижнюю палубу.

Йомакс передал свой мешок одному из членов команды, и тот небрежно кинул его на палубу. Капитан спрыгнул на причал и, пожав Йомаксу руку, передал ему второй, точно такой же мешок.

Йомакс представил капитана Ву Чжули.

— Это Кламас, — сказал он. — Не очень-то подходящее имя для доброго диллианина, но он с ним родился.

— Рад познакомиться с вами, леди... э?... — Капитан явно нуждался в подсказке.

— Она не знает, как ее зовут, Кламми, — объяснил Йомакс. — Объявилась сегодня утром и ничего не помнит. Мне кажется, она — Пришелец, и, может быть, ты сумеешь помочь. — Он рассказал капитану о своей идее относительно языкового экзамена.

— Это труднее, чем тебе кажется, — задумчиво ответил капитан. — Я только думаю на родном языке и автоматически перевожу все, что говорю и слышу. Мне проще что-нибудь написать.

Ву Чжули печально покачала головой:

— Я уверена, что никогда не училась читать. Я знаю это.

— Гм... Ладно, Йомакс, на тебя ложится контроль, — сказал Кламас. — Мне надо как следует сконцентрироваться, чтобы пропустить старый лексический материал через процесс перевода, и, честно говоря, не знаю, добьемся ли мы успеха. Для меня все будет звучать одинаково, но если она поймет, а ты — нет, тогда все в порядке.

Обхватив рукой подбородок, Кламас задумался, пытаясь сочинить какой-нибудь текст, способный проскочить языковой барьер. Внезапно лицо его просветлело.

— Давай попытаемся, — сказал он. — Хотя если она не поймет, это ничего не докажет. Ну что ж, начнем.

И он произнес нараспев:

— Применяя программу спектроанализа три Кью-Уай, мы можем вычислить движение звезд,

сдвигая наблюдения по фазе и используя схему инфраспектрометра в навигационной матрице для прокладки визуального курса.

Он замолчал и повернулся к Йомаксу:

— Ну как?

— Я разобрал примерно одно слово из четырех, — ответил старик. — А что наша дама?

Бу Чжули в замешательстве покачала головой.

— Куча длинных слов, — сказала она, — и я не поняла, что они означают.

— Но хоть одно такое слово можешь вспомнить? — наседал Кламас.

Девушка задумалась.

— Ма... матрица — мне кажется, — сказала она неуверенно и совсем уже нерешительно добавила: — Сдвигая по фазе.

Кламас улыбнулся.

— Доброе старое руководство по навигации! — воскликнул он. — Ты — из моего сектора Вселенной, это точно. В здешнем языке нет эквивалентов таких понятий.

Лицо Йомакса выражало полнейшее удовлетворение.

— Значит, она — из последней четверки.

— Наверняка, — кивнул Кламас. — Я слежу за ними, так как одного знаю понаслышке. Для астронавтов он — живая легенда. Нам известно, где находится он и та, которую зовут Вардия. А ты, должно быть, больная девушка. Это объясняет потерю памяти.

— Но кто же я? — спросила она возбужденно. — Я хочу это знать.

— Вероятно, девушка по имени Бу Чжули, — ответил Кламас.

— Бу Чжули, — повторила она. Имя звучало странно и было ей совсем незнакомо.

— Примерно через час я отправляюсь обратно, а когда прибуду в Донмин, увижу члена тамошнего Совета и обо всем ему сообщу, — сказал Кламас. — Тебе же, — повернулся он к Ву Чжули, — следует оставаться здесь. Тут ты сумеешь расслабиться и повеселиться вволю. Это как раз то, что тебе нужно сейчас больше всего.

Согласовав план действий, они отправились в бар. Ву Чжули казалось, что она упустила в разговоре что-то очень важное, и от крепкого темного пива у нее слегка закружилась голова. Она извинилась и вышла на улицу.

Увидев ее, Джол и Дал бросились к ней навстречу, чтобы узнать новости.

— Они говорят, что я — Пришелец, — сообщила девушка. — Некто по имени Ву Чжули. По их словам, я была больна.

— Но теперь-то ты здорова, — заметил Джол. — Может, и память к тебе скоро вернется. — Он нервничал, то и дело поглядывая на Дал. В конце концов пятнистая кентавриха вскинула руки.

— Ладно, ладно. Может, это и неплохо, — сказала она загадочно.

— Ты уверена? — спросил ее Джол.

— А почему бы и нет? — ответила его подруга.

Джол снова повернулся к Ву Чжули.

— Послушай, — сказал он нетерпеливо, — мы, Дал и я, собираемся создать свою семейную группу, тем более что Дал беременна и все такое. Здесь очень мало кентавров нашего возраста, и к тому же мы не слишком ладим с нашими собственными семьями. Хочешь присоединиться к нам?

— С удовольствием, если только с Йомаксом все в порядке, — немного поколебавшись, ответила Ву Чжули.

— О, он не будет возражать, — сказала Дал: — Он только следит, чтобы все работали. А если мы создаем семейную группу, нам должны выделить часть урожая.

Это действительно оказалось очень просто.

Они выбрали место в лесу, в верхней части долины, неподалеку от городка, и начали с прокладки удобной тропы. Еще нуждавшаяся в окончательной очистке, она вскоре уже вилась между гигантскими деревьями в направлении озера. Одолжив большую пилу и заручившись содействием лесничего, они свалили два дерева, росших около ручейка, и сожгли пни. Жители городка помогли им расчистить участок и привезти красноватую глину, используемую в качестве изоляционного материала.

Бу Чжули — другие называли ее Вучжу, и ей это больше нравилось, — набросилась на работу как зверь, выкинув из головы все мысли о Кламасе и государственных проблемах. Капитана она больше не видела, так как паром приходил раз в день и стоял меньше часа. Так текли недели.

Земляной пол своей новой хижины они посыпали опилками и сложили каменный очаг; в качестве дров использовались обрезки, оставшиеся после строительства. Хижина состояла из большой центральной части, которая была рабочей зоной, и пяти стойл-спален с наклонными подпорками, так как диллиане спят стоя. Одно дополнительное стойло предназначалось для отпрыска Дал, чье появление на свет с каждым днем приближалось, а другое было сооружено на тот случай, если кто-нибудь захочет присоединиться к их семейной группе.

Джол и Дал брали Чжули в лес ставить ловушки на зверей, показывали ей, как снимать шкуры, как сплетать мех и кожу некоторых растений, чтобы

изготовить одежду. Их семье поручили следить за состоянием отдаленных троп и особенно бревенчатых мостков, которые могли рухнуть зимой под снегом. Это была легкая, приятная работа, и Ву Чжули наслаждалась покоем и красотой гор. Когда наступила зима, они помогали откапывать занесенные снегом хижины и расчищать тропы вокруг расположенного у озера маленького поселения.

В конце лета Дал родила детеныша, большого и полностью сформировавшегося, но покрытого лишь мягким серым пухом, с красноватой морщинистой шкуркой, делавшей его похожим на иссохшегося старичка.

Хотя новорожденный был очень крупным и уже через несколько часов после появления на свет мог стоять, ходить и даже бегать, почти целый год у него не было зубов и его приходилось выкармливать. Он требовал постоянного присмотра, несмотря на то что выросшая в первые недели шерсть в какой-то степени его защищала. Мальчику, родившемуся с инстинктами дикого животного, пришлось учиться думать, говорить, действовать с чувством ответственности. Вначале Ву Чжули было нелегко с ним справиться, хотя через месяц ребенок выглядел как десятилетний мальчик.

Ей объяснили, что таким он будет оставаться несколько лет, может быть, восемь или десять, пока не достигнет половой зрелости. Когда этот момент наступит, детеныш считается уже полностью самостоятельным.

Внезапно эту мирную, почти идиллическую жизнь нарушили ночные кошмары. Ву Чжули снились быстро нарастающая боль, пытки и злое, хитрое, безобразное лицо, которое требовало от нее ужасных вещей. По ночам она просыпалась от собственного

пронзительного крика и несколько часов не могла прийти в себя.

Девушка стала ходить к местной целительнице, которая умела лечить неопасные раны и болезни, ставить на место сломанные кости и так далее. В случае серьезного заболевания пациента доставляли на другой берег озера на плоту с ручным управлением. Это было нетрудно, так как через озеро проходило довольно сильное течение, направленное к водопадам около заозерного города.

Беседы с целительницей помогали, чего нельзя было сказать о снотворном. Когда осень позолотила листья и с горных вершин стали сползать снежные лавины, когда все еще теплый воздух стал вытесняться порывами холодного ветра, Ву Чжули часто плакала и особенно плохо себя чувствовала. Единственное, что облегчало ее мучения, было темное подогретое пиво, но она постепенно привыкала к состоянию опьянения, а это усложняло совместную семейную жизнь.

Обитатели городка и двое ее компаньонов были встревожены, но беспомощно наблюдали, как несчастная с каждым днем опускается все ниже и ниже. Ночные кошмары как бы в ответ на пьянство стали еще страшнее и участились. Она прожила здесь почти двенадцать недель и была очень несчастна.

В один прекрасный морозный день Ву Чжули вышла из бара такая пьяная, что на нее не подействовал даже холод, и побрела на причал. Девушка очутилась там в тот самый момент, когда появился паром. Она уставилась на закутанного в грубые меха незнакомца, сидевшего возле маленькой рубки, которую водружали на верхнюю палубу с наступлением холодов.

Чужеземец смахивал на диллианина, но у него были только две ноги и отсутствовала задняя половина. Его лицо закрывала большая меховая шапка,

но ей показалось, что он курит трубку — эту привычку из-за трудностей с табаком позволяли себе лишь немногие старейшие жители городка. Ву Чжули решила, что все это порождение ее пьяного воображения или результат ночных кошмаров, и продолжала тупо смотреть на него.

Паром причалил, незнакомец, или видение, спустился вместе с капитаном на нижнюю палубу и спрыгнул на причал. Кламас указал ему на Ву Чжули. Забавное двуногое существо, такое маленькое по сравнению с диллианами, кивнуло и направилось прямо к ней.

От страха девушка попятилась, испытывая непреодолимое желание убежать.

Словно почувствовав это, существо остановилось и произнесло по-диллиански:

— Ву Чжули? Ву Чжули, это вы?

Голос показался ей знакомым. Существо вынуло изо рта длинную изогнутую трубку и сняло меховой шлем.

Ву Чжули закричала и грохнулась на землю в глубоком обмороке.

Кламас и горожане кинулись ей на помощь.

— Черт побери! — сказала существо. — Почему я всегда так действую на женщин?

Потрясение, испытанное девушкой при виде его лица, внезапно вернуло ей память. Единственное изменение, которое Мир Колодца произвел в Натане Бразиле, была его одежда.

БАРОНСТВО АЗКФРУ, АККАФИАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Барон Азкфру был в ярости.

— Почему, черт возьми, его там не оказалось? — бушевал он.

Провидец и Опора оставались, как всегда, спокойными и невозмутимыми.

— В первый день мы успешно спрятались и начали действовать примерно через час после наступления ночи, — доложил Опора. — Когда мы добрались до здания, где, как мы предполагали, должен был находиться Скандер, Провидец почувствовал перемену в уравнении равновесия. Появился новый фактор. Скандер там был, но ушел.

— Какой еще новый фактор? — прорычал барон.

— В самых общих чертах, — начал терпеливо объяснять Опора, — произошло следующее: кто-то узнал о нашем прибытии и о наших последующих действиях. Поэтому Скандер, то ли получив прямое предупреждение, то ли сам разобравшись в ситуации, просто тихо исчез. Оставаться там и ждать его возвращения было слишком опасно, так что мы все бросили и вернулись сюда.

Азкфру был ошеломлен.

— Утечка информации? Здесь? Исключено! Все слуги находятся под моим контролем! А если бы кто-нибудь из императорского дворца заслал сюда перекодированного шпиона, меня бы уже не было в живых. Если утечка существует, то только с вашей стороны.

— Возможно, наши намерения были предсказаны точно так же, как мы предсказываем поступки других, — предположил Опора, — но невозможно, чтобы нас предал кто-нибудь из моего собственного руководства. Кстати, когда мы проходили через Зону, безопасность обеспечивали вы сами. Все-таки наиболее разумное объяснение — это утечка информации у вас

— Ладно, хватит искать виноватого, — несколько успокоившись, сказал Азкфру. — Вернемся к нашим баранам. Что теперь делать?

— Скандер — единственное связующее звено, позволяющее решить задачу, — ответил Опора. — Его местопребывание известно, хотя пока он недоступим. Провидец утверждает, что Скандер не закончил свои исследования и что раньше или позже он вернется туда, где работал. Следовательно, раньше или позже он обязательно попадет к нам в руки. Мы не скомпрометировали план, мы просто его проверили. Он по-прежнему реален.

— Очень хорошо, — проворчал Азкфру. — Вы остаетесь здесь?

— Мы скучаем по родине и по созидательной деятельности, — ответил Опора, — однако наша цель слишком важна. Мы остаемся. Наши потребности ничтожно просты — темная пустая комната и возможность ненадолго выходить на поверхность, чтобы побыть под звездами. Больше ничего. А тем временем я бы на вашем месте проверил сис-

тему безопасности. Нам будет крайне неприятно, если утечка повторится вновь.

Вскоре после встречи с Провидцем и Опорой барон вылетел в столицу и через ворота в императорском дворце возвратился в свои посольские апартаменты. Он не сомневался, что давно бы погиб, если бы утечка информации шла через кого-нибудь из его челяди; оставалось вмешательство извне, что было реально только в Зоне.

В течение двух дней стены внутренних комнат и даже нескольких посольских помещений были практически разрушены. Крошечный радиопередатчик, подключенный к блоку связи, обнаружили в его собственном кабинете! Техники изучили это устройство, но ничем не смогли помочь.

— Схема его действия такова, что он мог передавать в четыреста различных посольств, — объяснили они барону. — Из этих четырехсот сейчас функционируют триста, причем половина из них достаточно технологически оснащена, чтобы изготовить подобный прибор, а остальные вполне могли незаметно приобрести его, и почти все были в состоянии установить его в период вашего отсутствия.

И все же Азкфру предал большую часть своего персонала ритуальной казни; лучше ему от этого не стало — просто он ощутил себя меньшим дураком.

Кто-то знал, что он убил генерала Итила. Кто-то шпионил, когда Провидец и Опора явились к нему в первый раз. Больше ничего, понимал барон. Но и это было достаточно плохо.

Кому-то еще стало известно о том, кто такой Скандер.

Однако он понимал, что выбора у него нет. Он должен ждать.

Ждать почти пятнадцать недель.

ЦЕНТР В ЧИЛЛЕ

Вардии была поручена основная работа Ученика — проведение расчетов на компьютере. Она быстро этому научилась, с легкостью усвоив все, что ей преподавали, хотя и не очень понимала смысл той части проекта, которой занималась. С таким же успехом можно было читать выхваченную наугад страницу толстой книги. Сама по себе она не имела никакого смысла. Только соединив с ней тысячи других страниц, можно было получить полную картину, и даже тогда выдающимся ученым предстояла сложнейшая задача разложить все страницы в надлежащем порядке.

Девушка от всей души наслаждалась жизнью. Хотя она и не понимала своей работы, это была творческая деятельность, направленная на удовлетворение социальных нужд. Это было комфортабельное убежище. «Здесь и в самом деле создано совершенное общество», — думала она. Сотрудничество без конфликтов, отсутствие потребностей за исключением потребности в сне и воде, труд, который что-то значит.

Она проработала уже пару недель, когда у нее неожиданно начались приступы головокружения. Они возникали вроде бы без всякой причины и так же таинственно проходили. После нескольких таких

случаев она отправилась в центральную клинику. Доктора проделали несколько обычных анализов и немедленно объявили ей, в чем тут дело.

— Вы ждете двойника, — сказал врач. — Для беспокойства нет никаких оснований. Это просто замечательно. Удивляет лишь то, что это произошло так быстро.

Вардия была потрясена. Она часто встречала двойников, но мысль о том, что это может случиться и с ней, никогда не приходила ей в голову.

— А как это скажется на работе? — спросила она с тревогой.

— Никак, — ответил врач. — Вы будете расти подобно клетке, начинающей процесс деления. Новая «вы» постепенно обретет форму, вырастая из вашей спины. Этот процесс вызовет у вас легкое головокружение и небольшую слабость, а ближе к концу станет причиной довольно серьезной дезориентации.

— Сколько длится этот процесс?

— Четыре недели, если придерживаться нормального графика. Если же вам захочется выращивать его днем и ночью, тогда дней десять.

Вардия решила покончить с этим как можно скорее. Ее наставник легко предоставил ей отпуск, и, выбрав тихое место подальше от Центра и поближе к реке, она вкоренилась.

Ночью, естественно, никаких проблем не возникало, но днем, когда она могла использовать корневые усики по собственному желанию, ей становилось тоскливо. За исключением раннего утра и короткого времени перед самыми сумерками, девушка оставалась в лагере совсем одна или же была окружена бесчувственными чиллианами, отсыпающимися после круглосуточной работы.

Она знала, что на третий день ей потребуются вода и что придется вытащить корни, чтобы добраться до

реки. Выяснилось, что сделать это довольно трудно. У нее было такое чувство, будто она весит целую тонну, а сохранять равновесие оказалось настоящей проблемой. Она потрогала свою спину и нащупала там какое-то новообразование. Впрочем, это не имело для нее никакого значения.

Выйдя на берег, Вардия увидела умиау. Она уже сталкивалась с ними в Центре, но они всегда быстро проскальзывали мимо, торопясь по своим делам, рассмотреть эти существа не было никакой возможности.

Умиау лежала, вытянувшись, на песке и спала.

Своей нижней частью она напоминала рыбу; серебристо-синяя чешуя переходила в плоский раздвоенный хвостовой плавник. Выше талии тело было светло-голубым, но сверкающая чешуя исчезла, открывая гладкую, обманчиво грубую кожу. Сразу под линией перехода было видно огромное влагалище.

Умиау имела две большие и очень крепкие груди. У нее было женское лицо, которое, живи она в мире Бразила, сочли бы красивым, несмотря на волосы, похожие на серебристую фольгу, и толстые синие губы. Ее уши, обычно скрытые под волосами, были похожи на крошечные раковины и располагались по краям головы; нос имел что-то вроде кожистых заслонок, которые при дыхании втягивались и выпячивались; Вардия предположила, что они препятствуют попаданию в легкие воды. Длинные мускулистые руки заканчивались кистями с длинными тонкими пальцами, все они, включая большой, были соединены перепонками.

Войдя в воду, чтобы напиться, Вардия заметила других умиау, расположившихся вдоль отмелей; некоторые из них грациозно плавали поверху или под водой. Глубина реки у отмелей была невелика, но на середине достигала почти двух метров. На суше умиау

были неуклюжи, передвигались на руках или, как в Центре, используя электрические коляски. Но, плавающая в прозрачной воде, в своей родной стихии, они были прекрасны.

Большинство их, подобно той, что спала поблизости, носили браслеты из разноцветных кораллов, ожерелья и крошечные сережки. Еще в бытность свою человеком Вардия никогда не понимала прелести ювелирных изделий, не понимала она этого и теперь.

Все умиау казались ей на одно лицо, отличали их только размеры. Девушку заинтересовало, почему здесь скопились умиау лишь женского пола.

Утолив жажду, Вардия медленно двинулась к берегу. Ее шатало во все стороны, и она прилагала массу усилий, чтобы не упасть.

Шум, который она производила, разбудил спящую.

— Эй, привет! — сказала русалка приятным, музыкальным голосом. Умиау, работающие в Центре, прекрасно знали чилианский язык.

— Простите, что разбудила вас, — застенчиво сказала Вардия.

— Ничего страшного, — ответила умиау и зевнула. — Мне не следовало бы засыпать на берегу. Солнце сушит, и через несколько часов у меня могла бы начаться лихорадка. — Тут она заметила, что происходит с Вардией. — Готовитесь к удвоению?

— Д-да, — в замешательстве ответила Вардия. — В первый раз. Это ужасно.

— Сочувствую, — сказала русалка. — В этом цикле я отдала яйцо, но в следующем получу его.

Вардия решила ненадолго вкорениться на берегу.

— Я вас не понимаю, — нерешительно произнесла она. — Вы что, женщина?

Умиау рассмеялась.

— Такая же, как и вы, — ответила она. — Мы — гермафродиты. В первый год мы формируем яйцо. Затем передаем его тому, кто не сделал этого из-за отсутствия спермы или задержки в развитии. После этого весь цикл повторяется.

— Значит, вы не можете воздерживаться? — простодушно спросила Вардия.

Умиау снова рассмеялась:

— Конечно, можем, но некоторые не в состоянии, если только их не стерилизовать. А когда тебе очень приспичит, дружок, зачем же воздерживаться!

— Значит, это приятно? — продолжала демонстрировать свою невинность Вардия.

— Невероятно, — ответила умиау со знанием дела.

— Я хочу, чтобы это поскорее кончилось, — надула губы Вардия. — В этом состоянии я такая беспомощная.

— Я бы не беспокоилась по этому поводу, — сказала умиау. — В вашей очень долгой жизни деление случается всего два-три раза. — Внезапно русалка взглянула на солнце. — О, уже поздно. Беседовать с вами очень приятно, но мне пора. Не тревожьтесь, все будет в порядке. Появление двойника — это прекрасно.

И, не сказав больше ни слова, она скользнула в воду и уплыла.

Следующие несколько дней были в основном надоевшим повторением предыдущих, хотя Вардии удавалось время от времени перекинуться словом с другими умиау.

На девятый день, снова почувствовав потребность в воде, она обнаружила, что у нее нарушена координация движений. Ей казалось, что каждому шагу впе-

ред противодействует двойник, почти полностью сформировавшийся у нее на спине, а каждая ее мысль двоятся. Чтобы добраться до воды, а затем выйти на берег, Вардии потребовалось сконцентрировать все свои силы.

Некоторое время она лежала на земле, растерянная и беспомощная. И тут она снова заметила удивительный факт: каждая мысль эхом отдавалась в ее мозгу.

«Я я вижу вижу в в обоих обоих направлениях направлениях», — билось у нее в голове.

Вардия понимала, что подняться на ноги — выше ее сил, и большую часть дня прождала помощи. Двойное зрение очень мешало ей, так как в глазах все двоилось.

Она попыталась повернуть голову, но поняла, что для этого придется зарыть голову в песок. Наконец за час или два до захода солнца появились ее братья. Они помогли ей встать и отвели на место вкоренения.

Самым тяжелым оказался десятый день. Она не могла ясно мыслить, не могла двигаться, все звуки в ее голове двоились.

Она ощущала себя глубоко несчастной, и ей казалось, что так будет продолжаться вечно.

На одиннадцатый день неожиданно наступило облегчение. Вардия почувствовала, что ее половина таинственным образом отделилась от нее. Все тут же вернулось в обычное состояние, но она ощущала такую ужасную слабость, что выключилась среди бела дня.

Двенадцатый день начался нормально. Она вытащила корни и неуверенно шагнула.

— Это уже на что-то похоже, — громко сказала она, чувствуя легкость во всем теле и наслаждаясь восстановившейся координацией движений.

В этот самый миг кто-то за ее спиной произнес те же самые слова! Две Вардии повернулись друг к другу одним и тем же движением.

— Значит, ты — мой двойник, — сказали они одновременно.

— Не я, а ты! — заявили обе.

«А может быть, все же я?» — подумала каждая.

Дублировано было все. Даже память и индивидуальность. «Вот почему все двойники говорят и делают одно и то же, — поняли они обе. — Узнаем ли мы когда-нибудь, кто есть кто?» Но имело ли это значение? Ведь они вышли из одного и того же тела.

Вардии направились в Центр.

Они шли молча, в полном согласии, даже случайные жесты были абсолютно одинаковыми. В дополнительной связи не было нужды, ибо каждая точно знала, что другая думает точно так же. Дальнейшая процедура была хорошо разработана. Когда они отметились в приемной, их развели по разным комнатам для врачебного обследования. Им объявили, что они здоровы, после чего каждой поручили работу над частью проекта, отличной от той, которой единая Вардия занималась раньше, но обязанности оставили прежние.

— Я увижу когда-нибудь своего двойника? — спросила Вардия, оказавшись в крыле № 4.

— Вероятно, — ответил наставник. — Мы намерены как можно быстрее предложить вам совсем иное поле деятельности, так что каждая из вас избежит свой собственный путь. А поскольку опыт, который вы обе приобретете, сделает вас существенно разными, не будет никаких оснований препятствовать вашей встрече.

В то же самое время другая Вардия, задав тот же вопрос и выслушав тот же ответ, получила совсем иное задание, хотя компьютерная база оставалась прежней.

Она стала работать с умиау, внешне полностью идентичной той, с которой она в свое время разговаривала на берегу реки. Ее звали — Вардия воспринимала их как существа женского пола, хотя это было не так, — Эндил Кеннот.

Через несколько дней, узнав друг друга поближе, они разговорились. Кеннот напомнила ей некоторых инструкторов Центра. На каждый вопрос она разражалась целой лекцией.

Однажды Вардия спросила Кеннот о цели их работы. В основном они занимались тем, что закладывали в компьютер легенды и сказки народов Мира Колодца, стремясь обнаружить в них некие общие факторы.

— Вы ведь уже нашли единственный общий фактор? — наставительно сказала Кеннот. — Что это было?

— Некая фраза — я слышу ее повсюду.

— Верно! — воскликнула русалка. — До полуночи у Колодца Душ. В высшей степени поэтичное выражение, означающее «навсегда» или «бесконечно». Например: «Мы будем заниматься этим проектом до полуночи у Колодца Душ» — в нашем случае это очень похоже на правду.

— Но почему это так важно? — полюбопытствовала Вардия. — Ведь это просто поговорка, разве не так?

— Нет! — энергично возразила умиау. — Если бы она принадлежала одной расе, пусть даже соседним расам, тогда все было бы понятно. Но она в ходу даже на Севере! В некоторых крайне примитивных гексах ее используют в религиозных песнопениях! Почему? Эта поговорка дошла до нас с древних времен. Письменным памятникам, в которых она встречается,

почти десять тысяч лет, сохранила ее и тысячелетняя устная традиция. Эта фраза появляется снова и снова! Почему? Что она пытается сообщить нам? Именно это я и хочу узнать! Это могло бы дать нам ключ к тайнам этой безумной планеты с ее тысячей пятьюстами шестьюдесятью расами и всевозможными биосферами.

— Может быть, ее следует понимать буквально? — предположила Вардия. — Может быть, в прошлом обитатели этой планеты иногда собирались в каком-то месте, которое они называли Колодцем Душ?

Русалка реагировала совсем по-человечески на слова глупой студентки, которая путем долгих умственных усилий изобрела велосипед.

— Мы шли именно таким путем, — сказала Кеннот. — Ведь в конце концов этот мир называется Миром Колодца, но единственные известные нам колодцы — это входные колодцы на обоих полюсах. Как вы знаете, в этом-то и заключается проблема. Через них можно только войти.

— А почему обязательно должен быть еще и выходной? — спросила Вардия. — Ведь существуют же улицы с односторонним движением?

Кеннот покачала своей величавой головой.

— Нет, это не имело бы смысла и, кроме того, обесценило бы имеющуюся в моем распоряжении единственную разумную теорию, объясняющую создание этого мира.

— Что за теория?

Глаза Кеннот начали стекленеть. Вардия не поняла, что это — выражение какого-то чувства, или умиау просто закрыла внутренние прозрачные веки, оставив открытыми внешние, кожистые.

— Вы отнюдь не глупы, Вардия, — произнесла умиау, — как-нибудь я вам все объясню.

Через день или два, зайдя в кабинет Кеннот, Вардия увидела, что русалка рассматривает слайды с видами огромной, окрашенной в красные, желтые и оранжевые тона пустыни, лежащей под безоблачным синим небом. Линия горизонта была слегка размыта. «Это похоже на полупрозрачную стену», — подумала Вардия. И высказала свое мнение вслух.

— Вы правы, Вардия, — ответила Кеннот. — Это Экваториальный барьер, место, где я когда-нибудь обязательно побываю, хотя ни один из расположенных поблизости от него гексов не изобилует водой и путешествие будет тяжелым. Посмотрите сюда, — сказала она, прокручивая назад винт проектора.

Перед Вардией появился вид, снятый сквозь стену с помощью самых чувствительных фильтров. Объекты по-прежнему были словно в тумане, но одну вещь девушка сумела идентифицировать достаточно точно.

— Там же проход! — воскликнула она. — Такой же, как в Зоне Колодца.

— Совершенно верно, — сказала русалка. — И вот об этом мне и хочется узнать побольше. Вы сможете поработать со мной этой ночью?

— Почему бы и нет? — ответила Вардия. — Я никогда этого не делала, но чувствую я себя прекрасно.

— Очень хорошо! — сказала, потирая руки, Кеннот. — Может быть, сегодня ночью я смогу решить эту загадку.

Ночное небо было усыпано бесчисленными звездами, в нем плыли ярко окрашенные облака туманностей, гигантские звездные скопления в своем галактическом кружении казались совсем близкими. Это была изумительная картина, но ее не видели ни

Вардия, работавшая при искусственном освещении в лаборатории, ни зловещие невидимые наблюдатели, спрятавшиеся в поле к югу от Центра.

Со стороны их можно было принять за огромные зерна дикорастущих злаков, усеявших эту территорию. Затем два больших призрака медленно поднялись из-за высоких стеблей, два призрака с телами крупных насекомых и большими глазами.

И появилось еще кое-что.

Оно сверкало, словно тысячи манящих светляков, сложившихся в какую-то неясную форму.

— Провидец говорит, что уравнение странным образом изменилось, — заявил Опора.

— Значит, этой ночью мы отдыхаем? — спросил один из akkaфианских солдат.

— Нет, — отрезал Опора. — Мы считаем, что именно этой ночью обстоятельства будут нам благоприятствовать. У нас есть возможность получить кое-что дополнительно, а это увеличит наши шансы.

— Значит, новый фактор работает на нас? — успокоившись, спросила марклинг.

— Да, — ответил Опора. — Придется похитить не одного, а двоих. Можете это сделать?

— Конечно, если только второй не крупнее первого, — сказала марклинг.

— Хорошо. Они должны появиться вдвоем, так что хватайте обоих. И помните! Если все чиллиане заснут, когда сработает детонатор и силовая установка выйдет из строя, то с умиау этого не случится. Хотя она испытает шок и будет хуже видеть или вообще хуже себя чувствовать, с ней могут возникнуть трудности. При любых обстоятельствах не жалейте нашу добычу до смерти. Я хочу, чтобы они были парализованы и чтобы мы могли спокойно вернуться с ними на остров, находящийся на полпути от цели.

— Не беспокойтесь, — почти в унисон заявили солдаты.

— Тогда все в порядке, — сказал Опора таким тихим голосом, что он был едва слышен за порывами ночного бриза. — Когда мы доберемся до места, я подам сигнал. Тогда, и только тогда, вы взорвете детонатор. Не раньше, но и не позже. В противном случае запасные генераторы заработают раньше, чем мы уберемся оттуда.

— Понятно, — сказала марклинг.

— Провидец утверждает, что они находятся там вместе, — заявил Опора. — Я — существо мнительное. Это слишком хорошо, а я не верю в случайную удачу. Тем не менее мы сделаем все, что от нас зависит.

А теперь — вперед!

ДИЛЛИЯ — НАД ОЗЕРОМ

В у Чжули застонала и открыла глаза. Голова у нее раскалывалась от боли, и вся комната словно куда-то плыла.

— Она приходит в себя, — слышался чей-то голос, и девушка осознала, что около нее кто-то стоит. Наконец зрение ее достаточно прояснилось, чтобы выделить среди присутствующих недиллианина.

— Бразил! — воскликнула она и задохнулась. Кто-то заставил ее выпить немного воды. Вода была кислая, и Ву Чжули закашлялась.

— Она вас знает! — возбужденно сказал Йомакс. — К ней возвращается память!

Ву Чжули закрыла глаза. Она вспомнила все. В желудке у нее начались спазмы, и ее вырвало.

— Йомакс! Джол! — услышала она голос цельницы. — Вы, деревенщины, берите ее сзади! Капитан Бразил, тащите ее; я буду толкать! Попробуем поставить ее на ноги.

После нескольких попыток это им удалось. «Пожалуй, я только мешался, — подумал Бразил. — Да, парень! В отличие от тебя у этих ребят имеются мускулы!»

Ву Чжули шатало из стороны в сторону. Под ее руки подставили обитые тканью стойки, и комната

стала кружиться чуть-чуть помедленнее. Все еще чувствуя слабость, она начала дрожать. Кто-то, может быть, Джол, стал поглаживать ее по спине, и это, кажется, ее немного успокоило.

— О Боже! — простонала она.

— Все в порядке, Ву Чжули, — мягко сказал Бразил. — Кошмары исчезли. Они больше не причинят вам боль.

— Но каким образом... — начала девушка, и тут ее снова вырвало.

— Ну-ка, убирайтесь все отсюда! — потребовала целительница. — Да, да, тебя это тоже касается, Йомакс. Когда придет время, я вас позову.

Они вышли наружу, под порывы диллианского ветра. Йомакс пожал плечами, лицо его выражало полнейшую беспомощность.

— Вы пьете пиво, чужестранец? — спросил он у Бразила.

— Я этим славлюсь, — ответил Бразил. — Как вы его делаете?

— Зерно, вода и дрожжи, — сказал Йомакс, удивленный таким странным вопросом. — А что, открыли еще какой-нибудь способ?

— Вы правы, — согласился Бразил. — Куда идти?

В баре было полно посетителей, и они с трудом пробились внутрь. Протиснувшись между конскими крупами, Бразил даже испугался, что его задавят насмерть.

Когда он появился, все вокруг замолчали, глядя на него с подозрением.

— До чего же приятно чувствовать себя желанным гостем, — саркастически заметил Бразил. — Может, поищем более удобное местечко, где мы могли бы спокойно поговорить? — обратился он к своим спутникам.

Йомакс кивнул.

— Три порции, Зодер! — крикнул он бармену. Тот налил пиво в три огромные кружки и водрузил их на стойку. Одну Йомакс протянул Джолу, другую — Бразилу, который чуть не свалился под такой тяжестью. Держа кружку обеими руками, капитан вышел на улицу и последовал за Йомаксом к конторе старика.

Когда Джол разжег в очаге огонь и подбросил побольше дров, в доме стало теплее и светлее. Бразил издал глубокий вздох облегчения и уселся на пол, поставив кружку возле себя. Согревшись, он снял меховую шапку и шубу. Оказалось, что это его единственная одежда.

Оба кентавра тоже скинули с себя свои облачения и с удивлением уставились на чужестранца.

Бразил бросил на них ответный взгляд.

— А вот это мы обсуждать не будем, иначе я возвращаюсь в бар, — предупредил он.

Диллиане рассмеялись, и все трое сразу почувствовали себя намного свободнее. Сделав пару глотков, Бразил решил, что пиво совсем неплохое, хотя выпить почти два литра в один заход было для него многовато.

— Ну, что все это значит, сударь? — с подозрением спросил Джол.

— Мы могли бы обменяться информацией, — предложил Бразил, доставая свою трубку и раскуривая ее.

Йомакс облизал губы.

— Это что, табак? — нерешительно спросил он.

— Точно, — ответил Бразил. — И весьма приличный. Хотите немного?

«Йомакс реагирует так же горячо и с таким же недоверием, как и я, когда Серж угощал нас бифштексом, — подумал Бразил. — Неужели с тех пор,

как мы покинули Зону, прошло всего несколько месяцев! Кажется, минула целая вечность».

Йомакс вытащил откуда-то старую обгрызанную трубку и, раскурив ее от обыкновенной спички, с наслаждением выпустил дым через ноздри.

— У нас тут поблизости никто табак не выращивает, — грустно вздохнул кентавр.

— Я уже догадался, — сухо откликнулся Бразил. — Я разжился им довольно далеко от вашей долины.

— В наши дни табак есть только у грызунов, которые живут в пяти тысячах километров отсюда, — уныло сказал Йомакс.

Бразил кивнул.

— Это по соседству с моим гексом, — подтвердил он.

— Странно, — осторожно сказал старик. — Хотя, начиная от груди, вы и выглядите совершенно как диллиане, не помню, чтобы я когда-нибудь видел подобных вам.

— Неудивительно, — с грустью заметил Бразил. — Боюсь, моему народу пришел конец.

— Эй! Йомакс! — внезапно вскрикнул Джол. — Посмотри-ка на его рот! Он не шевелится во время разговора!

— Идиот, он пользуется автоматическим переводчиком, — огрызнулся старик.

— Верно, — сказал Бразил. — Я достал его в Амбрезе, у тех грызунов, о которых вы говорили. Они оказались отличными ребятами, как только мне удалось убедить их, что я разумен.

— Если вы с ними соседи, то в чем же тогда проблема? — спросил Джол.

Бразил помрачнел.

— Ладно, — сказал он. — Давным-давно, много веков назад, вспыхнула война. Мой народ жил в

гексе, обладавшем высокой технологией, он создал чрезвычайно удобную цивилизацию. Но его образ жизни был крайне расточителен. Чтобы его поддерживать, требовались огромные природные ресурсы, и люди истощили свои запасы; из-за производства побочных продуктов резко сократилась площадь плодородных земель, и им пришлось ввозить восемьдесят процентов продовольствия. Не желая отказываться от привычного образа жизни, они решили подчинить себе соседей. Два гекса были заняты океаном, в третьем было так холодно, что это могло нас убить, ради двух других не стоило даже тратить силы. Подходил лишь гекс Амбреза, несмотря на то что он был абсолютно нетехнологическим. Жители Амбрезы были мирными крестьянами и рыбаками и казались легкой добычей.

— На них напали?

— Да, произошло что-то в этом роде, — отвечал Бразил. — Против компьютеров, подсказывающих наиболее эффективную тактику, они использовали мечи и копья, луки и катапульты — все, что производилось в их гексе. Но мой народ сделал одну ошибку, часто повторявшуюся в истории многих рас, и дорого заплатил за нее.

— Какую ошибку? — спросил увлеченный рассказом Джол.

— Невежество они приняли за глупость, — объяснил человек. — Но амбрезиане не были дураками. Они видели, что происходит, и понимали, чего вынуждены лишиться. В то время как их дипломаты вели переговоры о мирном урегулировании, они рыскали в соседних гексах в поисках эффективных контрмер.

— Да? И что же они нашли... — напирал Йомакс.

— Газ, — тихо произнес Бразил. — В северном полушарии его применяли для морозильных устано-

вок, но амбрезиане решили использовать его иначе. Они похитили нескольких человек, и газ действовал на них именно так, как предсказывали северяне. Между тем у обитателей Амбрезы он вызывал лишь зуд и чихание, да и то ненадолго.

— И весь ваш народ истребили? — испуганно спросил Йомакс.

— Нет, не совсем так, — ответил Бразил. — Газ вызывал химические изменения в мозгу. Как вам известно, практически все расы ведут свое происхождение от каких-нибудь древних или современных животных или родственников им.

— Верно, — согласился Йомакс. — Однажды я пытался поговорить с лошадьми в гексе Восемьдесят три.

— Точно! — воскликнул Бразил. — Мой же народ происходит от крупных обезьян. Вы знаете, кто такие обезьяны?

— Как-то раз я видел несколько картинок в журнале, — сказал Джол. — В двух или трех гексах живут похожие на них.

— Правильно, — продолжал Бразил. — Ну так вот, газ просто вернул людей в животное состояние. Они лишились могущества разума и превратились в огромных обезьян.

— Ну и ну! — воскликнул Джол. — И все они умерли?

— Нет, — ответил Бразил. — Климат стал более мягким, и многие мои соотечественники — вероятно, даже большинство их — погибли, остальные адаптировались. После этого туда вторглись амбрезиане и разорили всю территорию. Обезьян они не тронули, и те кочуют небольшими стаями. Некоторых амбрезиане держат в качестве домашних животных.

— Я не слишком учен, — прервал Бразила старик, — но, по-моему, такая штука, как химические изменения, не передается по наследству. Так что уже внуки отравленных не могли родиться животными.

— Амбрезиане утверждают, что наблюдается некоторое улучшение, — сказал Бразил. — Хотя газ должен был мощнейшим образом воздействовать на все живое, оказалось, что его поглощает буквально все — скалы, почва, растения. У моих соплеменников большая доза инициировала возвращение в животное состояние, микроскопическая же просто задерживает их умственное развитие. Но постепенно действие газа сходит на нет. Амбрезиане считают, что через шесть-семь поколений обезьяны достигнут уровня примитивного человека и что в течение пятисот лет у них, возможно, даже возникнет язык. Главная идея амбрезиан состоит в том, чтобы вернуть всех обезьян на родину, где они начнут прогрессировать. Таким путем их превратят в обитателей нетехнологического гекса и, видимо, оставят в относительно примитивном состоянии.

— Что-то не нравится мне этот газ, — заявил Йомакс. — То, что погубило людей, может погубить и диллиан. — Он поежился.

— Не думаю, — сказал Бразил. — После этого нападения Колодец вообще отказался от транспортировки газа. На такие земли у нашего планетарного мозга, слава Богу, ума хватает.

— А мне все равно не нравится эта история, — продолжал настаивать Йомакс. — Если не газ, то на нас может обрушиться что-нибудь и похуже.

— Жизнь — это всегда риск, и нечего бояться того, что в принципе может случиться с каждым, — заметил Бразил. — В конце концов, вы можете поскользнуться на причале, упасть в озеро и умереть

от охлаждения до того, как окажетесь на берегу. На вас может упасть дерево. Вас может убить молния. Если вы позволите себе бояться по каждому поводу, то превратитесь в живого мертвеца. Именно это произошло с Ву Чжули.

— Что вы имеете в виду? — резко спросил Джол.

— У нее была ужасная жизнь, — спокойно ответил Бразил. — Родилась она в комм-мире, выполняла самую грязную простейшую работу, выглядела и думала, как все, у нее не было ни секса, ни веселья, вообще ничего. И тут ее внезапно заметило начальство. Ее стали поить спиртным, чтобы развить в ней сексуальность, и использовали в качестве проститутки для не очень важных гостей, одним из которых оказалась чужеземная свинья по имени Датам Хаин.

Здесь Бразил был вынужден прерваться, так как представителям цивилизации, которая не знала брака, притязаний на отцовство и денег, пришлось объяснять, что такое проститутка.

— Этот Хаин, — продолжал он, — выражал интересы группы негодяев, которые вербовали людей, занимающих ответственные посты в правительствах различных планет, используя такое гнусное средство, как наркотики. Чтобы продемонстрировать, что с ними произойдет, если они не будут принимать снабдь, Хаин заразил Ву Чжули, а затем позволил наркотикам медленно убивать ее. Лекарства от этого заболевания нет, и такие люди, как правило, обречены. Большинство инфицированных лидеров, обнаружив, что изменения в их крови подобны тем, что наблюдаются у Ву Чжули, шли на поводу у Хаина, выполняя все его приказы и приказы его хозяев. Это снабдь действует на людей — замечу, что помимо всего прочего оно вызывает сильнейшую боль, —

точно так же, как газ на обитателей моего гекса Сорок один; вдобавок оно полностью убивает аппетит, и в конце концов больной умирает от голода.

— И бедная Ву Чжули находилась на грани гибели, — с горечью заметил Джол. — Страдающая от боли, практически превратившаяся в животное, потерявшая все. Неудивительно, что у нее отшибло память! И неудивительно, что ее мучили кошмары!

— Кошмаром для нее была жизнь, — тихо сказал Бразил. — Ее физический кошмар кончился, но он еще долго будет жить в ее сознании.

Воцарилось молчание. Казалось, все уже сказано. И тут заговорил Йомакс:

— Капитан, в связи с вашим рассказом о газе меня интересует одна вещь.

— Валяйте, — пригласил Бразил, прихлебывая пиво.

— Если этот газ все еще активен, почему он не подействовал на вас, хотя бы слегка?

— Честно говоря, не знаю, — ответил Бразил. — По идее я должен был бы опуститься до уровня остальных обитателей гекса. Но этого не произошло. Я даже не изменился физически и не стал похож на тамошних представителей рода человеческого — более высоких и смуглых, чем я. Я не смог это объяснить, амбрезиане тоже.

В дверь просунулась голова целительницы, и все обернулись, выжидаяще глядя на нее.

— Чжули спит, — сообщила она. — Спит по-настоящему, в первый раз за месяц с лишним. Я побуду там и пригляжу за ней.

Они кивнули и снова погрузились в долгое ожидание.

Ву Чжули спала почти двое суток.

Бразил использовал это время, чтобы обойти весь город и осмотреть некоторые тропы. Ему нравился этот народ и это уединенное место, полностью отрезанное от цивилизации, если не считать ежедневного рейса парома. Стоя на холме над широкой тропой, пересекавшей весь этот край, и глядя на покрытые снегом вершины гор, он забыл о холоде и ветре. Оказалось, что почти вся эта горная цепь расположена в соседнем гексе. Бразилу было ужасно любопытно, кто же населяет ту территорию.

Посвятив своим исследованиям большую часть дня, он направился обратно в городок, чтобы узнать о здоровье Ву Чжули.

— Она пришла в себя, — сообщила ему целительница. — Я заставила ее немного поесть, и ей стало немного лучше. Если хотите, можете к ней зайти.

Бразил хотел.

Ву Чжули казалась еще очень слабой, но, увидев его, попыталась улыбнуться.

Она почти не изменилась, подумал капитан, по крайней мере выше талии. Он узнал бы ее где угодно, несмотря на другую окраску, чужое тело, стоящие торчком уши.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он автоматически и про себя удивился, почему больным первым делом всегда задают этот дурацкий вопрос.

— Ничего, — ответила она, — поправляюсь. — И хихикнула. — Когда мы в последний раз с вами делились, я смотрела на вас снизу вверх.

Бразил изобразил на лице горькую обиду.

— Вот всегда так! — заныл он. — Все любят дразнить коротышку!

Оба рассмеялись.

— Приятно видеть вас смеющейся, — заметил Бразил.

— Раньше у меня было мало поводов для смеха.

— Я говорил, что найду вас.

— Я помню, и это самое ужасное, когда сидишь на губке. Ты отдаешь себе полный отчет в том, что происходит.

Бразил с мрачным видом кивнул.

— В истории человечества всегда фигурируют какие-нибудь наркотики, и люди привыкли к ним. Те, кто отказывается их принимать, одурманивают себя другими наркотиками, такими сильнодействующими, что они заставляют людей заниматься само-разрушением, превращают их в животных.

— Что это за наркотики?

— Власть и алчность, — ответил он. — Они производят наибольшее опустошение в людских душах. Впрочем, нет, они занимают лишь второе место.

— Что же тогда самое отвратительное? — спросила она.

— Страх, — ответил Бразил очень серьезно. — Он разрушает и губит все вокруг.

Она помолчала несколько секунд. Потом произнесла так тихо, что он едва разобрал:

— Мне страшно, как никогда в жизни.

— Знаю, — сказал он мягко. — Но теперь вам бояться нечего. Тут живет хороший народ, да и место такое славное, что я с удовольствием провел бы здесь остаток жизни.

Она посмотрела на него в упор; ее юное лицо резко контрастировало с глазами, принадлежащими, казалось, очень старому человеку.

— Конечно, — согласилась она, — но это не мой рай. Диллиане здесь родились и ничего не знают об ужасах, творящихся повсюду. Было бы чудесно за-

быть все и стать одной из них, но я не могу. Мои раны кажутся еще глубже и болезненнее на фоне их доброты и простодушия. Это вы можете понять?

Бразил задумчиво кивнул.

— У меня тоже есть раны, — сказал он. — И некоторые оказались гораздо серьезнее, чем я полагал. Ко мне возвращается память, медленно, но в малейших деталях. И в основном то, о чем бы мне очень хотелось забыть. Разумеется, я вспоминаю добрые старые времена, курьезные случаи, но и ужасы, и много боли. Подобно вам, я стер их из своей памяти, как мне казалось, навсегда, а теперь они возвращаются — все чаще и чаще.

— Омоложения, должно быть, в немалой степени повлияли на вашу память, — предположила девушка.

— Нет, — сказал он. — Я никогда не подвергался омоложению, Ву Чжули. Никогда.

— Но это же невозможно! Я помню, как Хаин изучал вашу лицензию. В ней говорилось, что вам больше пятисот лет!

— Так оно и есть, — произнес Бразил негромко. — И намного больше. У меня были сотни имен, я прожил тысячу жизней. Я жил еще во времена Старой Земли и даже раньше.

— Но Старую Землю уничтожили много столетий назад! Значит, это было чуть ли не в доисторическую эпоху!

Капитан говорил преувеличенно небрежным тоном, но девушка не сомневалась в его правдивости.

— С моей памяти словно спадают завесы — одна за другой, — продолжал Бразил. — Как раз сегодня, в горах, я неожиданно вспомнил потешного маленького диктатора, жившего на Старой Земле. Я нравился ему потому, что был точно таким же недомерком, как и он.

Его звали Наполеон Бонапарт.

Несколько ночей подряд капитан спал, закутавшись в меха, в конторе Йомакса; с каждым очередным посещением Ву Чжули он убеждался, что девушка чувствует себя все лучше и лучше и постепенно обретает уверенность в себе.

Но эти глаза! Печаль в ее глазах не проходила.

Как-то раз, когда прибыл паром, Кламас чуть не упал в озеро, торопясь прыгнуть на пристань.

— Нат! Нат! — кричал он. — Потрясающие новости!

Выражение его лица ничего хорошего не предвещало.

— Остынь, Кламми, и расскажи все по порядку. — Бразил выхватил у него из рук напечатанную ксилографическим способом газету, но не сумел прочесть ни слова.

— Кто-то проник в университет в Чилле и похитил двоих исследователей!

Бразил нахмурился, ощутив странную тяжесть в желудке. В Чилле жила Вардия, и именно туда он намеревался отправиться.

— Кого похитили? — спросил он.

— Одну из твоих спутниц, Вардию, кажется. И умиау по имени Кеннот.

Бразил вздрогнул и закусил губу.

— Кто это сделал?

— Есть неплохая идея, хотя кое-кто с ней и не согласен, — ответил Кламас. — Горстка гигантских тараканов с непроизносимыми именами. Несколько умиау заметили их в темноте, когда эти наглецы взорвали силовую установку в Центре.

Постепенно вся история прояснилась. Две огромные твари, похожие на гигантских летающих жуков, взорвали главную силовую установку, от-

ключив тем самым все искусственное освещение Центра. Затем, разбив стекло, они влезли в лабораторию, схватили Вардию и Кеннот и куда-то их увезли. Власти гекса, к которому, как подозревали, принадлежат похитители, заявили, что на планете существует около сотни насекомоподобных рас, и отрицали причастность к этой акции. Их жестокая монархия, своими фантастическими титулами напоминающая комм-мир, была герметически закрыта, так что никто им не поверил.

— Но это еще не самое сенсационное! — задыхаясь продолжал Кламас. — У этих умиау начался страшный переполох, и одна из них случайно проговорила. Судя по всему, им и руководителям Центра в Чилле было что скрывать. Кеннот — это Элкинос Скандер!

Бразил застыл, переваривая полученную информацию. Вот это да! Скандер мог использовать большие компьютеры Центра, чтобы получить ответы на все жизненно важные для него вопросы, а затем организовать экспедицию под своим руководством во внутренние области Мира Колодца. «Власть и алчность, — мрачно подумал Бразил. — Они развращают даже самые мирные расы. Что ж, они своего добились, но теперь все, что у них осталось, — это страх»

— Я должен немедленно отправиться в Чилл, — сказал он паромщику. — Похоже, мой час настал.

Кламас ничего не понял, но согласился задержать судно до тех пор, пока Натан не простится с Ву Чжули.

Когда капитан вошел, девушка листала альбом пейзажей, выполненных местными художниками. Лицо Бразила выдавало недавнее его беспокойство.

— Что случилось? — спросила она.

— Они вломились в лабораторию и похитили Вардию и Скандера — того самого, который взорвал базовый лагерь на Далгонии и убил семерых человек, — мрачно сказал он. — Боюсь, мне надо уходить.

— Возьмите меня с собой, — тихо попросила Ву Чжули.

Эта мысль даже не приходила ему в голову.

— Но ведь вы еще не оправились! — запротестовал Бразил. — Кроме того, ваше место здесь. Теперь это ваш народ. За пределами этого края бушуют бури. Это не для вас!

Девушка подошла к нему вплотную, и капитана в который раз поразили глаза — тоскливые глаза старого-престарого человека.

— Я должна, — сказала она. — Я хочу исцелить свои раны.

— Там вы только получите новые, — возразил он. — Там страшно, Ву Чжули.

— Нет, Натан, — сурово ответила она, впервые назвав его по имени. — Страх гнездится здесь. — Она постучала себя по лбу. — Если я не встречу с ним лицом к лицу, я закахну и умру.

Бразил молчал, и она решила, что он все же не хочет брать ее с собой.

— Мне будет легче, чем вам, — заметила она. — Кожа у меня толще, я лучше приспособлена к капризам погоды, и мне требуются лишь трава и вода.

— Ладно, — решительно произнес он. — Пойдем вместе, если вам это необходимо. В конце концов, вы всегда сможете вернуться в Диллию через любые Ворота.

— Вот это я и хотела услышать, Натан, — сказала она. — Я излечилась от губки, но меня держит на крючке то, что вы назвали самым отвратительным наркотиком, — страх.

— Вы уверены, что выздоровели?

— Уверена, — твердо произнесла она. — Путешествие пойдет мне на пользу.

Когда Йомакс узнал, что они уходят вместе, снова разразилась буря протестов, но Ву Чжули осталась непреклонной.

— Я сам сообщу об этом Дал и Джолу, — сказал Йомакс, и на его глазах показались слезы. — Но они тоже не поймут.

— Я вернусь, старина, — произнесла девушка дрожащим голосом. И нежно поцеловала старого кентавра в щеку.

Кламас врубил судовой свисток.

Через пять часов Бразил и Ву Чжули высадились на берег в Донмине. По сравнению с деревушкой, откуда они только что прибыли, он казался шумной столицей. Город стоял на широкой равнине. Улицы освещались масляными фонарями; Бразил не знал, какое масло для этого используется; но от фонарей явно воняло рыбой.

В судовой конторе ему вернули рюкзак, сшитый из грубой ткани. Они попрощались с Кламасом, и тот пожелал им удачи.

Как выяснила Ву Чжули, главным содержимым рюкзака был табак — самый подходящий товар для обмена. Кроме того, там лежали ткани и туалетные принадлежности. Они сняли комнату в прибрежной гостинице и провели там ночь.

На следующий день рано утром они двинулись на северо-восток по тропе, пересекавшей всю Диллию. Ву Чжули было нелегко держаться за капитаном, так как она уже привыкла передвигаться легким аллюром.

Через несколько километров, пройденных в особо медленном темпе, девушка не выдержала:

— А почему бы вам не сесть на меня?

— Вы и так уже несете на себе рюкзак, — возразил Бразил.

— Я сильнее, чем вы думаете, — отпарировала она. — Я возила бревна и потяжелее вас, да еще и вьюк в придачу. Садитесь-ка и постарайтесь не упасть.

— Последний раз я ездил верхом во время инаугурации президента Вильсона, — пробормотал капитан что-то совершенно для нее непонятное. — Ладно, попробую.

После трех неудачных попыток он все-таки взобрался на ее широкую спину, напомнившую ему спину шотландского пони. Однако удержаться там оказалось гораздо сложнее. Он дважды падал, вызывая ее насмешки, и в конце концов девушка вынуждена была заложить руки за спину, чтобы он мог хоть как-то держаться. Но она постепенно ускорила бег, и Бразилу пришлось ухватиться за куда менее надежный рюкзак. Сам он был не в лучшей форме. В его ногах обнаружилась сотня мышц, о существовании которых он и не подозревал, и сильная боль почти заглушила болезненное ощущение в крестце.

Но километры так и летели. Перед самыми сумерками они миновали последнее поселение, и теперь им встречались лишь отдельные крестьянские хижины. Диллианская граница приближалась. Пошел первый снег, но тревоги у них это не вызвало.

— Скоро вам придется остановиться, — сказал Бразил.

— Почему? — насмешливо спросила девушка. — Испугались темноты?

— Для моего тела это слишком большая нагрузка, — простонал он. — А гекс Слонгорн спокойно подождет до утра. Я недостаточно хорошо его знаю, чтобы ловить удачу в темноте.

Ву Чжули остановилась, и он в изнеможении сполз на землю. Его мучила боль, которую верховая езда всегда вызывает на первых порах. Ее позабавили его неловкие движения.

— Ну так кто же из нас слишком слаб, чтобы путешествовать? — подковырнула она капитана. — Боже, и это легендарный Натан Бразил! А ведь мы уже пять раз останавливались.

— Верно, — проворчал он, ощупывая себя и обнаруживая массу болезненных точек. — Но мы останавливались только для того, чтобы вы могли поесть. Боже! Дай своему народу наесться досыта. «И он дал», — подумал Бразил, вспомнив, как кентавры истребляли невероятное количество пищи, чтобы поддерживать свои огромные тела.

— Разобьем здесь лагерь? — спросила девушка, взглянув на погружающийся в темноту лес, в котором не было видно ни огонька. — Если вы согласны, то лучше нам поискать надежное убежище. Похоже, может начаться снегопад.

— Дорога, которую мы пересекли в полутора километрах отсюда, ведет в селение Сайдкратер, значит, недалеко от поворота должна находиться придорожная гостиница. — Он бросил взгляд на выцветшую потертую карту, которую достал из рюкзака.

— А почему бы нам не отправиться в селение? — спросила она.

— Это крюк почти в восемь километров, — скептически сморщился Бразил. — Нет, двинемся вперед и будем надеяться, что гостиница еще существует. Но я немного пройду пешком, и не спрашивайте почему!

Когда стемнело, действительно начался снегопад. Дорогу замело, видимость уменьшилась почти до нуля.

— Мы правильно идем? — крикнула ему Ву Чжули.

— Не знаю, — ответил он. — Мы давно уже должны были добраться до гостиницы. Но у нас нет выбора. Костер развести в такую погоду мы не сумеем. Поехали дальше!

— Я начинаю по-настоящему замерзать, Натан! — пожаловалась она. — Не забывайте, больше половины моего тела обнажено.

Они остановились, и Бразил сбросил с ее купа снег.

— Я собираюсь снова сесть верхом! — крикнул он, перекрывая свист ветра. — Идите вперед, и как можно быстрее! Раньше или позже, но куда-нибудь мы доберемся!

Сильный ветер, дующий им навстречу, существенно замедлял продвижение. Бразил крепко держался за спину девушки. Из-за холода и темноты минуты казались им часами.

— Не знаю, сколько я еще продержусь, Натан, — сказала она наконец. — У меня основательно замерз зад.

— Вперед, девочка! — крикнул капитан. — Вот это и есть приключение, о котором вы так мечтали! Теперь не отступайте!

Это приободрило ее, но положение казалось безнадежным — снег повалил стеной.

— Кажется, я что-то вижу! — воскликнула Ву Чжули. — Правда, я не уверена: ресницы совсем заиндевели.

— Может, это гостиница? — крикнул Бразил. — Идите к ней!

Девушка рванулась вперед.

Внезапно они словно прорвались сквозь невидимую завесу. Снега не стало. Исчез и холод. От неожиданности Ву Чжули резко остановилась.

Бразил слез с нее и отряхнулся от снега. Восстановив дыхание, он сделал несколько шагов назад в ледящий мороз.

— Что это такое, Натан? — спросила Ву Чжули. — Что произошло?

— Должно быть, мы прозевали гостиницу, — сказал он, возвращаясь к ней. — Мы пересекли границу и оказались в Слонгорне. Можно разбить лагерь прямо здесь, — предложил он. — И не только потому, что я слишком устал, чтобы двигаться дальше, — это незнакомая территория, а мне хочется избежать ненужного риска. Маловероятно, что вблизи границы мы столкнемся с какими-нибудь проблемами; но, если они все же возникнут, у нас будет удобный, хотя и несколько холодный выход.

— Даже не верится, — облегченно вздохнула девушка, когда он отвязал рюкзак и, вынув из него пару полотенец, вытер ей лицо и волосы. — Выбраться из этой страшной бури и попасть сюда — из зимы в лето...

— Именно так это и происходит, — ответил Бразил. — Кое-где нет четкой разделительной линии, кое-где все кончается драматически. Но запомните, что, хотя многое в этом мире — приливы, реки, океаны и прочее — взаимно сцеплено, каждый гекс представляет собой замкнутое биологическое сообщество.

— Вам не кажется, что в данном биологическом сообществе слишком жарко? — заметила она. — Помоему, давно пора снять эту ужасную тяжелую шубу.

— Я вас опередил, — ответил Бразил, вытирая ей насухо круп и хвост.

Обернувшись, она увидела, что он разделся. «Обнаженный, он кажется еще более худым», — пронеслось у нее в голове. Даже сквозь черные волосы, которыми густо заросло его тело, можно было разглядеть каждое ребро.

Он подошел к ней, и они вместе принялись разглядывать раскинувшийся перед ними ландшафт, купающийся в таинственном свете звезд.

— Горы, деревья, возможно, небольшое озеро там, повыше, — указывал Бразил. — Издалека выглядит как несколько огоньков.

— Что-то я не вижу дороги, — озабоченно сказала Ву Чжули. Они стояли на поле, заросшем невысокой травой. Девушка почти автоматически наклонилась и сорвала несколько стебельков.

— Я не уверен, что вам следует это есть, — предупредил он ее. — Мы не знаем свойств здешней почвы.

Она подозрительно обнюхала траву. Диллиане были довольно близоруки, но зато обоняние и слух у них были развиты великолепно.

— Пахнет как обычная равнинная трава. Хотя и короткая. Видите? Она скошена.

Взглянув на траву, Бразил убедился, что она права.

— Рассуждая логически и исходя из того, что я увидел, это — либо технически высокоразвитый гекс, либо вообще нетехнологический, — произнес он. — Но скорее всего он принадлежит к первой категории.

— Трава срезана вчера или позавчера, — заметила девушка. — Можете сами ее понюхать.

Он понюхал, но, не обнаружив ничего особенного, пожал плечами. «Римский нос еще не гарантирует хорошее обоняние», — подумал Бразил.

— И все же я рискну, — решила Ву Чжули. — Она здесь растет, и она мне нужна. Кроме того, мы будем два-три дня идти через этот гекс.

Она сделала три шага и остановилась.

— Натан!

— Да?

— Что за народ здесь живет? Я имею в виду...

— Понятно, что вы имеете в виду, но я сам их толком не видел. Они двуногие вегетарианцы, и это единственное, что я знаю точно.

— Мне этого вполне достаточно. — ответила она и принялась щипать траву.

— Не уходите далеко, — предостерег Бразил. — Здесь слишком жарко, чтобы разжигать костер, к тому же нам не стоит привлекать к себе внимание.

Довольный, что она находится в поле его зрения, капитан расстелил на просушку меха и разделся донага. Трава оказалась жесткой и колючей. Поэтому он уселся на влажные полотенца и съел почти половину огромного куска халвы, которой ему удалось раздобыть в Донмине. Халва оказалась приторно сладкой и скрипела на зубах.

Бразил вынул из рюкзака флягу с водой и решил выпить только половину. Неизвестно, какая в этих местах окажется вода.

После этого он отправился к границе гексов, находящейся от него всего в нескольких метрах, и съел целую пригоршню снега.

Вернувшись обратно, Бразил улегся на расстеленные полотенца и от всей души пожелал себе как можно быстрее научиться ездить верхом. По его расчетам, они находились почти в девятистах километрах от Центра в Чилле.

Вскоре возвратилась Ву Чжули. Заметив, что у него открыты глаза, девушка усмехнулась:

— Я думала, что вы уже видите сны.

— Я слишком устал, чтобы заснуть, — лениво ответил Бразил. — Немного погода встану. Почему бы вам самой не отдохнуть? Впереди долгая дорога. Кстати, через несколько дней мы выясним, существует ли в этом мире пневмония.

Она рассмеялась, но смех сменился отчаянной зевотой.

— Вы правы, — сказала девушка. — Но боюсь, что ночью я упаду. Здесь не к чему прислониться.

— О-хо-хо, — почти простонал он. — А вы умеете спать лежа?

— Пару раз мне приходилось засыпать в таком положении, — ответила она. — Но тогда я была сильно пьяна.

Подойдя к нему вплотную, Ву Чжули стала на колени, затем медленно повернулась и легла на бок лицом к капитану.

— А-ах, — вздохнула она. — Мне кажется, что сегодня ночью проблемы со сном у меня не будет.

Бразил смотрел, как у нее медленно закрываются глаза, и думал: «Разве не забавно, что, когда она лежит вот так, в ней столько человеческого?» Прядь волос упала ей на лицо, и он автоматически убрал ее. Ву Чжули улыбнулась.

— Простите, я не думал, что разбужу вас, — прошептал он.

— Ничего страшного, — так же тихо ответила она. — Я еще не заснула по-настоящему. Как ваша спина? Болит?

— Немножко.

— Ложитесь на живот. Я вас помассирую.

Так они и сделали.

Через несколько минут Бразил удовлетворенно вздохнул.

— Мы в самом деле должны немного поспать, — тихо сказал он. Затем, словно эта мысль только что пришла ему в голову, наклонился и поцеловал ее.

Ву Чжули обняла его и притянула к себе. Капитан чувствовал себя крайне неловко, и, когда она наконец отпустила его, он быстро перекатился обратно на полотенце.

— Почему вы пошли со мной? — спросил он.

— Я уже говорила, — ответила девушка полушепотом. — Но, кроме того, я помню все. Помню, как вы спасли мне жизнь. Как поддерживали меня в Колдце. И как отклонились от своего маршрута, чтобы найти меня: я видела карту.

— О дьявол! — воскликнул он с отвращением. — Из этого ничего не выйдет. Мы — разные виды мыслящих существ.

— И все же вы хотите меня. Я это чувствую.

— И вы чертовски хорошо знаете, что наши тела не соответствуют друг другу. Все, что напоминает секс, между нами попросту невозможно. Так что выкиньте из головы эти глупости и утром отправляйтесь обратно.

— Вы — единственная чистая душа, которую я встретила в нашем старом грязном мире, — произнесла она с глубоким чувством. — Вы — первый человек, который заботился обо мне, даже не зная меня.

— Сюжетец для пошляков — рыба влюбилась в корову, — возразил Бразил изменившимся голосом. — Встретились две души, но случилось так, что их хозяева явились из разных миров.

— Любовь — это не секс, — ответила Ву Чжули спокойно. — Я знаю это лучше, чем кто-либо другой. Секс — это просто физический акт. Любовь — это бесконечная забота, которую вы проявляете ради себя самого. В глубинах вашей души скрывается чувство любви, которое я до этого ни в ком никогда не встречала. Думаю, что частично оно стерлось. Может быть, благодаря вам я поборю тот страх, который гнездится во мне, и сумею стать самой собой.

— О дьявол! — угрюмо повторил Бразил и повернулся к ней спиной.

Воцарилась тишина, и оба они заснули.

Кентавр был похож на огромную статую Зевса, слившуюся с телом прекраснейшего жеребца. Услышав шаги, человек выбрался из пещеры, увидел, кто это, и успокоился.

— Ты неосторожен, Агорикс, — сказал человек.

— Я просто устал, — ответил кентавр. — Устал бегать, устал вскакивать, заслышав малейший шум. Скоро я уйду в горы и умру. Я ведь последний, ты знаешь.

Человек печально кивнул.

— Тех двоих я убил в Спарте, когда они поджигали храм.

Кентавр одобрительно улыбнулся.

— Когда меня не станет, о кентаврах не сохранится ничего, кроме легенд. Это к лучшему. — Внезапно из его больших мудрых глаз хлынули слезы. — Мы пытались поделиться с ними своими знаниями! Мы пытались научить их! — застонал он.

— Вы были слишком хороши для этого грязного маленького мира, — ответил человек с нежностью и состраданием.

— Мы пришли сюда по собственному желанию, — сказал кентавр. — Мы потерпели неудачу, но мы старались. Однако для вас это, должно быть, еще тяжелее.

— Я должен остаться. Ты это знаешь.

— Только не нужно жалеть меня, — резко ответил кентавр. — Подумай лучше о себе.

Натан Бразил проснулся.

Его палило жаркое солнце, и, если бы не густой загар, приобретенный за время прежних путешествий, он бы наверняка покрылся ожогами.

«Какой дурацкий сон! — подумал он. — Что это, последствия ночного разговора? Или, как уже не раз бывало, подлинное воспоминание?» Сон немного испугал его, и не потому, что оказался слишком мрачным, а потому, что мог бы многое объяснить — и самым неприятным образом.

Капитан дал себе слово, что постарается выкинуть его из головы.

Он повернулся и обнаружил, что Ву Чжули ушла.

Там, где она лежала в траве, осталась большая вмятина, там, где встала, валялось несколько кусков сорванного дерна. Но сама девушка исчезла.

Бразил огляделся вокруг, отмечая малейшие детали ландшафта.

Он лежал на пологом травянистом склоне, постепенно спускавшемся в болотистую низину. Возле болота и за ним были в беспорядке рассеяны похожие на грибы дома, но признаков какой-либо деятельности капитан не заметил. Он посмотрел назад. Там высился заснеженный лес, но буря кончилась, и небо быстро прояснялось. Он подошел к линии границы, набрал пригоршню снега и протер им лицо.

Прогнав сон, он собрался заняться поисками Ву Чжули. Но она сама уже скакала ему навстречу.

Бразил сложил полотенца в рюкзак и достал оттуда черные брюки, приобретенные в абсолютно нечеловеческом гексе. Они оказались ему впору. Ноги он всунул в подобие башмаков с толстыми кожаными подошвами. Башмаки были сделаны из растягивающегося материала, и капитану показалось, что они облегают его ноги, словно вторая кожа. Точно такое же ощущение вызвала у него надеваемая через голову рубаха. «Она такая тонкая, — подумал Бразил, — что я чувствую себя голым. Ну да ладно, она хоть защищает от солнца».

В этот момент подсказала Ву Чжули. Она была чем-то взволнована.

— Натан! — крикнула она. — Я бегала на разведку, и вы ни за что не догадаетесь, что находится за ближайшим холмом!

— Изумрудный город, — резко произнес он, хотя знал, что ответом ему будет недоуменный взгляд. Однако она не обратила никакого внимания на его тон.

— Нет! Дорога! Мощеная дорога! И экипажи на ней!

Бразил был озадачен:

— Экипажи? Так близко от границы? И какие экипажи?

— По-моему, электрические, — ответила она. — У самой границы есть небольшая стоянка. А примерно в ста метрах за ней — диллианская гостиница!

— Значит, во время бури мы сбились с дороги и прозевали ее, — сказал капитан. — Слонгорниане снабжают гостиницу всем необходимым, считая ее деловым центром. Забавно, что вы никогда не слышали о ней.

— Все это время я безвылазно жила у озера, — напредила ему Ву Чжули. — Единственными чужестранцами, о которых я что-либо слышала, были горцы, но никого из них я никогда не видела.

— А как выглядят те, в экипажах? — спросил он с любопытством. — Нам придется пройти через весь их гекс.

— Они очень странные — ну, сами увидите. Пошли!

Подобрав рюкзак, Бразил забрался к ней на спину. Он заметил, что в это утро девушка выглядела очень счастливой и энергичной, а главное — живой.

Скоро они перевалили через пригорок, и капитан увидел то, о чем она говорила. Полдюжины от-

крытых экипажей стояли на маленькой вымощенной площадке возле самой границы. Ни в одном из них не было никаких сидений, и их водители, по-видимому, обладающие очень высоким ростом, управляли стоя с помощью двух рычагов. На дороге было двухрядное движение в обе стороны, а посредине ее черной поверхности сверкала на солнце белая разделительная линия.

У паркинга они остановились.

— Смотрите! — сказала девушка. — Вот почему я назвала их странными!

«И была абсолютно права», — подумал Бразил. В последний раз он видел нечто подобное давным-давно после месячного запоя.

Представьте себе голову слона с висющими ушами, но без бивней, с двумя метровыми хоботами, каждый из которых заканчивается четырьмя похожими на обрубки пальцами, сгруппированными вокруг открытой ноздри. Рук у этого существа нет. Хилое тело покоится на двух коротеньких толстых ножках с плоскими ступнями и при ходьбе как бы раскачивается из стороны в сторону. Теперь покрасьте его в огненно-красный цвет и наденьте на него зеленые холщовые брюки.

Натан Бразил и Ву Чжули во все глаза смотрели на это создание, не спеша ковыляющее прямо к ним.

— О Господи! — Это было все, что Бразил смог выдать из себя.

Существо заметило их и приветственно помахало обоими хоботами.

— Привет! — прогудело оно по-диллиански. Голос его звучал как испорченная сирена. — Ну что, на этой стороне погода получше?

— Еще бы, — откликнулся Бразил. — Мы чуть не погибли во время бури и прозевали гостиницу. Ночь провели прямо здесь, на поле.

— Куда-то направляетесь? — любезно осведомился слонгорнианин. — Собрались совершить путешествие по нашей прекрасной стране? Сейчас для этого самое лучшее время — начало лета.

— Нет, — небрежно ответил Бразил. — Мы здесь проездом. Держим путь в Чилл.

Дружелюбно настроенный слонгорнианин насупился и от этого стал еще более комичным.

— Да, плохи там дела. Я прочел об этом вчера вечером.

— Знаю, — серьезно ответил Бразил. — Одна из жертв, чиллианин, был моим другом. Нашим другом, — тут же поправился он, и Ву Чжули улыбнулась.

— Почему бы вам не зайти в гостиницу и не позавтракать? Там можно договориться о попутной машине, — спросил слонгорнианин, стараясь оказать им помощь. — Все грузовики возвращаются отсюда порожними, и большую часть пути вы могли бы проделать на них. Сбережете время, да и ноги отдохнут.

— Спасибо, мы так и сделаем, — сказал Бразил вслед достойному слонгорнианину, пока тот залезал в свой экипаж и трогался с места, дергая обоими хоботами за рычаги управления.

— Держу пари, пятьдесят километров в час для него предел, — сказал он Ву Чжули, когда машина скрылась из виду.

Перейдя границу, они сразу замерзли. На Ву Чжули не было ничего, кроме рюкзака, а одежда Бразила защищала только от солнца. Они побежали и ввалились в гостиницу мокрые и запыхавшиеся.

В баре пятеро слонгорниан толкались у стойки, словно у них пересохло в глотке. Еще один держал кружку с какой-то теплой жидкостью, смахивающей на чай, и неторопливо лил ее содержимое в рот. Хозяйка — диллианка средних лет, выглядевшая старше

своего возраста, возилась у кассы, а два молодых кентавра-мужчины укладывали в мешок коробки, готовясь, по-видимому, к отправлению почты.

Оглядевшись по сторонам, Бразил заметил еще одно существо.

Гигантская, размером с человека, летучая мышь с горящими кроваво-красными глазами, прислонившись в углу, жевала огромный кусок сладкой лепешки. У нее были кожистые крылья, две длинные, почти человеческие ноги, заросшие черной шерстью, как у гориллы; ступни, тыльные части которых также были покрыты шерстью, напоминали огромные человеческие руки. Ноги явно имели по два или три сочленения, так как мышь без видимого усилия удерживала равновесие, стоя на одной ноге, а другой одновременно поднося лепешку ко рту.

Казалось, эта тварь их не замечает; остальные, по-видимому, тоже не обратили на них никакого внимания. Им принесли завтрак: горячую овсяную кашу в огромной миске и деревянные ложки. Ву Чжули сразу же попросила воды, а Бразил заказал чай, черный как смоль и невероятно горький, — во время пребывания в Диллии капитан обнаружил, что этот напиток придает ему силы и энергию.

Вскоре один из слонгорниан — водитель грузовика вовлек Бразила в разговор. Все здесь оказались необычайно дружелюбными, и, когда общее любопытство по поводу появившегося в их среде необычного создания было удовлетворено, Бразил, следуя совету, полученному на стоянке, без колебаний перешел к делу. После рассуждений о погоде, овсянке и неблагодарном труде водителей он рассказал, куда направляется и с какой целью.

Все отнеслись к нему с пониманием, и один из водителей предложил подбросить их до своей базы,

расположенной в ближайшем слонгорнианском городе. Он заверил капитана, что они смогут проехать от терминала к терминалу на попутных машинах через всю страну.

— Ну что ж, Ву Чжули. Сегодня обойдемся без физических упражнений и без боли, — сказал Бразил, просияв улыбкой.

— Это чудесно, — одобрила девушка. — Но, Натан, не называйте меня больше этим именем. Оно принадлежит другому человеку, которого я бы не хотела вспоминать. Зовите меня просто Вучжу. Это прозвище мне дал Джол, и отныне оно будет моим именем.

— Согласен, — засмеялся он. — Отныне вы — Вучжу.

— Мне нравится, когда вы так говорите, — сказала она тихо, и Бразил сразу почувствовал себя неловко.

— Извините, — произнес позади них резкий, несколько гнусавый голос, — я нечаянно подслушал, как вы договаривались с водителем грузовика. Не мог бы я поехать вместе с вами? Я направляюсь в ту же сторону.

Они обернулись и невольно вздрогнули, увидев перед собой кроваво-красные глаза летучей мыши.

— Ну, я не знаю... — начал Бразил, глядя на слонгорнианина, предложившего взять их. Тот покачал головой, недвусмысленно выказав свое «почему бы, черт возьми, и нет» отношение. — Похоже, что с водителем вы договорились. Кстати, как вас зовут? Наши имена вы уже знаете.

Летучая мышь рассмеялась.

— Мое имя произносимо. Оно состоит из звуков, которые в состоянии издавать и воспринимать только мои соотечественники. — Она потрянула своими огромными ушами. — У меня острый слух и прекрасное ночное зрение, но при ярком свете я почти

ничего не вижу. Днем я целиком завишу от своего слуха. Что же касается имени, то зовите меня просто кузен Ушан. Так делают все.

Бразил улыбнулся:

— Ну что ж, кузен Ушан. Видимо, вы твердо решили ехать. Но почему вы не хотите воспользоваться своими крыльями? Вы нездоровы?

— Нет, — ответил кузен Ушан. — Но от этого холода мне не по себе, к тому же я уже пролетел немалое расстояние. Откровенно говоря, я очень устал и предпочитаю, чтобы вместо мышц поработали машины.

Ушан отошел, чтобы заплатить по счету, и расплатился деньгами, имевшими хождение в Слопгорне.

Внезапно кто-то больно наступил Бразилу на ногу. Он резко обернулся и увидел Ву Чжули — Вучжу, поправил он себя.

— Мне не нравится этот тип, — прошептала она ему на ухо. — По-моему, он говорит неправду.

— А по-моему, вы относитесь к нему с предубеждением, — с упреком возразил Бразил. — Подумайте, как ему неуютно среди лошадей и слонов. В вашем родном мире существовали летучие мыши?

— Да, — ответила она. — Их завели, чтобы регулировать численность каких-то ядовитых жуков. Они отлично выполняли свои функции, но жуки мне нравились намного больше.

Бразил покачал головой.

— В пути нам встретятся еще более неприятные типы, а эта летучая мышь по ночам будет превосходным сторожем и штурманом.

Вучжу уступила, и Бразил облегченно вздохнул.

Он надеялся, что в присутствии кузена Ушана ночного всплеска эмоций удастся избежать.

Поездка закончилась без происшествий. Кузен Ушан примостился за водителем и тут же заснул, а Вучжу и Бразил устроились в задней части кузова — единственном месте, где девушка хоть как-то смогла приспособиться.

Уличное движение в слонгорнианском городе оказалось достаточно интенсивным. То и дело возникали пробки, сигналили машины и распоряжалась полиция. Если бы не здания грибовидной формы и не странная внешность обитателей, можно было бы подумать, что все это происходит в обычном человеческом мире. Они просидели на базе два часа, прежде чем им подвернулся грузовик, шедший в нужном направлении и достаточно вместительный, чтобы взять Вучжу; хотя даже в нем девушка страдала от тесноты. И все же это было лучше, чем если бы она двигалась сама.

Вечером, проехав уже более половины территории гекса, они стали лагерем на поле, принадлежавшем какому-то гостеприимному крестьянину.

С наступлением ночи летучая мышь окончательно пробудилась. В темноте ее красные глаза запылали зловещим огнем.

— Вы покидаете нас, кузен Ушан? — спросил Бразил, когда они с Вучжу устроились.

— Нет, просто немного полетаю, — ответил тот, — во-первых, для тренировки, а во-вторых, потому, что здесь в изобилии водятся мелкие грызуны и насекомые. От пшеничных лепешек я слабею. Моя конституция не приспособлена к подобной пище. Но насколько я знаю, следующий гекс, Мурител, в этом отношении еще хуже. Я бы составил вам компанию до самого Чилла, если, конечно, вы не возражаете.

Бразил заверил его, что все в порядке, и летучая мышь, взмахнув кожистыми крыльями, взмыла в ночное небо.

— Мне он по-прежнему не нравится, — продолжала гнуть свое Вучжу. — У меня от него мурашки по телу.

— Будьте добры держать это при себе, — попросил Бразил. — Хотя бы до тех пор, пока я не выясню, в чем состоит его игра.

— Что? — воскликнула девушка.

— Да, он — обманщик, — твердо произнес Бразил. — Вспомните, что в прежней жизни я был водителем грузовика, совсем как эти ребята. Я даже возил зерно. Водители грузовиков всегда в курсе самых разных событий. Так вот, те парни в гостинице знали, где расположен родной гекс нашего попутчика. Чтобы добраться до него из Слонгорна, надо пересечь девять тексов, и лежит он к северо-северо-востоку от нас, то есть ровно в противоположной стороне.

— А почему вы так нервничаете? — уязвила его Вучжу. — Может быть, он направляется куда-то по делу? Правда, он ничего не сообщил нам о том, чем занимается.

— Я знаю, чем он занимается, — спокойно ответил Бразил. — Два дня назад один из водителей видел, как он летел на юг в сторону Диллии.

— Да?

— Он явился сюда, чтобы встретиться с нами, Вучжу. Он остановился в гостинице, зная, что мы воспользуемся этой дорогой, чтобы попасть в Чилл. Он чуть не потерял нас во время бури, но мы сами на него наткнулись.

— Тогда уберемся отсюда поскорее, Натан. Он же может убить нас, или похитить, или сделать что-то еще.

— Нет, — сказал он задумчиво. — Никто не летит за тридевять земель, чтобы кого-то убить. Наимается убийца, и дело с концом. Если речь идет о похищении, то это та же самая банда, которая схватила Вардию и Скандера, и, если бы мы присоединились к ним, это значительно облегчило бы нашу задачу. Но здесь что-то другое, я чувствую, он не на их стороне, кто бы они ни были.

— Тогда, значит, он на нашей стороне? — спросила она, доверяя его суждению.

Натан Бразил перевернулся на своих полотенцах и зевнул.

— Деточка, — сказал он наставительно, — пора бы запомнить, каждый всегда находится на своей собственной стороне.

В эту ночь он спал куда лучше, чем она.

Рано утром их разбудил кузен Ушан, выглядевший очень усталым. Однако прошло несколько часов, прежде чем им удалось уехать. Бразил сильно встревожился.

— Я надеялся, что мы достигнем границы до наступления ночи, — сказал он им, — и сможем разузнать, что нас ожидает в Мурителе. Теперь же мы окажемся там не раньше полудня, и нам придется дожидаться ночи, чтобы проникнуть туда.

— Это мне подходит, — заметил кузен Ушан. — Да и вы оба можете кое-что сделать ночью. Я предлагаю, чтобы, достигнув границы, мы изучили лежащую за ней территорию, но не входили туда до наступления темноты. В темноте двигаться предпочтительнее.

Бразил одобрительно кивнул.

— Согласен, — сказал он. — Тем самым мы не дадим мурни лишнего преимущества, а с вашими глазами мы вообще сумеем уравнивать шансы.

Вучжу забеспокоилась.

— Кто такие мурни? — спросила она.

— Насколько я понял, у нас одинаковая информация, — отозвался кузен Ушан. — Мурни — это обитатели Мурителя; гнусная компания плотоядных дикарей — полурастений-полуживотных. Они готовы сожрать всех, кто не пожирает их.

— А мы не можем обогнуть этот гекс? — с надеждой спросила Вучжу, напуганная мыслью о том, какую ужасную страну им придется пересекать.

— Нет, — ответил кузен Ушан. — Отсюда это сделать не удастся. На востоке в сушу вдается океанский залив, а от пиа я слышал, что на побережье мы обязательно встретим мурни. Если мы двинемся другим путем, то нам придется пройти через Дунх'-гран, населенный прекрасно воспитанными нелетающими птицами, но тогда нам не миновать гексов Тсфрин с его антисоциальными гигантскими крабовидными обитателями и Аллист, о котором мне вообще ничего не известно. Я уж не говорю, что это удлинит наш путь почти на тысячу километров.

— Он прав, Вучжу, — сказал Бразил, — попытаемся проскочить мимо мурни.

— Без оружия? — спросил кузен Ушан.

— У меня есть лазерный пистолет, — ответил ему Бразил. — Здесь, в рюкзаке.

— Плохо, — заметил кузен Ушан. — Мурител — нетехнологический гекс. Это грозное оружие никогда не срабатывает, когда оно необходимо.

Бразил порывлся в рюкзаке и вынул оттуда короткий сверкающий меч. Взглянув на Вучжу, он улыбнулся:

— Узнаете?

— Да, он принадлежал той комм-девочке! — воскликнула она. — Так вот что все время тыкалось мне в бок! Как вам удалось его заполучить?

— Он остался в кабинете Сержа, — ответил капитан. — Побывав в своем гексе, я через несколько дней возвратился туда. Я нашел Ворота Зоны, увернулся от амбрезианской охраны и проскочил внутрь, чтобы поговорить с Ортегой, прежде чем эти гигантские бородачи превратили меня в домашнее животное. Старина Серж дал мне эту штуку, сказав, что она может пригодиться. Вы когда-нибудь пользовались мечом?

Девушка взглянула на него с недоумением.

— Придется научиться. В ваших руках он превратится в грозное оружие.

— А как же вы?

— У меня есть пять тысяч спичек и банка с горючим жиром, — загадочно ответил капитан. — Увидите. А чем располагаете вы, кузен Ушан?

— Я не ношу оружие, так как оно мешает летать. Но я могу бросать камни, — ответила мышь. — Кроме того, мои зубы и наносимые с воздуха удары будут весьма эффективны.

— Тогда все в порядке, — подытожил Бразил. — Но помните, основная задача — как можно скорее проскользнуть через этот гекс.

Вучжу взяла меч и сделала несколько неловких выпадов.

— Куда я должна бить, если придется воспользоваться этой штукой? — робко спросила она.

— Лучше всего по голове, — сказал ей кузен Ушан. — Постарайтесь вышибить мозги. На втором месте гениталии, если, конечно, они имеются.

К границе Мурителя они подошли в темноте.

— Мы пробудем на этой стороне весь завтрашний день, — сказал Бразил. — Двинемся после захода солнца.

Ночь они провели в разговорах. Бразил старался заставить Вучжу бодрствовать, с тем чтобы отоспаться на следующий день, но задолго до рассвета она не выдержала.

Капитан решил не будить ее и провел последние ночные часы в беседе с летучей мышью. Кузен Ушан с легкостью поддерживал разговор, но сообщил очень мало полезной информации и в основном бойко лгал.

Бразил не раз порывался спросить его, кто он собственно такой и чего добивается, но так и не решился коснуться этой темы.

Утром они оба заснули.

Вучжу встала первой, но не отходила от них ни на шаг. Бразил спал почти до полудня, а кузен Ушан пробудился еще позже с явной неохотой и выказал желание спать до наступления темноты.

Из их лагеря Мурител был виден как на ладони. Они не заметили там ничего угрожающего — тихий уголок, зеленый и мирный.

Неожиданно к Бразилу возвратилось одно из его тягостных воспоминаний — он стоит на бесплодной горе, рассматривая суровый, но живописный ландшафт, где-то далеко внизу растут деревья. То, что он видел сейчас, напомнило ему тот давний день и породило в нем те же чувства, так как река, питающая водой деревья в Мурителе, почему-то называлась Литл Бигхорн, и он уже когда-то видел и ее, и все остальное. Он был готов держать пари, что этот ландшафт выглядит таким же спокойным и мирным, как и тот, другой, представший перед генералом, который вступил на индейскую территорию.

«Сколько индейцев прячется за этими скалами и деревьями?» — спросил он себя.

Своеобразие ландшафту придавали невысокие скалистые горы и цепь холмов. Некоторые из них в

результате эрозии почвы приобрели странный и даже мрачный вид. На других, блекло-розовых, росли деревья, а более сырые места были покрыты травой. По небу плыли кудрявые облака, отбрасывая на землю причудливые узорчатые тени.

— По-моему, красиво, — сказала Вучжу. — Только слишком уж необычно. Даже небо там светло-голубое с желтизной и зеленью. И все такое грубое, суровое. Как мы узнаем, что выбрали правильный путь?

— В ясную ночь проблем не будет, — ответил Бразил. — Просто идите в сторону огромной голубовато-оранжевой туманности. Она кажется покрытой облаками.

— Согласен, — вмешался в разговор кузен Ушан. В голосе его звучало беспокойство. — Но может пойти дождь. Это сильно замедлит наше продвижение. А кроме того, как мы проложим курс?

— Дождь помешает и мурни, — заметил Бразил. — А мы просто будем идти столько, сколько сможем. По словам слонгорниан, эта цепь невысоких холмов с зелеными пятнами тянется на северо-восток почти до половины гекса. Нам следует добраться до этой цепи и двигаться вдоль нее. Похоже, там имеются пещеры, в которых можно укрыться.

Ушан одобрительно кивнул.

— Согласен, — сказал он. — Если бы я был мурни, то располагал бы лагерь и поселки по берегам рек и ручьев, но выбирал бы позицию, удобную для обороны. Нам надо по возможности держаться подальше от таких мест, и тогда мы, пожалуй, проскочим.

— Сразу же после захода солнца вы должны разведать эту территорию с воздуха, — сказал Бразил кузену Ушану. — До того как мы тронемся в путь, мне хочется побольше узнать об этом гексе.

Он отошел в сторону и достал из рюкзака меч. Затем надел другую рубашу, с длинными рукавами и перчатками. С помощью кузена Ушана он разорвал рубашу, которую снял с себя, скрутил ее, превратив в подобие ножен, и закрепил на шее Вучжу таким образом, что в ней поместился весь меч за исключением рукоятки.

— Так будет удобнее, — сказал он с довольной улыбкой, — если только меч не разрежет ткань и если вы будете помнить, что, вынимая его, надо придерживать ножны. — Затем он достал маленькую жестянку и вынул из нее нечто, напоминающее кусок сала.

— Что это такое? — с любопытством спросила девушка.

— Слонгорнианский пищевой жир, — ответил Бразил, натирая им лицо и шею. — Кузен Ушан — черного цвета, вы — коричневого, а моя светлая кожа сразу меня выдаст. Я хочу перекраситься.

Подготовившись к дальнейшему пути, они стали ждать захода солнца.

БАРОНСТВО АЗКФРУ, АККАФИАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Сознание возвращалось к Вардии очень медленно. Даже после того, как над ней включили какой-то прибор, похожий на лампу дневного освещения, прошло почти полтора часа, прежде чем девушка смогла хотя бы пошевелиться.

Рядом тихо стонала Кеннот. С огромным трудом повернув голову, Вардия увидела, что русалка мучительно пытается вернуть подвижность еще парализованным мышцам.

— Сукины дети! — неожиданно выругалась Кеннот на чистейшем языке Конфедерации.

Вардия не поверила своим ушам. Она сразу узнала этот язык, хотя в последний раз слышала его в кабинете Ортеги в Зоне.

— Вы... из... Конфедерации? — с трудом произнесла она, голос ее звучал глухо, словно издалека.

— Разумеется, — буркнула русалка. — Я — Эл-кинос Скандер.

Вардия потянулась всем телом, с каждой минутой чувствуя себя все увереннее.

Умиау посмотрела на нее в упор, и на ее хмуром лице отразилось недоумение.

— Так вы в самом деле ничего не понимаете? — спросил Скандер.

Вардия покачала головой:

— Ничего.

Скандер был потрясен. Ему просто в голову не приходило, что кто-то может не знать хотя бы часть всей истории.

— Послушайте, — начал он, — ведь вы — Вардия, верно? Вы прибыли в составе последней группы в Далгонии?

Она кивнула, и Скандер продолжал:

— А я прибыл за несколько недель до вас.

Теперь уже была ошеломлена Вардия.

— Тогда вы... Значит, это по *вашим* следам мы шли!

— Конечно, по моим! — ответил Скандер и рассказал ей о сделанном им открытии, об обнаружении Ворот и даже об убийстве. Правда, его версия не имела ничего общего с действительностью.

— Когда я вернулся в лагерь, — гнал Скандер, — этот мерзавец Варнетт уже всех убил. У меня оставался единственный шанс спастись от него — пройти через Ворота. Я понятия не имел, пропустят они меня или убьют, но за мной гнался сумасшедший. Ворота еще были закрыты, и Варнетт схватил меня. Мы начали бороться — он намного моложе, но я находился в куда лучшей форме, — и тут Ворота открылись.

Он поведал о том, как их разделили, как его несколько дней допрашивали и наконец разрешили пройти через Ворота Зоны.

— Не знаю, что произошло с Варнеттом, — закончил Скандер. — Я проснулся в теле умиау и в первые несколько часов чуть не утонул. Умиау меня заметили и тут же доставили к властям. Пока не закончилась адаптация, меня держали под замком. Но я узнал о сложившейся уникальной ситуации и о

моем новом статусе. Когда я услышал о Центре и о контактах с вашей расой, мы заключили сделку: я — со своим народом, мой народ — с вашим — об окончательном решении проблемы этой планеты. Кто ее решит, будет контролировать как минимум этот мир, а может быть, и всю Вселенную.

При последних словах глаза Скандера лихорадочно заблестели, как бывает у религиозных фанатиков.

— Но мой народ стремится к знанию, а не к власти, — возразила Вардия.

— Все народы рвутся к власти, — безапелляционно заявил Скандер. — И кое-кому такая возможность предоставляется.

— Я не верю, — упрямо сказала Вардия.

Скандер пожал плечами.

— Ваш народ для меня — загадка, так же как мой — для вас. Может быть, чиллиане всего лишь хотят дополнить абсолютное знание и не сумели сделать это из-за отсутствия некоего фактора.

— Какого фактора?

— Варнетта, конечно. Он владеет той самой формулой, которую я открыл, чтобы вступить в контакт с мозгом; он парень толковый, может, даже толковее меня. Мы не можем рисковать. Если кому-нибудь суждено устранить последнее препятствие и получить контроль над мозгом, который управляет этим миром, то пусть это лучше будут умиау — и, конечно, чиллиане, — поспешно добавил ученый.

— Но как же мы очутились здесь? — спросила Вардия, обводя своими щупальцами пустую грязную комнату с нелепой штепсельной розеткой.

— Я оказался глупцом, — резко ответил Скандер. — Кто-то пронюхал обо мне, и нашего посла в Зоне предупредили, что готовится похищение; я исчез и несколько недель скрывался. Рассчитывая на

то, что большинство видов не замечает различий между представителями другого вида, я в конце концов возвратился, воспользовался именем и кабинетом коллеги и попытался в последние несколько дней завершить работу. Вот почему мы занимались круглые сутки. Я уже решил задачу наполовину и надеялся, что сегодня ночью смогу добыть остальное. Я даже сумел устроить так, чтобы вас перевели ко мне, чтобы узнать о далгонийских воротах и о ваших собственных переживаниях.

Теперь Вардия была по-настоящему озадачена.

— Почему мои переживания должны отличаться от ваших?

— Да потому что Ворота должны были закрыться! — возбужденно воскликнул Скандер. — Мы — Варнетт и я — открыли их, расшифровав код, их открыли наши мозги. И я не могу понять, почему Ворота остались активными. Корабль со снаряжением и с новой сменой должен был прибыть на Далгонию вскоре после вас и повторить вашу участь — тогда большинство новоприбывших попали бы сюда.

Мысленно вернувшись в прошлое, Вардия рассказала ему о странном сигнале бедствия.

— И еще одна непонятная вещь, — добавила она в конце. — О ней я по-настоящему не задумывалась, но...

— Продолжайте! — быстро сказал Скандер. — Что это было?

— Я... я готова поклясться, что перед тем, как Ворота открылись, два ваших летательных аппарата исчезли.

Умиау неожиданно пришла в сильное возбуждение.

— Исчезли! Да, это может кое-что объяснить! Но скажите, кто еще был в вашей группе? Я видел

информацию, но не придавал ей в то время большого значения.

— Там был здоровенный противный толстяк, не помню его имени, — старательно вспоминала Вардия. Ей казалось, что все это было очень давно. — Он торговал губкой. Его сопровождала эта девушка, Ву и как-то дальше, которая была полностью одурманена этой гадостью.

— И больше никого? Разве с вами не было пилота?

— Конечно, был. Натан Бразил. Забавный коротышка. Но очень старый: его пилотская лицензия была выдана еще до образования Конфедерации.

Скандер внезапно расхохотался и стал раскачиваться на своем длинном рыбьем хвосте, весело потирая руки.

Вардия ничего не поняла и откровенно сказала ему об этом.

— Они не того похитили, — ответила умиау, все еще посмеиваясь.

— Это очень интересно, доктор Скандер, но в какой степени это касается нас? — послушался таинственный, неземной голос, состоявший, казалось, из пульсаций и звона колокольчиков. Тем не менее оба похищенных поняли каждое слово. Они обернулись, когда Провидец и Опора выскользнули из темного угла.

— Кто вы, черт побери, такие? — спросил Скандер, не столько испуганный, сколько удивленный.

— Боюсь, что мы — виновники грубого обращения с вами и неудобств, которые вы сейчас испытываете, — ответил Опора.

— Вы не из Чилла, — почти обвиняющим тоном заявила Вардия. — Существа, подобные вам, не имеют ничего общего с жизнью, которую мы ведем.

— Мы — из северного полушария, — объяснил Опора. — Узнав о миссии доктора Скандера, суть которой он только что изложил, мы решили предложить вам союз. Вы находитесь в Аккафианской империи на противоположном берегу океана, граничащим с Чиллом.

— Скажите, те огромные жуки, — вмешалась Вардия, — которые проникли в лабораторию, разбив стекло, — аккафиане?

— Они, — ответил Опора. — Не понимаю, почему вас это беспокоит. Мы пока не замечаем большой разницы между расами Юга.

— Ах, не замечаете? — воскликнула Вардия, шокированная этими словами. — Да посмотрите хотя бы на нас обоих! Вы что, уподобляете нас жукам?

— Форма не имеет для нас никакого значения, — заметил Опора. — Только содержание. Большинство ваших поступков и реакций непостижимы, но стойки. Что же касается этих жуков, то один из них провел с нами немало времени. Я хорошо разбираюсь в них, поэтому мы выбрали слабейшее звено их общества, и у нас нет никаких сомнений в том, что это существо будет беззаветно защищать нас до того решающего момента, когда к нам перейдет контроль над планетарным мозгом. Как только это произойдет, он уничтожит нас всех.

Скандер открыл рот, но ничего не сказал. «Какая удача», — подумал он. Правда, оставалось неясным, какую роль здесь играют Провидец и Опора.

— Все прекрасно, — сказала наконец Вардия, — но если они думают иначе?

— О, они ведут двойную игру, — небрежно ответил Опора. — Но Провидца обмануть невозможно. Мы должны опередить их, и мы сделаем это — все, кроме одного. Мы это сделаем.

— Кого вы исключаете? — тихо спросил Скандер.

— Понятия не имею, не знает этого и Провидец, — ответил Опора. — Возможно, одного из вас или аккафианина. Возможно, им окажемся мы, так как Провидец не обладает даром предсказывать свою собственную кончину.

Некоторое время они переваривали услышанное. Молчание прервал Скандер:

— Вы говорите, что непохожи на нас. Но вы находитесь здесь, вы похитили меня, вы стремитесь к той же цели, что и остальные расы. Цель эта — по-прежнему власть.

— Вы нас не поняли, — сказал Опора. — У нас есть власть. Мы обладаем властью, которую пока предпочитаем не демонстрировать. Мы не хотим иметь ничего общего с вашими жалкими целями, войнами, сексом, политикой и прочим. Наша цель состоит всего-навсего в том, чтобы никто никогда не проник в контрольный центр планеты.

— Все это одни слова, — скептически заметил Скандер. — Но так или иначе теперь вы — наша последняя надежда.

— Помните это! — сказал Опора. — И еще: я — единственная ваша защита. И в качестве дополнительной меры я предлагаю чиллианину Вардии сменить свое имя на время нашего путешествия. Я хочу быть уверенным, что наш спутник вас не узнает.

— Но почему? — растерялась Вардия. — Кто этот спутник?

— Радикальным образом измененный и загипнотизированный толстяк из вашей компании, — ответил Опора. — Будет лучше, если он не узнает, что кому-то из нас известно о его прежней деятельности. Хотя теперь он — закодированная рабыня, в глубине своего естества Хаин остается Хаином. Полагаю, вы

помните, что он раньше вытворял с другими и что это за субъект.

— О! — Это было все, что Вардия смогла произнести. На секунду она задумалась. Потом сказала: — Тогда зовите меня Чон, в Чилле это самое распространенное имя, его легко запомнить и легко выговорить.

— Очень хорошо, — ответил Опора. — А теперь слушайте и запоминайте. Пока у нас есть еще немного времени, я напому вам несколько фактов. Прежде всего, доктор Скандер, учтите, что в этой стране мало воды. Ее обитатели могут передвигаться по суше со скоростью почти десять километров в час, а по воздуху — вдвое быстрее, и у них — страшные ядовитые жала. Что касается вас, чиллианин, то эта лампа — единственное, что заставляет вас бодрствовать. Естественное освещение здесь недостаточно интенсивное.

С этими словами Провидец и Опора выскользнули из комнаты.

Скандер ударил кулаком по каменному полу и посмотрел на Вардию.

Спасения не было.

МУРИТЕЛ — СПУСТЯ ЧАС ПОСЛЕ РАССВЕТА

Вучжу было трудно идти по неровной каменистой земле, но им удалось более чем на сорок километров продвинуться в глубь Муритела, не встретив ни одной из господствующих там форм жизни.

Захлопали крылья, и прямо перед ними приземлился кузен Ушан.

— Я нашел неплохую пещеру, которую прикрывает скала, — сообщил он. — Там можно устроить привал. Повыше, вон за теми деревьями, я заметил нескольких мурни, скорее всего это охотники, обитающие на равнине.

Бразил и Вучжу посмотрели туда, куда показывала летучая мышь, но там царила непроглядная тьма.

Уже светало, и кузен Ушан повел их к пещере. Она была расположена над обрывом на склоне древней горы со снежной вершиной. Оттуда открывался вид на многие километры вперед, и можно было спокойно, оставаясь невидимыми, наметить дальнейший маршрут. В пещере оказалось довольно сыро, под камнями обитало семейство рептилий, похожих на жаб, но они были немедленно изгнаны. Места с трудом хватало для троих.

— Я посторожу первый, — сказал Бразил. — Вучжу смертельно усала, вы, Ушан, полночи летали, а я всего-навсего ехал верхом.

Они согласились, и он пообещал разбудить Вучжу, когда устанет настолько, что не сможет нести сторожевую службу.

Бразил поудобнее уселся у входа в пещеру и стал наблюдать восход.

«Местный воздух вызывает легкое головокружение, — подумал Бразил. — Наверное, из-за избытка кислорода. Впрочем, это ерунда, привыкну. По дороге в Диллию бывало и похуже».

Солнце уже поднялось довольно высоко, когда он увидел первых мурни. Их было не меньше дюжины. С копьями в руках они гнались за животным, похожим на оленя. Их рост превышал два метра, хотя точно определить с такого расстояния было трудно: они казались почти прямоугольными в своей одинаковой светло-зеленой одежде и такими неправдоподобно худыми, что Бразил едва не потерял их из виду, когда они повернулись к нему боком. Издалека эти существа напоминали светло-зеленые кусты. Две руки, две ноги, но мурни будто исчезали, когда стояли неподвижно.

Внимательно приглядевшись, капитан разглядел их черты. Огромные желтые глаза размером с обеденные тарелки и гигантские рты, словно рассекавшие все тело на две части. Когда рты приоткрывались, было видно, что внутри они красноватые и полны зубов — даже со своего места Бразил разглядел эти белые кинжалы, по величине вполне соответствующие ртам.

Охотники из мурни были неважные, но в конце концов им удалось окружить коричневого оленя и заколоть его.

«Интересно, метают ли они когда-нибудь копыя? — задал себе вопрос Бразил. — Или в их длинных худых руках не хватает силы?»

Когда животное упало, мурни набросились на него и принялись пожирать, стараясь отрывать куски побольше. «На этих руках, должно быть, чертовски крепкие когти», — подумал капитан.

За какие-то несколько минут с оленем было покончено. Мурни сожрали даже кости. Когда они наконец подняли с земли свои копыя и побрели дальше, от добычи не осталось и следа, если не считать ошметков грязи и вырванной травы.

«Семь дней, — досадливо поморщился Бразил. — При нашей скорости это семь, да и то, если все пойдет нормально. К тому же и группа великовата».

Один он, конечно, прошел бы без всяких проблем. Еще легче было бы с кузеном Ушаном, на кого бы тот ни работал.

«Какого черта я позволил ей идти со мной?»

Почему он это сделал?

Повлиял тот смелый поступок, когда она первая сняла свой шлем в Зоне? Не тогда ли он полюбил ее?

А может быть, жалость. Бесспорно, вначале именно она была побудительной причиной.

Оглядываясь назад, он вспомнил, как она льнула к нему в Зоне, как искала у него поддержки, как бросила вызов Хаину почти накануне гибели.

«Что же такое любовь? — размышлял он. — Она сказала, что это — забота, забота о ком-то другом, а не о себе самой».

Бразил задумался. Станет он глубоко страдать, если мурни схватят кузена Ушана? Он понял, что не прольет и слезинки. Просто в длинном списке покойников прибавится еще одно имя. Почему он идет в Чилл? Потому, что похищена Вардия? Нет, он просто восполь-

зовался удобным предложением. Значит, он бросился туда потому, что это единственный путь к Скандеру?

«Какое мне дело до того, что Скандер в случае победы переделает Вселенную в соответствии со своими безумными представлениями?» В своей долгой жизни, да и здесь, в Мире Колодца, он встречал немало прекрасных людей, старых друзей и новых знакомых. Он заботился о них, даже если в глубине души признавал, что в критических ситуациях они ничего не сделают для него. «Но, может быть, они сделают это для кого-нибудь другого, кому еще суждено появиться?» Натан Бразил оставался неисправимым оптимистом.

А любил ли его хоть кто-нибудь?

Он вернулся мыслями в прошлое, лениво наблюдая, как крупная группа мурни гналась за довольно большим стадом оленеподобных животных. Сколько же раз он был женат? Двадцать? Тридцать? Пятьдесят? Больше?

«Больше», — подумал он с удивлением. Пожалуй, романы случались у него каждое столетие. Одни женщины были красивы, другие — настоящие страхолюдины. Было даже двое мужчин. Но заботился ли о нем хоть кто-нибудь по-настоящему?

«Никто, — с горечью подумал Бразил. — Никто, если покопаться в их мелких эгоистичных душонках. Любовницы, черт их подери! А у друзей, не предавших его тем или иным способом, просто не было случая это сделать».

Пожалеет ли кто-нибудь о нем, если мурни его сожрут?

«Я просто устал, — сказал кентавр. — Устал бегать, устал вздрагивать от малейшего шума».

«Я тоже устал», — подумал он. Устал бежать в никуда, устал верить, что где-то существует та, которая будет о нем заботиться.

Но если все это правда, то что ему мурни? Почему он боится их?

Буйные порты, услаждающие наркотики, шлюхи, кабаки, бесконечные одинокие часы в рубке.

«Почему я так долго живу? — спросил он себя. — И так мало старею? Большинство людей не дотягивает до глубокой старости. Что-то убивает их раньше».

Но не его.

Он всегда выживал. Тысячи раз его избивали, тысячи раз он истекал кровью, и все равно что-то в нем постоянно противилось смерти.

Внезапно он вспомнил Летучего Голландца, бороздящего океаны с командой призраков, обреченного на полное одиночество. Только раз в пятьдесят лет он получает короткую передышку. И если в это время его полюбит прекрасная женщина, полюбит так, что будет готова отдать за него жизнь, проклятие будет снято.

— Кто командует Голландцем? — спросил он ветер. — Кто ведет его навстречу судьбе?

«Это психология, — подумал он. — Голландец, Диоген, все эти люди — это я. Вот почему я другой. Все те миллионы, которые на протяжении столетий кончали жизнь самоубийством, потому что их никто не любил. Только не я. Я проклят. Я не могу согласиться с универсальностью мелкого эгоизма.

Этот парень из... а как называлась эта страна? Англия. Да, Англия. Оруэлл. Написал книгу, в которой утверждал, что тоталитарное общество базируется на всеобщем эгоизме. Когда наступил решающий час, герой и героиня предали друг друга.

Все считали, что он описывает ужасы будущего тоталитарного государства, — с горечью думал Бразил. — Вовсе нет. Он рассказал об окружавших его людях, о своем собственном просвещенном обществе.

Ты был слишком хорош для этого грязного, мелкого мира, говорил он, но оставался в нем. Почему? По ошибке?»

«По чьей ошибке?» — удивился он, неожиданно зайдя в своих рассуждениях в тупик. У него уже почти был готов ответ, но тот ускользнул.

Услышав какое-то движение позади себя, он вскочил на ноги и резко обернулся.

К нему медленно подошла Вучжу. Он посмотрел на нее с изумлением, словно никогда раньше не видел. Шоколадно-коричневая девушка со стоящими торчком ушками, соединенная с телом коричневого шотландского пони. И все-таки это действует. Кентавры всегда выглядят благородно и красиво.

— Вам следовало бы позвать кого-нибудь из нас, — тихо сказала она. — Солнце почти село. Я думала, вы спите.

— Нет, — лениво ответил он. — Просто думал. — Он повернулся, чтобы взглянуть на долину, которая теперь кишела мурни и оленями.

— О чем? — спросила она небрежно, массируя себе шею и плечи.

— О вещах, о которых не люблю думать, — туманно ответил он. — О вещах, память о которых я загнал в дальние уголки мозга, так что они не должны были бы тревожить меня; но они, словно привидения, посещают меня даже тогда, когда я не подозреваю об этом.

Она наклонилась и поцеловала его в щеку.

— Я люблю вас, Натан, — прошептала она.

Он встал и, легонько похлопав ее по крупу, как делал уже не раз, направился в дальний конец пещеры. На его лице блуждала недоуменная улыбка. Улегшись рядом с кузеном Ушаном, он тихо произнес, обращаясь к самому себе:

— Вы любите, Вучжу? В самом деле любите?

БАРОНСТВО АЗКФРУ, АККАФИАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Несчастному Датаму Хаину, испытывшему весь ужас физического и нравственного падения — в течение нескольких недель, проведенных им в отхожем месте, он не раз подумывал о самоубийстве, — барон Азкфру казался еще величественнее, чем прежде.

— Я возвращаю тебе твое прежнее имя, мар Датам, — торжественно объявил барон.

И Хаин, у которого появилась возможность вернуть себе хоть каплю самоуважения, воспринял эти слова так, будто на мгновение он стал верховным правителем всей галактики.

— На этот раз я хочу поручить тебе необычайно трудное задание, — сказал барон. — Для этого потребуются не только вся твоя верность и преданность, но еще ум и ловкость. В случае неудачи ты погибнешь; но если добьешься успеха, воссядешь рядом со мной на почетном месте в качестве главной наложницы императора, причем, возможно, главы не только этой империи.

— Приказывайте вашей покорной рабыне, и я выполняю все, не ожидая награды, — пресмыкался Хаин.

«Бьюсь об заклад, — с иронией подумал барон, — мне не раз придется жалеть о том, что столь важную миссию я доверил такому ничтожеству. Будь проклят северянин!» Впрочем, пока пророчества Провидца сбываются, и он не осмелится выступить против этой твари, по крайней мере до тех пор, пока дело не будет завершено.

— Слушай внимательно, мар Датам, — с важным видом начал барон. — Скоро ты встретишься с тремя чужестранцами. Тебе имплантируют переводное устройство, и ты будешь следить за всеми разговорами этих тварей. Кроме того, двое из них — Пришельцы, которые могут общаться на языке, употреблявшемся в твоей прежней жизни и не поддающемся переводу. Поэтому тебе лучше сразу прикинуться невежественной душой.

Ты отправишься вместе с ними в дальнее путешествие. И вот что тебе надо будет делать...

— Опять эти мерзкие твари! — воскликнула Вардия, когда несколько аккафиан приземлились возле нее, а затем, надоедливо жужжа, отлетели в сторону.

— Обойдемся без личных оскорблений, — жестко сказал Хаин. — Они принадлежат к моему народу.

— Эй, вы двое, поторапливайтесь! — огрызнулся Скандер. Поскольку ходить русалка не могла, для нее соорудили седло, и она удобно устроилась на спине у Хаина. — Нам предстоит долгое, трудное путешествие, — продолжал Скандер. — Мы зависим друг от друга, и я не желаю никаких пререканий.

— Совершенно верно, — заметил Опора. — Пожалуйста, запомните, что, хотя вас и похитили, задача у нас общая. Воздержитесь от споров до тех пор, пока мы не достигнем цели.

Они находились у имперской границы, охраняемой скучающими часовыми. Сухая холмистая розовато-серая страна аккафиан внезапно обрывалась, словно здесь существовал какой-то материальный барьер, абсолютно прямой, протянувшийся от горизонта до горизонта.

— Всем надеть респираторы, — велел Опора, который сам в этом не нуждался. Никто не знал, дышит ли он вообще.

Хаин натянул большущий противогаз; Вардия обернула вокруг шеи ремень с двумя проводами, заканчивающимися иглами, воткнутыми в ее кожу. У Скандера рот и нос закрывала простая маска, трубки которой тянулись к большому баллону. В их группе одна лишь Вардия нуждалась не в кислородной смеси, а в чистом углекислом газе. При помощи специального устройства продукты ее дыхания могли обмениваться с продуктами дыхания Скандера и Хаина.

Гекс, на который они смотрели, производил довольно унылое впечатление. А его ярко-желтое небо, пылающее впереди, сразу вызвало у всех острое раздражение.

— Звук здесь передается медленно и с большими искажениями, — сказал Опора. — Атмосфера содержит достаточное количество микроэлементов, чтобы мы могли обходиться столь примитивными дыхательными устройствами, но она частично распространяется на соседние гексы. Поэтому без моего приказа ни при каких условиях не снимать масок! Здесь повсюду присутствуют элементы, которые не причинят вам наружных повреждений, но повлияют на здоровье и даже вызовут летальный исход, если в большом количестве попадут в легкие.

Чем ярче становился день, тем внимательнее Вардия рассматривала открывавшуюся перед нею местность. Сильно пересеченная, огненно-оранжевая, со множеством каньонов, необычных арок и колонн, источенных эрозией. «Что вызвало эту эрозию? — думала она. — И что за создания обитают в столь негостеприимном месте? Разве может в таких условиях существовать жизнь, базирующаяся на углероде?»

— Хаин, — сказал Опора, — не забудьте, что ваш клюв должен быть плотно закрыт. Не следует глотать эту дрянь. А вы, Скандер, туго обмотайте этим платком нижнюю половину тела; тогда вы сохраните достаточно влаги, чтобы уберечься от высыхания. Все надели респираторы? Еще вопросы будут?

— Да, у меня есть парочка вопросов, — нервно сказала Вардия. — Кто живет в этом гексе и как мы сумеем пересечь этот край и остаться в живых?

— В стране живут роботы, мыслящие машины, — ответил Опора. — Это самый высокотехнологический гекс. Единственная причина, по которой он мирно сосуществует с Аккафианской империей, состоит в том, что аккафиане не могут долго пребывать в этом гексе и им нечем там поживиться, так как обитатели Страны в состоянии уничтожить атмосферу, необходимую для вашей формы жизни. Пошли! Мы потеряли уйму времени! Когда мы двинемся вперед, вы увидите, как мы выживем.

Провидец и Опора немедленно переплыли через границу. За ними последовала Вардия, чувствующая себя крайне беспомощной; Хаин со Скандером замыкали шествие.

У Скандера и Вардии создалось впечатление, будто их внезапно окунули в керосин. Неприятный запах пропитал их тела и проник в легкие. Им казалось, что атмосфера вокруг пульсирует, а воздух в

респираторах обжигает, как крепкий алкоголь. Какое-то время обоим пришлось довольно туго.

Опора летел вперед, поддерживая максимальную скорость, которая была под силу Вардии. Хаин не отставал, проходя от восьми до десяти километров в час. Вскоре они выбрались на мощеную дорогу. Ее поверхность напоминала сплошную ленту из полированного нефрита. Как и в большинстве гексов, здесь было интенсивное дорожное движение.

Путешественникам сразу бросилось в глаза, что все обитатели Страны сильно отличаются друг от друга. Высокие, толстые, худые, малорослые, даже длинные роботы передвигались на колесах, гусеницах, двух, четырех, шести и восьми ногах. Изготовленные из какого-то тускло-серебристого металла, они выглядели так, будто их отлили сразу, целиком. Не было заметно никаких крепежных соединений. Металл гнулся, как кожа, в любом направлении.

Вардию все это привело в неописуемый восторг.

Каждая машина предназначалась для одной-единственной цели, ради удовлетворения какой-то определенной потребности общества. Девушка решила, что это самая практичная цивилизация, которую она когда-либо видела; ее отличают совершенное социальное устройство и утилитаризм — иными словами, сочетание всего лучшего, что имеется в комм-мирах, и фактического отсутствия потребностей, характерного для чиллиан.

Ей было очень любопытно, как же работают обитатели Страны.

По мере продвижения им попадалось все больше и больше самых разнообразных устройств и сооружений. В некоторых они распознавали здания, хотя те имели такие же странные формы, что и обитатели этого удивительного края. Другие были похожи на

скелеты или шпили, металлические спирали и даже брусья совсем уж непонятного назначения. Функционально изготовленные роботы сновали взад и вперед. Некоторые занимались строительством, но многие просто копали ямы и тут же их засыпали, в то время как другие брали из куч песок и высыпали его поодаль. Все это не имело никакого смысла.

Группа шла уже несколько часов, и ни одно из этих созданий не обратило на них ни малейшего внимания. Несколько раз Хаину и Вардии приходилось даже сбегать с дороги, чтобы не быть задавленными местным жителем или его повозкой.

Когда они поравнялись с машиной, отстроенной из того же материала, что и обитатели Страны, Провидец и Опора свернули с дороги и направились прямо к гигантской двери, ведущей, вероятно, внутрь этого загадочного сооружения. Северяне подплыли к огромной кнопке, красовавшейся сбоку, дернулись назад, вперед и снова назад.

— Нажать? — спросила Вардия.

Ответ показался ей полной бессмыслицей. Опора подпрыгнул, а огоньки Провидца возбужденно замигали. Вардия нажала кнопку. Дверь отворилась, и странная фигура пропустила их внутрь. Они вошли в большую пустую комнату. Внезапно дверь за ними закрылась, и они очутились в полной темноте, которую не могли рассеять мерцающие огоньки Провидца.

Все уже настолько привыкли к тягостным ощущениям, вызванным местной атмосферой, что их постепенное исчезновение было почти так же неприятно, как и первоначальное воздействие.

Несколько минут вокруг них что-то жужжало, звенело и свистело. Наконец отворилась внутренняя дверь, и перед ними открылась еще одна комната,

освещенная закрепленными на потолке изогнутыми лампами. Они вошли туда.

— Можете снять ваши дыхательные устройства, — сказал Опора. — Скандер, помогите мару Хаину. Благодарю вас. А вы, Хаин, осторожно-осторожно выдерните две трубки из ног гражданина Чона. Да, именно так.

Воздух в комнате показался Вардии спертым, разреженным и слегка неприятным. У остальных он вызвал приподнятое настроение.

— Скоро вы почувствуете себя лучше, гражданин Чон, — успокоил ее Опора. — В здешней атмосфере слишком много кислорода и лишь следы углекислого газа. Чуть позже, специально для вас, включатся специальные устройства.

Послышался свистящий звук, и из двери в боковой стене в комнату вошло металлическое существо. Это был гуманоид, примерно такого же веса и роста, как Вардия, без ярко выраженных черт, с треугольным экраном на голове

— Надеюсь, все в порядке, — произнесло существо приятным голосом, имевшим человеческую окраску. Оно вело себя как воспитанный гостиничный портье средних лет, встречающий постоянных клиентов.

— Вот этот зеленый, чиллианин, — растение, а не животное, — сказал ему Опора. — Ему требуется углекислый газ, хотя бы полпроцента. Можно увеличить его содержание в воздухе? Наш друг плохо себя чувствует.

— О, прошу прощения, — ответил робот так искренне, что они почти поверили ему. — Сейчас все будет улажено.

Вардия тут же почувствовала разницу. С каждой минутой ей становилось все легче дышать. Ощущение, что она вот-вот потеряет сознание, исчезло.

Восхищенная подобной эффективностью, она тихо позавидовала и такой организованности.

— Какая вам требуется внешняя среда? — спросил робот.

— Типы Двенадцать, Тридцать один, Сто двадцать шесть и Тысяча триста сорок, — ответил Опора. — Добавьте к этому, пожалуйста, личный интерком.

— Все будет исполнено, — заверил его робот и сделал легкий поклон.

— Где мы? — резко спросил Скандер.

Робот выпрямился, и Вардия могла поклясться, что на его невыразительном лице мелькнуло удивление, отразившееся в тоне ответа:

— В первоклассном отеле, разумеется. Что еще угодно?

Маленькие роботы на колесах с приспособлениями для багажа тут же проводили их в отведенные им комнаты и, повинаясь приказанию Опоры, отвезли баллоны со сжатым воздухом на дозаправку; они также позаботились о том, чтобы к Вардии поступал необходимый ей газ.

Сильные руки вынули Скандера из седла и положили на тележку, которая быстро повезла его вниз по освещенному туннелю. Она остановилась у комнаты, не имевшей никаких обозначений. Дверь автоматически открылась, тележка вкатилась внутрь и замерла.

Скандер несказанно удивился, увидев перед собой плавательный бассейн с сухим пологим скатом. В длину бассейн имел метров пятнадцать, в ширину — примерно десять. В воде плавало несколько мелких рыбешек, которых больше всего любят умиау, и росли кустики сине-зеленых морских водорослей,

являвшихся вторым основным продуктом их ежедневного рациона.

Скандер скатился с тележки и, вне себя от счастья, нырнул в голубую воду. В самом глубоком месте было всего четыре метра, но чувствовал он себя великолепно.

Тележка вернулась за Хаином, но он для нее оказался слишком велик. Через несколько секунд появилась еще одна тележка, и обе они, действуя вполне согласованно, отвезли akkafiанина по тому же туннелю в соседнюю комнату, которая была обита благородным мехом «загрт» и где гостя ждало замечательное угощение в виде сочных белых червей.

Вардию отвели в комнату с жирной черной почвой и ярким искусственным освещением. Из центра потолка свисала длинная цепь с наклейками, на которых по-чиллиански было написано: «Дернуть, чтобы стало темно. Все гости просыпаются через восемь часов после включения темноты или через двенадцать часов после вселения». В углу находились маленький бассейн с чистой водой и даже столик с бумагой и пером.

«А как, интересно, устроено у других?» — подумала девушка, оглядевшись по сторонам, но решила, что по-настоящему ей хотелось бы увидеть комнату Провидца и Опоры. Это наверняка сказало бы ей о таинственных существах больше, чем все, что она до этого о них знала.

В комнатах послышалось слабое потрескивание, и раздался монотонный голос Опоры.

— Пожалуйста, чувствуйте себя как дома. Этими удобствами мы обязаны барону Азкфру, — сказал он. — Завтра я добуду транспорт, который доставит нас к границе. Таких удобных апартаментов у нас больше не будет, так что расслабьтесь и получайте удовольствие.

Вардия вволю напилась и вкоренилась в плодородную почву, что доставило ей невероятное наслаждение. С чувством полного удовлетворения она погасила свет.

Последним заснул Скандер, так как он слишком долго лежал спеленутый седельной упряжью и был счастлив оказаться в воде и на свободе. Но наконец он подполз к бортику бассейна и нажал на выключатель.

Все они крепко спали (за исключением северян, которые в сне не нуждались), и всех их разбудил не автоматически загорающий свет, а голос Опоры.

Впервые это создание выказало какие-то эмоции, но не тоном, а резкой и жесткой манерой речи.

— Произошло нечто непредвиденное! — сказал он. — Нас задержали из-за какой-то технической формальности! Мы не можем сегодня уехать!

— Вы имеете в виду, — недоверчиво спросил Скандер, — что мы арестованы?

МУРИТЕЛ — ГДЕ-ТО ВНУТРИ

— **Т**еперь у нас начнутся серьезные проблемы, — сказал Натан Бразил, с трудом переводя дыхание.

Трое суток они пробирались по горам, большей частью под покровом темноты благодаря замечательному ночному зрению кузена Ушана и его природному локатору. Они проскользнули мимо сотен, а может быть, тысяч кровожадных мурни, не раз подходя во тьме к их поселениям и отдыхая около маленького костра.

Им сопутствовала поразительная удача. Но теперь условия игры резко менялись.

Горы, вернее холмы, закончились крутым, изрезанным склоном, уходящим далеко в сторону. Впереди до самого горизонта расстилалась нетронутая прерия. Дождей в это время года не было, тем не менее прерия представляла собой ковер трав, увенчанных розоватыми соцветиями, на котором паслись тысячи или даже десятки тысяч антилоп.

По всей равнине были рассеяны стоянки мурни, в каждой по три-четыре палатки из шкур; в лагерях никогда не собиралось больше семи таких групп, расположенных по кругу.

Рассматривая открывшуюся перед ним картину и оценивая шансы на успех, Бразил не мог отделаться от мысли, что впереди их ждут неприятности.

— Как, черт возьми, мы вообще сумеем пробиться сквозь них? — нервно спросила Вучжу. — Даже в темноте мы не сможем справиться со всеми этими тварями.

— Давайте остановимся здесь на день, — предложил кузен Ушан, — а ночью я слетаю на разведку и узнаю, далеко ли до ближайшего укрытия. Тем временем вы, может быть, что-нибудь придумаете.

Согласившись, что другого выхода нет, они спрятались в углублении, обнаруженном ими на склоне холма, и попытались заснуть. Первым должен был сторожить Бразил; потом Ушан и, наконец, Вучжу. Такой порядок стал уже почти привычным.

Натану Бразилу снились диковинные сны, когда он почувствовал, что его кто-то тормошит.

— Натан! — настойчиво шептала Вучжу. — Просыпайтесь! Уже темнеет.

Капитан вскочил и постарался разогнать сон. От слабости у него кружилась голова — запасы пищи почти закончились, и приходилось постоянно экономить. Вучжу была почти в таком же состоянии, хотя на тропе еще оставалось немного драгоценной травы. Впрочем, она никогда не жаловалась.

От всех троих несло потом и дерьмом; и у Бразила проскользнула неприятная мысль: а вдруг у мурни хорошее обоняние? Три дня они купаются в собственном соку, и капитан не сомневался, что, если бы ветер дул в его сторону, он без труда учуял бы свою группу на расстоянии пяти километров.

Кузен Ушан уже стоял наготове, ожидая, когда солнце окончательно зайдет за горизонт. Бразил тихо подошел к нему.

— Как дела, Ушан? — спросил он у ночного создания.

— Плоховато, — ответила летучая мышь. — Встречный ветер, а равнина слишком велика. Я буду вынужден хотя бы один раз приземлиться. Мне это не нравится.

Бразил кивнул.

— Что поделаешь, мы затеяли рискованную игру, — сказал он. — Кстати, постарайтесь пролететь достаточно низко, чтобы сорвать для меня пучок сухой травы.

— Что-то задумали? — поинтересовался Ушан.

— Возможно, — загадочно ответил Бразил. — Если повезет и если нам не придется удирать к границе.

— Сделаю все, что смогу, — сухо заметил Ушан. — Вы же понимаете, что эту компанию необходимо смести одним ударом. Иначе нам негде будет спрятаться.

Бразил бросил на него странный взгляд.

— Темная вы личность, Ушан. Никак не могу в вас разобраться, — сказал он.

— А что во мне разбираться? — отозвался Ушан. — Моя жизнь тоже под угрозой.

— А почему бы вам просто не улететь? — спросил Бразил. — Перемахнуть через весь Мурител за один раз вам не удастся, но вы легко найдете себе несколько мест для отдыха. Почему вы остаетесь с нами?

Ушан растянул рот в крысиную улыбку, обнажив три ряда маленьких острых зубов.

— Честно говоря, я уже не раз подумал о том, чтобы удрать, особенно в последние несколько дней, — сказал он. — Это чертовски соблазнительно — тем более сейчас, — но я не могу этого сделать.

— Почему? — с недоумением спросил Бразил.

Летучая мышь на минуту задумалась.

— Ну, скажем так. Однажды я был вынужден помочь некоему человеку, хотя знал, что это закончится

очень плохо. Так вот, я не хочу, чтобы на моей совести была гибель хотя бы еще одного человека.

— У каждого из нас свой крест, — понимающе кивнул Бразил.

— Но сейчас это уже не просто вопрос совести, Бразил, — серьезно продолжал кузен Ушан, — Многие, подобно мне, жаждут власти, богатства, славы — того, к чему следует стремиться. Ради этого они лгут, обманывают, грабят, пытаются и даже убивают. Я достойный представитель этой милой компании, Бразил, но факт, что я не бросаю вас в критический момент, возвышает меня над остальными. По крайней мере мне приятно так думать.

Когда на западе погасли последние лучи солнца, кузен Ушан канул во мрак.

Через несколько секунд к Бразилу бочком подошла Вучжу.

— Что за странное существо! — удивленно сказала она.

Бразил невесело усмехнулся.

— Вы имеете в виду Ушана? Он только что объяснил мне, что оценивает свою помощь гораздо выше, чем я предполагал. Это самая личная проблема из всех, с которыми мы столкнулись за эти дни. Но называть его «странным» некорректно. «Необычный» — гораздо ближе, может быть, даже «необыкновенный». Судя по его словам, он — хороший друг, но очень злобный враг и, вполне возможно, одно из самых опасных созданий, которых я когда-либо встречал на этой планете.

Вучжу не поняла, что он имеет в виду, да и не старалась понять. Ее волновало нечто куда более важное.

— Мы погибнем, Натан? — спросила она тихо.

— Надеюсь, что нет, — небрежно ответил капитан, желая поднять ей настроение. — Если нам повезет.

— Скажите правду, Натан! — настаивала она. — Каковы наши шансы?

— Очень невелики, — ответил он честно. — Но я побывал и не в таких переделках. И я выжил, Вучжу. Я...

Внезапно он замолчал и отвернулся в сторону. Вучжу все поняла, и на ее глазах выступили слезы.

— Но своих спутников вам спасти не удалось, — закончила она. — Ведь так? Это — ваш крест. Сколько же раз вы оставались в живых один?

Целую минуту Бразил молча смотрел во мрак. Затем произнес, не оборачиваясь:

— Я боюсь сбиться со счета, Вучжу.

Кузен Ушан вернулся через час с небольшим.

Когда он приземлился, Бразил задал ему единственный, но такой важный вопрос:

— Ну как?

— Пять километров, хоть так, хоть эдак, — невозмутимо ответил Ушан. — Причем вначале вам придется спуститься по пологому склону в долину реки с вязкими берегами. Река мелкая, течение почти не ощущается.

Бразил явно обрадовался новостям, особенно когда узнал о скорости течения и о мелководье.

— Мы можем двигаться более или менее прямо? — спросил он.

Ушан кивнул.

— В долине я укажу вам нужное направление и побуду с вами до тех пор, пока вы не окажетесь на верном пути.

— Отлично! — с энтузиазмом воскликнул Бразил. — А что с антилопами?

— Их там десятки тысяч, — ответил Ушан. — Огромные стада, но поблизости — никого.

— Превосходно! — ещё больше обрадовался Бразил. — А теперь главный вопрос: вы захватили для меня немного сухой травы?

Кузен Ушан бросил к ногам Бразила пучок соломы.

Капитан поднял его, внимательно осмотрел, пощупал, даже пожевал. Травинки оказались хрупкими и слегка потрескивали, когда он их перегибал.

— Интересно, зачем вы это делаете? — спросил Ушан.

Бразил достал из рюкзака горстку маленьких палочек.

— Спички, — объяснил он. — Но неужели вы оба ничего не заметили на равнине?

Ушан и Вучжу озадаченно уставились на него.

— Ничего, кроме антилоп, мурни и травы, — пробормотала Вучжу.

— Нет, нет! — воскликнул Бразил, покачав головой. — Посмотрите в темноту! Скажите, что вы там видите?

— Темноту и вижу, — обиженно надулась Вучжу.

— Ничего, кроме спящих антилоп, мурни и травы, — сказал Ушан.

— Совершенно верно! — возбужденно заявил Бразил. — Но то, чего вы не видите, было повсюду, во всех лагерях мурни, мимо которых мы проходили. Они все еще ничего не понимали, и после паузы он продолжал:

— Скажите, зачем мурни жгут лагерные костры? Ведь пищу они едят сырой и даже пожирают добычу живьем. Чтобы защищаться от холода! И, конечно, от рышущих в темноте собачьих стай. Они регулярно зажигают костры по ночам. Но здесь, на этой равнине, костров нет! Ни огонька, ни даже искорки! И широкое русло мелководной реки со слабым течением. Понимаете, что это значит?

— Мне кажется, я понимаю, — неуверенно ответила Вучжу. — Сейчас сезон засухи. Боязнь пожара пересиливает у мурни страх перед собаками и желание погреться.

— Долина — словно коробка с сухим трютом, — заметил Бразил. — Если эти твари боятся зажигать огонь, значит, сейчас так сухо, что пожар может вызвать все, что угодно. Если ветер подует в нужную сторону, мы так их поджарим, что они и думать о нас забудут.

— Похоже, ветер дует так, как вам надо, — спокойно сказал Ушан.

— Тогда все в порядке, — ответил Бразил

Он сбросил с себя одежду и, полностью обнаженный, вскочил на Вучжу, спиной к спине. Рубаху он обвязал вокруг своей груди, прямо под сосками.

— Вучжу, возьмите оба конца рубахи и туго обвяжите вокруг себя. Нет! Туго, черт побери! Так туго, как только сможете. Да, теперь хорошо.

Затем он обмотал вокруг своей талии эластичные брюки, и через несколько минут он был надежно связан с нею. Спереди, рядом с рюкзаком, он подвесил две сумки, полные спичек. После этого натер остатком слонгорнианского пищевого жира все выступающие части своего тела. Сделано это было небрежно, так как действовать пришлось в темноте.

Кузен Ушан одобрительно кивнул и двинулся вниз со скалистого уступа. Вучжу последовала за ним. Бразил, проклиная невозможность увидеть что-либо впереди, мучительно вспоминал, все ли сделано правильно, и неожиданно ощутил, что с каждым шагом все ниже соскальзывает по спине кентавра.

— Стоп! — крикнул он. — Ваши волосы, Вучжу! Свяжите их. Возьмите для этого ножны. А меч держите в руке. Не хватало, чтобы они загорелись или болтались у меня перед глазами.

Девушка молча сделала то, что он велел, и теперь Бразил почувствовал себя намного увереннее, хотя ему и казалось, будто его разрезали на несколько частей. Впрочем, именно этого он и добивался.

Они не раз обсуждали этот план, но Бразил все равно нервничал. Вучжу могла скакать галопом со скоростью более двадцати пяти километров в час, но лишь на короткую дистанцию. Сейчас ей предстояло промчаться более пяти километров, затем спуститься в долину реки и идти рысью так долго, как только она сможет.

Кузен Ушан взмыл в воздух и описал над ними дугу. Это длилось не больше минуты, но им показалось, будто прошел целый час. Наконец они услышали, что он появился позади них.

— Приготовиться! — крикнул крылатый демон. — Вперед!

Вучжу на полной скорости понеслась на равнину.

Бразил смотрел, как позади нее убегают травы, и цеплялся за рюкзак, стараясь удержаться. Он сидел на широком хребте кентавра и, подскакивая, со всего размаху прикладывался к нему самыми чувствительными частями своего тела. Хотя ночь была ясная, а он обладал прекрасным ночным зрением, покинутые ими скалистые холмы уже скрылись из вида.

«Давай, Вучжу! — страстно молил про себя капитан. — Гони!»

— Поверните чуть вправо! — донесся откуда-то сверху голос Ушана, и девушка повиновалась. — Так! Теперь прямо!

Бразил запаниковал, чувствуя, что верхние узлы ослабевают, и еще крепче вцепился в рюкзак. А Вучжу по-прежнему мчалась с максимальной скоростью. Он слышал, как ее хриплое дыхание мощно отдается в лошадиной половине тела.

«У нас получится! — думал он с восторгом. — Если я еще несколько минут продержусь, уцепившись за этот проклятый рюкзак, то мы проскочим мимо, прежде чем они сообразят, что происходит».

Внезапно верхние узлы лопнули, рубаха улетела в ночную мглу, а его кинуло головой вперед, прямо на рюкзак.

— Натан! — расслышал он, задыхаясь, ее голос среди треска и толчков.

— У меня все нормально! — крикнул он в ответ. — Гоните!

Неожиданно около них послышались какие-то звуки — хрюканье, стоны, крики.

— Натан! — вскрикнула девушка. — Они перед нами!

— Скачите вперед как можно быстрее! — завопил он. — Работайте мечом!

Он вытащил несколько спичек и начал чиркать ими по грубому кожаному ремню. Они загорались, но тут же гасли на ветру.

В этот миг Вучжу врезалась в самую гущу мурни. Они рычали, пытаясь вцепиться в нее когтями, но девушка взмахнула мечом и с удивлением обнаружила, что клинок легко рассекает их тела, словно проходя сквозь масло. Она рубила и рубила, а они кричали в агонии и зажимали раны.

И она побилась!

— Впереди кто-нибудь есть? — спросил Бразил.

— Пока нет, — донесся сверху голос Ушана. — Скачите вперед!

— Их чертовски много позади нас! — крикнул Бразил. — Притормозите немного, чтобы я смог зажать хоть одну спичку!

Вучжу замедлила ход, и он попытался еще раз. Но все спички гасли, когда он бросал их на землю.

— Бразил! — тревожно прозвучал голос Ушана. — Их здесь целая куча! Скачите направо!

Внезапно к ним подобралась группа из шести-семи мурни, и Натан почувствовал жгучую боль в правой ноге. В это же мгновение острое копьё вонзилось в тело Вучжу около самого рюкзака. Девушка вскрикнула и рубанула воздух мечом.

Бразил, каким-то чудом державшийся на ее спине, с силой, поразившей его самого, оторвал от рюкзака сумку со спичками, запалил ее и бросил огненный шар в траву.

Но Вучжу уже оказалась в оплотном кружении мурни. Они медленно начали сжимать кольцо, держа наготове копьё. Однако у их добычи был меч, и охотничьи навыки здесь негодились. Круг распался...

И тут весь мир запылал.

От неожиданности все замерли.

«Боже мой! — подумал Бразил. — Горит так, словно вокруг все из целлулоида!»

Он заметил, как кузен Ушан спикировал на одного из мурни и своими мощными ногами, сложенными в подобие кулака, нанес ему сокрушительный удар. Гигантский зеленый дикарь рухнул на землю и остался лежать неподвижно.

Зарево осветило всю долину. Впереди Вучжу увидела реку, напоминавшую глубокую расселину.

Мурни с воплями удирали. Антилопы в панике разбегались во все стороны, топча мурни.

Вучжу прыгнула в лощину, но из-за крутизны склона потеряла равновесие и растянулась у подножия холма. Бразил перевернулся в воздухе и со всего размаху грохнулся на какую-то насыпь. Минуту он приходил в себя, потом встал на ноги и огляделся вокруг. Наверху еще полыхал огонь, но внизу, в долине, царили темнота и покой.

Преодолевая головокружение и сильнейшую боль от ушибов, он побежал туда, где, по словам кузена Ушана, текла река.

— Вучжу! — кричал он до хрипоты. — Вучжу! — Но его зов тонул в доносившемся сверху неумолчном шуме, криках горящих животных и воплях напуганных мурни, многие из которых бросались вниз с крутого обрыва.

Бразил вошел в воду и побрел вдоль реки. Нечувствительный к боли, он шел как автомат, беспомощно и бессмысленно.

Вскоре зарево и шум остались далеко позади, а он все шел и шел. Неожиданно он споткнулся и несколько шагов прополз на четвереньках, затем кое-как сумел подняться и побрел дальше, увязая в зловонной грязи. Но неожиданно в глазах у него потемнело, и, потеряв сознание, он рухнул в воду.

СТРАНА — ПЕРВОКЛАССНЫЙ ОТЕЛЬ

Их не арестовали. Они просто угодили в карантин. Как объяснил робот-управляющий, анализ частиц, содержащихся в газах двух членов группы, показал наличие в их организмах микроскопических форм жизни, которые грозили вызвать в Стране проблемы с коррозией. Поэтому в лабораториях срочно занялись изготовлением специальной обеззараживающей сыворотки, после впрыскивания которой путешественников отпустят на все четыре стороны.

Для Хаина это был фактически первый отпуск с момента его появления в безумном Море Колодца, и он наслаждался бездельем, отдыхал и, казалось, никуда не спешил.

Провидца и Опору сложившаяся ситуация возмутила, но они смирились; волноваться было себе дороже.

Поскольку крыло отеля, где находилась бравая четверка, освободили от всех прочих постояльцев, у членов группы появилась возможность наносить друг другу визиты. Однако воспользовалась этим одна лишь Вардия. Она стала регулярно навещать Скандера

Умиау не возражала против ее общества, но категорически отказывалась говорить о своей теории, касающейся Мира Колодца, или обсуждать цель их путешествия.

— Почему мы должны все это терпеть? — спросила однажды Вардия.

Скандер поднял брови.

— Не забывайте, что мы по-прежнему пленники, — заметил он.

— Но мы можем заявить об этом администрации отеля, — предложила Вардия. — В конце концов, похищение — это преступление.

— Вы правы, — согласилась русалка, — но здешних обитателей это не волнует. Их это просто не касается. Я уже пытался.

— Тогда мы должны бежать, — настаивала Вардия. — Я изучала карту — она лежит в столе в моей комнате. Соседний гекс граничит с океаном.

— Не выйдет, — твердо ответил Скандер. — Во-первых, мы не знаем, насколько могущественны северяне, и я не хочу выяснять это на собственной шкуре. Во-вторых, Хаин умеет летать, передвигается по суше гораздо быстрее вас, и уж по крайней мере один из нас — лакомый кусок для подобной твари. Нет, выбросьте это из головы. Мы с вами не так уж и беспомощны. Я полностью контролирую ситуацию — успех экспедиции зависит от моих знаний. Они ведут меня туда, куда я хочу, и ничего не могут изменить. Поэтому я считаю, что мы должны идти вместе — до полуночи у Колодца Душ, — добавил он с ухмылкой.

— Неизвестно еще, как долго нас здесь продержат, — сердито сказала Вардия.

Умиау лениво раскинулась в мелководной части бассейна.

— Это точно, — зевнула она. — А пока расскажите мне немного о себе. Обо мне вы фактически все уже знаете.

— До того как я попала сюда, у меня, в сущности, не было прошлого, — скромно ответила Вардия. — Я служила курьером, и после выполнения очередного задания у меня полностью стирали память.

Русалка сочувственно закудаhtала.

— Но ведь вы наверняка многое знаете о своем мире — о мире, откуда вы родом, — настаивала она. — Например, родились ли вы естественным путем, или были выращены? Были вы мужчиной или женщиной? Ну как?

— Меня вырастили путем клонирования, то есть вегетативного размножения, на родильной фабрике номер двенадцать на Нуэва Альбионе, — начала она. — При клонировании используется клеточная ткань лучших представителей каждой профессиональной группы. Так, все Дипло Нуэва Альбиона происходят от Святой Вардии, которая во время революции, вспыхнувшей несколько столетий назад, служила посредником между Освободительным фронтом Кориолана и Праведными революционерами на реакционном Нуэва Альбионе. Я получила ее гены, ее внешность и ее работу. Мой номер, Тысяча двести шестьдесят один, свидетельствует о том, что я являюсь шестьдесят первой Вардией из клона родильной фабрики номер двенадцать.

Скандер почувствовал себя так, словно проглотил какую-то гадость. «Значит, вот куда движется человечество, — тоскливо подумал он. — Почти две трети людей клонируется, и они менее человечны, чем роботы в этой абсурдной Стране».

— Следовательно, вы были женщиной, — сказала умиау, не выдавая своих сокровенных мыслей.

— Не совсем, — ответила Вардия. — Идея клонирования отрицает пол, ибо сексуальность провоцирует различия между людьми. При клонировании развитие химически или хирургически задерживается. Все железы, вырабатывающие гормоны, постоянно удаляются, изменяются или нейтрализуются. Со мной это произошло в тот день, когда мне исполнилось четырнадцать. Кроме того, нас всех стерилизуют, так что после переходного возраста мужчину от женщины отличить невозможно. Каждые несколько лет нам предлагают пройти полную обработку, которая задерживает процесс старения, и омолаживают организм. После этого никто не может определить, сколько нам лет — пятьдесят или пятнадцать.

Внешне Скандер остался совершенно невозмутимым, но в глубине души он был так потрясен, что его в буквальном смысле слова тошнило.

«О Боги! — мысленно воскликнул профессор. — Маленькие, осторожные, искусственно выращенные кадры сверхмужчин и сверхженщин управляют миром детей-евнухов, привыкших к беспрекословному повиновению! Я был прав! Отдать в руки подобных чудовищ контроль над Колодцем! Немыслимо!

Их всех надо убить, — кипел он, переполняясь ненавистью. — И хозяев — это чудовищное отродье, и миллиарды несчастных безликих детей. Лучше избавить их от страданий, ведь по существу они никогда не были настоящими людьми!»

Тут его мысли неожиданно обратились к Варнетту. «С ним произойдет то же самое, — подумал Скандер. — Хотя мальчик явился из мира, которому еще далеко до Нуэва Альбиона, там со временем все пойдет аналогичным образом. В одном мире исчезают имена, в другом — пол, и в результате во Вселенной будут обитать жалкие, бездушные, бесполое, безы-

мянные андройды, запрограммированные и абсолютно покорные, но очень-очень счастливые».

Варнетт — это бриллиант, поистине великий ум, хотя и детский, незрелый, тысячами способов запрограммированный, как и его соотечественники, которых он презирает. Какой мир, какую Вселенную создал бы Варнетт?

«Марковиане все понимали, — продолжал он размышлять. — Они знали.

Я не могу их предать! — поклялся себе Скандер. — Я никому не позволю загубить великую мечту! Я буду там первым! Тогда они увидят! Я их всех уничтожу!»

МУРИТЕЛ — ГДЕ-ТО ВНУТРИ

Кузен Ушан описывал в воздухе круги, чувствуя свою полнейшую беспомощность. «Может быть, мне удастся поднять его, — думал он, глядя на избитое, окровавленное тело Бразила, лежащее в грязи. — Мне ведь не раз приходилось таскать ногами довольно тяжелые камни».

Он уже собирался попробовать, когда на берегу неожиданно появилась группа мурни.

«Все кончено. Я опоздал, — всхлипнул про себя Ушан. — Они разорвут Бразила на куски, и его тело послужит им легкой закуской».

К его глубочайшему удивлению, ничего подобного не произошло. Дикари, окружив неподвижно лежащего капитана, что-то залопотали, и двое из них бросились бежать обратно, на равнину. Ушан, весьма заинтригованный, осторожно наблюдал за этой сценой сверху.

Через несколько минут двое ушедших вернулись с носилками, сделанными из крепких жердей, оплетенных травой. Мурни осторожно уложили на них Бразила и легко зашагали наверх. Ушан следовал за ними, по-прежнему оставаясь невидимым.

На равнину снова опустилась темнота. Ушан был потрясен, увидев сотни, а может быть, даже тысячи мурни, борющихся с огнем на огромной территории. Это была хорошо скоординированная, хорошо отретпетированная работа целой армии спасателей, одни сбивали пламя одеялами из шкур, а другие таскали от реки ведра с водой, заливая последние островки пожара.

«И это дикари?» — с удивлением спросил себя Ушан. У него просто в голове не укладывалось, что те самые зубастые плотоядные животные, которые преследовали добычу с примитивными копьями в руках и раздирали ее когтями, так разумно организовали работу и умело боролись с огнем.

Тем временем безжизненное тело Бразила внесли в небольшой лагерь, расположенный вдали от территории, объятай пожаром. Необычайно высокий мурни, светло-зеленая кожа которого была испещрена темно-коричневыми пятнами, осмотрел человека и лающим голосом отдал несколько приказов.

Высокий дикарь взял ведро с водой и начал обмывать раны Бразила так бережно и ловко, что Ушан просто глазам не поверил. Несколько мурни притащили большой кожаный ящик и кучу листьев. Пятнистый великан извлек из ящика разноцветные банки с грязью и медленно, методично покрыл ею открытые раны Бразила, а из листьев соорудил компресс, который наложил на голову человека.

«Это врач! — сообразил кузен Ушан. — Они его лечат!»

Он сразу почувствовал огромное облегчение и уже собрался улетать, когда что-то удержало его.

Тело Бразила напоминало кусок мяса, отбитого ловкой рукой искусного повара. Капитан потерял

много крови, получил многочисленные переломы, был контужен и находился в шоковом состоянии.

«Через несколько часов Бразил умрет независимо от того, каким магическим искусством обладает лекарь, — с грустью подумал Ушан. — Но что я могу поделывать? И если даже каким-то образом его вылечат, что тогда? Кем он станет? Пленником? Домашним животным? Игрушкой? Рабом?»

Врачеватель сделал властный жест, и в лагерь вошел низкорослый мурни, ведя за собой на веревке огромного самца антилопы. Такого гигантского животного этой породы Ушан доселе никогда не видел. У самца была светло-коричневая шкура с белой полосой на спине и устрашающие рога. Он был послушен — слишком послушен, чтобы это выглядело нормальным. Очевидно, его накачали наркотиками. Ушан с изумлением заметил, что шею оленя украшает ошейник из аккуратно свернутой шкуры, с которого свисает маленький камень.

«Животное кому-то принадлежит, — понял он. — Значит, эти равнинные дикари сами выращивают себе пищу?»

С разных направлений в лагерь вошли еще пять мурни, очень похожих на врачевателя — такие же высокие, с такой же пятнистой кожей, выделявшей их среди остальных.

«Итого шестеро, — подумал Ушан. — Разумеется, примитивные народы увлекаются мистическими числами, и если какое-нибудь число когда-то принесло им удачу, оно всегда будет почитаться».

Жрецы подвели оленя к самому лицу Бразила. Трое из них положили свои правые руки на недрогнувшего самца, а левыми руками взяли правые руки троих оставшихся; те возложили свои левые руки на безжизненное тело капитана.

Ушан оставался в воздухе сколько мог, но в конце концов решил отдышаться. Радостное возбуждение и бодрость, переполнявшие его, испарились. Он неохотно полетал над долиной, пока не нашел место, где поблизости не было мурни. Донельзя усталый, он приземлился, думая о том, что ему надлежит делать дальше.

Через несколько минут у него в голове созрел план, показавшийся ему вполне реальным.

«Хватит трусить, — сказал он себе решительно. — Если у меня хватит сил, я это сделаю».

Он поднялся в воздух и полетел в лагерь, надеясь на удачу. Самец антилопы спал, привязанный к столбу недалеко от Бразила, обмазанного смесью грязи и листьев и по-прежнему лежавшего открыто, без всякой охраны.

«Бразил весит около пятидесяти килограммов, — подумал Ушан. — А носилки? Еще пять? Или десять? Нет, не смогу, — испугался он. — Такой огромный вес и такое расстояние!»

Неожиданно он вспомнил о девушке-диллианке. Следуя за Бразилом, он потерял ее из вида; впрочем, время уже упущено, и, оглядываясь назад, он понял, что ничего не смог бы для нее сделать. Но ведь она проскакала, промчалась такое расстояние, ни разу не остановившись, раненная копьём, преступив пределы своих возможностей, голодная и ослабевшая!

«Ты-то наелся как следует, — сурово сказал себе Ушан. — Ты такой же большой, сильный и здоровый, как всегда. Если уж она смогла...»

Не размышляя ни минуты, он устремился вниз, схватил носилки за край и завернул их так, чтобы держать ногами обе жерди вместе с Бразилом, лежавшим посередине. Он оглянулся. Поблизости никого не было.

Он яростно взмахнул своими огромными крыльями и, воспользовавшись случайным порывом ветра, заставившим зашелестеть травы на равнине, поднялся в воздух и полетел над прерией. «Слишком медленно, — думал он с тревогой. — Вот это вес!»

Услышав громкое хлопанье крылья, из палаток выбежали мурни.

— Нет! Нет! Вернись! — закричал лекарь, но летучая мышь была уже над рекой. Кузен Ушан не верил ни в богов, ни в молитвы, но сейчас, изо всех сил стараясь сохранить скорость, высоту и равновесие, он молился. Молился о том, чтобы долететь до Чилла с его современной медициной, не убив по дороге ни Бразила, ни себя, ни их обоих.

Лекарь с ужасом смотрел, как фигура Ушана медленно исчезает во мраке.

— Огенон! — крикнул он.

— Что, ваше святейшество? — откликнулся сонный голос.

— Ты видел?

— Тело благородного воина унес некто, умеющий летать, — отвечал Огенон таким тоном, словно был удивлен, как вообще можно задавать такие глупые вопросы.

— Этот летун нам неизвестен, в противном случае он бы не сумел проделать такую штуку, — пробормотал врачеватель, обращаясь скорее к самому себе, чем к помощнику. — Он полетел на восток, значит, несет тело в Чилл. Мне нужен хороший бегун, который смог бы немедленно отправиться на границу. Не смотри на меня так! Я знаю, какой здесь отвратительный воздух, но сделать это необходимо. Увидев тело воина и услышав рассказ крылатого,

чиллиане догадаются, что произошло, но если тело еще живо — в чем я не уверен, — они не поймут, как обеспечить его выживание. Спеши!

Огенон нашел подходящего воина, и врачеватель объяснил бегуну — что и кому говорить, внушив ему напоследок, что главное — это скорость.

— По возвращении отчитаешься, — приказал старик. — А чиллианам дай понять, что это — длительный процесс и что протекать он должен без искажений.

Когда бегун скрылся в темноте, высокий мурни снова повернулся к помощнику, который то и дело зевал:

— Проснись, парень! — прикрикнул на него врачеватель. — И разыщи мне шестиногого.

— Это просто, ваше святейшество, — сонно ответил Огенон. — Шестиногий находится на лечении в Круге Девяти. Я сам видел, как его туда тащили.

— Хорошо, — сказал старик. — Теперь отправляйся в базовый лагерь и приведи ко мне старейшину Трондела.

— Но это же... — Огенон попытался выразить протест и снова зевнул.

— Да, это далеко! — рявкнул великан. — Ты можешь сбегать туда и обратно до рассвета!

— А если почтенный старейшина не пойдет? — заныл помощник, пытаясь отделаться от поручения и завалиться спать.

— Пойдет, — уверенно ответил лекарь. — Опиши ему троих чужестранцев, которых мы повстречали этой ночью, но особенно подробно расскажи о благородном воине и о том, что случилось. Держу пари, что он тебя поколотит, хоть ему и восемьдесят лет! Ну, с тобой все. Вперед!

Огенон ушел, недовольно ворча, что им помыкают все кому не лень, и что ему приходится отдуваться за десятерых.

Оставшись в одиночестве, старик уселся на землю, наслаждаясь прохладным ночным воздухом.

Теперь ему оставалось только ждать.

Вучжу заново переживала кошмарную скачку — и вдруг проснулась.

«Не может быть», — подумала она, оглядываясь по сторонам. Все вокруг плавало словно в тумане. Она стояла на каком-то возвышении, находящемся посередине лагере мурни. Только-только начало светать, и из палаток раздавался чудовищный оглушительный храп.

Перед ней, обхватив руками колени, сидел самый высокий мурни, которого она когда-нибудь видела. Помимо роста, от соплеменников его отличала окраска: он был темно-коричневый, с большими зелеными пятнами.

Издали мурни напоминали движущиеся прямоугольные кусты. Но сейчас девушка рассмотрела, что у них грубая кожа, обвисшая наподобие расплавленного пластика. Их безголовые тела выглядели как древесные стволы. Глаза, огромные, как тарелки, были расположены там, где полагалось бы быть груди, а примерно тридцатью сантиметрами ниже находился гигантский рот — огромная щель, которая, казалось, делила ствол пополам. Ни носа, ни ушей не было, отсутствовали и гениталии.

Действие наркотика или чего-то иного, по-видимому, ослабевало. «Это не сон», — подумала девушка, чувствуя, как ее постепенно обуревают страх. Она обнаружила, что ноги ее привязаны к столбам, глубоко

вкопанным в землю, а руки связаны за спиной. В панике она дернулась сильнее, и этот шум разбудил гигантского коричневого мурни. Его огромные глаза открылись. Они были желтые, с круглой черной радужной оболочкой, отражавшей свет, как кошачьи глаза.

— Не пытайтесь освободиться, — сказал ей мурни. Слова прозвучали мягко, словно родились в самой глубине его глотки. Казалось, что рот чудовища не приспособлен для языка, на котором он говорит. — Я сказал, не пытайтесь освободиться! — повторил он, вставая и потягиваясь совсем по-человечески. — Вы в полной безопасности. Никто не причинит вам никакого вреда. Вы меня понимаете? Кивните, если можете.

Вучжу боязливо кивнула.

— Хорошо. Теперь слушайте меня внимательно. Говорить на этом языке мне трудно, приходится максимум концентрироваться, чтобы произносить слова. Вы можете меня понимать, но я не знаю, пойму ли я вас. Скажите что-нибудь.

— Что... что все это значит? — почти закричала девушка.

Длинной пятнистой рукой мурни почесал то, что заменяло ему затылок.

— Ни слова не понимаю, — сказал он задумчиво. — Вы должны сконцентрироваться изо всех сил. Думайте, потом отвечайте. На каком языке я говорю?

Вучжу секунду подумала и неожиданно сообразила.

— На языке Конфедерации! — воскликнула она в изумлении. — Вы — Пришелец!

— Отлично! Я говорю на языке Конфедерации. Это объясняется тем, что все Пришельцы продолжают думать на своем родном языке. То, что они произносят, автоматически трансформируется через нервные узлы в язык того или иного народа. Вы можете меня понимать, поэтому вы должны говорить

так, как это делаю я, напряженно думая и четко артикулируя. Делайте это медленно, произнося все слова раздельно. Назовите мне ваше имя и имена ваших спутников. Затем попытайтесь строить простые фразы, четко произнося каждое слово.

Вучжу сконцентрировалась, страх и паника окончательно улетучились. Ведь этот мурни оказался представителем ее расы! Больше всего она сейчас нуждалась в друге. Заговорив, она поняла, что он имел в виду, и быстро приспособилась.

— Я — Ву-чжу, — начала она. — Мо-и дру-зья На-тан Бра-зил и ку-зен У-шан.

— Натан Бразил! — встрепнулся пятнистый мурни. Остальных его слов она не разобрала.

«Боже мой! — подумала девушка. — Неужели на этой безумной планете нет никого, кто бы не знал Натана?»

Внезапно мурни помрачнел и задумчиво почесал то место, где должна была бы находиться голова.

— Значит, Натан Бразил остался человеком? — спросил он, взглянув на нее в упор своими желтыми глазами.

Вучжу кивнула, и гигантский рот чудища раскрылся от изумления.

— Удивительно, почему он не изменился в Мире Колодца?

— Где На-тан? — спросила она.

— В том-то и проблема, — ответил мурни. — Понимаете, он как бы одновременно находится в двух местах.

Много лет назад, как и Бразил, он был пилотом грузового корабля, рассказал ей мурни; летал он более двухсот лет, и четвертое омоложение встретил,

потеряв всех своих родных и друзей; его мир так изменился, что он был не в силах возвращаться домой. Чтобы покончить с одиночеством, у него оставался единственный выход — самоубийство. Однако, когда это решение окончательно вызрело в его голове, бортовой компьютер принял странный сигнал бедствия. Он изменил курс, чтобы выяснить, в чем дело, но очутился в Зоне Колодца и превратился в мурни.

— Мурни — неплохие ребята, — сказал он. — Просто совсем другие. Они могут пользоваться лишь тем, что изготавливают своими руками. Никаких машин. Подобно людям, они бисексуальны, хотя чужестранец не сможет определить — кто есть кто. Крепкие семьи, общинный строй, большая часть населения — пастухи, выращивающие антилоп. При этом мурни крайне враждебно относятся к чужакам — прошлой ночью вас спокойно могли бы убить.

— Тогда почему я осталась жива? — спросила она.

— Вы остались в живых, — отвечал он, — потому что убили около двух дюжин воинов, учинили пожар и так далее.

Вучжу не поняла.

— Мурни воспринимают смерть как нечто естественное, — объяснил он. — Мы ее не боимся и не думаем о ней. Выше всего уважаются и ценятся у нас честь и отвага. Прошлой ночью все вы их продемонстрировали! Нужно было обладать отчаянной храбростью, чтобы так скакать по равнине, и высочайшим понятием о чести, чтобы сражаться и пасть в бою, но не сдаться. Если бы вы сдались, то вас наверняка бы убили. Но они нашли вас обоих — вас и Бразила — в разных частях речного русла тяжело раненными и без сознания. Было бы трусостью и бесчестьем убить вас. Вы завоевали уважение, поэтому мурни отнесли каждого из вас в ближайший лагерь,

чтобы заняться вашими ранами. Наша медицина вполне современна — это суровый гекс.

— А Натан! — воскликнула она. — Что с ним?

— Ему досталось куда больше, чем вам, — мрачно ответил мурни. — Вы пришли в себя, как только кончилось действие травной анестезии, но у вас было всего четыре или пять глубоких царапин на спине и масса ушибов. Мы их обработали, но они будут болеть. — Он помолчал. — У Бразила все намного хуже. Не представляю себе, как он двигался. Это невозможно. Он должен был умереть, в лучшем случае быть полностью парализованным, и тем не менее он прошел почти километр вниз по реке, прежде чем свалился. Какой же необыкновенной волей нужно обладать! Мурни будут слагать о нем песни и в течение многих веков рассказывать легенды о его величии! Мало того, что у него сотни мелких переломов, что он потерял невероятно много крови и что у него разорвана нога, он еще сломал себе шею и спину. Он прошел целый километр со сломанными спиной и шеей!

Вучжу думала о несчастном Натане, изуродованном, парализованном и находящемся в коматозном состоянии. Из ее глаз текли слезы, и девушка ничего не могла с этим поделать. Мурни, выглядевший таким свирепым, беспомощно стоял рядом.

Наконец она взяла себя в руки.

— Он еще жив? — спросила она дрожащим голосом.

— Да, — мрачно ответил мурни. — Вроде этого:

— Он без сознания?

— Без сознания. Помните, я говорил, что это — суровый гекс, который выше всего ценит честь и от-

вагу? В известных пределах он обладает еще знаниями и мудростью. Поскольку Мурител — абсолютно нетехнологический гекс, его обитатели обратились к могуществу разума. Некоторые из наших врачей — а это действительно врачи — обладают огромными возможностями психического воздействия. Я не понимаю, как они это делают. Такие люди полжизни оттачивают свое искусство. К тому времени, когда эти мудрецы — мы зовем их Святыми — начинают чувствовать себя достаточно подготовленными, чтобы приносить пользу, они уже слишком стары, иногда им остается всего лишь несколько лет на то, чтобы обучить следующее поколение.

Он замолчал и принялся нервно ходить взад и вперед, стараясь справиться с мыслями.

— Когда Бразила, всего изломанного, принесли в лагерь, — продолжал мурни, тщательно подбирая слова, — он благодаря своему невероятному мужеству уже стал самой легендарной фигурой, которая когда-либо здесь существовала. Святой, обследовавший его, сделал все возможное, но понял, что смерть неизбежна. Он собрал еще пятерых — шесть здесь, разумеется, магическое число, — и они осуществили Перенос Чести. За все время, что я здесь нахожусь, такое было проделано три или четыре раза: эта процедура укорачивает жизнь Святых по меньшей мере на год и производится только в исключительных случаях. — Он снова сделал паузу, а затем продолжал изменившимся тоном: — Послушайте, я вижу, вы не очень-то понимаете. Такие вещи трудно объяснять, особенно когда и сам в них не очень-то разбираешься. Гм... Являетесь ли вы последовательницей какой-либо религии?

Сама мысль о религии немало позабавила Вучжу, но она мягко ответила:

— Нет.

— Мало кто религиозен в наши дни, я тоже считаю, что сегодня религия — глупость. Но здесь, среди этих холмов, на этих равнинах, ты понимаешь, что невежествен до глубины души. Назовите это, если хотите, механицизмом, результатом воздействия марковиданского мозга, подобного нашим собственным перевоплощениям и самому этому миру, но поймите: все, что касается нас, нашей памяти, нашей личности, может быть не только коренным образом изменено, но и перенесено. А теперь... Не смотрите на меня так! Я не сошел с ума. Я это видел!

— Вы хотите сказать, что Натан превратился в мурни? — спросила девушка, боясь и верить, и не верить. Слишком многое уже случилось с ней в этом безумном мире.

— Нет, не в мурни, — спокойно ответил он. — Этот акт заключается в наложении «сущности» объекта — так ее называют Святые — на кого-нибудь другого. Когда смерть угрожает тому, кто заслуживает Переноса Чести, его «сущность» накладывают на самого чистокровного самца или самку антилопы. Не смотрите на меня с таким ужасом: достоинства этих животных настолько велики, что их немедленно узнают. Никто не смеет не только охотиться на них, но даже беспокоить.

Если же тело обреченного на смерть удастся оживить и снова сделать здоровым — такое, правда бывает редко, иначе Святые никогда бы не ставили Перенос на первое место, — он возвращается в него. Если же нет, то антилопу почитают, заботятся о ней, и она ведет счастливую мирную жизнь в прериях.

— Натан превратился в антилопу? — задыхнулась она.

— В прекрасного чистокровного самца, — подтвердил мурни. — Я его видел. Он все еще находится под воздействием лекарств. Мне не хотелось, чтобы он выходил из этого состояния до тех пор, пока я не переговорю с вами.

— Каковы шансы, что его тело будет жить? — спросила Вучжу.

— Будет ли тело жить? — повторил мурни. — Понятия не имею. Честно говоря, я в этом сомневаюсь, но должен сказать, что Перенос Чести — более правдоподобная вещь, чем километровая прогулка со сломанными спиной и шеей. Результат будет зависеть от того, какие повреждения он получил потом.

И тут он рассказал ей о поступке кузена Ушана.

— Он явно не признал нас за цивилизованную расу и счел Бразила жертвой знахарства. Поэтому он похитил тело, чтобы отнести его в Чилл, где имеется современная больница. Если тело переживет это путешествие, чиллианам сообщат о том, что произошло, и они смогут поддерживать его функции неопределенно долго. Их компьютеры будут знать о Переносе Чести. Если они сумеют вылечить тело, его можно будет вернуть сюда для обратного переноса, но я бы на это особенно не рассчитывал.

Я уже говорил, что за те восемьдесят лет, что я здесь провел, мне довелось быть свидетелем трех или четырех Переносов, — продолжал мурни. — И во всех случаях тело не дожило до утра.

Натан Бразил проснулся, чувствуя себя чертовски странно.

Он находился в Мурителе — это точно, — и дело происходило днем.

«Значит, я опять выжил», — подумал он.

Все вокруг выглядело очень непривычным. — словно он смотрел в объектив съёмочной телекамеры: его поле зрения несколько увеличилось, но изображение было круглым и сильно искаженным. Он не мог оценить точное расстояние между предметами и к тому же обнаружил, что весь мир неожиданно стал коричневым — вернее, представлял собой бесчисленное множество оттенков коричневого и белого цветов.

Бразил огляделся. Искажение и цветовое однообразие сохранялись.

И он по-прежнему чувствовал себя чертовски странно.

Мысленно вернувшись назад, он вспомнил сумасшедшую скачку, пожар, падение с Вучжу, но после этого — мрак.

«Это безумие», — подумал капитан.

Его слух невероятно обострился. Он слышал все необычайно ясно — даже очень далекие голоса и шаги. Ему потребовалось всего несколько минут, чтобы мысленно соединить почти восемьдесят различных звуков, которые слышал, с тем, что он видел.

Рядом с ним переминались с ноги на ногу несколько мурни, и все они казались ему светло-коричневыми, хотя он прекрасно помнил, что они были зелеными. Внезапно он услышал шаги и, обернувшись, увидел, что к нему направляется огромный темно-коричневый мурни.

«Должно быть, меня накачали наркотиками», — подумал он. — Я все еще ощущаю их действие».

Огромный мурни подошел к нему вплотную.

«Очевидно, я нахожусь на каком-то возвышении, — решил Бразил. — Я такого же роста, как он, а в нем, судя по всему, не менее двух метров».

В следующее мгновение две огромные руки обхватили его голову и немного наклонили ее, так что

желтые глаза чудища оказались перед самым носом Бразила.

Мурни хрюкнул и сказал на языке Конфедерации:

— Эй! Я вижу, ты проснулся. Постарайся пока не двигаться. Сначала я хочу помочь тебе сохранить самоуважение. Нет! Говорить не пытайся. Все равно у тебя ничего не получится, так что не трудись.

Он отошел на несколько шагов и устало опустил-ся на траву.

— Я не сплю уже больше суток, — произнес он со вздохом. — Как приятно отдохнуть!

Устраиваясь поудобнее, мурни обдумывал, с чего начать.

— Послушай, Нат, — начал он наконец, — вот что я хочу тебе сказать первым делом. Как ты понимаешь, я — Пришелец, и мне сообщили, что я не первый, кто знает о твоём появлении в Мире Колодца. Так вот, если ты мысленно вернешься на девяносто лет назад, то вспомнишь Шела Ивомду. Ну как? Если вспомнил, жму тебе руку.

Бразил задумался. Такое необычное имя, он должен был бы запомнить, но в его жизни промелькнуло столько людей, столько имен... Он попытался пожать плечами, поняв, что не может этого сделать, и покачал головой из стороны в сторону.

— Ладно, это не имеет значения. Теперь меня называют Старый Грондел. Старый — потому, что я прожил здесь около восьмидесяти лет и мой возраст вызывает уважение; Грондел — означает «Воспитанный едок», так как я продолжаю оставаться цивилизованным существом. В Мурителе всего два Пришельца, которые могут говорить на языке Конфедерации. Мы бы давно забыли его, если бы во имя нашего прошлого не бегали друг к другу и не практи-

ковались. Ну, хватит об этом. Полагаю, что лучше будет рассказать тебе о том, что произошло. Таким, как прежде, ты больше не будешь, Нат.

Бразил быстро смирился со своим новым обликом, так как понял, почему мурни это сделали и почему сочли это необходимым. Он даже почувствовал глубокую приязнь к кузену Ушану, несмотря на то что летучая мышь все напортила.

Тем временем действие лекарств прекратилось, и он ощутил, что может свободно двигаться.

Он впервые посмотрел вниз; так далеко, как только смог. «Так вот что увидела Вучжу, когда появилась в Дилии», — подумал он, с изумлением рассматривая свои длинные ноги, покрытые короткой коричневой шерстью и заканчивающиеся темными копытами.

Повернув голову, он увидел свою тень на стенке стоявшей поблизости палатки.

«Что за восхитительное животное! — подумал Бразил без капли юмора. — И рога! Вот почему мне казалось, что у меня какая-то странная голова».

Он попытался шагнуть, но почувствовал, как натянулась веревка. Мурни рассмеялся и отвязал его от столба.

Впервые в жизни он зашагал на четырех ногах, медленно, пока лишь по кругу.

«Значит, вот как себя чувствуют при перевоплощении! — подумал капитан. — Странно, но не сказать, чтобы неловко».

— Имеются некоторые сложности, Нат, — сказал Грондел. — Это не метаморфоза. Ты находишься в теле огромного животного, но оно не принадлежит к доминантному виду. У тебя нет ни рук, ни щупалец, никаких хватательных органов, и, кроме того, ты ли-

шился голоса. Эти антилопы обречены на молчание, в их организме нет голосового аппарата. Твои единственные средства защиты — это скорость бега, которая, кстати сказать, немалая: средняя — не менее пятнадцати километров в час, максимальная — до шестидесяти, и чудовищной силы удары задних ног. И, конечно, рога; они не спадают и не растут, если только не сломаются.

Бразил задумался. Без рук и без всего остального он в крайнем случае обойдется, но невозможность говорить его сильно встревожила.

Внезапно он остолбенел. Размышляя, он автоматически наклонялся и щипал траву!

Он взглянул на Грондела, который и сам смотрел на него с удивлением.

— Мне кажется, я догадался о том, что пришло тебе в голову, — сказал наконец мурни. — Ты стал щипать траву машинально, не думая. Верно?

Бразил кивнул, чувствуя себя еще более странно, чем прежде.

— Запомни: все, что составляет твое «я», перенесено, но оно наложено на мозг и нервную систему тупоумной антилопы. Наложено, Нат, — не заменено! Если ты мысленно не отменяешь безусловный рефлекс, антилопа продолжает поступать как антилопа. Она это делает автоматически, инстинктивно. Ты — не человек внутри антилопы, ты — человек плюс антилопа.

Бразил стал обдумывать сказанное Гронделом. Здесь неминуемо возникали проблемы, в первую очередь потому, что он был склонен к рефлексии и к самоанализу. Что вообще делает олень? Ест, спит, спаривается. Гм... Последнее могло вызвать трудности.

«Каким образом я приспособлюсь к этому созданию изнутри? — размышлял он. — Как быть с моими

воспоминаниями, а их, вероятно, больше, чем у любого другого человека. Фиксируются ли воспоминания химическим путем?» Ему приходилось наблюдать, как химические цепи регулировали колебания волн мозга, но как крошечный мозг антилопы может вместить все это?

— Нат!

Бразил поднял голову и увидел бегущего к нему Грондела.

Оказывается, размышляя, он удалился от лагеря и подошел к стаду антилоп! Бразил побежал обратно, удивляясь легкости и скорости бега, но замедлил ход, когда понял, что к искаженному зрению следует приноровиться. Он чуть не сшиб мурни, а извиниться не мог.

Мурни ему сочувствовал.

— Я не знаю, что тебе посоветовать, Нат, — сказал он. — Подумай, прежде чем поступить опрометчиво. Если твое тело не умерло, то для него будет лучше подольше оставаться в Чилле. Эй! Я кое-что придумал. Подойди-ка сюда, к этому участку земли, не заросшему травой.

Бразил, удивившись, приблизился к мурни.

— Смотри! — возбужденно сказал Грондел и провел по земле ногой. — Теперь сделай то же самое!

Бразил понял. Это была длительная процедура, и после некоторой практики он научился рисовать копьем буквы.

«Где Вучжу?» — вывел он.

— Она здесь, Нат. Хочешь ее видеть?

После короткого раздумья он написал очень крупными буквами: «НЕТ».

Мурни стер написанное, и перед ними снова оказался как бы чистый лист бумаги.

— Почему нет? — спросил мурни.

«Она знает о Переносе Чести?» — написал Бразил.
— Да. Я рассказал ей об этом прошлой ночью.
Не надо было?

Бразил разволновался. Тысячи мыслей, не имеющих между собой никакой логической связи, пронеслись в его мозгу.

«Не хочу», — написал он, услышав голос Вучжу
— Натан? — скорее позвала она, чем спросила. — Это и вправду вы?

Бразил поднял голову и обернулся. Девушка стояла рядом, всем своим видом выказывая благоговейный страх, и, словно не веря своим глазам, качала головой.

— Это он, — заверил ее Грондел. — Видите? Мы общаемся. Он может писать на земле.

Взглянув на буквы, она стыдливо призналась.

— Я... я никогда не училась читать.

Мурни хрюкнул.

— Очень плохо, — сказал он. — Потребуется кое-что упростить. — Он повернулся к Бразилу. — Послушай, Нат, я понимаю, что, как только ты почувствуешь себя готовым к дальнейшему путешествию, ты двинешься в Чилл. Нам, мурни, нельзя идти с тобой, а тебе нужен друг, который бы знал, что ты — это ты, который помогал бы тебе в дороге и который, в конце концов, мог бы за тебя говорить. Без Вучжу ты пропадешь, Нат.

Бразил взглянул на девушку, пытаясь разобраться в своих чувствах. Стыд? Страх? Нет, зависимость, вот что его гнетет.

«Я никогда ни от кого не зависел. Впервые за всю мою долгую жизнь я в ком-то нуждаюсь».

В начальной стадии их отношений он зависел от Вучжу почти в той же мере, в какой она зависела от него.

Бразил попытался найти причины, которые объяснили бы его отказ взять ее с собой в Чилл и сделали бы его чувства более рациональными, но не сумел.

Он нацарапал на земле:

«Но теперь я выше вас ростом».

Грондел расхохотался и прочел это Вучжу. Она тоже рассмеялась.

Затем Бразил написал:

«Расскажи ей об оленьей половине».

Грондел понял и объяснил девушке, что Бразил фактически состоит из двух существ — человека и животного — и что он всегда превращается в оленя, когда погружается в размышления.

Она поняла.

Вечером, когда все стихло, его, подобно обычным самцам антилопы, привязали к столбу, чтобы он не убежал.

Зависимость. Она раздражала его больше всего, но он понимал, что это неизбежно.

И страстно надеялся, что его тело еще живо.

Грондел наконец заснул и громко храпел рядом, в своей палатке.

Впервые за все это время Бразил и Вучжу остались одни. Он страдал от унижения, от того, что привязан и не может уйти.

Большую часть дня капитан занимался тем, что учился пользоваться своим новым телом, привыкал к специфическому зрению, цветовому однообразию, к сверхчувствительному слуху и обонянию. Скорость, которую, как он выяснил, может развивать бегущая антилопа, просто ошеломила. Если раньше, когда он был человеком, Вучжу казалась ему очень быстрой, то теперь на его фоне она выглядела ужасно

медлительной, тяжеловесной и усталой. Бразил также обнаружил, что ударом задней ноги может сломать небольшое дерево.

Кое-что, разумеется, упростилось. Отныне он ел то же самое, что и диллиане, а в случае опасности мог бежать с той же скоростью, с какой летал кузен Ушан, на короткие расстояния даже быстрее.

Но эта проклятая немота!

Вучжу глядела на него с восхищением.

— Знаете, теперь вы по-настоящему красивы, Натан. Надеюсь, в Чилле есть зеркала.

Подойдя к нему, она прижалась своей лошадиной половиной к его лоснящемуся, необычайно мускулистому телу антилопы.

Разум Бразила восстал против этого, но он не сделал даже попытки прогнать ее.

«Я чертовски возбудился!» — подумал он с удивлением. И от этой мысли его возбуждение еще усилилось.

Он поднял голову и стал тереться мордой о ее шею. Девушка подалась чуть-чуть вперед, так, чтобы ему не мешали рога.

«Кто этого хочет — животное или я?» — мелькнуло где-то в глубине его сознания, но Бразил отмахнулся от этого вопроса как от абсолютно неуместного; то же самое произошло с мыслью о том, что они представляют собой два совершенно разных вида.

Поглаживая мордой ее круп, он достиг упругого зада. Она вздохнула и отвязала веревку, которая опутывала его заднюю ногу.

Это был невероятно странный, безумный способ заниматься сексом, но сидящий в нем олень научил его тому, что надо делать.

Наконец-то Вучжу получила от Натана Бразила то, чего хотела.

Проснувшись, Бразил почувствовал себя по-настоящему прекрасно, гораздо лучше, чем когда-либо за многие-многое годы. Он взглянул на Вучжу. Девушка еще спала, хотя солнце давным-давно взошло.

«Разве не забавно? — подумал он. — Перевоплощение, кризис и способ, которым этот народ помог мне, — все это, вместе взятое, сделало то, чего не могло сделать ничто другое». Он вспомнил.

Он вспомнил все, что было с ним прежде.

Бразил подумал о шкуре, которую вынужден носить. Она могла бы хорошо послужить ему, если бы только он обрел голос.

Какое огромное облегчение — узнать о себе все! Его ум был ясен, как никогда, и он знал, что полностью себя контролирует.

«Забавно, что это ничего не меняет», — подумал капитан. В дополнение к своим знаниям, памяти, мудрости он сосредоточил в себе весь опыт своей немислимо долгой жизни.

Натан Бразил. Он так и эдак обкатывал это имя в уме. Оно все еще ему нравилось. Из тысячи — или больше? — имен, которые он носил, оно было самым удобным и звучало наиболее таинственно.

Он мысленно обозрел всю планету. Да, определенно имеются признаки разложения. Не всеобщего, но достаточно заметного. Время портит все механизмы, а бесконечная сложность главного уравнения неминуемо вызывает изъяны. Одно дело — выражать бесконечность математически, и совсем другое — представлять ее себе чем-то реальным, чем-то таким, что можно увидеть и понять.

«И тем не менее, — подумал он, — я по-прежнему тот самый Натан Бразил, и я нахожусь здесь, в

Мурителе, в теле огромного самца антилопы, и я все еще стремлюсь попасть к Колодцу прежде Скандера, Варнетта и кого бы там ни было».

Чилл. Если то, что он слышал, — правда, у них есть компьютеры. Значит, это высокотехнологический гекс. Они смогут дать ему голос и сообщить последние новости.

Из палатки выбрался Грондел. Когда он подошел к Бразилу, тот натянул веревку, привязанную к его левой задней ноге; мурни понял и освободил его. Бразил тут же направился к клочку земли, который служил ему блокнотом. Грондел нехотя последовал за ним, ворча, что он еще ничего не ел, но Бразил был неумолим.

— В чем дело, Нат? — спросил Грондел.

«Как далеко отсюда находится чиллианский Центр?» — вывел Бразил.

— Уже? — пробормотал Грондел. — До границы Чилла примерно сто пятьдесят километров и примерно столько же до его столицы. Точнее сказать не могу — я никогда не покидал этот гекс. Мы не очень-то ладим с соседями, хотя они прекрасно к нам относятся.

«Надо идти, — нацарапал Бразил. — Теперь я полностью себя контролирую».

— Гм... Я думал, что ты немного отдохнешь в Мурителе. Ладно, давай, если уж тебе так нейдет. А как быть с девушкой?

«Она тоже идет, — написал Бразил. — Я разработаю какой-нибудь элементарный код для обозначения основных действий: идти, стоять, есть, спать и так далее».

Этим Бразил и занялся. Перебрав массу всевозможных вариантов, он создал «топающий» код с использованием правой и левой передних ног. Он включил в него всего двенадцать базовых элементов,

опасаясь, что Вучжу может запутаться, так как времени на подготовку он отвел очень мало.

Напоследок было решено, что Грондел верхом на Вучжу проводит их до границы: Бразилу, чистокровному самцу с тавром, в Мурителе ничто не грозило, но девушка отнюдь не чувствовала себя в безопасности.

Вволю наевшись травы, они двинулись вдоль реки и вскоре миновали место, где некогда лежало тело Бразила; речное дно и грязь еще хранили его следы. Но Бразил даже не посмотрел в ту сторону, он наслаждался тем, что идет очень быстро, без всяких усилий, что грязь ему нисколько не мешает и что он совсем не чувствует усталости. Вучжу, вынужденная везти на себе Грондела, двигалась намного медленнее, чем обычно. Впрочем, это не имело значения.

На второй день, уже после наступления темноты, они достигли границы. Утром следующего дня, после того как Грондел оживил в памяти Вучжу элементы «топающего» кода, они попрощались с ним и направились к столице Чилла. Воздух в этом гексе оказался крайне тяжелым. Во-первых, он был слишком влажным, и путникам казалось, что они бредут сквозь невидимый липкий туман. Во-вторых, из-за явного избытка углекислого газа и кислорода у них сразу закружилась голова. «Если бы не огромная влажность, — подумал Бразил, — здесь происходило бы чертовски много пожаров». К счастью, в этом гексе не могла загореться ни одна спичка.

Вскоре они увидели чиллиан — странных созданий, похожих на гладкокожие кактусы с двумя стволами и тыквообразными головами. Ни у него, ни у Вучжу не было автоматического переводчика, потому общение оказалось невозможным. Однако в первом же филиале Центра, выглядевшем как огромный гео-

дезический купол, им удалось установить некое подобие контакта.

Чиллиане с удивлением рассматривали диллианку; они знали, кто такая Вучжу, но, насколько могли припомнить, ни один представитель ее расы еще не посещал Чилл. На Бразила они взирали с любопытством, но он для них оставался обычным животным.

Все, что Вучжу сумела сообщить в филиале, были имена ее и Бразила. В конце концов она сдалась, и они продолжили свой путь — на этот раз по дороге, содержащейся в довольно приличном состоянии. Об их появлении чиллиане сообщили в Центр, где во всем разобрались куда лучше.

Бразил был очень внимателен к Вучжу, и по ночам их любовные отношения продолжались. Девушка была счастлива и даже не удивлялась, каким образом Бразил, взявший на себя обязанности проводника, на любом перекрестке определял верное направление. Единственное, что ее волновало, была судьба его прежнего тела. Вучжу чувствовала себя очень виноватой, но надеялась, что либо его вообще не окажется в Чилле, либо оно будет мертво.

Она не желала терять Натана!

На следующий день они вышли на главную дорогу гекса и к вечеру добрались до Центра. Оказалось, что он расположен не посредине Чилла, как полагал Грондел, а на океанском побережье.

Уже стемнело, и Бразил дал понять, что сначала им следует хорошенько выспаться. «Сейчас там наверняка нет персонала», — подумал он.

Когда они предавались любви под стенами Центра, одна мысль не давала покоя Вучжу. «Душой он уже наполовину в этом здании», — думала она. Это могла быть их последняя ночь.

Незадолго до рассвета их разбудил кузен Ушан.

— Бразил! Вучжу! Просыпайтесь! — возбужденно кричал он.

Вучжу тепло поздоровалась с летучей мышью, все ее прошлые подозрения были забыты.

Ушан, не веря своим глазам, смотрел на Бразила:

— Это действительно вы, Бразил?

Бразил кивнул украшенной рогами головой.

— Он не может говорить, кузен Ушан, — объяснила Вучжу. — У него вообще нет голосовых связок. По-моему, это мучает его больше всего.

Ушан смутился.

— Извините меня, — тихо сказал он Бразилу, — я не знал. — Он фыркнул. — Великий герой, выхвативший раненого из когтей смерти! Все, что я сделал, так это устроил путаницу.

— Но вы и в самом деле герой! — утешила его Вучжу. — Это был невероятно отважный поступок.

Наконец она могла задать вопрос, который ее так долго мучил.

— Он... его тело еще живо? — робко спросила девушка.

— Да, в какой-то степени, — ответил Ушан. — Но это — чудо, для этого нет никаких медицинских оснований. Оно чудовищно искалечено и изломано. Врачи здесь хорошие, в сущности — необыкновенные. Но единственный способ сохранить тело живым — это клонирование. Если Бразила вынудят вернуться в него, он превратится в живое растение.

Они оба выжидательно посмотрели на Бразила, но самец антилопы стоял совершенно спокойно.

Вучжу старалась казаться невозмутимой, но о том, что на душе у нее сразу же полегчало, свидетельст-

зовал нарочито небрежный тон, которым она задала еще один вопрос:

— Значит, он останется оленем?

— Послушайте, — медленно начал Ушан. — По их словам, его раны были настолько серьезными, что я уже не мог причинить ему сколько-нибудь существенного вреда. Они не могут понять, как он выжил после полученных от мурни ударов, которые сломали ему шею и позвоночник. Никто бы не выжил, получив такие повреждения. Это то же самое, что вышибить мозги или пронзить сердце.

Они проговорили до рассвета, когда появление проснувшихся чиллиан несколько оживило ландшафт. Ушан отвел их в медицинское крыло Центра, располагавшееся на берегу реки.

Бразил очаровал чиллиан, и они настояли на том, чтобы всесторонне обследовать его, в том числе с помощью электроэнцефалографа. Сдержав нетерпение, он подчинился и прошел все тесты со все возрастающей уверенностью. Ведь если они так далеко продвинулись в науке, может быть, они сумеют дать ему голос.

Затем Натана отвели на самый нижний этаж и показали ему его тело. Вучжу пришла вместе с ним, но ей хватило одного взгляда, чтобы опрометью выбежать из комнаты. Тело плавало в резервуаре, подключенное к сотням приборов и устройств. Мониторы свидетельствовали об автономной мышечной деятельности, но даже следа какой-либо мозговой активности не было и в помине. Тело вылечили, насколько это оказалось возможным, но выглядело оно так, будто прошло через мясорубку. Оторванная правая нога была аккуратно пришита, но казалась безжизненной. Гигант, чья когтистая рука разорвала ногу капитана, одновременно кастрировал его.

Для Бразила увиденного было более чем достаточно. Он гордо покинул комнату и осторожно поднялся обратно в клинику.

Чиллианский врач постарался не выказать беспокойства, когда в его кабинет вошел огромный двухсотпятидесятикилограммовый олень. От Ушана, которому это сообщила Вучжу, врач узнал, что Бразил может писать. Поскольку единственной вещью, которой в Чилле было вдоволь, являлась мягкая почва, в кабинет быстро доставили большой ящик, полный мельчайшего песка с океанского берега.

— Что бы вы хотели от нас получить? — спросил врач.

«Искусственный голос», — написал Бразил.

Врач с минуту подумал.

— Наверное, в каком-то смысле это возможно, — сказал он наконец. — Вы, должно быть, знаете, что автоматические переводчики имплантируются в тело и подсоединяются к нервным волокнам, идущим от мозга к голосовому аппарату — каков бы он ни был — любого существа. Но у вас голосового аппарата нет, и мы не в состоянии имплантировать переводчик, так как можем повредить в мозгу центры пищеварения и дыхания. Однако если вживить вам маленькую пластиковую диафрагму и передавать по идущим к ней проводам электрические импульсы вашего мозга, то мы сможем создать наружный транслятор со всеми функциями переводчика. Конечно, не слишком мощный, но вас будут принимать. Я отдам приказ тем, кто работает в лаборатории. Это — простая операция, и если поторопиться, то мы сумеем проделать ее завтра или послезавтра.

«Чем быстрее, тем лучше», — вывел на песке Бразил и уже собрался отправиться на поиски Ушана и Вучжу, как врач остановил его.

— Одну минуту! — сказал чиллианин. — Пока мы одни, мне бы хотелось сообщить вам кое-что такое, чего вы, вероятно, не знаете.

Бразил приготовился терпеливо слушать.

— Исследования показали, что физически вам около четырех с половиной лет, — начал врач. — Наши записи свидетельствуют о том, что средняя продолжительность жизни мурительской антилопы — от восьми до двенадцати лет; поэтому следует ожидать, что вы будете быстро стареть. Жить вам осталось от четырех до восьми лет. Но в любом случае это намного дольше, чем вы прожили бы без Переноса. — Он остановился, наблюдая за реакцией Бразила. Олень вскинул голову, и врач безошибочно определил это движение как эквивалент пожимания плечами.

Бразил подошел к ящику с песком.

«Так или иначе, спасибо, — написал он. — К делу не относится». Добавив эти загадочные слова, он удалился.

Пораженный врач уставился ему вслед. Он знал, что, по общему мнению, Бразил — самый старый из всех когда-либо живших людей и что он действительно проявил невероятную, сверхчеловеческую жизнестойкость. «А что, если он хочет умереть? — подумал врач. — Или наоборот, решил, что не сможет даже теперь?»

Операция и в самом деле оказалась очень простой и проводилась под местной анестезией. Единственной проблемой, вставшей перед хирургом, была необходимость выделить в мозгу животного нервные центры, никоим образом не связанные с речью. Сделать это удалось меньше чем за час. Несколько беспокоила его и необходимость просвер-

лить отверстия в рогах, но когда выяснилось, что в костных отростках нет нервов, способных вызвать болезненное ощущение, задача упростилась. Ученые использовали крошечный транзисторный приемник, применявшийся умиау, — это означало, что он очень прочный и абсолютно водонепроницаемый. Провода были пропущены к голове сквозь рога, и там же был привинчен радиоприемник — размером около шестидесяти квадратных сантиметров. Легкая косметическая и пластическая операция убрала все лишнее, кроме решетки громкоговорителя, подобранной под цвет рогов.

— Теперь скажите что-нибудь, — потребовал хирург. — Сделайте так, словно собираетесь говорить.

— Ну как? — спросил Бразил. — Можете вы меня слышать и понимать?

— Отлично! — с энтузиазмом воскликнул хирург, потирая свои зеленые щупальца. — Веха в истории науки! Чувствуется даже намек на тон и акцент.

Бразил был счастлив, несмотря на то что звук несколько отставал от мысли, которая его рождала.

Но пусть будет хотя бы так.

— Когда действие анестезии прекратится, у вас появится сильнейшая головная боль, — предупредил хирург. — В рогах нет болезненных центров, но для создания наилучшего контакта нам пришлось просверлить череп.

— Это меня не тревожит, — успокоил его Бразил. — Я умею устранять боль.

Выйдя из кабинета, он обнаружил в приемной Ушана и Вучжу.

— Как вам нравится мой новый голос? — поинтересовался он.

— Тонкий, слабый и металлический, звучит так, будто говорит компьютер, — ответил Ушан.

— И все же в нем есть что-то от вас, Натан, — сказала Вучжу. — Манера делать паузы, произношение.

— Теперь я могу приниматься за работу, — сказал Бразил своим новым, незнакомым голосом. — Мне необходимо поговорить с чиллианином, руководившим работой Скандера, и с кем-нибудь из правительства гекса Умиау; кроме того, мне нужен географический атлас. А тем временем, Вучжу, достаньте себе автоматический переводчик. Вам его запросто вживят. Я не хочу, чтобы меня схватили неизвестно где и чтобы вы снова оказались не в состоянии ни с кем поговорить.

— Я пойду вместе с вами, — сказал Ушан. — Я неплохо знаю это место. Как вы понимаете, ваш голос звучит таинственно. Не только потому, что по своей громкости и тембру не соответствует такому крупному созданию, но и в особенности потому, что кажется, будто он исходит ниоткуда. Мне самому нужно время, чтобы к нему привыкнуть.

— Единственная разумная мысль, которую вы высказали, прозвучала тогда, когда вы назвали меня «крупным созданием», — сухо ответил Бразил. — Вы понятия не имеете, что значит всю жизнь быть коротышкой и внезапно оказаться самым крупным существом на свете.

Бразил чувствовал себя прекрасно: он снова командовал.

Они вышли из Центра, и Вучжу осталась одна, совершенно сбитая с толку. Дело оборачивалось еще хуже. Он оказался таким холодным, таким далеким, таким непонятным — это был не Натан! «И голос не его», — подумала она. В Бразиле появилось что-то такое — манера говорить, холодность, решительность, — чего она раньше в нем никогда не замечала.

«Достаньте переводчик», — сказал он и ушел, даже не попрощавшись и не пожелав ей удачи.

— Хочу в последний раз сходить к своему старому телу, — сказал Бразил Ушану, и они спустились по лестнице, ведущей на цокольный этаж.

Ушан тоже заметил перемену в поведении капитана и встревожился. Его интересовало, изменила ли трансформация разум Бразила. Некоторые формы умопомешательства или расстройства психической деятельности, думал он. Что, если мозг оленя не в состоянии выдавать правильные решения в соответствующих количествах? Что, если они лишь частично принадлежат Бразилу?

Они вошли в уже знакомую комнату с резервуаром. Согласно всем экранам и циферблатам, тело продолжало жить. Бразил некоторое время молча стоял возле него, тупо глядя в пространство. Ушан отошел в сторону, пытаясь представить, что чувствовал бы он сам в подобных обстоятельствах.

Наконец Бразил произнес почти ностальгическим тоном:

— Это была хорошая оболочка. Она служила мне долгое-долгое время. Пусть уходит с миром.

Как только прозвучало последнее слово, стрелки всех приборов застыли на нуле, а все экраны показали остановку жизни.

Словно по команде тело умерло.

Бразил вышел, не сказав больше ни слова, и оставил Ушана в еще большем смятении.

— Я уверен, что Скандер решил задачу, — сказал Бразилу и кузену Ушану глава проекта, чиллианин по имени Манито. — К несчастью, ключ к решению он всегда держал при себе и был очень осторожен —

каждый раз стирал память компьютера. Единственное, что у нас имеется, — это материал, который был выведен на экран, когда его и Вардию похитили.

— Что подтолкнуло его к этому исследованию? — спросил Бразил.

— Он был очарован нашим собранием фольклора. Работал главным образом с ним, опираясь на общеизвестную фразу: «До полуночи у Колодца Душ».

Бразил кивнул.

— Ну это еще ничего, — заметил он. — Но вы говорили, что, вернувшись, он отказался от этой версии.

— Вскоре после возвращения, — подтвердил чилинин. — Он заявил, что избрал неверное направление, и начал исследовать Экваториальный барьер.

Бразил вздохнул:

— Это плохо. Значит, он во всем разобрался.

— Вы говорите так, словно сами знаете ответ, — заметил руководитель проекта. — Интересно, как вам это удалось. Я располагаю всеми необработанными данными, которые добыл Скандер, но не могу извлечь из них ничего полезного.

— Это потому, что на вас обрушились миллионы осколков, а никакой идеи относительно размера и формы целого вы не выдвинули. Естественно, вы не можете начать складывать их воедино, — сказал ей Бразил: по его глубокому убеждению, все формы жизни, способные давать потомство, принадлежали к женскому полу. — В конце концов, Скандер владеет главным уравнением. И вы не можете заплюнуть его сюда.

— Я никак не могу понять, почему вы дали ему возможность так вас использовать, — вмешался Ушан. — Обе ваши расы обеспечили ему стопроцентную защиту, сотрудничество и предоставили

ему весь необходимый инструментарий, ничего не получив взамен

Чиллианин печально покачал головой.

— Мы считали, что контролируем ситуацию. Ведь он же был умиау. Он не мог жить вне своего океана и потому не мог покидать его пределы. Однако существует еще один человек — тот, кто исчез. Он — математик. Чьим банком данных он пользовался? Или он настолько талантлив, что не нуждается в нем? Мы не можем позволить себе потерять Скандера!

— А есть ли какие-нибудь соображения относительно того, где они сейчас находятся? — спросил Бразил.

— Пользы от этих соображений целый вагон, — раздраженно буркнул чиллианин. — Их держат в заточении в гексе роботов, который называется просто Страна. Нас уведомили, что они там, и мы попросили всех наших должников, чтобы их задержали как можно дольше.

— Так, значит, у нас есть время, чтобы попытаться их освободить? — взволнованно спросил Бразил.

— Вряд ли, — ответил Манито. — В этом деле замешаны аккафиане. Их посол, барон Азкфру, пригрозил разбомбить в Стране все, что только сможет, — а он в состоянии причинить огромный ущерб, если действительно этого захочет. Такова ситуация. Сегодня их освободят.

— Кто входит в состав группы? — спросил Ушан. — Если она слаба, мы еще сумеем что-нибудь предпринять.

— Мы уже думали об этом, — ответил Манито. — Но мы не можем позволить, чтобы вместе с другими был убит чиллианин. Кроме Вардии и Скандера, в нее входят аккафианин — это огромные насекомые, передвигающиеся с большой скоростью, умеющие летать,

обладающие отвратительными жалами и пожирающие добычу живьем, — по имени мар Хаин и таинственное создание с Севера, о котором мы почти ничего не знаем, кроме того, что его зовут Провидец и Опора. Единое это существо или нет, я выяснить не смог.

— Хаин! — воскликнул Бразил. — Конечно, этого следовало ожидать. Этот сучий сын всегда замешан в каком-нибудь грязном деле.

— Вы знакомы с этим Хаином? — удивился Ушан. Бразил кивнул.

— Похоже, там собралась вся банда, — пробормотал он и внезапно повернулся к Манито: — Вы принесли атлас, который я просил?

— Принес, — ответил чиллианин и положил на стол огромную книгу. Бразил раскрыл ее носом, а затем широким шершавым языком перелистнул несколько страниц. Найдя карту южного полушария, он стал ее тщательно изучать.

— Чертово антилопье зрение! — пробормотал он себе под нос.

— Я помогу, — сказал чиллианин и подошел к оленю. — Здесь все написано по-чиллиански, вы не умеете читать на этом языке.

Бразил отрицательно покачал головой.

— Да нет, все в порядке, — сказал он. — Я вижу, где сейчас находимся мы и где — они. Мы — почти в двух гексах от северного побережья океана. Они — в двух гексах от восточного побережья океана, сравнительно недалеко от того места, куда нам нужно попасть как можно скорее.

— Откуда вам это известно? — спросил ошеломленный чиллианин. — Вы что, здесь бывали? Думаю...

— Нет; — перебил его Бразил. — Не здесь. — Не спеша перелистывая страницы одну за другой, он постепенно изучил крупномасштабные карты пяти раз-

личных гексов. Внезапно он поднял голову и взглянул на смущенного чиллианина.

— Вы можете устроить мне встречу с кем-нибудь из шишек умиау? — спросил он. — Они нам кое-что должны за Скандера. Его группа наверняка двинется через Слелкрон, нетехнологический гекс, что с нашей точки зрения прекрасно, и Эк'л, который сегодня может оказаться каким угодно. Нам предстоит пробираться через Ивром, который мне совершенно не нравится, но обойти его невозможно, и через Алистл, по сравнению с которым Мурител выглядит уютным местечком для пикника. Я надеюсь договориться с Ивромом, а если умиау переправят нас через свой гекс, то мы сумеем миновать отвратительный край Алистл и, может быть, даже выиграть немного времени. Если группа Скандера будет держаться берега — а я полагаю, что так они и сделают, поскольку там пролегают лучшие дороги, — мы сможем догнать их и перехватить вот здесь, — он указал носом в карту, — у северной оконечности залива, в Глмоне.

— Спрашиваю из чистого любопытства, — заявил Ушан. — Вы сказали, что умиау были первыми предупреждены о попытке похищения Скандера. Теперь, по вашим словам, вы слышали, что они находятся в Стране. Кто вам это сообщил?

— Мы не знаем! — воскликнул чиллианин. — Эти сообщения, отпечатанные на обычной пишущей машинке, были получены нашими послами в Зоне.

— Но кто их отправил? — напирал на него Ушан. — Что за таинственная третья команда?

— Я надеялся узнать это у вас, — бросил Бразил. Глаза Ушана расширились.

— У меня? Ладно, согласен. Я знал, кто вы такой, еще в Диллии и присоединился к вам с определенной целью. Но я не представляю никого, кроме самого

себя, и выражаю интересы моего народа. Мы, подобно чиллианам и умиау, получили аналогичное известие в Зоне. Там сообщалось, что вы ищете Скандера и Варнетта. Мы не смогли узнать, кто его послал, и было решено принять участие в этой игре. Выбрали меня, так как я путешествовал чаще, чем большинство моих собратьев. Но третья команда? Нет, Бразил, я признаюсь лишь в том, что не был с вами откровенен. Я целиком на вашей стороне.

— Это очень плохо, — ответил Бразил. — Мне чертовски хотелось узнать, кто такой наш таинственный помощник и откуда он черпает свою информацию.

— Мне кажется, что он тоже на нашей стороне, — с оптимизмом заявил Ушан.

— Насколько подсказывает мне жизненный опыт, каждый всегда болеет за собственную задницу, — охладил его Бразил. — Нам предстоит столкнуться с группой Скандера. И я не хочу, получив в этой гонке приз, убедиться, что столь полезная нам третья сила имеет серьезные намерения прикончить победителей.

— Значит, вы будете бороться против двоих? — тупо спросил чиллианин.

— Конечно! Об этом и речь. А теперь заключительный вопрос: можете вы назвать мне последнюю крупную проблему, данные о которой Скагдер заложил в компьютер?

— Конечно, могу, — нервно ответил чиллианин. Он порылся в бумагах и достал два листка. — Фактически его интересовали два вопроса. Первый — это число Пришельцев в гексах, граничащих с экваториальной зоной, с обеих сторон от экватора.

— И каков ответ?

— Очень любопытный — запись отсутствует. Как вы понимаете, это — не полноценные гексы. По-

скольку Экваториальный барьер разрезает их точно пополам, они представляют собой два соседних полугекса с каждой стороны. Таким образом, они вдвое шире, чем нормальный гекс, и наполовину уже к северу и югу, с прямыми экваториальными границами.

— А второй вопрос? — нетерпеливо спросил Бразил.

— Имеет ли число «шесть» какое-то особое отношение к гексам экваториальной зоны с точки зрения географии, биологии и прочего.

— И ответ?

— Компьютер был еще включен, когда произошел э... несчастный случай. Распечатку похитители утащили с собой, но этот материал все еще находился в памяти компьютера, так что мы сделали копию.

— Что в ней говорится? — раздраженным тоном спросил Бразил.

— Что шесть двойных полугексов расколоты очень глубокими узкими заливами до самого зонного барьера, проходящего вокруг всей планеты и делящегося на равные отрезки; так вот, если вы проведете из Зоны в Зону линию через каждый из этих заливов, то вы разделите планету на абсолютно одинаковые шесть частей.

— Сукин сын! — вырвалось у Бразила. — Он получил полный ответ! Больше меня ничто никогда не удивит!

В этот момент в комнату вошел еще один чиллианин. Он посмотрел на летучую мышь и на самца антилопы. Наконец, выбрав Ушана, он застенчиво спросил:

— Капитан Бразил?

— Это не я, — небрежно ответил Ушан и ткнул когтистым пальцем в оленя. — Вот он.

Чиллианин повернулся и взглянул на существо, которое, несомненно, было животным.

— Не может быть! — прошептал он, как сделал бы на его месте любой другой. Но в конце концов он решил, что поверить придется, и, подходя к огромной мурительской антилопе, повторил свой вопрос:

— Капитан Бразил?

— Да, — любезно ответил тот, крайне удивленный тем, что чиллианин назвал его капитаном.

— О, я понимаю, что сильно изменилась, — робко сказал чиллианин, — но все-таки не так, как вы. Шикарно!

— Но кто вы? Гм... Вернее, кем вы были? — спросил он, крайне заинтригованный.

— Я — Вардия, капитан, — ответил чиллианин.

— Но ведь Вардию похитили жуки! — воскликнул Ушан.

— Знаю, — ответила она. — Вот это меня и беспокоит.

ДОРОГА В СТРАНЕ

— **Ч**ертов карантин! — недовольно ворчал Скандер, снова привязанный к спине Хаина. Его раздражал и желтоватый цвет атмосферы, и неудобства, вызванные использованием дыхательного аппарата. Но голос его так заглушался маской, что нельзя было разобрать ни слова.

— Бросьте ворчать, Скандер, — сказал Опора. — Вы зря тратите воздух, все равно вас никто не понимает, кроме меня. Впрочем, вы совершенно правы: нас поймали в ловушку.

— Кто мог это сделать? — спросила Вардия, чья голова и голосовой аппарат не имели никакого отношения к дыхательной системе. — Кто знал, что мы здесь, что мы собираемся остановиться именно в этой гостинице? Может быть, за вами следили мои соплеменники? — В ее голосе слышалась надежда.

— Не волнуйтесь так, чиллианин, — ответил Опора. — Как видите, задержка была небольшой, и никто не попытался освободить вас. Нет, здесь пахнет чем-то посерьезнее. Кто-то установил подслушивающее устройство в кабинете барона в Зоне и заранее попытался помешать нашему предпринятию.

О подобном Вардия услышала впервые, и это возвратило ее мысли ко многим событиям, случившимся с нею раньше. Сигнал бедствия, который никем не был послан. Исчезновение двух флаеров и космической шлюпки на Далгонии. Открытие Ворот Колодца только после того, как все они оказались в безопасности. Твердая уверенность капитана Бразила в том, что его кто-то обманул. Этот странный человек-змея Ортега. Ничтожная вероятность того, что Бразил встретит в Зоне единственное существо, знавшее его. Совпадение?

Обдумав все это, она внезапно пришла в ярость. Кто-то использовал ее — их всех, — передвигая, словно фигуры на шахматной доске.

Чего стоит одно распределение по гексам! Скандера направили туда, где в его распоряжении оказалась вся нужная аппаратура и где в процессе исследований он развращал миролюбивых обитателей гекса Умиау. Ее послали в Чилл, на самом деле — для работы со Скандером. Кто распорядился их судьбами? Те, на кого работает этот ублюдок Хаин?

А капитан Бразил! Она узнала, что, когда Бразил снова побывал в Зоне, он выглядел точно так же, как и прежде. Почему Ворота не изменили его? И эта жалкая маленькая наркоманка — она попала в гекс, который без всяких условий вернул ей человеческий облик. Вардия припомнила, что Бразил привязался к этой девчонке. Возможно, теперь они вместе. «Почему? — недоумевала она. — Секс? Но этим занимаются животные!» Она никогда не понимала, почему людям это нравится; и если рождение двойника чему-то ее научило, то это был крайне неприятный опыт. Почему такая знаменитая, высокопоставленная, занимающая столь ответственный пост особа,

как капитан Бразил, готова пожертвовать карьерой и жизнью ради какой-то наркоманки, которую он никогда прежде не знал и с которой фактически не познакомился даже в Зоне? Она ничем не могла для него пожертвовать. Тогда она практически была животным. Куда умнее было отправить ее на фабрику смерти.

«Может быть, именно поэтому комм-философия так широко распространилась, — подумала Вардия. — Она рациональна, планомерна. Даже грязная команда Хаина не в состоянии остановить победную поступь столь совершенного порядка. Примеры разумных гексов подтверждают это».

— В других гостиницах обслуживать нас станут лучше, и наше пребывание там будет короче, — сообщил им Опора, прервав размышления Вардии. — Думаю, что через пару дней мы окажемся на границе Страны. Через Слелкрон мы вряд ли сможем передвигаться быстрее, но там будет полегче. С его обитателями никто не общается. Нас будут игнорировать, и только. Что же касается Эк'ла, то об этом гексе у меня информации нет, но я уверен: что бы ни произошло, мы пробьемся.

— А вы на редкость самоуверенны, — заметила Вардия. — Еще одно пророчество Провидца?

— Логично, — ответил Опора. — Кому-то понадобилось нам помешать. Почему? С какой целью? Чтобы разбить нас у экватора? Сомневаюсь. Нам проще было бы убить, чем задерживать подобным образом. Нет, у экватора они должны выйти на нас. Они хотят оказаться там в тот же самый момент, что и мы, так как им неизвестно то, что знает доктор Скандер, — как попасть в Колодец. В сущности, они могут стать нашими союзниками, ибо наверняка по-

стараятся, чтобы никто другой не помешал нам достичь цели. И не будет большой беды, если я скажу вам, что существует еще одна экспедиция. По мнению Провидца, мы не войдем в Колодец до тех пор, пока там не соберутся все новые Пришельцы. Это прекрасно: значит, пока о нас заботятся.

— О нас будут заботиться, — неожиданно произнес Хаин.

В СТРАНЕ УМИАУ У ГРАНИЦЫ С ИВРОМОМ

 то было зрелище, которого Мир Колодца еще не видел: десять умиау в специальной сбруе тащили широкий плот, сбитый из бревен. На плоту находились диллианский кентавр, гигантский самец антилопы, двухметровая летучая мышь, чиллианин, а также изрядно похудевшая копна сена и ящик с землей.

— Почему умиау не хотят довести нас до самого конца пути? — спросила у Бразила Вардия.

Олень повернул к ней голову.

— Я все еще не могу привыкнуть к мысли, что вы существуете, так сказать, одновременно в двух местах, — сказал он через свое радиоустройство. Из-за плеска воды и шума ветра звук, исходящий из его маленькой коробочки, был еле слышен.

— Мне тоже нелегко смириться с мыслью, что малорослый капитан, с которым я сюда прибыла, превратился в огромного оленя, — парировала она. — А теперь отвечайте на мой вопрос.

— Слишком рискованно, — объяснил Бразил. — Скоро появятся опасные течения, водовороты и прочие неприятности. Кроме того, умиау не очень-то ладят с обитателями тамошних вод. Конечно, они

могли бы с ними справиться, но эти мерзкие рыбы с двадцатью рядами зубов вначале сжевали бы и нас, и плот, и только потом стали бы разбираться, кто и почему их потревожил. Нет, попытаем счастья на ста шестидесяти километрах территории Иврома.

— Что представляет собой Ивром, Натан? — робко спросила Вучжу. Она добыла автоматический переводчик и преодолела большинство своих страхов. Бразил обращался с ней нежно, говорил только правильные вещи, но все же с ним что-то происходило, что-то неопределимое; все это чувствовали, хотя точно сформулировать не могли.

Вучжу поговорила об этом с кузеном Ушаном.

— Как бы вы себя чувствовали, — спросил Ушан, — если бы проснулись не диллианкой, а обыкновенной лошадей? И увидели бы свое собственное мертвое тело? Вы остались бы прежней?

Она приняла это объяснение, но самого Ушана оно не удовлетворяло. Властная манера и абсолютная уверенность в себе не были присущи прежнему капитану Бразилу. Но сейчас, казалось, он знает ответ на любой самый трудный вопрос и принимает решения не колеблясь. Он мог бы войти в состав центра, осуществляющего контроль над миром, — и даже более того.

В сущности, Ушана это устраивало. «Тем лучше. У человека, проникшего в тайну этого мира, нет рук, он даже не может сам открыть дверь. Пусть ведёт нас, — самодовольно думал он. — Пусть покажет, как надо действовать».

— Натан! — чуть громче позвала Вучжу. — Что представляет собой Ивром? Вы нам так и не рассказали.

— Я мало знаю о нем, дорогая, — небрежно ответил он. — Много лесов, холмистая местность, куча животных. Атлас сообщает, что там водятся лошади

и олени. Это — нетехнологический гекс, так что в нем, вероятно, частично продолжается эпоха меча и копья. Разумную форму жизни, по-моему, представляют какие-то насекомые, но никто этого точно не знает. Активно действующие вулканы слева от нас — уже Алистл, его обитатели — толстокожие рептилии; они существуют при температуре, близкой к точке кипения воды, и питаются серой. Возможно, они — отличные ребята, но к ним никто не заглядывает.

Девушка посмотрела туда, куда он показывал. Из кратеров вулканов фонтанами бил пар, а из одного эффектно изливалась лава. Вучжу вздрогнула, хотя было не холодно.

— Как же чудесно путешествовать вот так, с ветерком! — с энтузиазмом воскликнул Бразил, глубоко вдыхая соленый воздух. — Фантастика! По таким океанам, как этот, я плавал давным-давно на больших судах на Старой Земле. Это была романтика моря, романтиками были и те, кто плавал. Не так, как на одноместных космических грузовиках с компьютерами и фальшивыми картинами из мерцающих точек.

— Когда мы пристанем к берегу? — спросила его Вучжу, плохо переносившая качку и не разделявшая восторгов капитана. Девушка была счастлива, что он наслаждается жизнью, что он разговаривает с ней в своей прежней манере, но ее все время подташнивало, и ей хотелось поскорее сойти на твердую землю.

— Что ж, умиау плывут довольно быстро, — ответил он. — Сильные, дьяволы, и изумительны в родной стихии. Я это запомню — недооценивать нашего доктора Скандера опасно.

— И все же когда? — продолжала она допытываться.

— Завтра утром, — ответил Бразил. — Мы не пойдем через весь гекс Ивром, а пересечем его по

краю и на следующий день окажемся у вершины залива в Глмоне.

— Вы уверены, что мы встретим их — я имею в виду тех, других, — именно там? — спросила Вардия. — Меня больше всего интересует освобождение моего второго «я» — моей сестры — из рук этих существ.

— Мы их встретим, — заверил ее Бразил, — если сумеем обмануть. Но я знаю, куда они направляются, так что к встрече мы подготовимся.

— Я смогу ночью произвести разведку в Ивроме? — обратился к нему кузен Ушан. — Я ослабел, да и рыба мне надоела.

— Я на вас рассчитываю, Ушан, — смеясь, сказал Бразил. — Наедитесь вволю и расскажете нам — что и как.

— И больше никаких полуночных спасений из лап смерти, — в тон ему ответил Ушан.

— Никто не знает, что ждет его впереди, Ушан, — произнес Бразил вполне серьезно. — Может быть, на этот раз я вас спасу.

Умиау на удивление мало знали об Ивроме. Они обитали в воде и нуждались лишь в той продукции, которую сами были не в состоянии производить. Союз с чиллианами был естественным. Остальных соседей они знали исключительно благодаря общению в воде, даже если и не слишком хорошо с ними уживались. Ивром — так этот гекс именовался на старых картах, хотя обитатели называли свою страну совсем иначе, — покрывали мирные леса и луга, крупных рек там не было, но имелись сотни маленьких речек и ручьев. Это был нетехнологический гекс, так что попасть в него было проблематично, еще тя-

желее — выбраться, и, вероятно, он не стоил таких усилий. Главная проблема состояла, однако, в том, что все, кто когда-либо отправлялся в Ивром — для исследований, установления контактов или просто, чтобы пересечь его, — никогда не возвращались назад. Поэтому было решено стать на якорь у рифа, на мелководье, чтобы до наступления темноты успеть как следует оглядеться вокруг.

Гекс выглядел очень привлекательно. Свежий ароматный воздух, температура — около двадцати градусов по Цельсию, удивительно приятная влажность в прибрежной полосе благодаря дующему с суши бризу, сумеречное освещение, пушистые облака, глубокое синее небо — и ничего угрожающего.

Береговая линия представляла собой девственно чистый желтый песчаный пляж, полого спускающийся к воде. У самой кромки леса на берегу был навален плавник, выброшенный прибоем во время штормов. Лес оказался очень густым и темным из-за обильного подлеска и гигантских вечнозеленых деревьев, но ничего подозрительного или зловещего в нем не было. Поскольку сумрак сгушался, им удалось увидеть лишь маленьких оленей и нескольких животных, похожих на ондатр и сурков, а также некоторых других лесных обитателей.

Все это напомнило Бразилу Старую Землю еще до того, как последние островки дикой природы залили асфальтом. Даже птицы, устроившиеся на ночлег в ветвях высоких деревьев, казались совсем земными — куда более знакомыми, чем в большинстве гексов, через которые он проходил.

Он старался выжать из своей памяти какие-нибудь дополнительные сведения об этом гексе, но не сумел. «За всем уследить невозможно, — подумал он, — даже несмотря на то что в среде обитания, принадлежащей к типу Сорок один, давно интересовались Ивромом».

Насекомые! — вот что подсказывала ему память. Но столь незначительный факт можно было запомнить скорее случайно, а не на основе личного опыта. Скорее всего он зафиксировался в мозгу автоматически, хотя и не представлял собой ничего такого, чему следовало уделять особое внимание. Впрочем, в Море Колодца все постоянно меняется.

Темнота полностью скрыла береговую линию от всех, кроме кузена Ушана, который сообщил, что не видит ничего такого, чего бы они уже не видели днем.

— Вернее, почти ничего, — поправил себя Ушан. — Хотя на таком расстоянии трудно понять, что это такое. Похоже на крошечные мерцающие огоньки, они то появляются над лесом, то исчезают, то появляются, то исчезают и медленно кружатся в воздухе.

«Светляки, — подумал Бразил. — Неужели я — единственное существо в этом дальнем уголке галактики, которое еще помнит о светляках?»

— Хорошо, теперь отправляйтесь, — сказал он наконец Ушану, — но будьте осторожны. Все пока выглядит мирно, но у этого места дурная репутация, и, если не считать того, что моя память продолжает утверждать, будто мыслящую форму жизни здесь представляют насекомые, то мне нечего вам сообщить. Просто остерегайтесь насекомых, какими бы маленькими и незначительными они бы вам ни показались, — не исключено, что с ними выгоднее дружить.

— Согласен, — спокойно ответил Ушан. — Насекомые обычно входят в состав моего ежедневного рациона, но я не притронусь к ним, если это нам поможет. Всего-навсего короткий обзорный полет, и я вернусь.

С этими словами он улетел в темноту.

Утром, когда взошло солнце, оказалось, что кузен Ушан еще не возвращался.

У ГРАНИЦЫ МЕЖДУ СЛЕАКРОНОМ И СТРАНОЙ — УТРО

Когда воздух стал чистым и засияло солнце, Опора резко остановился.

— Можете снять свои дыхательные аппараты и выбросить их, — сказал он. — Здесь и до конца пути они нам не понадобятся.

Скандер с огромным облегчением избавился от маски, но сунул ее в сумку.

— Свой я сохраню. Остальным советую сделать то же самое, — отдуваясь, проговорил он. — Не знаю, что ждет нас внутри этого гекса, но нам может пригодиться воздух, оставшийся в этих баллонах на пару часов. Автономный организм не может существовать в любой атмосфере.

— Абсолютно с вами согласен, доктор, — ответил Опора. — Я тоже не могу существовать в вакууме. Провидцу необходимы аргон и неон, а мне — ксенон и криптон, которые, к счастью, пока в нужных нам количествах присутствовали в атмосферах всех гексов. Но мы несколько недель готовились к этой экспедиции, и я целиком отдавал себе отчет в том, что в конце концов мы встретимся с вакуумом, в котором

эти маленькие респираторы нас не спасут. В этих тюках находятся герметические скафандры.

— Почему же тогда мы не воспользовались ими в той адской дыре, через которую только что прошли? — проворчал Хаин. — Меня там все просто обжигало.

— В гексе роботов много острых камней и абразивов, мы могли преждевременно повредить скафандры, — ответил Опора. — Я считал, что не следует рисковать таким снаряжением, пока в нем не возникнет настоятельная необходимость.

Но Хаин все равно ворчал и ругался, да и Скандер вел себя не лучше: он быстро высыхал, и его мучил ужасный зуд. Одна лишь Вардия молча наслаждалась здешним климатом: солнце грело как следует, синее небо было безоблачным, и она чувствовала, что почва здесь плодородна.

— Что это за место? — спросил Скандер. — Здесь найдется тенистое местечко у реки, в которой я смог бы окупаться?

— Все будет в порядке, профессор, — ответил Опора. — Мы облегчим ваше положение как можно быстрее. Да, здесь почти наверняка имеются реки, озера и пруды. Когда я найду речку, достаточно тихую и мелкую, чтобы вы не смогли удрать, ваше желание исполнится.

Долина, в которой они очутились, сплошь заросла кустарником, выющимися растениями и гигантскими цветами — миллионами цветов, насколько хватало глаз, поднимавшихся на своих стеблях на высоту от одного до трех метров; их ярко-оранжевые пестики были окружены восемнадцатью белыми лепестками идеальной формы.

С цветка на цветок, громко жужжа, перелетали огромные насекомые. Очень пушистые, они достигали в длину в среднем полуметра; их черные тела с

узкой талией украшали ярко-оранжевые и желтые полосы.

— Какие красивые! — сказала Вардия.

— Чертовски шумят, если вам интересно мое мнение, — заявил Скандер, раздраженный надоедливym гулом крыльев многочисленных насекомых.

— Эти букашки — форма разумной жизни? — поинтересовался Хаин.

Опора вплотную приблизился к огромному жуку, чтобы быть услышанным.

— Нет, — ответил он. — Насколько я понимаю, это некий вид симбиоза. Вот цветы, очевидно, да. Насекомые зарывают их семена в землю, и если все идет как надо, из семени развивается некое подобие черепной коробки с мозгом. Затем семя прорастает, и наконец формируется цветок.

— Тогда, пожалуй, я съем несколько этих жужжащих ублюдков, — алчно произнес Хаин.

— Нет! — резко ответил Опора. — Только не сейчас! Цветы роняют семена, значит, не воспроизводят себе подобных путем опыления. Пчелы зарывают семена, так как цветы снабжают их пищей. Видите, как одна из них садится на цветок и вонзает свой хоботок в оранжевую середину? Если цветы их кормят, то они должны что-то делать для цветов.

— Цветы не могут передвигаться, — сочувственно сказала Вардия. — Какой смысл иметь мозг, если ты не можешь видеть, слышать или двигаться? Что же это за доминантный вид?

«Чистейший комм-мир», — с раздражением подумал Скандер, но вслух сказал:

— Кажется, я понимаю, что делают насекомые. Если вы приглядитесь, то заметите, что насекомое перелетает от одного цветка к другому, а затем возвращается к первому. Оно может облететь дюжину

цветков, но в промежутках между полетами возвращается к одному и тому же.

Вардия увидела в траве маленький бугорок. Полная любопытства, она подошла к нему и осторожно смахнула сверху землю.

— Смотрите! — возбужденно крикнула она, и все бросились к ней. — Это — семя! Видите? И сбоку прикреплено что-то вроде яйца! Каждое насекомое, перед тем как зарыть семя, прикрепляет к нему свое яйцо! Оно так и растет прикрепленное! Видите, как на нем, под вот этой пленкой, прорастает семенноеместилище мозга?

Скандер чуть не выпал из седла, когда, приподнявшись над жестким панцирем Хаина, попытался рассмотреть то, что показывала Вардия; одного взгляда ему оказалось достаточно, чтобы понять механизм этого симбиоза.

— Конечно! — воскликнул ученый. — Поразительно!

— Что именно? — спросили все в один голос.

— То, как они общаются, разве вы не понимаете? Насекомое похоже на робота с мозгом, приспособленным для программирования. Цветок и пчела вырастают вместе — держу пари, что насекомое вылупляется из яйца полностью сформировавшимся и с заложенным в него летательным инстинктом в тот момент, когда цветок раскрывается. Все, что насекомое видит, слышит и осязает, оно сообщает цветку. Готов поспорить, что спустя некоторое время цветы уже могут отправлять насекомых с посланиями, общаясь друг с другом. И всякий раз, когда насекомое летит к другому цветку, хозяин передает с ним некую информацию, чтобы, в свою очередь, получить нечто новое. Эти насекомые живут вторичной жизнью, словно по программе.

— Звучит вполне логично, — прокомментировал Опора. — Хаин, я бы настоятельно рекомендовал вам питаться всем, чем угодно, только не этими цветами и насекомыми. Иначе нам придется сражаться с запрограммированной армией, состоящей из миллионов этих созданий.

— Ладно, — ворчливо откликнулся Хаин. — Но если мне нечего будет есть, я pošлю ваше предостережение ко всем чертям.

В этот момент одно из насекомых подлетело к выставленному напоказ семени и яйцу и начало осторожно, но быстро закапывать их обратно в землю. Покончив с этим, оно подлетело к растущему неподалеку цветку и погрузило голову в белые лепестки. Все внимательно наблюдали за ним — частично чтобы изучить его поведение, частично из любопытства. Через несколько минут насекомое выбралось из цветка и подлетело к ним. Угрожающе паря в воздухе, оно бросалось то к одному, то к другому. Все стояли неподвижно, но антенны Хаина передавали: «Если эта тварь сделает неверное движение, я съем его, несмотря ни на что».

Наконец насекомое направилось к Вардии. Облетев вокруг нее, оно неожиданно спикировало ей на голову и вонзило свой острый, как у москита, хоботок точно под лиственный нарост.

— Я его схвачу, — прошипел Хаин.

— Нет! — отчаянно закричал Скандер. — Эту штуку можно оставить в ней. Подождем минуту и узнаем, что происходит.

Болевые центры у Вардии отсутствовали, но ее чувствительные нервы ощутили, как хоботок насекомого вошел в нее и стал проникать все глубже и глубже, пока не коснулся нервного пучка, передающего импульсы от мозга к мозгу.

В глазах у нее потемнело, и чужой голос, очень похожий на ее собственные мысли, только более сильный, спросил:

«Кто ты и что вы здесь делаете?»

Вардия не могла думать ни о чем, кроме ответа. Чужая мысль буквально гипнотизировала ее. Это было скорее требование, чем вопрос.

«Мы просто идем через ваш гекус на пути к экватору», — мысленно ответила она.

В следующее мгновение хоботок убрался, и снова стало светло. Полностью придя в себя, девушка увидела, что насекомое уже улетело.

— Вар... Чон! — поправил себя Скандер. — Что произошло?

— Оно... оно говорило со мной. Оно спросило, зачем мы сюда явились, и я ответила, что мы всего лишь идем через их гекус, направляясь к экватору. Ну, приятель, это — сильная штука! У меня было такое чувство, что я обязана отвечать и делать все, что оно прикажет.

Опора подплыл к ней поближе, чтобы обследовать ее голову с помощью какого-то чувствительного устройства, и Вардия ощутила странное покалывание во всем теле. Однако северянин явно не висел в воздухе — что-то его поддерживало.

— Никаких признаков повреждения, — уверенно заявил он. — Поразительно. Стойте спокойно, и если это случится еще раз, заверьте их, что мы не причиним им никакого вреда и пройдем через их гекус как можно скорее. Сообщите им, что мы направляемся к побережью и будем вести себя осторожно.

— Вряд ли я смогу сообщить им то, о чем они не спрашивают, — робко возразила Вардия. — Ой, оно возвращается!

На этот раз насекомое не нуждалось в зондировании, оно сразу нащупало окончания соответствующих нервов. Последовала команда: «Считывание данных!», и Вардия внезапно почувствовала себя так, словно всю ее сущность высасывают через соломинку. Этот процесс занял несколько минут.

— Смотрите! — крикнул Скандер. — Боже мой! Она вкореняется! Что эта тварь с ней сделала?

Тем временем насекомое улетело обратно в цветочное море.

— Нам остается только ждать, — сказал Опора. — Мы не знаем здешних правил. Похоже, эти насекомые господствуют по меньшей мере над растениями. Успокойтесь и предоставьте событиям идти своим чередом.

Хаин и Опора направились к тому месту, где стояла Вардия. Хаин ткнул ее в спину, но реакции не последовало; ее взгляд оставался бессмысленным.

— Мы что, собираемся разбивать здесь лагерь? — нагло спросил Хаин. — Пусть она торчит здесь сколько угодно. Обойдемся без нее!

— Терпение, Хаин, — остановил его Опора. — Мы не можем продолжить путь, пока этот спектакль не закончится, даже если он будет длиться многие часы. Нам предстоит долгая прогулка по этому гексу, и мы все хотим остаться в живых.

Вардия ничего не видела и не слышала, будто ее подвесили в преддверии ада. На сон это не походило: она знала, что существует, но не знала — где.

Неожиданно она почувствовала чье-то присутствие, и та мощная мысль, которая подавила ее, когда насекомое впервые вонзило в нее свой хоботок, окружила девушку со всех сторон.

В ее мозгу словно что-то взорвалось; она отчаянно пыталась сохранить контроль над собственной личностью, чувствуя, как та разрушается, смешиваясь с чьим-то более крупным и могущественным комплексом мыслей, воспоминаний, картин, идей.

«Почему ты сопротивляешься? — спросил голос, который был чистой мыслью. — Покорись. Именно этого ты всегда хотела. Совершеннейшая гармония в единообразии. Покорись!»

Логика была неопровержима. Вардия покорилась.

— Оно возвращается! — завопил Скандер. Проследив за полетом насекомого, все увидели, что оно опять погрузило свой острый тонкий хоботок в голову Вардии. В таком положении насекомое оставалось очень долго — в три-четыре раза дольше, чем раньше. Наконец оно с громким жужжанием поднялось в воздух и улетело к родному цветку. В тело Вардии начала возвращаться жизнь. Она огляделась вокруг, втянула в себя корни и повертела шупальцами.

— Чон! С вами все в порядке? — спросил встревоженный Скандер.

— С нами все хорошо, доктор Скандер, — ответила Вардия странно изменившимся голосом. — Теперь мы можем без проблем двигаться дальше.

Мигающие огоньки Провидца пришли в крайнее возбуждение. Опора заявил:

— Провидец утверждает, что вы — не то существо, которое входило в состав нашей группы. Кто вы или что вы? Уравнение изменилось.

— Мы — Чон. Мы — все, что когда-либо было Чон. Прежняя Чон исчезла. Теперь она не одна, а все. Вскоре, как и полагается, все станет Чон и Чон станет всем.

— Ты — этот проклятый цветок! — обвиняющим тоном заявил Хаин. — Ты каким-то образом обменялась разумом с чиллианином.

— Никакого обмена, — сказала она. — И мы — не этот проклятый цветок, как вы говорите, а все цветы. Регистраторы, как вы догадались, переносят сообщения, но этот процесс обычно начинается с момента появления ростка, иначе как бы мы могли получать информацию, развивать интеллект? Новый цветок — это пустота, чистый лист бумаги. Мы сливаемся.

— И вы слились с чиллианином? — скорее отметил, чем спросил Опора. — Вы обладаете его памятью, не считая всего того, чем владеете сами?

— Верно, — подтвердило существо. — И поскольку теперь все знания и опыт чиллианина сосредоточены в нас, мы знаем о вашей миссии, ее причинах и цели, и теперь мы — часть всего этого. Ни у вас, ни у нас нет выбора, так как мы не можем расстаться с вами.

Скандер вздрогнул. «Сбылась заветная мечта Вардии, — подумал он. — У нас же возникли проблемы».

— А если мы откажемся? — бросил он быстрый взгляд на новую Вардию. — Одно движение Хаина, и вас не станет.

Существо, находящееся в теле Вардии, смело подошло к Хаину и уставилось в огромные глаза гигантского насекомого.

— Вы хотите съесть меня, Хаин? — тихо спросило оно.

Хаин начал высовывать липкий язык, но что-то его остановило. Ему вдруг вообще расхотелось есть чиллианина. Он понял, что перед ним чудесное создание, всем сердцем готовое служить барону Азкфру. Это был лучший друг, которого Хаин когда-либо имел, самый преданный.

— Я... я не понимаю, — сказал он растерянно. — Почему я должен его есть? Это мой друг, мой союзник. Я не хочу причинять вред ни ему, ни этим прекрасным цветам и насекомым.

— Это же мощное психологическое воздействие! — закричал Скандер и в панике попытался выбраться из седла. Хаин неожиданно потянулся и шлепнулся на спину, раскинув ноги.

Освободившись от своей сбруи, Скандер огляделся в поисках места, куда бы он мог отползти. Его ненавидящие глаза встретились с желтыми плошками чиллианина, и внезапно вся его паника улетучилась.

Вардия подошла к русалке так близко, что они могли бы коснуться друг друга. Щупальца чиллианина погладили умиау по голове, русалка улыбнулась и расслабилась, почувствовав себя полностью удовлетворенной.

— Я тебя люблю! — со страстью в голосе произнес Скандер. — Я сделаю для тебя все.

— Конечно, сделаешь, — мягко ответил слелкронианин. — Мы вместе отправимся к Колодцу, не так ли, любимая? И ты все мне покажешь?

Умиау кивнула в экстазе.

Слелкронианин повернулся к Провидцу и Опоре, которые бесстрастно наблюдали за этой сценой.

— Что ты намерен делать? — спросил Опора настолько саркастически, насколько для него это было возможно. — Посмотреть мне в глаза?

Слелкронианин заколебался, почувствовав некоторую неуверенность. Он нацелил свой разум в сторону северянина, но не обнаружил ничего, за что можно было бы зацепиться и вступить в контакт.

— Если мы не можем вас контролировать, то вы нам по меньшей мере безразличны, — спокойно произнес слелкронианин голосом Вардии.

Провидец и Опора не шелохнулись.

— Я говорил, что уравнение изменилось. Но не сказал, каким образом, — заметил Опора. — Похоже, Провидец всегда прав. До этого момента я понятия не имел, как нам удастся держать под контролем Скандера, когда мы окажемся у Колодца, и почему присутствие в группе чиллианина склонит чашу весов в нашу сторону. Теперь все ясно.

Опора сделал короткую паузу. Затем продолжал:

— Мы возглавляли этот проект с самого начала. Мы разумно использовали обстоятельства и паразитное искусство Провидца создавать выгодную для нас ситуацию. Мы руководили. Теперь мы руководим без всякой опаски.

— Настолько ли вы могущественны, чтобы командовать нами? — с издевкой спросила новая Вардия. — В настоящий момент мы собираем самых больших регистраторов, чтобы уничтожить вас. Вы больше не нужны.

— У меня нет никакого могущества, кроме речи и способности передвигаться, — ответил Опора, заметив, что вдалеке, над полями цветов, появились, оглушительно жужжа, восемь гигантских насекомых. — Но вот Провидец кое-что может, — добавил он, и как бы в подтверждение его слов огоньки Провидца начали разгораться все ярче. Внезапно из них вырвались молнии, ударившие по регистраторам со скоростью света.

Очертания насекомых вспыхнули, и, по мере того как каждое из них исчезало, словно сорванное мощным порывом ветра, вдали слышался слабый раскат грома.

— Гм... — вяло произнес Опора, — это что-то новенькое. Провидец обожает сюрпризы. Ну что, пойдем? Мне начинает надоедать ваша прелестная страна.

Слелкронианин в теле Вардии был потрясен и раздавлен. Казалось, из него что-то выкачали, и уверенный нахальный блеск в его глазах сменился уважением, смешанным со страхом.

— Мы... мы не знали, что вы обладаете подобным могуществом, — чуть не задохнулся он.

— Это, в сущности, пустяки, — ответил Опора. — Ну как? Не передумали еще присоединяться к нам? Надеюсь, что нет — в вашем присутствии Провидцу будет намного легче склонить доктора Скандера к сотрудничеству.

Ошеломленный слелкронианин, трясясь, повернулся к Скандеру:

— Надевайте свою сбрую. Мы должны идти.

— Хорошо, дорогая, — отозвался счастливый Скандер и послушно сделал то, что ему велели.

— Ведите нас, северянин, — пролепетал слелкронианин.

— Как всегда, — небрежно бросил Опора. — Кстати, вам что-нибудь известно относительно Эк'ла?

НА ПОБЕРЕЖЬЕ В ИВРОМЕ — УТРО

— **П**о-моему, лес выглядит довольно мирно, — сказала Вардия, когда они выгрузились на пляж.

— Напоминает долину в Диллии, особенно ее верхнюю часть, — добавила Вучжу, пока к ней привязывали ремнями седельные вьюки.

— Однако никому здесь не нравится, — напомнил Бразил. — Этот гекс не имеет посольства в Зоне, и все экспедиции, отправившиеся сюда, исчезали подобно Ушану. Нам предстоит пройти по Иврому более сотни километров, и потому, я считаю, следует, насколько это возможно, придерживаться берега.

— А как же Ушан? — встревожилась Вучжу. — Мы же не можем бросить его после всего, что сделал он для нас.

— Только не думайте, что я это делаю с легким сердцем, — мрачно сказал Бразил, — но Ивром — большой гекс. Ушан летает с приличной скоростью, и сейчас он может оказаться где угодно. Кроме того, как бы мне ни хотелось помочь ему, я просто не имею права рисковать остальными членами группы.

— А мне все равно это совершенно не нравится, — твердо заявила Вучжу. Но этот эмоциональный

всплеск капитан оставил без внимания. — Мы выжили в Мурителе, Натан, — напомнила она. — Неужели здесь может оказаться хуже?

— Намного, — сурово ответил он. — В Мурителе мы знали, кто был нашим врагом и какие могут возникнуть проблемы. Об Ивроме нам ничего не известно, и что нас ждет впереди — непонятно. Поэтому придется предоставить Ушана его судьбе. Или он, или мы.

На том и порешили.

После исчезновения Ушана Бразил все больше и больше страдал из-за отсутствия рук. Хотя Ивром был нетехнологическим гексом, кое-какие вещи — хорошие и в каком-то смысле отвратительные — оказались необходимыми. Пришлось подключить к этому делу Вучжу и Вардию. Кентаврихе были вручены два автоматических пистолета, дополнительные обоймы для них закрепили на портупях, надетых на нее крест-накрест. Вардия получила пистолеты совершенно другой конструкции. Вмонтированные в них пластиковые баллончики содержали горючий газ. Стоило посильнее нажать на спусковой крючок, как удар по кремню поджигал газ, и из дула пистолета вылетала огненная струя. Такой миниатюрный огнемет действовал на расстоянии около десяти метров и, чтобы быть достаточно эффективным, не нуждался в точности прицеливания. Вардия, естественно, никогда не стреляла из пистолета и мало чему научилась, чуть-чуть попрактиковавшись во время плавления на плоту. Но это было грозное оружие, пусть даже психологическое, к тому же оно производило много шума.

— Будем держаться берега, — напомнил Бразил. — Если повезет, мы проделаем весь путь через этот гекс, не забираясь в лес.

Они от всей души поблагодарили умиау, и русалки уплыли назад.

— Ну что ж, тронулись, — произнес Бразил, и в голосе его чувствовалось большое напряжение.

Песок и обилие плавника замедляли их продвижение, но в целом путешествие протекало довольно успешно.

Перед заходом солнца Бразил объявил, что они проделали более половины пути. Поскольку с наступлением темноты у него возникли проблемы со зрением, а Вардии хотелось вкорениться, они устроили привал, надеясь, что это будет их единственная ночь в таинственном гексе.

Песок не очень-то подходил Вардии, но она сумела найти твердую и ровную площадку у опушки леса. Бразил и Вучжу устроились неподалеку, слушая, как прибой обрушивается на подводные скалы и как затем вода с шипением набегают на берег и откатывается назад.

Вучжу было тревожно, и заснуть она не могла.

— Натан, — спросила девушка, — если это нетехнологический гекс, почему продолжает звучать ваш голос? Ведь в его основе — радио?

Такая мысль еще не приходила Бразилу в голову, и он задумался.

— Не знаю, — произнес он осторожно. — На всех картах этот гекс отмечен как нетехнологический, и общая логика планировки гексов говорит то же самое. Мое устройство не работало бы, если бы оно не было побочным продуктом автоматического переводчика. Те работают везде.

— Переводчик! — резко сказала Вучжу. — При этом слове у меня словно комок в горле. Откуда они поступают, Натан?

— С Севера, — ответил он. — Из кристаллического гекса, где их выращивают так же, как мы выращиваем цветы. Это — медленная работа, и они вывозят их очень мало.

— Но как он работает? — настойчиво продолжала она свои расспросы. — Это — не машина.

— Да, в нашем понимании это — не машина, — согласился Бразил. — И думаю, никто не знает, как он работает. Единственное разумное предположение состоит в том, что его действие объясняется связью с марковианским мозгом планеты.

Девушка чуть вздрогнула, и Бразил теснее прижался к ней, решив, что она замерзла.

— Дать что-нибудь теплое? — спросил он.

Вучжу отрицательно покачала головой.

— Нет, я думала о мозге. Меня пугает его могущество, возможность создавать и навязывать гексам свои правила, возможность изготовлять переводчики, превращать людей во что-то иное. Мне не нравится даже мысль о расе, которая могла такое создать! Она пугает меня.

Бразил медленно погладил ее по спине головой.

— Не тревожьтесь, — сказал он мягко. — Эта раса давно исчезла.

Но она не смогла отвлечься от волнующей ее темы.

— Вот что меня интересует, — сказала девушка холодно, — а что, если они все время были рядом и насмехались над нами? Вдруг они настолько могущественны и настолько выше нас, что мы даже не можем себе это представить. — Она отодвинулась и повернула к нему лицо. — Натан, что, если мы для них только игрушки?

Бразил посмотрел ей прямо в глаза.

— Мы — нет, — мягко ответил он. — Марковиане давным-давно исчезли. После себя они оставили

на каждой планете мозг, подобный тому, который управляет Миром Колодца; это просто гигантский компьютер, имеющий программу и автоматически самовосстанавливающийся. Порождение его духа — люди. Разве вы этого еще не поняли?

— Нет! — решительно сказала она. — И что вы имеете в виду, говоря, что люди — порождение духа марковиан?

— «До полуночи у Колодца Душ», — процитировал Бразил. — Эта фраза — общая для тысячи пяти-сот шестидесяти гексов. Подумайте об этом! Очень многие из нас, естественно, находятся в родстве, и многие здешние народы представляют собой отклонения от животных видов, населяющих другие гексы. Я решил эту часть загадки, когда вышел из Ворот таким же, каким вошел туда, и оказался в гексе, который считается «человеческим». В соседнем гексе обитают бобры с полутораметровыми хвостами — разумные, цивилизованные, в высшей степени интеллектуально развитые, но по сути своей такие же обычные маленькие бобры, каких можно встретить в Диллии. Живая природа в гексах, близких по типу к мирам, в которых расселилась наша древняя раса, по большей части родственна той, что окружала или окружает нас дома. Подобные родственные отношения распространяются на все. Эти гексы, — продолжал Бразил, — представляют собой прообраз наших родных миров, Вучжу. Здесь марковиане устроили испытательный полигон. Здесь их специалисты создали биосферы, чтобы проверить правильность своих математических построений для миров, которые собирались основать. Здесь они спроектировали экологическую систему нашей галактики, а может быть, и вообще всех галактик.

Девушка снова вздрогнула.

— Так, значит, марковиане создали все эти народы, чтобы узнать, будут ли работать спроектированные ими системы? Что-то вроде учебного класса для богов? И если все шло более или менее благополучно, то они создавали планету, где все было точно таким же, как здесь?

— Частично верно, — ответил Бразил. — Но эти марковиане не были материальным порождением энергии Вселенной. Иначе они действительно превратились бы в богов. Но мир построен совсем для другого. Они были усталой расой. Что вам остается делать, если вы все можете, все знаете и все контролируете? Некоторое время вы наслаждаетесь, ощущая себя сверхрасой, но в конце концов приходит усталость. Наступает скука, и вы перестаете проявлять какую-либо активность, так как идти вам больше некуда, нечего открывать и не к чему стремиться.

Накатывающиеся на берег волны словно сопровождали его рассказу. Немного помолчав, Бразил продолжал тем же мечтательным голосом:

— И вот они поручили своим мастерам создать гексы Мира Колодца. Гекс, прошедший испытания, принимался, и во Вселенной появлялась новая планета, созданная в соответствии с точными математическими расчетами. Некоторые мастера оказались особенно талантливыми, и остальные нередко использовали их идеи — вот почему возникло так много мелких совпадений. Когда все гексы прошли проверку, в Колодец через Ворота явились марковиане, причем не по принуждению, а добровольно. Они застраивали свои гексы, боролись друг с другом и делали то, на что никто другой бы не согласился: они погибали в этой борьбе.

— А затем марковиане заселили созданные ими планеты? — тяжело дыша, спросила Вучжу. — Они отказались от роли богов, чтобы испытывать боль, бороться и умирать?

— Нет, — ответил Бразил. — Они обосновались в Море Колодца. Когда весь проект был завершен, они разрушили сделанное и начали все сначала. То, что мы видим сегодня, — это самые юные миры, самые молодые расы, последние. Марковиане здесь сражались и здесь погибали. Они победили не только материю, но и время как математическую категорию. Через много поколений гексы стали независимыми сообществами. Изменяясь, марковиане оставляли после себя детей, которые давали чистокровное потомство. Это их потомки, марковианское семя, прибывали через локальные Ворота в то место, которое мы теперь называем Зоной. В шестой день шестого месяца каждого шестого года они приходили в тот огромный Колодец, к которому теперь направляемся и мы, и, откуда бы они ни появлялись, Колодец принимал их одним махом точно в полночь. Он принимал их, сортировал и переправлял в дочерние миры их рас.

— Но ведь эти миры уже были заселены, — возразила она. — Это — эволюция...

— Они не появлялись там во плоти, — перебил ее Бразил. — Переносилась их субстанция, то, что мурни называют «сущностью». В надлежащее время они надевали на себя оболочку, соответствовавшую программе Колодца. Вот почему все расы называют его Колодцем Душ.

— Значит, мы — дети марковниан, — прошептала Вучжу. — Они были семенем, из которого выросла наша раса.

— Именно так, — подтвердил он. — Они проделали это в качестве эксперимента. Но не для того, чтобы погубить свою расу, а чтобы спасти ее. Вот как появилась легенда, согласно которой Старая Земля была создана за семь дней. Это вполне возможно: марковиане управляли временем, и, рассчитывая этот мир математически, формируя его и развивая в соответствии с законами природы, они сумели сделать так, чтобы миллионы лет пролетели очень быстро и люди незаметно подошли к тому моменту, когда в качестве господствующей, то есть мыслящей формы жизни смогли начать самостоятельное развитие.

— А здешние народы? Они что, все — Пришельцы и потомки Пришельцев? — спросила она.

— Вовсе не обязательно, — ответил он. — Да, Пришельцы существуют. Но, как вы понимаете, марковиане обитали в своей собственной Вселенной. Населенные некогда ими планеты все еще окружают нас: На некоторых из них уцелел мозг; подобных планет много, коли нам было суждено натолкнуться на одну из них в нашем крошечном уголке космоса. Каждый мозг представлял собой квазиорганическое образование и являлся неотъемлемой частью планеты, которую обслуживал; его почти невозможно было выключить. Последние марковиане не сумели этого сделать, так что доступ к мозгу на ряде планет открыт. Когда настанет время, он закроется, как это происходит со всем, что остается без присмотра.

— Тогда, по-видимому, все еще открыты миллионы Ворот, — предположила девушка. — Люди будут продолжать в них падать.

— Нет, — ответил Бразил. — Ворота открываются лишь тогда, когда кто-нибудь захочет, чтобы они

открылись. Для этого не нужен мистический ключ, хотя тот мальчик с Далгонии, Варнетт, собирался обнаружить его с помощью математических закономерностей. В то же время это не происходит случайно. Варнетт был исключением. Ключ кроется в математике, но никто не должен знать ключ, который открывает Ворота.

— Что же это тогда за ключ? — спросила она, окончательно запутавшись.

— Через Колодец прошли тысячи астронавтов из всех секторов галактики. Многих я встречал. Так вот, все они получали на аварийной частоте сигналы бедствия, которые буквально заманивали их в Ворота, и у всех этих астронавтов было нечто общее.

— Что именно? — спросила Вучжу, увлеченная рассказом.

— Все они хотели или уже приняли решение умереть, — ответил он, и в его голосе не было и следа волнения. — Или, вернее, у них пропало желание жить. Они искали фантастические миры, надеясь, что это решит их проблемы. Прямо как марковиане.

Некоторое время они молчали. И вдруг девушка спросила:

— Откуда вы все это знаете, Натан? Здешние обитатели, дети марковиан, не пожелавшие покинуть этот мир, не знают.

— Вы это поняли, не так ли? — ответил он с восхищением. — Да, когда последний марковианин был изменен, они запечатали Колодец. У тех, кто не захотел уйти, остались лишь воспоминания, а может быть, даже сожаление о том, что произошло, поскольку они сохранили в памяти фразу «до полуночи у Колодца Душ» как символ вечности. Откуда я все это знаю? Я — выдающийся человек, вот откуда. И

Скандер такой же, и поэтому мы направляемся туда же, куда и он.

Вучжу приняла это объяснение, не заметив, что Бразил уклонился от ответа.

— Но к чему беспокоиться, если все запечатано? — спросила она. — Ведь Скандер не может причинить никакого вреда, разве не так?

— Глубоко под нами находится гигантский механизм. Марковианский мозг настолько могуществен, что создал и поддерживает в нормальном состоянии многие миры, в том числе и этот; мозг хранит уравнения, на которых покоится вся искусственно созданная материя и изменение которых может привести к уничтожению структуры времени, пространства и материи. Скандер хочет изменить эти уравнения. На карту поставлены не только наши жизни, но существование Вселенной.

Она долго смотрела на него, затем повернулась и взглянула на лес, о котором совсем забыла.

— Натан, посмотрите! — неожиданно сказала она. — Летающие огоньки появились снова! И я что-то слышу!

Бразил обернулся. В лесу между деревьев летали какие-то светящиеся насекомые. Он понял, что их свечение было постоянным: мерцание, которое они наблюдали с берега, было иллюзией, вызванной тем, что насекомые во время полета то и дело скрывались за густой листвой. В темноте глаза антилопы не могли разглядеть подробности, но плывущие, скользящие огни были хорошо видны.

— Прислушайтесь! — прошептала Вучжу. — Слышите?

Несмотря на шум прибоя, чувствительные уши Бразила различили звуки, доносящиеся из леса.

Это была музыка — тревожная, странная, даже жуткая, музыка, которая, казалось, пронизывала все тело.

— Она такая странная! — тихо сказала Вучжу. — И такая красивая!

«Волшебное царство, — понял вдруг Бразил. — Конечно же, это — царство фей!» — Он выругал себя за то, что не подумал об этом раньше. Подобные мерзкие создания жили когда-то на Старой Земле, и там были чертовски рады от них избавиться. Капитан с беспокойством взглянул на Вучжу. На лице у нее застыла мечтательная улыбка, а торс раскачивался в такт музыке.

— Вучжу! — сказал он резко. — Прекратите это!

Девушка оттолкнула его и направилась к лесу. Он попытался схватить ее руку зубами, но это ему не удалось.

— Вучжу! — закричал он в отчаянии. — Не ходите туда! Не бросайте нас!

Внезапно с неба на него обрушился черный призрак. Бразил увернулся и бросился бежать, проклиная плохое зрение, мешающее ему маневрировать.

Сверху послышался маниакальный хохот, и бешеная тварь упала на него снова, на этот раз задев его по спине.

«Они гонят меня в лес!» — понял Бразил. Всякий раз, когда он пытался изменить направление, эта тварь, хохочущая и лепечущая что-то непонятное, обрушивалась на него, преграждая дорогу.

— Кузен Ушан! Не делайте этого! Я — Натан Бразил! — крикнул он призраку, понимая, что его усилия тщетны, так как летучая мышь околдована феями.

Теперь Бразил находился в гуще леса, где Ушан уже не мог летать.

Оглядевшись кругом, он едва различил крупную фигуру, бредущую метрах в восьми впереди него.

«Бесполезно, — понял капитан. — Ее увлекла музыка, а меня загнал сюда Ушан. Если я не пойду с ним, они пришлют за мной кого-нибудь еще».

Бразил с трудом различал предметы, хотя чем глубже он забирался в лес, тем ярче становился свет, испускавшийся летающими насекомыми.

Минут через двадцать он вышел на поляну.

«Кольцо поганок», — пронеслось у него в мозгу.

Под деревом, выделявшимся своими огромными размерами, гигантские коричневые поганки образовали широкий круг. Музыка доносилась оттуда. Ее источником были тысячи светящихся насекомых, кишавших в центре круга.

Вучжу уже танцевала на поляне, раскачиваясь под жуткую музыку, то же самое делало множество других созданий самых различных форм и размеров.

За всем этим молча наблюдало сидящее в дупле огромного дерева ярко светящееся насекомое. Две длинные, сложенные вместе задние ноги оно вытянуло перед собой, словно отдыхая, а двумя передними, еще более длинными, с острыми зубчиками, помахивало в такт музыке, будто дирижируя оркестром. Оно сидело, прислонившись к дереву и выставив напоказ свою нижнюю светящуюся часть. Его голова, покоящаяся на телескопической шее, была опущена на грудь, но Бразил разглядел вполне человеческое лицо с крошечными неряшливыми усиками, над которыми возвышался абсолютно круглый нос, и глаза, смотревшие на все это с застарелой злобой.

Внезапно над поляной появилась какая-то тень, и на землю опустился кузен Ушан; поклонившись сидящему в дупле насекомому, он присоединился к танцующим. Станный взгляд жука-предводителя

обежал весь круг и остановился на Бразиле, чья фигура была почти полностью скрыта деревьями.

Неожиданно передние ноги этой странной твари широко раздвинулись, образовав что-то вроде знака V, и музыка смолкла; все застыли в неподвижности; даже жуков словно заморозило в полете.

Главный жук, который, как понял Бразил, был царицей роя, разговаривал с кузеном Ушаном, и капитана позабавило, что в автоматическом переводчике его голос звучит как голос крошечной древней старушки.

«Так рождаются легенды о ведьмах!» — подумал он с сарказмом.

— Я велела тебе доставить всех троих! — выговаривала Ушану царица роя. — А здесь только двое!

Ушан поклонился:

— Тот, кто остался, — растение, ваше высочество. Оно вкоренилось на ночь и будет спать, пока утром его не разбудит солнце.

— Это никуда не годится! — раздраженно заявила царица роя. — Мы хотим разделаться с этой проблемой. Подожди!

Она повернулась к Бразилу, и тот почувствовал на себе ее пронизывающий взгляд.

— Олень! Войди в круг! — приказала царица, и Бразил против своей воли медленно, спотыкаясь, направился к кругу. Пересекая кольцо, образованное поганками, он чувствовал, что психическая энергия, давящая на него, становится почти переносимой.

— Пусть кольцо станет для вас границей до моего возвращения или до утра, до полуночи у Колодца Душ, — произнесла царица роя нараспев, затем перевернулась на брюхо и встала на четыре ноги. У нее оказались длинные крылья, и Бразилу почудилось,

что ее спина светится, подобно нижней части, хотя он знал, что это только отражение.

— Ты покажешь мне дорогу, — сказала она летучей мыши, и Ушан немедленно направился к берегу; царица роя последовала за ним, издавая звенящий звук, похожий на ноту жуткой симфонии фей.

Бразил хотел пересечь круг поганок, но обнаружил, что не может этого сделать. Он попытался поддеть одну из них ногой, но оказалось, что это камень, и его копыто с треском отскочило.

Он взглянул на тех, кто находился в кругу. Все они, в том числе Вучжу, застыли, словно статуи, но капитан видел, что они дышат. Отовсюду доносилось монотонное, но приятное жужжание фей.

Бразил вспомнил стычки на Старой Земле. Поскольку у фей была своя собственная пресса, защищавшая их интересы, фольклор и суеверия создали им превосходную репутацию. Он никогда не узнал, каким образом эти существа сумели попасть на Старую Землю, хотя представителям многих других рас это удавалось — одни прибывали в качестве добровольцев, желавших обучать людей, другие селились там потому, что их родные миры прекращали свое существование до того, как сами они достигали зрелости, и Старая Земля предоставляла им кров и приемлемую биосферу.

Его удивляло, почему простые крестьяне, рассказывавшие такие чудесные истории о феях, продолжали любить их, несмотря на то что этот народец находился в близком родстве с ведьмами и многими злыми духами. Созданные некогда марковнианским разумом, они были почти неуязвимы и жили по своим собственным законам, следуя которым выжили или погибли.

Действовали феи очень успешно. Они использовали коллективную психическую силу роя, руководимого и направляемого царицей, и стремились распространить свою власть как можно шире. Они сумели внедриться в тринадцать гексов Юга, где математика не запрещала им проявлять свое чудовищное могущество, когда марковиане спохватились и решили ограничить жизнедеятельность фей их собственным гексом. В Ивроме эти твари были в родной стихии и повелевали всем.

«Сколько тысяч, а может быть, сотен тысяч роев в этом гексе? — подумал Бразил. — Однажды мне удалось победить фей, но тогда они находились на чужой территории. Сумею ли я сделать это здесь?»

Прошло около часа. Бразил, единственное существо, способное двигаться в пределах кольца, заволновался. Если до утра эти ночные создания не добьются успеха с Вардией, то они, в том числе и царица роя, вынуждены будут вернуться в свои убежища на деревьях. «А до рассвета еще далеко», — подумал он.

Но тут ему в голову пришла замечательная идея, и он начал осторожно чертить по окружности кольца пентаграмму. Со стороны это выглядело так, будто ничего особенного не происходит, но его копыто быстро проводило черту за чертой на травянистой поляне. Бразил знал, что это — рискованное предприятие, но оно могло задержать царицу роя до наступления утра.

Работа была проделана уже наполовину, когда затрещали кусты и из леса появилась Вардия; на ее макушке удобно устроилась царица роя. В небе мелькнула тень, и в круге приземлился кузен Ушан. «Опоздал! — подумал Бразил и остановился. — Но я должен развеять чары!»

Как только Вардия пересекла кольцо поганок, царица роя возвратилась на свое место под деревом и приняла ту же неестественную позу.

Несколько минут она сидела задумавшись, затем бросила быстрый взгляд на поляну.

— Пусть те, кто находится в круге, станут свободными, — небрежно произнесла она своим старушечьим голосом.

Ушан несколько секунд пошатывался, но затем пришел в себя и с удивлением огляделся вокруг. Увидев остальных, он был поражен.

— Бразил! Вардия! Вучжу! Как вы здесь очутились? Вучжу бросилась к Бразилу.

— Натан! — сказала она испуганно. — Что происходит?

Вардия прошептала:

— Что за странный сон!

Заметив царицу роя, Ушан направился прямо к ней, но у границы кольца обнаружил, что ноги его не слушаются. Он взмахнул крыльями, пытаясь взлететь, но не смог оторваться от земли.

— Что это значит, черт возьми? — удивленно спросил он. — Я летел вдоль береговой полосы и слышал странную музыку, а теперь просыпаюсь здесь!

— Эти создания, кажется... — начала Вучжу, но ее перебила царица роя.

— Стоять молча! — приказала она, и диллианка умолкла на полуслове.

— Я чувствую, как приближается буря, — сказала царица скорее самой себе, чем кому-нибудь другому. — Она закончится только утром. Поэтому самое простое будет наилучшим.

Она обвела поляну ненавидящими глазами, и Бразил почувствовал, как усиливается давление на его разум.

— Что мы делаем с теми, кто вмешивается в чужие дела? — спросила она рой.

— Наказываем, — откликнулся нестройный хор голосов.

— Наказываем, — эхом отозвалась царица и, несмотря на взлетев, приземлилась в центре круга поганок. — А как мы сможем их наказать, если у нас так мало времени?

— Переделаем, переделаем, — зажужжал рой.

Царица посмотрела на Вучжу, которая под этим взглядом съежилась и прильнула к Бразилу.

— Ты его хочешь? — язвительно спросила царица. — Ты его получишь!

Ее глаза жгли словно раскаленный уголь, а гудение роя стало почти непереносимым.

Внезапно на месте Вучжу появилась самка антилопы, немного мельче и ухоженнее, чем Бразил. Самка поглядела на окружающие ее огни, смутилась, а затем наклонила голову и стала щипать траву, не обращая никакого внимания на происходящее.

Царица повернулась к Вардии.

— Жалкое растение, ты хочешь превратиться в животное? Ну так стань им!

Жужжание снова усилилось, и на месте Вардии возникла еще одна самка антилопы — точная копия Вучжу.

— Местным материалом проще воспользоваться, — пробурчала царица себе под нос. — Я должна спешить. — И перевела взгляд на кузена Ушана.

— Ты — один из них и стань, как они! — приказала она, и Ушан тоже превратился в антилопу, во всем похожую на Вучжу и Вардию.

Царица повернулась к Бразилу.

— Антилопам не следует думать, — сказала она. — Это противоестественно. Вот твой гарем,

самец. Господствуй над ними, управляй ими, но будь таким, каков ты есть, а не таким, каким хочешь быть!

Гудение роя опять усилилось, и голова Бразила стала пустой и бездумной.

— И наконец, — объявила царица роя, — чтобы чары, наложенные в такой спешке, не развеялись, я завещаю этим четверым испытывать страх и ужас перед всеми существами, кроме представителей их собственного вида, и перед всеми вещами, которые беспокоят животных. Они свободны от круга.

Бразил тут же бросился в темноту, антилопы последовали за ним.

Раздался громовой раскат, сверкнула молния.

— Круг разбит, — пропела царица роя.

— Уходим в убежище, — отозвался рой, рассеиваясь. Остальные твари, стоящие на поляне, ожили; они либо бессмысленно болтали, либо вопили, между тем как царица взмыла в воздух и быстро полетела обратно к дереву, в свое укрытие.

— Небрежная работа, — пробормотала она. — Ненавижу спешку.

Полил дождь.

Работа и в самом деле была небрежной, но Бразилу потребовались целый день и ночь, чтобы снять заклятие. Ошибка объяснялась просто: царица роя не знала, что он умеет говорить, ей это даже в голову не приходило. Радиоустройство в его переводчике продолжало действовать, хотя от него было мало толку во время грозы и в течение всего следующего дня, когда ведущие ночной образ жизни феи спали.

С наступлением ночи эти твари появились из своих убежищ и стали общаться между собой. Раз-

говоров были мириады. В них фигурировали поступки и идеи, абсолютно чуждые Бразилу, но слова и фразы через прие́мопередатчик, вмонтированный в рога, стучались в его разум, стимулировали его, позволяли что-то ухватить. К капитану медленно возвращалось самосознание, в его мозгу формировались идеи, пробиваясь через возведенный чарами барьер.

Внутренний огонь, всегда спасавший его «я» от гибели, не мог позволить ему совершить ошибку или бросить дело на полпути. Идеи и понятия бились у него в мозгу, рисуя словесные картины и создавая конструкции, прорывавшиеся в сознание.

И вдруг все кончилось. Вернулись воспоминания, а вместе с ними возвратился и разум. Эта борьба невероятно измучила Бразила, но он понимал, что потратил немало драгоценного времени и что впереди его ждет еще больше препятствий.

Он огляделся. Поблизости от него спали трое остальных членов экспедиции — абсолютно одинаковые: царица роя спешила и использовала единственную модель.

Понимая, что он ничего не успеет сделать до рассвета, и не желая выдать себя какой-нибудь любопытной фее, которая может заметить, что он поступает не по-оленьи, Бразил расслабился в ожидании того момента, когда небо начнет светлеть.

С рассветом пришла свобода действий. Бразил потратил больше часа, пытаясь наладить хотя бы подобие контакта с тремя самками, но их взгляд оставался пустым, а поведение — абсолютно естественным. Чары нельзя было развеять до тех пор, пока они сами не будут в этом заинтересованы.

В какое-то мгновение ему в голову закралась мысль бросить их — все равно они не сумеют пересечь границу Иврома. Обстоятельства оправдывали такое решение, логика его диктовала.

Но он знал, что не сможет поступить так, не приняв последней попытки.

Он тронулся в путь, даже не пытаясь повторить тот маршрут, по которому они мчались вчера сломя голову и который привел их туда, где они сейчас находились. Самое разумное — идти на восток, мимо океана проскочить невозможно, а на берегу он надеялся определить верное направление.

Бразил шел с такой скоростью, которую мог позволить себе в лесу только олень. Три самки неотступно следовали за ним, словно рабыни. «Это — часть заклятия», — подумал он. Царица роя накрепко привязала к нему Вучжу, а потом скопировала эту трансформацию для остальных, что существенно упростило ее задачу.

Он достиг океана еще до наступления темноты, но не мог сообразить, где находится нужная ему колония фей — к северу или к югу. Немного потоптавшись на берегу, капитан решил, что для одного дня сделано достаточно и что утро вечера мудренее.

Проснулся он, когда солнце уже ярко светило в небе, а складки волн сверкали алмазными гранями.

«Где же эта чертова поляна?» — спросил себя Бразил и двинулся вдоль берега на север; подумав, что, на худой конец, они выйдут на границу Глмона, где он ненадолго оставит своих спутников и вернется к ним, когда исправит положение. Примерно через час он наткнулся на тюки, валявшиеся там, где группа провела первую ночь. Они подмокли и были засыпаны песком, но остались совершенно невредимыми.

Бразилу понадобилось десять минут, чтобы вскрыть нужный тюк, и намного больше времени, чтобы раскопать в нем один из огнеметов, которые Вардия совсем недавно из него доставала. Следующей задачей было вынуть оружие.

В конце концов он ухитрился ухватить его зубами. Это было неудобно, и, возвращаясь в глубь леса, он то и дело ронял его, но каждый раз терпеливо поднимал, перехватывая поудобнее.

Ему казалось, что он тащится с огнеметом уже несколько часов, когда впереди между деревьев мелькнула та самая зловещая поляна: кольцо поганок и гигантское дерево. Ошибки быть не могло — Бразил слишком хорошо запомнил это место, да и чувствительный нос антилопы чуял знакомый запах.

Отыскав большой неровный камень, Бразил с великим трудом подкатил его поближе к огромному дереву, в котором находилось дупло с тронем царицы роя. В этот камень он упер огнемет, причем таким образом, что оружие стояло почти вертикально и было нацелено на дупло.

Полюбовавшись немного своей работой, капитан притащил из леса несколько сучьев и сложил вокруг огнемета и камня грубую пентаграмму. Затем он встал так, что его передние ноги оказались по обе стороны от огнемета — левая служила подпоркой для рукоятки, к которой был подсоединен баллончик с газом, а правая — точно справа от спускового крючка.

«До захода солнца еще часа два, — подумал Бразил. — Вроде бы все правильно».

Наступила решающая минута. Для того, чтобы воспламеняющий механизм сработал, необходимо

было сильно и резко рвануть спусковой крючок назад.

Бразил знал, что если решится на это, то рискует потерять контроль над оружием; оно может даже подпрыгнуть и сжечь его самого. Вздыхнув, он заставил себя успокоиться, упер в левую переднюю ногу тыльную часть огнемёта, а правой ногой коснулся длинного, ничем не огражденного спускового крючка, приспособленного для шупалец чиллианина.

Собравшись с духом, капитан резко дернул за спусковой крючок. Огнемёт немного подпрыгнул, но не упал.

Воспламеняющее устройство не сработало.

Он попытался сделать это снова. И снова потерпел неудачу — его копыто дрогнуло, и спусковой крючок отскочил в сторону. «Неужели у меня ничего не получится?» — подумал он про себя. Если нет, то участь его спутников решена.

Бразил сделал еще одну попытку, вложив в рывок всю свою силу. Воспламеняющий механизм сработал, но оружие чуть не упало. Осторожно, не освобождая спусковой крючок, он вернул огнемёт в прежнее положение. Чуть левее дерева задымилась трава, кое-где показался огонь.

Наконец струя пламени сфокусировалась на дупле. Дым поднимался вверх, ноздри Бразила почувяли запах гари. Птицы вокруг кричали и ухали, лесные звери в панике искали укрытие.

И тут он услышал то, чего ждал: тоненький, старческий кашель.

У царицы роя было несколько вариантов спасения, но она в панике ползла на верхушку дерева, туда, где от ствола отходили четыре главные ветви. Полуслепая,

слабая, она то и дело соскальзывала вниз, по-видимому, уже ничего не соображая от страха.

— Царица роя! — крикнул Бразил, продолжая поливать дерево огнем. — Сжечь мне тебя, или ты примешь мои условия под угрозой полного перевоплощения?

— Кто ты такой, чтобы говорить со мной подобным образом? — спросила царица, кашляя и стenea, но в то же время стараясь не уронить свое царское достоинство.

— Тот, кому ты причинила зло, тот, кто изгнал твоих предков с далеких планет! — смело ответил Бразил, одновременно прикидывая в уме, сколько же еще будет действовать огнемет. — Сдаешься ли ты под угрозой полного перевоплощения?

Огромный жук, побежденный дымом и пламенем, был не в состоянии перебраться на ветку и висел на дереве, цепляясь за него из последних сил. Бразил даже испугался, что он упадет в огонь и не успеет сдаться.

— Я... я сдаюсь! — завопила царица роя. — Убери свой проклятый огонь!

— Скажи все полностью! — потребовал капитан.

— Сдаюсь под угрозой полного перевоплощения, будь все проклято! — крикнула она в ярости.

В этот момент запас газа в баллончике иссяк, огнемет чихнул и замолк. Бразил отпустил спусковой крючок и, пораженный, взглянул на пистолет. «Еще несколько секунд, и я бы проиграл!» — подумал он.

— Спусти меня вниз, не то я сгорю! — крикнула царица. Ветки и ствол дерева по-прежнему были в огне, но пламя быстро угасало, оставляя после себя обуглившуюся черную древесину.

— Прыгай и осторожно опускайся на землю, — сказал ей Бразил. — Расстояние тебе известно.

Царица, конечно, могла сделать это и раньше, но жар и огонь всегда вызывали у этих созданий панику.

Шлепнувшись на землю, она еще несколько минут дрожала и трясла головой, наконец к ней вернулось самообладание, и она искоса взглянула на него своими старыми злобными глазами.

— Ты — олень! — От изумления царица роя чуть не задохнулась. — Как ты сумел снять чары? И вообще как тебе удастся говорить?

— Твои чары не могут действовать на . меня долго, — ответил Бразил. — Вот почему тот, кто прячется под этой скромной оболочкой, выше тебя. Но твоё заклятие пало на моих спутников, и ради них я приказываю тебе.

— У тебя есть только три желания! — прошипела царица, глядя на дымящееся дерево. — Тщательно обдумай их, чтобы я не убила тебя за то, что ты сделал с моим домом и моей честью!

— Будь проклята твоя честь! — с отвращением ответил Бразил. — Если бы она у тебя имелась, не было бы нужды молить о спасении. Запомни как следует: если ты не выполнишь эти желания, я превращусь в царицу роя, а ты — в оленя!

— Говори, что ты хочешь, чужак, — ответила злобная тварь. — Все будет исполнено.

Бразил уже тщательно все обдумал.

— Первое, — сказал он. — Я и мои товарищи пересечем границу с Глмоном, беспрепятственно пройдя весь путь отсюда до границы.

Царица подняла брови и сказала:

— Принято.

— Второе. Чары с моих товарищей должны быть сняты, им надлежит вернуть все умственные способности и всю память, а также возвратить им первоначальный вид.

— Принято, — согласилась царица.

— Ты должна сделать так, чтобы, когда мы пересечем границу с Глмоном, все сведения о нас, наших поступках и нашем пребывании здесь были стерты из вашей памяти, включая твою собственную.

— С удовольствием, — буркнула она. — Сделаю, когда стемнеет.

— До полуночи у Колодца Душ, — ответил Бразил.

И царица смирилась. Стоило ей отказаться от выполнения любого из этих желаний или выполнить его не полностью, как первоначальное заклятие обращалось против нее самой.

Ночь наступила часа через два. Дерево все еще дымилось, но за исключением этого дыма о состоявшемся сражении почти ничто не напоминало. Однако когда из тысячи нор, скрытых в окрестных деревьях, появился рой, феи почувствовали, что состоялась битва и что царица потерпела поражение. А поскольку их могущество зависело от ее воли, они тоже вынуждены были смириться.

Во время пожара три самки антилопы разбежались, но их быстро нашли и без особого труда загнали в кольцо поганок.

Глаза царицы роя пылали ненавистью, но свои обязательства она собиралась выполнить в точности. Когда феи собрались в круге и завели свою странную песню, она объявила о первом желании чужаков — безопасном проходе до границы — и перешла ко второму.

— Пусть к троим, стоящим в круге, вернутся разум и тело в их первоначальном воплощении! — ехидно провозгласила она. Так и произошло.

Бразил чуть не задохнулся, ругая себя за глупость. Он забыл о буквальном толковании желаний.

В круге стояла Вардия — не чиллианин, а такая, какую он видел на корабле, — девочка лет четырнадцати, с бритой головой.

Рядом с ней, еще более смущенная, стояла Ву Чжули, несомненно, здоровая и не поддающаяся пороку, с длинными черными волосами и неплохой, но уже несколько отвислой грудью.

Кроме них, в круге оказался незнакомец — мальчик возраста Вардии, коротко стриженный, не достигший половой зрелости, ростом около ста пятидесяти сантиметров, мускулистый и очень хорошо сложенный.

— Ну что же, юный господин Варнетт, — сказал ошарашенный Бразил. — Полагаю, вы появились очень вовремя.

Провидец с Опорой и слелкронианин в теле Вардии разглядывали скалистые горы, обрывающиеся прямо в море. Им был виден узкий каменистый пляж, далеко в воде просматривались рифы — следы давно угасшей вулканической деятельности. Небо было свинцово-серым, а воздух — ужасно холодным из-за близости океана.

— Скоро пойдет дождь или снег, — заметил Хаин, стоявший позади них. — Нам лучше двинуться в путь.

— Мы можем не забираться в горы? — опасливо спросил слелкронианин. — По берегу идти намного дольше, но это безопаснее.

— Согласен, — уверенно ответил Опора, — дружище Хаин может держаться на отвесных стенах и в случае необходимости перенесет нас всех. Поэтому дорога вдоль берега, хотя и выглядит так, будто идти по ней ужасно трудно, на самом деле одна из самых легких. По воде всего в нескольких метрах от берега проходит граница с соседним гексом. Там обитают иранки — создания, встреча с которыми надолго портит настроение; они — плотоядные, но дышат в воде и скорее всего не потревожат нас, если только мы не вздумаем поплавать.

— Надвигается туман, — сказал Скандер. — Пора уходить.

— Пора так пора, — отозвался северянин, и они двинулись вниз, к пляжу.

Идти было легко, разговаривать — не очень. Время от времени пляж уходил под воду, но проблем не возникало, так как Хаин, хотя это и занимало массу времени, переносил их одного за другим по скалистому склону.

За какие-нибудь три дня, несмотря на холодный ливень, они проделали почти три четверти пути до границы с Глмоном. Единственными существами, которых они увидели за это время, были миллионы морских птиц, яростно протестовавших против вторжения незваных гостей. Пару раз им показалось, что они заметили нечто гигантское, с огромными белыми крыльями, парящее над вершинами гор, но близко эти существа не подлетали, так что никто не был уверен, что не ошибся.

Единственный неприятный случай произошел в тот день, когда пляж оборвался на несколько километров и Хаину пришлось тратить около часа на переход в один конец.

Вначале Хаин отправился со слелкронианином и снаряжением, оставив Провидца с Опорой и Скандера на пляже.

Скандер жевал какую-то сушеную рыбу, явно не интересуясь ни скоростью, ни сложностью переправы. Убедившись, что Хаин, ползущий по скалистому обрыву, исчез из виду и ничего не слышит, он взглянул на Опору. Отличить у этого создания перед от зада было трудно, даже если бы Скандер твердо знал, что у северянина они имеются.

Медленно, почти незаметно, Скандер начал сползать в море.

Когда до воды оставалось меньше пяти метров, Опора заметил это и молниеносно бросился к профессору.

— Остановитесь! — крикнул он. — Или мы сами вас остановим!

Скандер заколебался, но продолжал ползти к столь соблазнительным волнам.

Ярко мерцающие огоньки Провидца заблистали с особой силой, из сверкающего шара вылетела молния и с треском вонзилась в песок перед самым носом русалки. Скандер вздрогнул, но не остановился.

Вторая молния поразила Скандера в спину. Он вскрикнул, застыл у самой воды, пустые глаза уставились в небо, и лишь вздымавшаяся грудь свидетельствовала о том, что он жив.

Опора остановился у неподвижного тела.

— Мне было интересно узнать, как долго ваш разум сможет находиться под этим дурацким гипнозом, — произнес он присущим ему спокойным, монотонным голосом. — Но вы забыли урок, который преподавал вам слелкронианин. Не волнуйтесь — вскоре вы сможете двигаться. Впрочем, будь напряжение чуть повыше, ваше сердце остановилось бы навсегда. Единственная причина, по которой вам оставили жизнь, состоит в том, что вы нам нужны. То же самое относится к остальным: Хаин необходим для переноски грузов, слелкронианин — потому, что его могущество может пригодиться в трудную минуту. Скоро вы придете в себя. Но помните! Если захотите удрать, вы станете мне не нужны. Если мы будем поставлены перед выбором — лишиться вас или убить, то, вероятнее всего, вы умрете. Теперь вы можете двигаться, но делайте это разумно. Ну как, не станем рассказывать об этом эпизоде нашим спутникам?

Когда к Скандеру вернулась способность двигаться, он сдался. Опора продолжал контролировать все его действия, и Скандер не сомневался, что угодил в капкан.

Хаин вернулся через два часа и после короткого отдыха был в состоянии забрать их обоих.

— Мы уже почти дошли, — сообщил им akkaфинин. — Вы увидите этот проклятый гекс, когда мы завернем за скалу. Он выглядит как часть самого ада.

Хаин оказался прав. Когда береговая линия повернула на северо-запад, перед ними открылся Глмон; последняя гора Эк'ла немного вдавалась в его территорию. Это был край гонимых ветром песков и песчаных дюн, простиравшихся во всех направлениях и спускавшихся прямо к океану. Нигде не было никаких признаков воды и растительности, ничто не прерывало однообразия оранжевых и пурпурных песков, носившихся в нескончаемом вихре.

— Вы и в самом деле настолько безумны, что намереваетесь отправиться туда добровольно? — медленно произнес Хаин, обращаясь скорее к самому себе, чем к остальным.

— Там вообще нет воды, — вздохнул Скандер.

— И нет почвы. Ничего, кроме песка, — печально добавил слелкроннинин.

— Первое поистине приятное место, которое мы видим на Юге, — сообщил им Опора.

Скандер немедленно повернулся в его сторону.

— Как нам следует двигаться дальше, о вождь? — спросил он с сарказмом.

— Придерживаясь берега, — небрежно ответил северянин. — Хаин по-прежнему сможет ловить рыбу. Слелкронианину придется обойтись без витаминов день или два, но зато он получит вдоволь

солнца. Запаситесь водой в ручье, что течет вон там, сзади, — посоветовал Опора живому растению.

Когда слелкронианин послушался совета, Скандер спросил:

— А как вы, Опора? Или вы вообще не едите?

— Разумеется, едим, — ответил тот. — Кремний. Что вам еще угодно знать?

Через несколько минут они пересекли границу и сразу попали в знойное лето; несущийся вихрем песок проникал в рот, ноздри, уши, засыпал глаза.

Горы Эк'ла были еще видны, когда им пришлось сделать остановку. Скандер рухнул на горячий песок и в изнеможении покачал головой.

— Что за создания могут существовать в этом аду? — пробормотал он в раздумье.

Словно в ответ из песка вынырнула маленькая головка. И через мгновение перед удивленными путешественниками вырос двуногий зеленый динозавр в метр высотой, с плоской головой, короткими, похожими на обрубки руками, оканчивающимися крошечными, почти человеческими пальчиками.

На нем были жилет цвета ржавчины и такая же куртка. Подойдя поближе, динозавр обвел их выпуклыми глазами и внезапно, опершись на свой хвост, принял вольную позу.

— Эй, приятели, — бросил он небрежно, причем голос, казалось, исходил из глубины его глотки. — Вы — хорошие или плохие парни?

— **В**озвращение вам облика, который именуется человеческим, имеет определенные недостатки, — пожаловался оставшийся огромным оленем Натан Бразил, когда они двинулись в путь. Тюки теперь тащил он один, так как никто другой даже не мог поднять столь тяжелый груз.

— Судя по вашему тону, проблемы возникли у вас, — ответила Ву Чжули. — Хотя именно мы совершенно голые, и ничто из одежды, которая лежит в тюках, нам не подходит.

— Не говоря уже о голоде, боли и холоде, — вмешалась в разговор Вардия. — Я уже забыла эти ощущения, и они мне совершенно не нравятся. В облике чиллианина я была счастлива.

— Но как это получилось? — спросила Вучжу. — Как могли вещи, созданные марковианским мозгом, оказаться такими недоделанными?

— Почему бы вам не спросить об этом у Варнетта? — огрызнулся Бразил. — Ведь именно он заварил всю кашу.

— До чего же вы все мелочные! — мрачно откликнулся Варнетт. — И вопите о разных глупостях. Я мог летать и узнал, что такое секс. А теперь я снова в этом недоразвитом теле.

— Вовсе не в недоразвитом, — возразил Бразил. — Ваше развитие задерживали химические препараты, но теперь они удалены из вашего организма. Точно так же, как губка у Вучжу. Вы будете созреть нормально пару лет, в соответствии с вашими генами и рационом питания. И, насколько я помню, у вас будет весьма привлекательная внешность, поскольку вы происходите от Иэна Варнетта. Он был редкий бабник — особенно ему нравились женщины-математики.

— Вы знали Иэна Варнетта? — удивился мальчик. — Но ведь с тех пор, как он умер, прошло почти шесть столетий.

— Знал, — задумчиво произнес Натан Бразил. — Он заразился во время великого эксперимента на Мавришну. Это была напрасная потеря, Варнетт, — я читал показания, которые вы дали в Зоне.

— У Варнеттов на Мавришну всегда были трудности, — блеснул глазами дубликат великого математика. — Три или четыре попытки, предпринимавшиеся до меня, закончились неудачно, и я оказался первым, кто почти через столетие повторил такую попытку. Варнетт понадобился им снова, во всяком случае, его потенциал. Я был не первым человеком, которому поручили помешать истинной деятельности Скандера, — немало искусных агентов складывали картину воедино. Меня готовили для решения других, более частных задач, но я уже глубоко влез именно в эту проблему. Тогда меня отправили на Далгонию, чтобы выяснить, смогу ли я положить конец работе Скандера; при этом те, кто меня туда посылал, рассчитывали, что независимо от того, добьюсь ли я успеха, или нет, по возвращении они сумеют заполучить меня снова.

Они шли вдоль берега, не встречая никаких препятствий, как того и требовало желание, высказанное феям.

— А как много вы знаете, Варнетт? Так сказать, обо всем этом? — спросил Бразил.

— Когда я увидел клетки далгонийского мозга в памяти компьютера, я понял, что существует какая-то математическая связь между последовательностью и порядком энергетических импульсов, — вспоминал мальчик. — Потребовалось три часа, чтобы определить эту последовательность, и еще час или два, чтобы закрепить успех с помощью находившихся в лагере компьютеров. Мне нужно было убедиться, что данные формы энергетических колебаний не имеют ничего общего с уже известными, кроме того, процесс превращения энергии в материю и обратно, протекавший в клетках, был хорошо наблюдаем. Я сравнил увиденное с тем, что, согласно нашей теории, должно было явиться причиной отсутствия предметов материальной культуры марковиян. Так вот, планетарный мозг создавал все, чего они желали, им стоило лишь потребовать или, возможно, просто подумать об этом. Однако как осуществлялся процесс материализации желаний, я по-прежнему не имею понятия.

— Вы имеете в виду, что это напоминало наложенные на нас чары: стоило им захотеть чего-нибудь — и оно появлялось?

— Да, именно так, — подтвердил Варнетт. — Подобная концепция становится возможной при условии, что фактически ничего реального не существует. Мы, этот лес, этот океан, эта планета, даже это солнце созданы с помощью математической структуры. Во Вселенной нет ничего, кроме единого энергетического поля; все остальное берет эту энергию, преобразует ее в материю или в другие формы энергии и обеспечивает их стабильность. Такова реальность — преобразованная и стабилизированная пер-

вичная энергия. Но эти структуры испытывают постоянное напряжение, они словно сжатая пружина. Если энергия не находится под жестким контролем, она стремится вернуться в свое естественное состояние. Феи определенным образом контролируют данный процесс. Этого недостаточно, чтобы вызвать серьезные изменения, но достаточно, чтобы чуть-чуть нарушить равновесие, изменить реальность. Это и есть магия.

— Я не совсем поняла то, о чем ты рассказывал, — включилась в разговор Вучжу, — но, кажется, основную идею уловила. Ты утверждаешь, что марковiane были богами и могли делать или иметь все, чего бы они ни пожелали.

— Примерно так, — согласился Варнетт. — Боги реально существовали, и они сотворили всех нас или по крайней мере создали условия, в которых мы могли развиваться.

— Но ведь это было бы последней победой разума! — запротестовала Вардия. — Если это правда, то почему марковiane вымерли?

Вучжу понимающе улыбнулась и взглянула на Бразила, который некогда был в их группе единственным человеком.

— Я слышала, как кто-то объяснял, почему они умерли, — ответила девушка. — Когда марковiane достигли вершины, на них обрушились уныние и скука. Тогда они создали новые миры, новые формы жизни и ушли со сцены, завещав этим новым формам начать все сначала.

— Что за ужасная мысль! — с отвращением воскликнула Вардия. — Это означает, что наш собственный народ, достигнув в конце концов божественного уровня, захочет покончить жизнь самоубийством или вернуться к примитивной жизни, чтобы полностью

начать все сначала! Это сводит на нет все революции, всю борьбу, всю боль, все великие мечты! Это означает, что жизнь бесцельна!

— Нет, не бесцельна, — неожиданно вмешался Бразил. — Вы просто ничего не поняли. Это означает, что не стоит своими собственными руками делать свою жизнь бесцельной или бесполезной, а ведь именно так поступает подавляющее большинство людей. Вот почему нет никакой разницы — живет или умирает девяносто девять процентов человеческой, или любой другой, расы. За редким исключением их жизнь пуста, бессодержательна, непродуктивна. Они никогда не мечтают, никогда не читают и никогда не стремятся понять мысли других, никогда не испытывают всепоглощающее чувство любви, которое заключается не только в том, чтобы любить самому, но и быть любимым. Вот высшая цель жизни, Вардия! Марковианам она была неведома. Взгляните на этот мир, на наши собственные миры — все они являются отражением марковианской реальности, которая в конечном счете базируется на материалистической утопии. Марковиане были похожи на человека, владевшего невероятным богатством, может быть, даже целой планетой, сотворенной по его вкусу, на человека, к услугам которого были все мыслимые материальные ценности и которого тем не менее в одно прекрасное утро находят мертвым, перерезавшим себе горло. Все его мечты исполнились, но теперь здесь, на вершине, он одинок. Ведь чтобы подняться на эту вершину, ему пришлось отказаться от истинных ценностей. Он убил в себе гуманность и духовность. О, он любил — и покупал то, что любил. Но он не смог купить ту любовь, которую так жаждал, он покупал лишь услуги. Когда он получил то, чего добивался всю жизнь, он, подобно

марковианам, обнаружил, что на самом деле у него вообще ничего нет.

— Я не согласна с этой теорией, — решительно заявила Вардия. — Богач мог совершить самоубийство из-за чувства вины, которое он испытывал от того, что имел все, в то время как остальные голодали, а отнюдь не из-за какой-то жажды любви. Это слово бессмысленно.

— Если кто-то действительно считает, что любовь бессмысленна, или абстрактна, или неправильно понята, тогда существование этой личности или расы тоже бессмысленно, — ответил Бразил. — В давние времена на Старой Земле некая группа людей говорила: «К чему человеку завоевывать целый мир, если он при этом потеряет собственную душу?» Впрочем, никто их не слушал. Забавно — многие годы я не вспоминал об этой группе. Они говорили: «Бог есть любовь»; они обещали рай тем, кто верит во всеобщую любовь, и ад — тем, кто любить не может. Впоследствии они слишком увлеклись мирскими делами, их идеи были забыты, и после них остались лишь предметы материальной культуры. Подобно марковианам, они придавали большее значение вещам, чем идеям, и, подобно марковианам, умерли ради них.

— Однако марковианская цивилизация, несомненно, была божественной, — сказала Вардия.

— Она была адской, — решительно заявил Бразил. — Понимаете, марковиане получили все, о чем их предки могли только мечтать, но этого им было недостаточно. Они знали: что-то упущено. Марковиане исследовали, искали ошупью, допытывались, всячески старались выяснить, почему их народ несчастен, но, поскольку они не могли выйти за рамки собственной структуры, у них ничего не получалось.

В конце концов они решили вернуться назад и повторить эксперимент, не понимая, что он тоже обречен на неудачу, так как наша с вами Вселенная, явившаяся результатом этого эксперимента, при всем многообразии облика и форм составляющих ее элементов была создана по их образу и подобию. Они даже не позаботились о том, чтобы начать все с чистого листа: они использовали самих себя в качестве прототипов для создававшихся ими рас и скопировали Вселенную, в которой жили, развивались и умирали. Вот почему повсюду сохранились марковнианские города и управлявший ими мозг.

— Мне кажется, я вас понял, — волнуясь, сказал Варнетт. — Если вы правы, то Мир Колодца, в котором мы находимся, не только давал возможность проводить лабораторные испытания новых рас и среды их обитания, но и контролировать их!

— Верно, — мрачно подтвердил Бразил. — Все, созданное в лабораторных условиях, контролировалось и поддерживалось в должном состоянии с помощью автоматики. В основном это касалось рас, созданных в последнюю очередь, потому что осуществлять над ними подобный контроль было гораздо проще.

— Но ведь здесь, как я слышал, наша раса сама себя уничтожила, — возразил Варнетт. — Означает ли это, что на нас подобное не распространяется? Или лучше, что мы можем сделать, — это уничтожить самих себя, уничтожить остальных или, может быть, достичь уровня марковниан и довести себя до самоубийства? Имеется ли вообще какая-то надежда?

— Имеется, — спокойно ответил Бразил. — Помните, я рассказывал о некоем религиозном учении на Старой Земле? Ну так вот, его приверженцы утверждали, что их Бог послал к людям своего сына, идеального человека, душа которого была полна

доброты и любви. Не касаясь вопроса о его божественном происхождении, скажу, что такой человек действительно существовал — я наблюдал за ним, когда он пытался научить кучу обывателей отказаться от материальных благ во имя любви.

— И что с ним произошло? — спросила Вардия, увлеченная рассказом капитана.

— Одни его последователи отказались от него, так как он не собирался править миром. Другие использовали его риторику в политических целях. В конце концов он стал чересчур сильно мешать власти, и его убили. Эту религию, подобно прочим религиозным учениям, основанным другими представителями нашей расы в иные времена, за какие-то пятьдесят лет политизировали. О, у этого человека остались преданные последователи, во многом похожие на него. Но им никогда не принадлежало руководство этой религией, и по мере того как она постепенно превращалась в государственную, они сходили со сцены или оказывались в изоляции. То же самое произошло с человеком, родившимся на несколько столетий раньше и за тысячи километров отсюда. Он не умер насильственной смертью, но его последователи заменили идеи вещами и использовали поиски любви и совершенства в качестве социального и политического тормоза, чтобы оправдать мучения человечества. Нет, религиозные пророки, поступавшие таким образом, рассуждали по-марковски, оперировали политическими категориями; например, основатель коммунизма страдал, видя материальные лишения человечества. Он мечтал о цивилизации, подобной марковской, и начал строить коммунизм. Он добился огромных успехов, так как призывал к тому, что был в состоянии понять

любой, — к созданию материальной утопии. Ну что ж, он может ее получить.

— Стойте, Бразил! — воскликнул Варнетт. — Вы говорите, что жили в те времена, когда жили все эти люди. Но это происходило тысячи лет назад. Каков же в таком случае *ваш* возраст?

— Я отвечу вам у Колодца Душ, — усмехнулся Бразил, — но не раньше. Если мы не доберемся туда прежде Скандера и компании, тогда это вообще не будет иметь никакого значения.

— Вы хотите сказать, что они смогут занять место марковриан и изменить уравнения? — в ужасе спросил Варнетт. — Одно время я думал, что тоже могу это сделать, но логика подсказала мне, что я ошибался. Мой народ — мой бывший народ, ночной — согласился со мной. Как только пришло известие о том, что это может попытаться сделать Скандер, они послали меня, чтобы помешать ему. Наш таинственный осведомитель посоветовал мне присоединиться к вам.

— Тогда как могло... — начал Бразил, но тут же замолчал, что-то соображая. Внезапно из коробочки, укрепленной между его рогами, донесся смешок. — Конечно! Каким же я был идиотом! Готов держать пари, что этот сукин сын установил подслушивающие устройства во всех посольствах Зоны! Я просто забыл, как он хитер!

— О ком вы говорите? — с раздражением спросила Вучжу.

— О третьем игроке. О том, кто предупредил Скандера о предстоявшем похищении и направил Варнетта к нам. Он все время знал, где находятся Варнетт и Скандер. Как обычно, он хотел лишь явиться за наградой. Я был его страховым полисом на тот случай, если произойдет что-нибудь непредвиденное. И оно произошло. Скандер был похищен

и тем самым вышел из-под контроля. Тогда он стал задерживать то одну, то другую группу на пути к Колодцу, чтобы обе они прибыли туда примерно в одно и то же время, а он бы уже ждал на месте. Он предупредил Скандера, и у меня появилось время, чтобы отправиться в Чилл и почти сравняться с теми, кто находился по ту сторону океана. Когда нас схватили мурни, он нажал на чиллиан, и те надавили на Страну, уговорив ее власти задержать вторую группу до тех пор, пока мы опять с ними не выровняемся. Не удивлюсь, если он повлиял и на фей — может быть, группа Скандера где-то застряла!

— О ком, черт возьми, вы говорите, Натан? — упорствовала Вучжу.

— Послушайте! — сказал Бразил. — Это — Глмон, последний гекс перед экватором! Видите выжженный красноватый песок? Он простирается на два гекса в ширину и на полгекса в длину.

— Что простирается? — продолжала свои расспросы Вучжу.

— Колодец, — колебавшись, ответил Бразил. — Если я не ошибаюсь, то где-то в этой выжженной солнцем пустыне мы на него наткнемся.

— Мы пересечем границу сегодня? — спросил Варнетт, поглядев на солнце, склонявшееся к горизонту.

— Да, пожалуй, так будет лучше, — ответил Бразил. — В Глмоне, наверное, адская жара; моя меховая шуба меня просто убьет, а ваши обнаженные тела поджарятся. Поэтому имеет смысл пройти за ночь столько, сколько мы сумеем, придерживаясь берега океана. Дневное время может оказаться непригодным для путешествия.

На лице Вучжу появилось недовольное выражение, но Бразил торопил их, и через несколько минут группа пересекла границу.

Жара окутала их, словно гигантское пуховое одеяло, влажность вблизи океана оказалась очень высокой. Вскоре они уже еле двигались: трое людей обильно потели, а Бразил тяжело дышал, свесив язык. Сумерки принесли им некоторое облегчение, и было решено устроить небольшой дривал.

Выражение лица Вучжу немного изменилось, теперь оно явно свидетельствовало о том, что она не прочь задушить Бразила собственными руками. Усевшись в раскаленный песок обнаженным задом, она продолжала настаивать на своем.

— Кто этот таинственный третий, Натан? — спросила она, тяжело дыша.

Олень страдал от жары больше других, но спокойно произнес своим механическим голосом:

— Единственный, кто твердо знал, что я вынужден буду искать Скандера и что, прежде чем куда-то двинуться, я отправлюсь к вам, в Диллию; единственный, кто мог сообщить Варнетту о том, где следует меня искать и почему. В прежние дни он был пиратом. Ему абсолютно нельзя верить, если, действуя против вас, он может заработать хотя бы грош. Вот это я и забыл: ставки здесь слишком высоки; тут пахнет такой потенциальной прибылью, что трудно даже представить. Он обещал мне, что я смогу получить помощь от представителей всех рас, но, как оказалось, доверять не следовало никому, включая его самого. Он рассчитывал, что я не распознаю в нем врага, поскольку раньше мы были добрыми друзьями и я ему обязан. Он был почти прав.

До Вучжу наконец-то дошло. Просияв, девушка воскликнула:

— Ортега! Ваш друг, которого мы встретили в Зоне!

— Шестирукий моржовый змий? — спросила Вардия. — Это он стоит за всем этим?

— Не за всем этим, — слышался у них за спиной небрежно роняющий слова мужской голос, в котором сочетались властность и чувство собственного достоинства. — Но он по-прежнему счастлив оттого, что все идет так, как надо.

Все обернулись. В полутьме было трудно рассмотреть обладателя этого голоса, но для всего мира он выглядел как динозавр метрового роста с темно-зеленой кожей и плоской маленькой головой. Он стоял на длинных задних ногах, держа в короткой толстой руке изогнутую курительную трубку. На нем была старомодная форменная куртка.

Динозавр попытался трубкой, раскаленные угольки ярко светились в темноте.

— Эй, — сказал он любезно, — не думаете ли вы, что я выкурю трубку до того, как мы отправимся в путь? Напрасные ожидания, так и знайте.

ЗАПАДНЫЙ ГЛМОН

Все с удивлением смотрели на это странное существо. Бразилу даже почудилось, что перед ними персонаж из «Алисы в стране чудес».

— Вас послал Серж Ортега? — спросил он, стараясь ничем не выдать своего волнения.

Динозавр вынул трубку изо рта и высокомерно ответил:

— Сударь, я — герцог Оргондо. Это — Глмон. Улики здесь не обладают властью. Они просто наши соседи. Честно говоря, интересы гекса Улик близки нашим интересам. Мы прожили бок о бок с ними тысячи лет. С их помощью мы сумели выжить, когда окружающая среда здесь изменилась и почва превратилась в песок. Но все вы, включая господина Ортегу, находитесь здесь с нашего согласия, и мы не потерпим нарушения наших суверенных прав.

— Что он говорит? — спросила Вардия; остальные тоже были в явном замешательстве. Только сейчас Бразил догадался, что отныне они могут понимать лишь тех, кто имеет переводное устройство, и тех, кто говорит на языке Конфедерации. Их собственные переводчики исчезли вместе с прежними телами.

— Извините меня, ваша светлость, — учтиво сказал Бразил. — Я вынужден буду переводить, так

как, боюсь, у моих спутников нет соответствующих устройств.

Динозавр взглянул на троих людей.

— Гм... Весьма любопытно. Мне сообщили, что явятся диллианка, чиллианин и летучая мышь. Мы слышали, что вы превратились в антилопу, и это пока единственная достоверная информация. Вы ведь господин Бразил, не так ли?

— Да, это я, — ответил Бразил. — Мужчина — это господин Варнетт, женщина с грудью — Вучжу, без — Вардия. Ведь мы прошли через Ивром. Уже одно это — огромное достижение, пройти его неизмененными — просто чудо.

— Совершенно верно, — кивнул глмониец. — Но мы не сомневались, что вам удастся пройти, хотя те три дня, в течение которых мы не знали, где вы находитесь, обошлись нам чертовски дорого. Мы предположили, что вас заколдовали, и стали предпринимать кое-какие дипломатические шаги, чтобы узнать, в кого вы превратились.

— Значит, к этой истории с колдовством Ортега не имеет никакого отношения? — сказал Бразил. — Похоже, он был полностью уверен в том, что нам удастся пройти.

— О нет, он рассчитывал, что вы там застрянете, — небрежно ответил герцог. — Но мы в Глмоне более сведущи в искусствах, чем эти мерзкие твари из Иврома. Важно было лишь обнаружить вас. Другая группа уже прибыла сюда, так что вопрос о том, сколько времени это могло занять, не имел значения.

— Итак, куда же мы теперь направимся? — спокойно спросил Бразил.

— В эту ночь вы, разумеется, будете моими гостями, — тепло сказал герцог. — Завтра песчаные

акулы отвезут вас в столицу, Удлику, где вы присоединитесь к Ортеге и другой группе. И тогда это станет уже делом Ортеги, хотя мы будем за вами наблюдать.

Бразил кивнул.

— Игра становится столь многолюдной, что нам понадобятся списки членов команд, — пробормотал он себе под нос и перевел этот разговор своим спутникам.

Кончив курить, герцог выбил трубку, содержимое которой пахло черным порохом.

— Места для вас приготовлены, — сказал он. — Вы в состоянии идти? Это недалеко.

— А разве у нас есть выбор? — иронически поинтересовался Бразил.

Маленький динозавр бросил на него быстрый взгляд.

— Конечно! — сказал он. — Вы можете снова пересечь границу и возвратиться в Ивром или прыгнуть в океан. Но если вы решите остаться в Глмоне, вам придется делать то, что желаем мы.

— По крайней мере, герцог, вы достаточно откровенны, — вздохнул олень. — Ведите нас.

Они прошли вдоль берега чуть больше километра, когда увидели возвышающийся поодаль от воды огромный шатер из парусины. Оргондо вел их прямо к нему. Возле шатра топтались несколько глмонийцев, старавшихся не показывать, что все это им до смерти надоело, а вход в шатер охраняли двое часовых. Когда герцог приблизился, они замерли, вытянувшись по струнке, и тот одобрительно кивнул.

— Все готово? — спросил он.

— Стол накрыт, ваша светлость, — ответил один из них. — Все должно быть в порядке.

Еще один кивок, часовой откинул полог, и герцог вошел в шатер, оставив вход открытым для остальных.

Внутреннее убранство шатра напоминало картинку из учебника по истории средних веков. Пол был покрыт толстым пушистым ковром ручной работы. Сплетенный фактически из сотен маленьких ковриков, он выглядел как множество красочных пятен.

В центре шатра находился длинный низкий деревянный стол, уставленный блюдами, источавшими незнакомые ароматы. Стульев не было, но людям тут же предложили свернутые в рулоны одеяла или ковры, что позволило им расположиться с большими удобствами.

— Прощу прощения за столь скромный прием, — извиняющимся тоном сказал герцог. — Но другого выхода у нас не было. Я надеюсь, что каждый из вас найдет на этом столе подходящую для него пищу — посол Ортега оказался в данном случае в высшей степени полезен. Мы, разумеется, не ожидали, что вы примете такой вид, но проблем это вызывать не должно. Жаль, что я не могу пригласить вас в свой замок.

— Где находится ваш замок? — спросил Бразил. — Я не видел здесь никаких сооружений, кроме этого шатра.

— На океанском дне, конечно, — ответил герцог. — Глмон не всегда был таким, каким вы его видите сейчас. Он менялся очень медленно, тысячелетиями. Когда климат начал становиться все более сухим и жарким, мы поняли, что не сможем бороться с песком, и научились жить под ним. Воздушные насосы, постоянно находящиеся под надзором опытных специалистов, гонят через вентиляционные отверстия очищенный воздух с поверхности. Что-то вроде жизни под куполами в глубинах океана — я

слышал, что так делают повсюду. Наш океан — это пустыня. Мы можем в ней плавать, хотя и медленно, и перебираться с одного места на другое, следуя вдоль направляющих проводов и поднимаясь вверх лишь для переходов на большие расстояния.

Когда Бразил это перевел, Вардия спросила:

— Но откуда вы получаете пищу? Там же наверняка ничего не растет.

— Мы — плотоядная раса, — ответил герцог, когда ему перевели этот вопрос. — В песке обитает масса живых существ, и многих из них мы одомашнили. Вода — не проблема, так как под землей вдоль коренных пород текут ручьи. Овощные блюда приготовлены специально для вас. Мы выращиваем некоторое количество овощей в теплицах, расположенных еще ниже.

Они ели и продолжали беседовать. Не зная, какова фактическая степень участия глмонийцев в экспедиции, Бразил тщательно избегал любого намека на эту тему, так же вел себя и герцог Оргондо.

После обеда радушный хозяин попрощался с ними.

— Наверху имеется много соломы, если вы не сможете спать на ковре, — сказал он. — Я знаю, что вы устали, и не хотел бы вас беспокоить. Завтра вам предстоит отправиться в долгое путешествие.

Вардия и Варнетт нашли мягкое местечко в углу шатра и через несколько минут заснули. Вучжу попыталась последовать их примеру, но сон к ней не шел. Бессонница вывела ее из душевного равновесия: она устала, у нее все болело, ей было тревожно, и все же ей не спалось.

Факелы погасли, но девушка разглядела массивное тело оленя, который стоял недалеко от входа в шатер. С большим трудом она встала и направилась к нему. Бразил не спал. Когда Вучжу приблизилась, он повернул к ней голову.

— Что случилось?

— Я... я не знаю, — нерешительно ответила девушка. — Не могу заснуть. А вы?

— Я просто думаю, — сказал он, и его электронный голос прозвучал странно, почти печально.

— О чем?

— Об этом мире. Об этой экспедиции. О нас и не только о нас двоих — обо всех. Это конец, Вучжу. Больше не будет начал, только концы.

Непонимающе посмотрев на него, Вучжу решила изменить вопрос.

— Что с нами будет, Натан? — спросила она.

— Все и ничего. Это зависит от того, кто вы, — загадочно ответил он. — Сейчас вы поймете, что я имею в виду. Вам было очень тяжело, Вучжу. Но вы уцелели. Вы — стойкий человек и заслуживаете того, чтобы наслаждаться жизнью. — Он переступил с ноги на ногу, устраиваясь поудобнее, и продолжал: — Спрошу вас из чистого любопытства. Если бы у вас был выбор и вы могли бы вернуться в наш сектор Вселенной, где вас ожидало бы нечто желанное, что бы вы избрали?

Она подумала и смущенно ответила:

— Я никогда не собиралась возвращаться.

— Но если бы вы знали, что можете стать тем, кем вы захотите, и жить там, где захотите, — как в сказке о джинне с тремя желаниями, — что бы вы выбрали?

Она невесело усмехнулась.

— Знаете, работая на ферме, я ни о чем не мечтала. Нас научили быть всегда довольными. Но потом меня заставили стать проституткой в Партийном доме. Мужчин и женщин там держали отдельно. Мы никогда не видели ни одного мужчины, за исключением партийных функционеров и при-

вилегированных рабочих. Нас запрограммировали так, чтобы мы были сверхсексуальными и дарили адское наслаждение. Я уверена, что крестьянские парни были столь же фантастически привлекательными для женщин-начальников. Нас пичкали гормонами, считали, что мы не можем думать ни о чем, кроме секса, а мы и вправду постоянно мечтали о нем, настолько, что в периоды затишья лежали в постели друг с другом.

Но члены партии, — продолжала она, — во многом разбирались, бывали в разных местах. Некоторые из них любили поболтать, и таким образом мы много узнали о внешнем мире. Мы мечтали выбраться туда, может быть, даже в другие миры, мечтали об иной жизни.

Она на мгновение остановилась, затем продолжала мечтательно, задумчиво, даже с некоторой тоской в голосе:

— Вы сказали — три желания. Ладно, продолжим эту игру. Я желала бы стать богатой, жить столько, сколько мне захочется, быть все это время молодой и фантастически красивой. Конечно, не в комм-мире, но ведь это, кажется, уже четыре желания?

— Продолжайте, — попросил ее Бразил. — Не думайте о трех. Что еще?

— Мне хотелось бы иметь вас на тех же самых условиях, — ответила Вучжу.

Он рассмеялся, довольный и польщенный.

— Но, предположим, меня с вами не будет, — сказал он, на этот раз серьезно. — Предположим, вы станете независимой. Что тогда?

— Я даже думать об этом не хочу.

— Ну, давайте, — подначивал капитан. — Это же только игра.

Подняв голову, Вучжу немного подумала.

— Если вас не будет, — сказала она наконец, — то, полагаю, мне захотелось бы стать мужчиной.

Если бы у Бразила было человеческое лицо, оно застыло бы от удивления.

— Мужчиной? Почему?

Чутьочку смутившись, девушка пожала плечами.

— По правде говоря, не знаю. Помните, я сказала: хочу быть молодой и красивой. Мужчины — крупнее, сильнее, они не могут забеременеть, их нельзя изнасиловать. Возможно, мне бы захотелось иметь детей, но не думаю, чтобы кто-нибудь, кроме вас, Натан, смог бы меня возбудить. Для мужчин в Партийном доме я была всего лишь машиной, секс-машиной. Моей семьей стали другие девушки. Они заботились обо мне и главное — ничем мне не угрожали. Вот почему партия отдала меня Хаину: я дошла до такого состояния, что вообще не могла быть ни с одним мужчиной, только с женщиной. Все мужчины, которых я встречала, представляли собой угрозу, все, кроме вас. Можете вы это понять?

— Думаю, что могу, — ответил Бразил не сразу. — Это естественно, учитывая ваше прошлое. Однако имеется много миров, где официально признан гомосексуализм и где вы можете иметь детей разными способами — от клонирования до искусственного осеменения. И, конечно, у мужчин столько же проблем и навязчивых идей, сколько у женщин. Трава не бывает более или менее зеленой, она просто бывает другой.

— И все же я настаиваю на своем желании, Натан, — ответила она. — В конце концов, это нечто такое, чего я никогда не испытала, так же как прежде я никогда не была кентавром, а вы — самцом антилопы. Я знаю, что значит быть женщи-

ной, и меня это не особенно заботит. Кроме того, мы ведь только играем.

— Конечно, — отозвался он. — И коль скоро мы играем, не хотите ли вы снова превратиться в диллианку? Для этого надо всего лишь вернуться в Зону и снова пройти сквозь Ворота. Вам будет возвращен тот вид, который вы приняли после первоначального изменения. Это самый распространенный способ, позволяющий снимать наложенные здесь чары. Если бы у меня было время, я бы использовал его в Ивроме, вместо того чтобы идти на риск столкновения с царицей роя.

— Я... я не уверена, что могла бы вернуться в Диллию, — тихо сказала девушка. — О, мне нравилось быть такой большой и сильной, я полюбила эту страну и ее замечательный народ, но я им не подхожу. Именно это и сводило меня с ума. Джол был чудесным созданием, но Дал влекло ко мне. Представляете, чем это могло бы закончиться?

Бразил кивнул.

— Значит, вот что вы имели в виду, когда сказали мне, что люди должны любить людей вне зависимости от их формы или внешности. Но как же быть со мной? — спросил он. — Предположим, я превращусь в нечто ужасное, настолько чуждое, что невозможно будет обнаружить никакого сходства с тем, что вы знали.

Вучжу засмеялась.

— Вы подразумеваете летучую мышь или чиллианина, а может быть, русалку?

— Нет, я говорю о настоящем чудовище.

— До тех пор пока вы будете оставаться самим собой внутри, думаю, ничего не изменится, — ответила она серьезно. — Но почему вы так говорите? Вы ожидаете, что превратитесь в чудовище?

— В этом мире все возможно, — напомнил ей Бразил. — Вы видели лишь шесть гексов, шесть из тысячи пятисот шестидесяти. Здесь имеется масса куда более необычного, — сказал он мрачно. — Кстати, нам предстоит встретиться с новым Датом Хаином. Он превратился в гигантского жука женского пола, в чудовище, каких мало.

— Ну что ж, теперь его внешний вид соответствует его душе, — с горечью заметила девушка. — Чудовища — порождение не расы, а разума. Он был чудовищем всю свою жизнь.

Бразил кивнул.

— Поверьте мне, Хаин получит то, что заслуживает, — и так будет со всеми. Попав в Колодец, мы станем такими, какими когда-то были, и тогда придет час расплаты.

— Даже для вас? — спросила она. — Или вы останетесь оленем?

— Нет, не оленем, — ответил он уклончиво, а затем и вовсе сменил тему: — Что ж, может быть, это и к лучшему. Еще два дня, и все кончится.

Вучжу очень хотелось заставить его говорить яснее, но вместо этого она спросила:

— Натан, почему вы живете так долго? Вы — марковианин? Варнетт считает, что это так.

Бразил вздохнул.

— Нет, не марковианин. Но то, что кто-то так думает, — хорошо. Я смогу воспользоваться этой верой, чтобы предотвратить слишком быстрое распространение правды.

Эти слова ошеломили ее.

— Так, значит, намекая на то, что вы — один из создателей этого мира, вы блефовали? — спросила она.

Он медленно покачал головой.

— Нет, блеф тут ни при чем. Но я очень стар, Вучжу. Так стар, что я не в состоянии жить, сохраняя

мои воспоминания. Я их блокировал и до прибытия в Мир Колодца был, к счастью, блаженно невежествен. Ни один разум не может долго функционировать с таким гигантским запасом знаний, сведений и воспоминаний. Шок, полученный в результате битвы и перевоплощения в Мурителе, вернул мне прошлое, но его оказалось так много! Его почти невозможно рассортировать, с ним тяжело жить. Но эти воспоминания дают мне преимущество: я знаю то, чего не знаете вы. Я отнюдь не находчивее или мудрее, но во мне сосредоточены опыт и знания тысяч людей. Это обеспечивает мне превосходство.

— Но они рассчитывают, что вы приведете Колодец в действие, — заметила девушка. — Все сказанное вами раньше свидетельствует о том, что вы знаете, как это сделать.

— Правильно. Поэтому Серж и оставил нас в живых, — объяснил Бразил. — Поэтому нас балуют и подгоняют. Я не сомневаюсь, что коробочка, из которой исходит мой голос, содержит специальный контур, контролируемый Сержем. Вероятно, он и сейчас нас слышит, но меня это больше не волнует. Вот почему он был в состоянии помогать нам, знал, где мы находимся и что с нами происходит. Вот почему мы идем навстречу ему; вот как все это заранее было подготовлено. Он считает, что, если ему не удастся использовать меня, он использует Скандера или Варнетта.

— Зачем ему вы, Скандер и Варнетт — это понятно, — ответила Вучжу, — но зачем ему остальные? Например, я?

Если бы Бразил мог расмеяться, он бы это сделал.

— Вы не знаете старину Сержа. Меня так убаюкал разговор о жене и детях, что я забыл, как мало этот мир изменяет то, что таится в глубине души.

Хаин? Что ж, Хаин полезен и для наблюдения за Скандером, и для его транспортировки. Не знаю, кто там еще впереди нас, но будьте уверены — они все по какой-то причине нужны Сержу, или он еще просто не сообразил, как должным образом их использовать.

— Но почему я? — повторила она.

— Они должны иметь каких-нибудь прирученных подонков в комм-мире, — ответил он с иронией. — Вы — заложница, Вучжу. Вы для него ключ ко мне.

Девушка побледнела.

— Натан! — сказала она робко. — А если до этого действительно дойдет? Выполните вы ради меня то, что он требует?

— До этого не дойдет, — успокоил ее Бразил. — Поверьте мне, этого никогда не будет. Варнетт уже понял — почему, хотя и забыл в юношеском задоре.

— И что же дальше?

— Я приведу их к Колодцу и покажу все, что они хотят. Но им придется понять, что дорога к сокровищам терниста. Держу пари, что, узнав истинную цену всего этого, они сочтут ее слишком высокой.

Вучжу удивленно покачала головой:

— Я ничего не понимаю.

— Поймете в полночь у Колодца Душ, — загадочно ответил он.

Путешествие в Удлики было не из легких, так как всю дорогу их изрядно трясло. Ехали они, причем довольно быстро, в больших деревянных санях, запряженных восемью огромными животными, которых глмонийцы называли песчаными акулами. Впрочем, рассмотреть их не представлялось никакой воз-

можности — в песке мелькали лишь серые спины и острые, как бритвы, плавники. Управлял ими кучер-гломониец, державший в руках вожжи.

Песчаные акулы были млекопитающими, живущими в песке, как рыбы в воде. Они дышали воздухом — единственная здоровенная ноздря открывалась всякий раз, когда их огромные спины показывались на поверхности, — и передвигались со скоростью от восьми до десяти километров в час.

К концу дня все путешественники были раздражены и чувствовали себя так, будто их прокрутили через гигантскую мясорубку. Расстелив на песке коврики, они поели, причем пища была подогрета огненным дыханием их кучера. Ночью они крепко спали, несмотря на жару, ветер и чуждую природу.

Следующий день был точной копией предыдущего. Им повстречались несколько саней с гломонийцами, а однажды они увидели всадников, сидевших в огромных седлах на спинах песчаных акул. Как-то раз они проехали мимо скопления гигантских труб, возле которых суежилась бригада рабочих, следивших за тем, чтобы горловины не засыпало песком.

Наконец незадолго до наступления сумерек впереди показались какие-то постройки, которые по мере приближения саней становились все выше. Они оказались сложенными из мелких камней башнями высотой не менее пятидесяти метров, очень напоминавшими средневековую крепость.

Сани замедлили ход и, подъехав к широким воротам, остановились.

К прибывшим немедленно подошел официально выглядевший динозавр в изысканном красном наряде.

— Вы — группа иноземцев, прибывших из Оргондо? — спросил он.

— Да, это они, — ответил кучер. — Все они — ваши, и привет. Мне надо присмотреть за моими акулами. Они проделали тяжелое путешествие.

— Кто из вас господин Бразил? — спросил чиновник.

— Я, — ответил Бразил.

Чиновник обомлел, увидев гигантского оленя, но быстро опомнился.

— Тогда пойдете со мной. Остальным предоставят временное жилье.

Он сделал знак еще нескольким глмонийцам, одетым, как и он, в красные куртки, и те присоединились к группе в качестве эскорта. Хотя самый низкорослый из людей был на голову выше любого из стражников, спорить никто не стал.

— Идите, — напутствовал Бразил своих товарищей. — Проблем не будет. Я присоединюсь к вам, как только смогу.

Выбора не было, и они двинулись к ближайшей башне. Бразил повернулся к чиновнику.

— Что теперь? — спросил он.

— Посол Ортега и другая группа чужестранцев расположились на Проспекте, — ответил чиновник. — Мне поручено отвести вас туда.

— Ведите, — сказал Бразил, не проявляя никакого беспокойства.

Проспект оказался ровом шириной более тридцати метров, начинавшимся сразу за башнями. Глубина его превышала пятнадцать метров, и, хотя его защищали лишь обычные каменные стены, песок в него не попадал.

Вниз, на гладкое, почти отполированное дно рва, вели широкие каменные ступени. Бразил спустился по ним с некоторым трудом. По обеим сторонам Проспекта, словно средневековые замки Старой

Земли, строившиеся на крутых склонах речных долин, тянулись здания Удликма. Тут было множество лестниц, сотни дверей, окон и даже ворот, предназначенных для обороны. Что же касается самого Проспекта, то Бразилу казалось, что одна его сверкающая поверхность простирается до океана, а другая — до горизонта.

Копыта Бразила цокали по отполированной мостовой. Он возвышался над бесчисленными лавчками и толпами зевак, расступавшихся, чтобы дать ему дорогу. Миновав последние лавки, его провожатый направился в сторону океана, и наконец они оказались в официальной части Проспекта, поперек которого была наспех возведена баррикада с тяжелыми деревянными воротами, охраняемыми вооруженной стражей.

Чиновник показал пропуск, и их немедленно пропустили. За воротами тоже толпилась охрана. Посредине Проспекта Бразил увидел аккафианина, чиллианина, умиау, лежащую в чем-то вроде квадратной ванны, и кого-то еще.

Он внимательно посмотрел на Провидца и Опору, и последние фрагменты картинки-загадки легли на свое место. С самого начала роль северянина была не ясна, и Бразил ничего не знал о гексе этого создания — ни о географическом положении, ни о его культуре. Тем не менее было ясно, что северянин — главный виновник многих бед, случившихся с его группой.

Стемнело. Маленькие газовые фонари, горящие вдоль Проспекта, придавали этой сцене мрачноватый вид.

— Побудьте здесь, — наказал Бразилу чиновник. — Я позову посла Ортегу.

Бразил подошел к умиау, проигнорировав остальных чужеземцев.

— Значит, вы и есть Элкинос Скандер, — решительно сказал он.

Русалка озадаченно взглянула на оленя.

— Да? А вы кто или, может быть, что?

— Натан Бразил, — представился тот. — Это имя вам что-нибудь говорит? Если быть точным, я прибыл сюда, чтобы отомстить вам за семь убийств.

Умиау открыла рот:

— Семь убийств? Что, черт возьми, вы имеете в виду?

Бразил заметил, что трое чужеземцев, которые стояли слева от Скандера, проявили к его словам явный интерес. Остальные просто следили за ними.

— Я был капитаном грузового корабля, обнаружившим на Далгонии семь обуглившихся тел. Ни один из этих людей не причинил вам вреда, и у вас не было никаких оснований для убийства.

— Я не убивал их, — твердо заявил Скандер. — Их убил Варнетт. Но что из этого? Вы предпочли бы открыть этот мир для коммов?

— Так вот оно что... — печально произнес Бразил. — Семь человек умерли, ибо вы боялись, что их правительства установят контроль над марковийским мозгом. Скандер, вы прекрасно знаете, что это весьма сомнительная причина. Ворота не открылись бы перед ними.

— Конечно, открылись бы! — грубо прервал его Скандер. — Они открылись, когда Варнетт и я подобрали математический ключ к мозгу. И они были еще открыты, когда вы с вашей шайкой провалились в них.

Бразил медленно покачал головой.

— Нет, Скандер. Ворота открылись только потому, что оба вы захотели, чтобы они открылись. Это и есть ключ. Даже если бы вы не знали, что Ворота ведут сюда, а не к далгонийскому мозгу, вы понимали, что какие-то Ворота существовать должны, и страстно желали обнаружить их. Убить Бевиниера и остальных вы решили еще до того, как нашли их. Варнэтт это понял. Он надеялся отыскать Ворота, но боялся, что, сделав это, умрет. Вот что их открыло, а вовсе не ваши математические находки. Они не открывались со времен марковиан и не открылись бы никогда, если бы не возникли соответствующие условия.

— Тогда почему же вы провалились в них? — прошипел Скандер. — Почему они открылись для вас?

— Они и не открылись, — спокойно ответил Бразил. — Хотя мне следовало бы знать, что они там существуют.

— Но они открылись для нас, Бразил, — вмешался Хаин.

— Не для вас, Хаин, и не для меня, и не для Вардии, — сказал Бразил. — Но в составе нашей группы был еще один человек. Потерявший всякую надежду, мечтающий о смерти, желающий избежать того, что было предначертано ему судьбой. Мозг, чувствительный к подобным вещам, засек это и заманил нас на Далгонию, подав ложный сигнал бедствия. Мы прилетели туда, и, когда Ву Чжули ступила на перекрестие, Ворота открылись, пропустив всех нас.

— Я вспомнил! — воскликнул Скандер. — Вардия рассказывала мне о вас, когда мы сидели в плену в Стране! Она рассказала, как исчезли флаеры. Тогда я решил, что все это подстроили вы и что вы — марковианин. Все факты сходились. Кроме того, это объясняло, почему в отличие от остальных вы бесконтрольно действовали в Мире Колодца.

— То обстоятельство, что Ворота открыла девушка, а не Бразил, нисколько не обесценивает ваши умозаключения, профессор, — раздался у них за спиной спокойный хриплый голос.

Все обернулись, и перед ними во всей своей красе предстал Серж Ортега — пять метров змеиного хвоста и два метра массивного шестирукого тела.

— Серж, мне бы следовало знать тебя лучше, — с юмором сказал Бразил.

Улик пожал своими шестью плечами.

— Это было шикарное дельце, Нат. Проворачивая его, я наслаждался. В большинстве посольств обеих Зон я установил подслушивающие устройства, все разговоры записывались. Мне было известно, что происходит, кто чем занимается и имеется ли что-нибудь, представляющее интерес для меня и моего народа.

Бразил кивнул. Он бы улыбнулся, если бы олень умел это делать.

— Значит, ты встретил нас не случайно? Ты уже знал, что я появился?

— Конечно, — ответил Ортега. — Маленькие камеры, расставленные в двух-трех точках возле Колодца, фиксируют любого, проходящего через Ворота. Если это оказывается человек, то первым прихожу я. Никого это особенно не волнует, поскольку Ворота Зоны рассылают их по гексам наугад.

— Меня вы не встречали, — заметил Скандер.

Ортега пожал плечами.

— Не мог же я жить в этом проклятом кабинете. Впрочем, это была ошибка — я потерял вас из виду. Но умиау так погано соблюдают секретность, что я раскрыл ваше убежище примерно через месяц.

— Ты следил за мной, начиная с Чилла, Серж? — спросил Бразил. — Как тебе это удалось?

— Запросто, — ответил улик. — Чилл обладает высокой технологией, но там нет природных ресурсов и поэтому существуют проблемы с металлами. Мы, как и многие другие гексы, поставляем им отдельные компоненты для машин и приборов, так вот эти компоненты имеют небольшие модификации. Например, в резонатор автоматического переводчика встроен дополнительный контур для трансляции. Радиус его действия невелик, но я знал, где ты находишься, и в большинстве случаев — вообще все, что мне было нужно. Думаю, Нат, ты понимаешь, что тебе придется играть в мою игру.

— Или ты убьешь остальных?

Человек-змея соорудил оскорбленную физиономию, но явно переиграл.

— Что ты, дружище! — воскликнул он. — Разве я говорил тебе нечто подобное? Ведь у меня есть Скандер, а если он потерпит неудачу, то Варнетт. Но я предпочитаю тебя, Нат. Вряд ли ты отличаешься от того Натана Бразила, которого я знал десятки лет. И ты знаешь меня лучше, чем кто бы то ни было, и тебе известно, как я поступаю в каждом конкретном случае. Поэтому я спрашиваю тебя: ты возглавишь эту группу?

Бразил коротко взглянул на своего старого знакомого.

— Зачем нам нужны другие, Серж? Почему не просто ты и я? — спросил он.

— Спасибо, Нат! Но лучше уж я вместе с остальными буду осуществлять экспертный контроль над твоими действиями и сообщениями. Этот контроль в какой-то степени послужит страховкой для всех членов игры. Северянин работает для группы лиц, настолько отличающихся от любого из нас, что я ничего не могу о них сказать. Тем не менее он, подобно

Хаину и растению, действует и в своих собственных интересах. Таковы, в сущности, и твои спутники. Никто из них не позволит другому занять главенствующее положение. Все вы даже будете вооружены пистолетами, с помощью которых сможете убить любого, кроме меня. Кстати, я сделал прививку против жала Хаина, так что и с этой стороны мне ничего не угрожает.

Бразил вздохнул.

— Как всегда, ловчишь, Серж? Между прочим, скажи, пожалуйста, если с самого начала это была твоя игра, почему нам пришлось сражаться и так далеко идти? Почему нельзя было просто всех собрать и отвести в нужное место?

— У меня не было ни малейшего представления, куда ты идешь, — честно ответил Ортега. — Скандер занимался исследованиями, Варнетт все бросил, остальные ничего не знали. Поэтому я просто следил за вашими группами. Когда стало ясно, куда направляются обе экспедиции, я постарался замедлить их продвижение, чтобы прибыть сюда раньше. Это оказалось легче, чем вы думаете: через Ворота Зоны в гекс Улик. Вот и все. Черт возьми, приятель, сотни раз я собирался отправиться в экваториальную зону. Никто еще не нашел дороги туда, а ведь сколько народу в течение многих лет пыталось это сделать!

— Но мы знаем, что вход расположен в конце Проспекта, — внезапно сказал Опора. — И со слов Скандера я понял, что войти туда следует в полночь.

— Верно по обоим пунктам, — подтвердил Бразил. — Но в данном случае этих сведений недостаточно. В первую очередь вам необходимо иметь страстное желание достичь центра Колодца; кроме того, нужно знать базовое уравнение, чтобы сообщить Колодцу: «Я отдаю себе отчет в своих действиях».

— Уравнение Варнетта, — пробормотал Скандер. — Уравнение, полученное в результате изучения клеток марковианского мозга. Это оно, не так ли?

— Разумеется, — согласился Бразил. — А самое главное, нельзя исключать того, что потребуется присутствие какого-нибудь марковианина. Состояние этого мира таково, что данное уравнение просто не поддается расшифровке. Был один шанс на миллион, что вам обоим удастся его открыть, и почти один на бесконечность, что вы сумеете попасть туда, где окажетесь в состоянии его использовать. Вы никогда не смогли бы применить его на Далгонии, так как для завершения оно требует некоего добавления. Это что-то вроде ответа на вопрос «Чего желаете?», причем вы должны изложить свое желание в математически корректной форме. Впрочем, в данном случае, если вы зададите мозгу такой вопрос, он выдаст простое заключение — «неудача».

— Но если это марковианин, то почему он не мог напрямую вступить в контакт с мозгом и сам решить все свои проблемы? — спросил слелкронианин.

Бразил повернулся к живому растению, и в его голосе отразилось замешательство.

— Я думал, что вы — Вардия, но ваш голос звучит совсем по-другому.

— Вардия слилась с слелкронианином, — объяснил Опора. Он рассказал о мыслящих цветах и об их необычном образе жизни. — Ей досталось немало мудрости и чрезвычайно эффективная сила мысли, но она — такая малая часть целого, что чиллианин по существу умер, — завершил свой рассказ Опора.

— Понимаю, — задумчиво сказал Бразил. — Значит, Вардий оказалось многовато. Наша, первоначальная, опять стала человеком.

Он снова повернулся к Ортеге.

— То же самое произошло с Вучжу и Варнеттом, — добавил он.

— Варнетт? — Скандер вскочил, расплёскивая воду. — Варнетт с вами?

— Да, но никаких фокусов, Скандер, — предупредил Ортега. — Если вы попытаетесь что-нибудь сделать с Варнеттом, я уж о вас позабочусь. — Он повернулся к Бразилу: — Это касается и тебя, Нат.

— Тут проблем не будет, — устало ответил Бразил. — Я приведу вас в Колодец, покажу то, чего вы так желаете, и даже отвечу на любой вопрос, который вы захотите мне задать, проясню любую неопределенность.

— Это нас устраивает, — заметил Опора, но в голосе его прозвучало предостережение.

ПРОСПЕКТ — ОКОЛО ЭКВАТОРА

Путешествие по Проспекту протекало без приключений, и никто не решался проверить физические способности Ортеги. Все шли туда, куда хотели попасть, и, как сказал улик, у каждого в глубине души был спрятан свой, эгоистический интерес. В продолжение всего пути Бразила грызла печаль, и это чувствовалось, хотя он пытался шутить. Четверо членов его группы держались вместе. Хаин странно поглядывал на Вучжу, но молчал, а Скандер, казалось, примирился с присутствием Варнетта.

И вот, освещенные лучами вечернего солнца, они остановились около Экваториального барьера, невероятно внушительного и казавшегося непреодолимым.

Барьер напоминал полупрозрачную стену, поднимавшуюся так высоко, что она сливалась с темно-синим безоблачным небом. На ощупь он был зеркально гладким, несмотря на то что противостоял попыткам многих рас сделать на нем хотя бы отметину, и тянулся от горизонта до горизонта.

Бразил подошел к стене и обернулся:

— Мы не сможем войти до полуночи, так что устраивайтесь поудобнее.

— Вы имеете в виду двадцать четыре ноль-ноль? — спросила подлинная Вардия.

— Конечно, нет, — усмехнулся Бразил. — Сутки в Море Колодца составляют примерно двадцать восемь стандартных часов, так что выражение «двадцать четыре ноль-ноль» звучит здесь по крайней мере нелепо. Слово «полночь» в данном случае надо понимать буквально — это половина ночи. Поскольку сутки длятся двадцать восемь часов и триста тридцать четыре тысячных часа и поскольку ось планеты абсолютно вертикальна, световой день составляет четырнадцать целых и сто шестьдесят семь тысячных часа, ночь — ровно столько же. Таким образом, полночь наступает через семь целых и восемьсот тридцать пять десятитысячных часа после захода солнца. Эти цифры были определены расчетным путем, когда сооружался барьер. Марковианские часы значительно отличались от наших, и время могло быть определено с идеальной точностью.

— Прекрасно, но как это сумеем определить мы? — поинтересовался Опора. — У нас имеется пара хронометров, но они не могут обеспечить такую точность.

— Не беспокойтесь, — ответил Бразил. — Хаин, поднимитесь повыше по поверхности барьера и наблюдайте за солнцем. Как только оно исчезнет на западе, сообщите нам. Будьте точны — лучше даже ошибиться и продлить светлое время. От этого момента мы отсчитаем по нашим хронометрам семь часов, а затем просто подождем, пока стена не раскроется. В нашем распоряжении будет около двух минут, поэтому все должны действовать быстро. Кто не успеет, останется снаружи.

— А какая внутри атмосфера? — спросил Скандер. — У нас с собой только два герметических скаффандра.

— Об этом тоже не беспокойтесь, — ответил Бразил. — Все мы дышим кислородно-азотно-углеродной смесью; в тех или иных пропорциях она принята по обе стороны барьера. Будет определен компромиссный состав, и, если эта смесь временно вызовет у кого-нибудь легкое головокружение, никаких проблем это не создаст. Единственная трудность, да и то незначительная, с которой мы можем столкнуться, заключается в том, что время от времени в Колодце возникают отдельные гравитационные импульсы, соответствующие выходящим оттуда силовым линиям. Это может причинить лишь некоторое неудобство.

Его объяснение удовлетворило всех членов экспедиции, и они уселись на гладкую мостовую в ожидании нужного часа.

— Ты и в самом деле — я? — робко спросила Вардия у слелкронианина, который бодрствовал только благодаря маленькому, похожему на лампочку, прибору, укрепленному на макушке. Слелкронианин тщательно обдумал ее слова и ответил:

— Мы — это ты, и мы — больше, чем ты. Все твои воспоминания и опыт — здесь, вместе с миллионами слелкрониан. Ты — часть нас, а мы — часть тебя. С помощью регистратора ты превращаешься в часть всеобщего синтеза, переставая быть изолированным обломком, запертым в этом теле.

— На что это похоже? — спросила Вардия.

— Это — конечная стадия, к которой должен стремиться любой, — сказал слелкронианин. — Нет индивидуальности, нет личности, которую можно

было бы испортить. Нет ревности, алчности, злобы, зависти и других свойств, вызывающих страдания. Все похоже, все идентичны, все тесно связаны. Поскольку мы — растения, нам требуются лишь вода и солнечный свет, а для дыхания — углекислый газ. Когда приходит время размножения, мы формируем семя и спариваем его с регистратором; оно прорастает, затем раскрывается цветок, который становится точно таким же, как мы. Регистраторы не мыслят и получают пищу из наших тел.

— Но чем вы занимаетесь? — спросила она с любопытством. — Какова цель вашей жизни?

— Всеобщее счастье в стабильном мире, — без запинки ответил слелкронианин. — Мы долго не могли распространить наш синтез. Теперь благодаря этому телу и твоему опыту мы сможем проникнуть в Чилл и размножиться. Мы применим чиллианские приборы для создания синтеза животных и растений. В конце концов мы распространимся на весь Мир Колодца, а с помощью Колодца — на все уголки Вселенной. Вселенная станет единой, и все будут наслаждаться совершенным равенством и счастьем.

Вардия на минуту задумалась.

— А если вам не удастся проделать это с животными?

— Удастся, — уверенно ответил слелкронианин. — Но в непредвиденном случае высший уничтожит низшего в соответствии с законами природы, действующими с незапамятных времен.

«Нет, — подумала Вардия. — Это существо не может быть мною. Или... или может? Ведь мое об-щество ставит перед собой ту же цель. Именно поэтому нас клонируют, не потому ли генную инженерию используют для того, чтобы сделать всех людей

идентичными, бесполоыми, готовыми на все?» В голову ей пришла неожиданная мысль, и она спросила:

— Но что же вы будете делать, когда добьетесь этого всеохватывающего синтеза? Что тогда?

— Тогда воцарятся совершенство, гармония и счастье, — ответил слелкронианин, словно читая литанию. — Настанет райская жизнь, и так будет вечно. Но почему ты об этом спрашиваешь? Разве мы — не ты? Или ты фактически не согласна с предлагаемым синтезом?

Вопрос смутил ее, так как ответа она не знала. Что произошло? Отчего за последние несколько недель пути двух Вардий так далеко разошлись?

Она обернулась и посмотрела на Ву Чжули и Натана Бразила. «У них возникло что-то вроде симбиоза, — подумала она. — И не имеет значения, какой вид обрел каждый из них. Он явно мог избежать колдовских чар в Ивроме, но рисковал жизнью, чтобы освободить ее».

Вардия села на жесткое выстуженное ночным холодом покрытие Проспекта, и ей почудилось, будто она уселась голым задом на кусок льда.

Что видела она такого, чего не видела ее сестра? Душевное волнение? Любовь? Иной вид взаимоотношений? Доброту? Что?

А что видела ее сестра? Страну огромных жуков, стремящихся обмануть друг друга. Хаина. Скандера. Тайнственное существо с Севера. Мыслящих роботов. Все они резко отличались от Натана Бразила, Вучжу и Варнетта, обвиненного в гибели семи человек, которых ему, по-видимому, просто не удалось спасти. Его считали виновным, несмотря на то что он поступал правильно и своевременно. Невозможно! И она вспомнила, как он явился ранним утром, неся искалеченное тело Бразила. Измученный, без

сил, чуть не надорвавшийся под тяжестью своей ноши и все же не желавший отправиться спать или есть до тех пор, пока Бразилом не займутся врачи. Он стоял, полуживой, у этого тела и плакал.

Почему?

Она снова вернулась мыслью к слелкронианину и его грезам. Совершенное общество. Рай. Навеки.

У марковиан все это было. Их мечты полностью воплотились в жизнь. Но они намеренно разрушили свою космическую империю, принеся в бесчисленные миры смерть, муки, боль и борьбу.

Чем же обернулось совершенство? Чего не хватало марковианам, если они объявили свою великую мечту ложью?

Бразил однажды сказал, что они забыли, как нужно любить. Но что такое любовь?

Неужели мы тоже забыли?

Эта мысль ужасно огорчила Вардию, но объяснить — почему она не могла. Впервые в жизни она почувствовала себя чужой, одинокой, жалкой, покинутой.

Обманутой.

Впервые в своей жизни и, может быть, впервые в жизни любого существа в Мире Колодца она поняла, на что это похоже — быть марковианином.

Не это ли ощущал Натан Бразил? Не потому ли он чувствовал, что проклят? Может быть, все эти тысячи лет он жил, разыскивая этот упущенный фактор в марковианской мечте и надеясь, что если не он, то кто-нибудь другой обнаружит его?

«Нет, — решила Вардия. — Он знал, что это такое, и пытался это объяснить».

Девушка вздрогнула. Никогда прежде она об этом не думала, никогда не размышляла, никогда не сталкивалась лицом к лицу с реальностью.

«О несуществующие, беззаботные Боги! — думала она с горечью. — Можно ли вообразить более ужасное проклятие! Или только Натан Бразил владел, глубоко внутри, тем, что было упущено, и никто другой?»

— Эй, Вардия, — раздалось позади нее. Обернувшись, она увидела Вучжу. — Ты уже очень давно сидишь с отсутствующим видом.

Вардия слабо улыбнулась, но промолчала.

— Сейчас все настроены мрачно и серьезно, — заметила Вучжу, присаживаясь рядом с ней. — Даже я.

— Это и есть наша миссия — завершение миссии, — откликнулась Вардия. — Там, в Колодце, имеется все, что ни пожелаешь. Только захоти. И все мы туда войдем. Не знаю, как другие, но я сейчас поняла, что не знаю, чего пожелать.

— А мне просто страшно, — мрачно сказала Вучжу. — Если бы у меня было желание, то оно заключалось бы в том, чтобы это никогда не кончалось. Я имею в виду путешествие, Натана, всех вас. Это было самое счастливое время в моей жизни. Боюсь, после того как мы туда войдем, хорошего не будет. Ничего.

Вардия сочувственно погладила ее по руке.

— Я знаю только одно, — тихо сказала она. — Я должна измениться. Я уже в чем-то изменилась. Теперь я должна понять — как и почему.

— Не нравится мне все это, — ответила Вучжу, и в ее голосе опять прозвучало дурное предчувствие. — Мне неприятна сама мысль об изменении по чьей-то прихоти. Никто не должен обладать такой властью. Я сказала об этом Натану, но он лишь покачал головой и отошел. И к тому же я ничего не понимаю. Я могу смело встретить смерть и зло. Но не могу выдержать страха перед неизвестностью, перед тем, что ждет меня внутри Колодца. Особенно находясь в одиночестве.

— Ты не одинока, — нежно сказала Вардия.

Взглянув на Бразила, уставившегося на стену, недвижимого и одинокого, Вучжу задрожала.

— Ты не одинока, — повторила Вардия, крепче сжимая ее руку.

Элкинос Скандер с интересом наблюдал за женщинами. Он отметил, что жители комм-миров сохранили немного человечности. Но эта человечность была погребена в них так глубоко, что понадобился Мир Колодца, чтобы извлечь ее на поверхность.

Правда, какой в этом смысл?

Пока все шло так, как он и планировал, за исключением слелкронианина и, возможно, северянина.

Но они наверняка не будут возражать против его просьб, обращенных к Колодцу.

Скандер посмотрел на Хаина, неподвижно стоявшего в темноте.

— Хаин? Вы спите? — тихо спросил он.

— Какой сейчас может быть сон? — ответил гигантский жук.

— Скажите мне, Хаин, что вы рассчитываете получить? Чего вы хотите от Колодца?

Несколько минут Хаин молчал.

— Власти, — сказал он наконец. — Я бы хотел сделать барона Азкфру императором Мира Колодца, этой галактики, а может быть, и Вселенной. Но в присутствии этой шайки я ограничусь тем, что сделаю его императором Аккафиана. Остальное отложу до будущих времен. Барон, мой господин, может все, за исключением борьбы с этим механизмом.

Скандер удивленно поднял тонкие русалочьи брови.

— А вы-то что получите от этого?

— Я стану королевой Азкфру, — возбужденно ответил Хаин. — Я воссяду рядом с ним на престоле, рожу от него детей, которые станут править вечно! Работники и даже знать будут беспрекословно повиноваться мне, выполнять все мои желания, завидовать и неустанно восхвалять меня.

Хаин помолчал, погрузившись в картины прошлого.

— Родился я в жалкой лачуге в дыре под названием Горинд на Афродите, — продолжал он. — Я был нежеланным, слабым ребенком. Мать била меня и в конце концов, убедившись, что я никогда не стану шахтером, выгнала на улицу. Я отправился в город. Питался отбросами, воровал, чтобы как-то существовать, спал в подворотнях. Я рос в грязи, наблюдая за жизнью владельцев шахт и транспортных контор. Однажды, когда мне было лет пятнадцать, я изнасиловал девушку и убил ее. Она сопротивлялась, пыталась царапаться — прямо как моя мать. Меня схватили и уже приговорили к перестройке психики, когда ко мне в камеру вошел один человек. Он сказал, что такие люди, как я, ему нужны, и, если я соглашусь служить ему и его хозяевам, он вытащит меня отсюда.

— И вы, конечно, согласились, — сказал Скандер.

— О да, и попал в совершенно новый для меня мир. Я обнаружил, что богачи, которым я завидовал, мечтают о еще большем богатстве и что их могущество проистекает из умения ускользнуть от ответственности. Я преуспел в этой организации. Я стал хорошо питаться, толстеть, приказывать другим, приобрел поместье на планете, принадлежащей моим хозяевам. У меня было вдоволь молодых женщин, цеплявшихся за меня из-за губки. Многие из них были моими рабынями, остальных я превратил в живот-

ных. Они бродили обнаженные по лесу в моем поместье, жили на деревьях и ели помои, которые готовили для них, словно для скотины.

Скандер почувствовал тошноту, но рассказ Хаина таил в себе какое-то патологическое очарование.

— Но теперь все это кончилось, — произнес он спокойно.

— Нет, не кончилось, — возбужденно ответил Хаин. — Теперь я хочу детей.

На это Скандеру возразить было нечего. Единственное, что он мог, — это пожалеть о том, что Хаин вообще существует.

— А что хотите получить вы, Скандер? — неожиданно спросил Хаин. — Ради чего все эти трудности, все эти усилия? Что вы хотите дбиться?

— Я хочу возратить человечество в его естественное состояние, — горячо ответил Скандер. — Я хочу избавиться от генных инженеров и философов из комм-миров, проповедующих политическое единство. Я хочу снова сделать людей людьми, и, чтобы спасти человечество, я, если это понадобится, готов даже уничтожить цивилизацию. Мы становимся расой роботов, Хаин, и либо мы будем бороться, либо откажемся от Вселенной в пользу других рас. Марковиане погибли из-за стагнации, и то же самое случится с нами, если мы не остановим этот процесс!

Хаин никогда не любил фанатиков, спасителей и прорицателей, но сейчас ему ничего не оставалось, как продолжить разговор.

— Скажите, Скандер, вы хотите вернуться обратно? Предположим, ваше желание исполнилось, что тогда?

— Я останусь здесь, — честно ответил Скандер. — Мне нравится это место — его разнообразие, необходимость всегда быть готовым к неожиданнос-

тям. У меня еще не было времени насладиться пребыванием в образе умиау. Однако мне хотелось бы увидеть, что случится с нашей малочисленной расой, если мой план осуществится. Не знаю, Хаин. А вы-то вернетесь?

— Только в качестве королевы — матери аккафиан, — без колебаний ответил Хаин. — Бок о бок с моим обожаемым лордом Азкфру. Я вернусь лишь для того, чтобы править, Скандер. На меньшее я не соглашусь.

Неожиданно перед ними возник Ортега. В руках он держал маленькие пистолеты. Один из них он положил перед Скандером, другой — перед Хаином.

— Прошу вас, — сказал он небрежно. — Эти прелестные вещицы стреляют энергетическими импульсами. В Колодце они сработают, как в любом высокотехнологическом гексе, и воздействовать будут на всех, кроме меня; этому воспрепятствует чудесный маленький контур.

Скандер поднял пистолет и посмотрел прямо в глаза Ортеги.

— Вы рассчитываете, что мы перебьем друг друга? — сказал он мягко. — Вы надеетесь, что, когда мы попадем в Колодец и узнаем, как он действует, разразится нечто ужасное. И тогда вы прикончите победителя.

Ортега улыбнулся.

— Все будет зависеть от вас, — спокойно ответил он. — Вы можете договориться со мной или с кем-нибудь другим или сделать так, как сейчас сказали, и начать стрелять. Но в любом случае я буду там, чтобы получить награду.

Тихо посмеиваясь, он заскользил дальше.

— Вот убудок! — выпалил Хаин. — Он не видел, что вытворяют Провидец и Опора. Любо-

пытно узнать, какой способ защиты он приберет на этот случай.

— Вы за него не беспокойтесь, — заметил Скандер. — Он хитрый старый пират и рассчитывает, что мы сами позаботимся о северянине. И будь прокляты его глаза, мы должны это сделать! Мы должны, или этот маленький мерцающий сукин сын первым упадет на нас.

— Значит, будьте благодарны за то, что эта змея попала в Мир Колодца, — увещающе сказал Хаин. — В противном случае он бы уже управлял галактикой.

Варнетт подошел к Бразилу, который все еще стоял перед Экваториальным барьером.

— Бразил! — тихо сказал он. — Вы не спите?

Натан Бразил медленно повернулся.

— Нет, не сплю, — ответил он. — Просто думаю. Знаете, я наслаждался этим приключением. Наслаждался от всей души. Теперь оно закончено, как все остальные эпизоды моей жизни. Так что мне нужно восстанавливать силы и начинать все сначала.

Варнетт пришел в замешательство.

— Я вас не понимаю, Бразил. Вы ведь как бы сидите в пилотском кресле. Одному вам известно, что находится там, внутри, — ведь вам это известно, не правда ли? У вас имеется девушка, которая вас любит, и у вас есть будущее. В чем же дело?

Бразил покачал головой.

— У меня нет будущего, Варнетт, — ответил он. — Я уже знаю конец, и он мне не нравится. Я пойман в капкан. Проклят. Это развлечение вернуло мне слишком много боли и чересчур затянулось. Что же касается Вучжу, то она меня не любит. У нее глубокая потребность быть любимой. Она любит сим-

вол, нечто такое, что Натан Бразил сделал для нее, любит за то, что он как мужчина определенным образомотреагировал на нее. Но она хочет получить от меня то, что я не в силах ей дать. Она хочет осуществления своих грез о нормальности. — Он подвинулся и вытянул передние ноги. — Я не нормален, Варнетт. Я могу дать ей все, что она желает, в чем нуждается, чего заслуживает. Я могу сделать это для всех. Но я не могу участвовать, понимаете? Вот в чем заключается проклятие.

— Звучит как грандиозное проявление жалости к самому себе, — насмешливо сказал Варнетт. — Почему бы не получить то, что вам хочется, если вы все это можете сделать?

Бразил вздохнул.

— Скоро вы все поймете. Я лишь прошу вас запомнить одно, Варнетт. Запомнить и держать в голове в продолжение всего, что произойдет. По своей внутренней сущности я ничем не отличаюсь от всех вас.

— Чего же вы хотите, если можете иметь буквально все? — недоумевал Варнетт, по-прежнему сбитый с толку.

Бразил внимательно посмотрел на своего собеседника. В его взгляде отражалась мука, терзавшая его душу.

— Я хочу умереть, мальчик. Я хочу умереть — и не могу. Я не умру никогда. А я так жажду смерти.

Варнетт непонимающе покачал головой.

— Я не могу вас раскусить, Бразил. Я просто не могу понять вас.

— А чего хотите вы, Варнетт? — резко спросил Бразил, изменив тон. — Что бы вы желали для себя лично?

— Я много размышлял над этим, — ответил Варнетт. — Мне ведь только пятнадцать лет, Бразил.

Всего лишь пятнадцать! Мой мир населен обесчеловеченными людьми и холодными математиками. Думаю, мне понравилось бы наслаждаться жизнью, человеческой жизнью, и одновременно вносить посильный вклад в дело прогресса. Мне хочется остановить безудержное, стремительное сползание человечества в марковнианский ад и попытаться создать общество, которое могло бы развиваться на базе десятков тысяч культур и народов. Я был бы рад закончить построение уравнения, которое не далось представителям сверхрасы.

— Того же хотел бы и я, мальчик, — искренне сказал Бразил. — Потому что только тогда я смог бы умереть.

— Семь часов! — нарушил тишину дрожащий от возбуждения голос Ортеги.

Бразил обернулся. Все толкались, стараясь оказаться поближе к барьеру.

— Не волнуйтесь, — успокоил он их. — И смотрите внимательнее — в стене должен появиться свет. Когда этот свет приблизится, проходите внутрь. Не бойтесь. Ничего особенного не произойдет. Изменюсь только я, но будьте к этому готовы. Колодец придаст мне совершенно другую форму. Не тревожьтесь из-за этого и не перестреляйте друг друга. Когда мы все окажемся внутри, я поведу вас вниз, к Колодцу Душ, и по дороге все объясню. Не совершайте никаких опрометчивых поступков, так как только я могу с полной уверенностью доставить вас на место, а я не прошу никаких нарушений. Ясно?

— Хвастаешься, Нат? — самоуверенно произнес Ортега, но в его голосе отчетливо прозвучала тревожная нотка. — Впрочем, мы пойдем, если пойдешь ты.

— Я дал тебе слово, Серж, — сказал Бразил. — Я сдержу его.

— Смотрите! — крикнул слелкронианин. — Появился свет!

Участок стены, в который как бы вливался Проспект, осветился изнутри.

— Пошли, — спокойно произнес Бразил и вступил в барьер. Остальные, волнуясь, последовали за ним.

И тут неожиданно раздался голос Скандера.

— Я был прав! Я все время был прав! — закричал он, указывая вперед. Все посмотрели туда и затаили дыхание.

Вучжу с трудом сдержала вопль.

Колодец изменил Натана Бразила, как он только что их предупредил.

ПОЛНОЧЬ У КОЛОДЦА ДУШ

н стоял в самом конце Проспекта и был похож на гигантское человеческое сердце, розовое, с бесчисленными, красноватыми и синеватыми кровеносными сосудами. Наверху этого сердца располагалось кольцо белесых жгутиков, извивающихся, словно змейки. Из средней части мясистой, волнообразно колышавшейся массы через равные промежутки выступали широкие, мощные на вид щупальца, покрытые тысячами крошечных присосок. Щупальца были бледно-голубыми, присоски — крапчато-желтыми. Из-под извивающихся жгутиков сочилась какая-то густая бурая жидкость, она впитывалась кожей с той же скоростью, с которой выделялась, образуя на ней неравномерное пленочное покрытие.

И кроме того, он вонял. Вонял, как падаль, пролежавшая несколько дней на солнце. Запах ударил в ноздри с такой силой, что всех шатнуло.

Скандер что-то невнятно забормотал и повернулся к остальным.

— Видите, Варнетт? — сказал он. — Что я вам говорил? Шесть равномерно расположенных щупалец, высота около трех метров! Это марковианин!

Вся его враждебность исчезла. Это был профессор, читающий своим студентам лекцию и гордящийся тем, что правильность его теории доказана.

— Значит, ты действительно марковианин, Нат, — удивился Ортега. — Ну и ну, будь я проклят!

— Натан! — вскрикнула Вучжу. — Это... эта штука в самом деле вы?

— Да, — раздался голос Бразила, но, вернее, это был не голос, а мысль, сформировавшаяся у каждого из них в мозгу, на его собственном языке. Даже до Провидца он дошел непосредственно, а не через Опору.

Скандер вел себя, как ребенок с новой игрушкой.

— Конечно! Конечно! — заливался он радостным смехом. — Это же телепатия! Вероятно, и все остальное.

— Вы видите тело марковианина, — донесся до них голос Бразила, — но я — не марковианин. Колодец знает меня, и поскольку теперь на планете обитает много новых рас, совершенно естественно, что, входя сюда, я принимаю марковианскую форму. Это спасает от злого умысла.

Вучжу шагнула вперед, приблизившись к новому Бразилу.

— Назад, Ву Чжули! — как безумный завопил Хаин. — Ты моя!

Длинный липкий язык аккафианина метнулся к девушке и обвился вокруг ее тела. Ву Чжули закричала. Ортега бросился к жуку, держа пистолеты наготове.

— Ну-ну, ничего такого, Хаин! — сухо предупредил он. — Отпустите девушку.

Хаин застыл в нерешительности. Наконец язык вернулся на свое место, и Вучжу упала на пол, сильно ударившись. На ее теле выступили отвратительные кровавые полосы содранной кожи.

Натан Бразил подошел к ней и, подняв шупальце, нежно коснулся ее ран. Вонь стала невыносимой. От его прикосновения девушка съежилась, лицо ее выражало отвращение.

Сердцеобразная масса слегка наклонилась вперед.

— Форма не имеет значения, — передразнила она голос Вучжу. — В расчет идет лишь то, что внутри. — Затем произнесла прежним голосом Бразила: — А что если я — чудовище, Вучжу? Что тогда?

Вучжу расплакалась.

— Пожалуйста, Натан! Пожалуйста, не мучайте меня! — взмолилась она. — Не надо больше! Я... я просто не могу!

— Это так тяжело? — мягко спросил он, и девушка, продолжая плакать, утвердительно кивнула.

— Тогда поверьте мне еще раз, Вучжу, — все так же мягко произнес Бразил. — Не важно, почему. Закройте глаза. Я сделаю так, что ваша боль утихнет.

Все еще плача, она спрятала лицо в ладонях.

Марковианин вытянул шупальце и погладил набухшие рубцы на ее спине и боках. Вучжу съежилась, но осталась неподвижной. Эта штука казалась липкой и противной, но раны исчезли.

Бразил отошел немного в сторону. Разобрать, где у него перед, где зад и есть ли вообще глаза, нос, рот, не было никакой возможности. Мясистая масса в центре пульсировала, но у этой пульсации не было четко выраженного ритма.

— Это же фантастика, Нат! — воскликнул Ортега.

— Мы пойдем в Колодец? — спросил их Бразил. — Пора доигрывать эту комедию.

— Что-то мне расхотелось, — нерешительно заметил Хаин.

— Возвращаться уже поздно, ослиная вы задница! — прервал его Скандер. — Не имея мужества, вы бы сюда не попали. Доведите дело до конца!

— Если вы последуете моему примеру, — сказал Бразил, — и встанете на эту движущуюся дорожку, то во время поездки мы сможем беседовать.

Как только они встали на дорожку, странное свечение Проспекта погасло, а внутри стены загорелись другие огни, осветившие на полкилометра пространство слева от них.

— Свет зажигается там, где мы в данный момент находимся, и гаснет, когда мы оттуда уезжаем, — объяснил Бразил. — Это делается автоматически. Слёлкронианин, для вас света здесь будет достаточно. Избавьтесь от своей жаркой лампы и оставьте ее на перегородке. Часов через четырнадцать автоматы уберут ее.

С этими словами марковианин резко ударил шупальцем по боковому ограждению, и дорожка поехала вперед.

— Мы направляемся к входным Воротам Колодца, — сказал Бразил. — Когда марковиане создавали этот мир, тысячи марковианских специалистов каждый день отправлялись с помощью этой дорожки в контрольный центр и в другие важные места внутри планеты. В те дни Проспект, разумеется, был открыт столько, сколько нужно. В конце работы, перед тем как Колодец покинул последний марковианин, он бывал открыт на очень короткие промежутки времени, чтобы дать возможность развиваться пограничным гексам и не впускать тех, кто передумал. В самом конце сюда приходили, да и то нерегулярно, только три десятка координаторов проекта, просто чтобы проверить, все ли в порядке. Когда из Колодца ушел последний техник, память о ключе к дверям Проспекта была стерта из его памяти, так что он уже не мог вернуться, даже если бы захотел.

Они двигались в жуткой тишине; освещение, внезапно загоравшееся перед ними, с треском выключалось, когда они проезжали очередной участок пути. Дорожка, казалось, испускала свой собственный свет, но его источник не был виден.

— Кое-кто из вас уже знает историю этой планеты, — продолжал Бразил. — Раса, которую вы именуете марковиданской, развивалась подобно другим расам и народам и наконец раскрыла энергетическую природу Вселенной, доказав, что не существует ничего, кроме первичной энергии, распространяющейся во всех направлениях, и что все материальное внутри нее, включая нас с вами, создано согласно правилам и законам природы, которые не определены только потому, что навязаны. Более того, во Вселенной все относительно.

— Но раз уж марковиданцы открыли математические закономерности, управляющие стабильностью, почему они их не изменили? — спросил Скандер. — Почему продолжали держаться правил?

— Они не осмелились попытаться решить главные уравнения, те, что управляют физическими свойствами и законами природы, — ответил Бразил. — Они могли вносить незначительные изменения, но здравый смысл должен подсказать вам, что для того, чтобы изменить главное уравнение, необходимо сначала уничтожить все созданное прежде. А если это сделать, то что произойдет с вами и с остальной Вселенной? Они не осмелились — и навязали новые, более скромные уравнения в локальных районах существовавшей Вселенной.

— Значит, они не боги, — тихо сказала Вардия. — Полубоги.

— Люди, — ответил Бразил. — Ни в коем случае не боги. О, я знаю, форма, которую я принял, резко

отличается от того, что вы себе представляли, но она не более, если не менее, чудовишна или необычна, чем у некоторых обитателей этого мира. Многие миллиарды существ с такими телами были гордой расой обычных людей. Они спорили, доказывали, боролись, строили, открывали — точно так же, как мы. Если их физическая форма была ближе к той, что нам знакома, не исключено, что вы были бы даже такими, как они. Запомните, они достигли божественного уровня не в результате использования естественных процессов, а благодаря успехам в сфере технологии. Это было похоже на то, как если бы одна из наших рас, в ее нынешнем состоянии, неожиданно открыла путь к полному исполнению желаний. Были бы мы готовы к этому? Сомневаюсь.

— А почему они умерли, Бразил? — спросил Скандер. — Почему они совершили самоубийство?

— Потому что и они оказались не готовы, — печально ответил Бразил. — Они победили материальную нужду, все болезни, даже саму смерть. Но они не победили самих себя. Их обуяла жажда наслаждений, каждый из них словно превратился в изолированный остров. Стоило лишь пожелать, и все получали все, что угодно.

Но неожиданно они обнаружили, что этого недостаточно, — продолжал Бразил. — Что-то было упущено. Утопия оказалась не завершением, а стагнацией. В этом-то и заключалось проклятие: знать, что предел достижим, но не знать, что он собой представляет или как его достичь. Они бились над этой проблемой, но решения не нашли.

В конце концов самый высокоразвитый марковианский мозг вывел заключение, что где-то они что-то потеряли и не добились подлинного осуществле-

ния своих мечтаний. Социальное равенство ошибочно считалось панацеей, потому что не хватало какого-то основного компонента. Один плюс два плюс три равно шести, но если «плюс два» отсутствует, больше четырех не получишь.

И тогда они поняли, что достигли точки, дальше которой развитие невозможно, и что, если ничего не предпринимать, их ждет стагнация в вечной оргии гедонизма. Решение казалось простым: попытаться вернуть утерянный фактор или открыть его, каждый раз начиная все заново. Возобновляя свои попытки, они использовали разные условия и разные расы за исключением самих себя, считая, что любое повторение марковианского цикла будет иметь те же самые последствия.

— И они построили этот мир, — сказал Варнетт.

— Да, они построили этот мир. Гигантский марковианский мозг был помещен на орбиту около молодой звезды, не имеющей планетной системы. Создать гравитацию и атмосферу не составило никакого труда. Примерно в ста километрах над поверхностью мозга они соорудили внешнюю кору. Все гексагоны стали отделами мозга; их элементы поддерживались силовыми полями.

— Значит, этот мир был создан, чтобы перелить марковиан в новые формы? — спросил Скандер.

— В сущности цель была двоякой, — сказал Бразил. — Были призваны лучшие специалисты, представлявшие марковианскую расу. Стараясь перешеголять друг друга в творческой фантазии, они подготовили проекты биосфер. Проекты, оказавшиеся приемлемыми, были осуществлены, и через Ворота Зоны прошли добровольцы; они превратились в только что спроектированные существа и стали жить в только что спроектированных биосферах. Чтобы

провести испытание, требовалось несколько поколений. Марковиан это не волновало. Тысячелетия для них были ничто. Рождавшиеся в искусственно созданной среде поколения сменяли друг друга. Новые расы нуждались в создании культуры и в указаниях, как надлежит действовать. Их численность оставалась относительно стабильной, а силовые поля были намного устойчивее, чем сейчас. Расы должны были жить каждая в своем гексе, контакты с соседями практически отсутствовали. Всем пришлось строить свои собственные миры.

Теперь они ехали вниз, спускаясь в самые недра планеты.

— Но почему первое поколение не смогло создать высокоразвитую цивилизацию? — спросил Варнетт. — Ведь в конце концов они отличались от нас только внешне.

— Вы переоцениваете народы, обладающие высокой технологической культурой, Варнетт. Подумайте сами, мы знаем, как включать свет, но не знаем, откуда он появляется; никто из нас понятия не имеет, как создается большинство предметов материальной культуры, хотя мы находимся в униженной зависимости от них. Выброшенные в первобытную дикость, народы, о которых мы говорим, не имели ни запасов, ни фабрик; они были лишены всего, что не могли производить своими руками. Колоссальное количество переселенцев умерло от одного только перенапряжения. Те, что оказались покрепче и уцелели, построили для себя и своих детей новое общество. Они трудились во имя конкретной цели: выдержать испытания, добиться успеха и согласно вдохновлявшему их обещанию собраться когда-нибудь в полночь у Колодца Душ и отправиться в новый мир; чтобы создать там новую цивилиза-

цию и, может быть, стать прародителями будущей расы богов, которой будет подвластно все.

— И когда это происходило, вы были здесь? — нервно поинтересовалась Вучжу.

— Да, — сказал Бразил. — Я помогал создателю гекса Сорок один сто восемьдесят седьмого по счету, и последней расы, развивавшейся в этом гексе. Я не создавал его, я лишь советовал и иногда выручал. Конечно, мы все время похищали друг у друга идеи. Доминантные виды одного гекса могли быть изменены, с тем чтобы в другом гексе превратиться в обычных животных. Наша собственная раса буквально скопирована с крупных обезьян, населявших соседний гекс. Проектировщику они так понравились, что он не только сделал из них доминантную расу, но и создал бесчисленное множество вариантов этих животных.

— Стоп, Бразил! — сказал Скандер. — Возможно, остальные не очень разбираются в подобных вещах, но я — археолог. Старая Земля развивалась несколько миллиардов лет, медленно эволюционируя.

— Не совсем так, — отозвался Бразил. — Прежде всего время в каждом отдельном случае требовалось разное. Течение времени, необходимого для развития, в нашем секторе галактики было ускорено. В соответствии с первоначальным проектом на Старой Земле появилась форма жизни, которую мы и ожидали получить, но развивалась она самостоятельно. Так, в определенных условиях появились гигантские рептилии. Когда выяснилось, что наша раса не совместима с ними, небольшое изменение наклона планетной оси вызвало гибель динозавров, но при этом стресс испытали и другие организмы. Начали развиваться мелкие млекопитающие, и через какое-то время мы добавили к ним наших обезьян, рассчи-

тывая, что они займут на эволюционной шкале место динозавров. Когда мы решили, что созданы все подходящие условия, когда обезьяноподобные существа выжили, мы начали уходить. Вскоре в зонах с умеренным климатом появилась первая разумная жизнь. И снова у них не было ничего, кроме природных ресурсов. Они на удивление хорошо трудились, но последствия изменения наклона оси планеты вызвали диастрофизм и наступление ледникового периода, длившегося несколько столетий. Наше медленное развитие явилось результатом того, что эту катастрофу пережили лишь самые примитивные особи. Нечто подобное произошло во всех ваших родных мирах.

— Существует ли в таком случае мир, где обитают аккафиане? — спросил Хаин.

— Конечно, — ответил Бразил. — Давно существует. Возможно, он и больше, и духовно значительнее наших миров. То же самое касается умиау, чиллиан, слелкрониан, диллиан и прочих. Я не знаю, как они сейчас функционируют, изменились ли они и почему, но склонен думать, что некоторые старые миры далеко продвинулись в своем развитии. Память подсказывает мне, что было создано и рассеяно около миллиона рас; когда мы попадем в сам Колодец, можно будет точно узнать, какие из них еще существуют.

Внезапно прямо впереди возник ярко освещенный шестиугольник.

— Входные Ворота Колодца, — сказал Бразил. — Одни из шести. Они могут перебросить вас куда угодно, но если у вас нет иных пожеланий, они доставят вас в центральную контрольную зону и к наблюдательным постам. Когда мы подъедем к ним, немедленно входите. Я не выключу их, пока все не пройдут.

Если это случайно сделает кто-нибудь другой, просто подождите, пока свет не загорится снова.

Когда они вошли в Ворота, свет неожиданно погас, и они испытали крайне неприятное чувство падения. Затем свет так же неожиданно зажегся.

Они очутились в огромном куполообразном зале, из которого во все стороны уходили сотни коридоров. Ворота находились в центре, и Бразил торопливо спустился вслед за остальными, осматривающимися вокруг с благоговейным страхом.

Место это выглядело весьма необычно. Казалось, что стены, пол и потолок зала сложены из крошечных шестиугольных пластинок полированной слюды, отражающих свет и сверкающих, как миллионы драгоценных камней.

Примерно посередине между Воротами и вершиной купола силовое поле поддерживало огромную, медленно вращающуюся модель Мира Колодца. У нее был терминатор*, и половину планеты окутывала тьма. Вероятно, ее изготовили из того же напоминающего слюду материала, но гексагоны на модели были значительно крупнее, приполюсные районы не имели разрывов, и посредине ее опоясывала черная матовая лента. Сфера казалась покрытой тонкой прозрачной пленкой, состоявшей из сегментов, в точности совпадавших с шестиугольниками под ними.

— Вот так Мир Колодца выглядел из космоса, — сказал Бразил. — Это — точная модель, тысяча пятьсот шестьдесят гексов, Зоны, иными словами — все. Но в сущности это больше, чем модель. Это — само-

* Терминатор — граница между освещенной и не освещенной частями поверхности планеты.

стоятельный марковиданский мозг, содержащий главное уравнение, необходимое для стабилизации всех новых миров. Он снабжает Колодец энергией и позволяет большому мозгу, находящемуся вокруг нас, делать свою работу.

— Где контрольные устройства, Нат? — спросил Ортега.

— Каждая биосфера имеет свою собственную систему контроля, — ответил Бразил. — Все они связаны с этим местом наподобие пчелиных сот. Каждый гекс контролируется как часть всего Мира Колодца. Большинство контрольных приборов, конечно, не связано непосредственно с гексами. То, что мы видим сегодня, — это гексы, созданные в последнюю очередь, в том числе неудачные. Например, такие, как царство фей. Обитатели некоторых из них попали в последнюю группу покинувших эту планету, кое-где сохранились остатки населения гексов, выполнивших свое предназначение, некоторые диллиане, умиау и им подобные, не желающие покинуть Мир Колодца из-за боязни не найти себе места в других мирах. Их немного, и они погублены взлетами и падениями цивилизации, став жертвами суеверий, страха, ненависти. На Старой Земле не уцелел никто, но мы мало что делали, чтобы начать все сначала, и восстановление шло медленно. Однако пора отправляться в контрольный центр.

Перебирая щупальцами, он двинулся по одному из коридоров, за ним не без колебаний потянулись остальные, держа наготове свои пистолеты.

Они долго спускались вниз, мимо бесчисленных закрытых гексагональных дверей. Наконец перед одной из них Бразил остановился, и она открылась.

Когда все вошли внутрь, зажегся свет. Комната была сделана из того же материала, что и огромный

зал. Однако здесь в стены были вмонтированы контрольные приборы, выключатели, рычаги, кнопки и прочее в том же духе, а прямо перед ними находился большой черный экран.

— Ну что ж, вот он, и все еще действует, — сказал Бразил. — Посмотрим, — пробормотал он и направился к приборной панели.

Остальных внезапно охватил страх, и они нацелили на него свои пистолеты. Мерцающие огоньки Провидца начали мигать все быстрее и быстрее.

— Ни к чему не прикасаться! — крикнул Ортега.

— Я просто хочу кое-что проверить, — спокойно ответил Бразил. — Да, вижу. В этой комнате была запрограммирована цивилизация, которая по-прежнему расширяется. Это межзвездная, а не пангалактическая цивилизация. Население чуть превышает триллион с четвертью.

— Если она высокотехнологическая, значит, не наша, — с облегчением сказал слелкронианин.

— Не обязательно, — ответил Бразил. — Технологические уровни, установленные в Мире Колодца, за его пределами никому не навязывались. Их создание было продиктовано необходимостью решения проблем, с которыми вы столкнетесь на вашей родной планете. Высокотехнологическая раса обладала обильными и легкодоступными ресурсами, низкотехнологическая — имела намного меньше. Поскольку любой мир логически и математически развивается в соответствии с законами природы, одни миры были лучше обеспечены, чем другие. Мы просто компенсировали трудности, связанные с созданием в будущем мире определенного уровня цивилизации, а вовсе не препятствовали этому процессу. Мы разрабатывали альтернативные варианты развития, представлявшие возможность жить без технологии, с тем

чтобы население таких гексов было лучше подготовлено. Некоторые из них действовали прекрасно. Большая часть магии, которую вы здесь обнаружили, — это не магия Колодца, а реальная психическая сила, развитая обитателями нескольких гексов в качестве компенсации за низкотехнологический статус. То, что они могли использовать здесь, они могли применить и в своем мире.

— Провидец говорит, что это правда, — прокомментировал Опора. Это были чуть ли не первые слова, произнесенные северянином с тех пор, как они отправились в последнее путешествие. — Провидец утверждает, что вы были ответственны за его предсказание, согласно которому мы попали сюда.

— В некотором смысле это так, — ответил Бразил. — Когда я прошел через Ворота Зоны, марковнианский мозг распознал во мне уроженца гекса Сорок один и послал меня туда. Однако он обнаружил и то, о чем я не подозревал: что волны моего мозга имеют те же характеристики, что и волны мозга марковниан. В результате он предположил, что я нахожусь здесь для того, чтобы дать ему дальнейшие инструкции или выполнить определенную работу. Когда он сделал это умозаключение, Провидец, невероятно чувствительный к такого рода вещам, перехватил послание, хотя и несколько искаженное.

Он остановился и слегка наклонился к ним.

— И вот мы теперь здесь, — произнес он с грустью, — в контрольном центре, и всех вас обуял страх, и ваши пистолеты направлены на меня. «Даже твой, Ву Чжули, — подумал он с невыразимой печалью, — даже твой». — Я пытался дать человечеству жизненные правила, — продолжал Бразил, — которые смогли бы удержать его от саморазрушения. Никто не слушал меня. Тип Сорок один сильно испортился.

Он отправился к звездам, и это дало ему возможность выплеснуть свою агрессивность, даже сейчас его составные части ищут пути для того, чтобы господствовать друг над другом, убивать друг друга, править друг другом. Стремление к господству обуяло даже тех, кто не принадлежит к человеческому роду, — и вас, северянин, и вас, слелкронианин. Взгляните на себя! В вас клокочут, вас пожирают алчность и властолюбие! Единственная причина, по которой вы еще не перебили друг друга, — это ваш общий страх передо мной. Как смеете вы обвинять Хаина, или Скандера, или все общество? Как вы смеете?

Кто из вас думает о людях, за судьбой которых следят эти контрольные устройства? — гневно продолжал он. — Неужели их будущее абсолютно никого не волнует? Вы не желаете спасти их, улучшить их жизнь? Нет, страх сидит внутри вас, страх за вашу собственную шкуру! Так вот запомните: главное, что было упущено в базовом уравнении, — это ваш врожденный эгоизм. Никто не заботится ни о ком, кроме себя самого! А теперь посмотрите друг на друга! Посмотрите, в каких чудовищ вы превратились!

Их сердца колотились, нервы были напряжены до предела. Первым опомнился Опора.

— А как насчет вас, Натан Бразил? — монотонно произнес он. — Разве наши пороки — не отражение пороков, гнездящихся в вас, в вашей расе, марковианах, которые не смогли дать нам то, чего у нас недостает, потому, что у них самих этого не было?

Бразил уже взял себя в руки и ответил вполне спокойно:

— Марковиане хотели жить в этой Вселенной, а не управлять ею. Они верили, что наше общее выживание предопределяется случайным фактором — судьбой. Вот почему они закрыли Колодец. Ни один

из нас не мог бы оказаться здесь иначе как по случайному стечению обстоятельств.

— Где находятся контрольные устройства, Нат? — повторил свой вопрос Ортега.

— Мы сами найдем их! — прервал его Хаин. — Варнетт раскрыл главный код, он должен разобраться и с этим.

В голосе Бразила зазвучала глубокая грусть.

— Слабостью всех марковидов была гордость, и вы — ее отражение. Успокойтесь и позвольте мне коснуться панели. Я покажу вам контрольные устройства и объясню, как ими пользоваться. Давайте посмотрим, что произойдет.

Ортега кивнул, держа пистолеты наготове. Бразил вытянул щупальце и коснулся маленького щитка позади себя.

Черный экран осветился, и оказалось, что это не экран, а огромный туннель овального сечения, который тянулся в глубину, насколько хватало глаз. В нем мелькало бесчисленное множество крошечных черных пятнышек, а между ними металась в безумной пляске молнии, триллионы мерцающих огненных арок толщиной в волос перелетали с одного пятнышка на другое.

— Вот ваши контрольные устройства, — с отвращением произнес Бразил. — Все, что вам надо сделать, чтобы изменить коэффициенты, — это поменять контакты между двумя или несколькими контрольными пятнами.

Обернувшись, он увидел на их лицах глубочайший ужас. «Они боятся меня! — подумал Бразил. — Они все испытывают передо мной смертельный страх! Боже мой! Вучжу, которая считает, что любит меня, Варнетт, рискнувший ради меня своей жизнью, Вардия, так доверявшая мне, — все они напу-

ганы. Я не причинил им никакого вреда. Я даже ничем не угрожал им. Да и не смог бы сделать этого, даже если бы захотел. Сумеют ли они вообще когда-нибудь понять, что у нас — общие корни, что все мы очень тесно связаны? Что мы все одинаково любим, ненавидим, смеемся, плачем — живем, и я ничем не отличаюсь от них, просто я старше. Для примитивных существ я — Бог, цивилизованный человек, обладающий огромным могуществом, которое ему принесло знание, цивилизованный человек среди дикарей. Вот почему я всегда один. Они боятся, что не смогут меня понять или держать под контролем».

— Одна контрольная панель, — сказал он мягко. — Одна-единственная. Что такое — несколько триллионов жизней? Здесь прошлое, настоящее и потенциальное будущее целой галактики. И все это ваше. Но учтите — уравнение, которое вы так жаждете изменить, может являться базисом для одного или нескольких из вас. А может быть, нет. Оно чье-то. Ладно, кто хочет коснуться первого и второго контрольных пятен? Выходите. Теперь вам дается шанс поиграть в Бога!

Варнетт нерешительно подошел к туннелю. Он тяжело дышал, все его тело было покрыто испариной.

— Ну же! — подгонял его Бразил. — Смелее. Вы можете кого-нибудь уничтожить, не исключено, что несколько триллионов человек. Вы наверняка измените уравнение чьей-нибудь жизни, сделаете так, что два плюс два станут равны, например, трем. Может быть, кто-то из нас исчезнет. Может быть, никто из нас вообще не будет существовать. Валяйте! Кого волнуют такие мелочи?

Варнетт застыл на месте с открытым ртом. Это был просто очень испуганный пятнадцатилетний мальчик.

— Я... не могу, — почти прорыдал он.

— А вы, Хаин? — Голос Бразила звучал невероятно напряженно. — Провидец? Может быть, вы что-нибудь предскажете? Вардия? Серж? Вучжу? Слелкронианин?

— Ради Бога, Бразил! — завизжал Скандер. — Вы же знаете, что мы не осмелимся коснуться этих штук, пока не поймем, как действует панель.

— Он блефует, — проворчал Хаин. — Пожалуй, я попытаю счастья.

— Нет! — закричала Вучжу, направляя свой пистолет на огромного жука. — Только не вы!

— Я даже покажу вам, как это делается, — спокойно сказал Бразил и повернулся к туннелю.

— Не двигайся, Нат! Еще одно движение, и я убью тебя! — угрожающе сказал Ортега.

Бразил остановился, и пульсирующая масса наклонилась к улику.

— Нет, Серж, ничего у тебя не получится. Проблема состоит в следующем. Я уже говорил, что я — не марковнианин, но никто меня не слушал. Я явился сюда потому, что вы могли повредить панель и причинить вред какому-нибудь народу. Я знаю, что никто не сможет использовать это устройство, но вы все сейчас сошли с ума, и кто-нибудь мог бы сломать его или попытаться счастья, как это только что собирался сделать Хаин. А самое главное, никто из вас не потрудился задать себе главный вопрос — вопрос, не имеющий ответа. Кто стабилизирует марковнианское уравнение, которое составляет основу Вселенной?

Воцарившуюся после этих слов тишину нарушили равномерные удары, похожие на биение огромного сердца; этот звук проникал им в кровь, пульсировал в висках, туманил сознание.

— Я был создан случайным выплеском первичной энергии космоса, — донесся до них голос Бразила. — И через бесчисленные миллиарды лет обрел сознание. Я был Вселенной и всем находящимся в ней. Я начал экспериментировать, играть с бушующими вокруг меня беспорядочными силами. Я создал материю и другие виды энергии, я создал время и пространство. Но скоро эти игрушки наскучили мне. Тогда я создал галактики, звезды и планеты.

Я наблюдал, как все росло и формировалось в соответствии с установленными мною правилами. Но и этим я пресытился. Тогда я создал марковиан и стал следить за тем, как они развивались согласно моему плану. Однако возникли трудности — марковиане знали и боялись меня, и, кроме того, базовое уравнение было слишком безупречным. Я знал всю линию их развития. И я изменил ее. В марковианское уравнение я включил фактор случайности, а затем прервал с ними прямые контакты.

Они росли, развивались, эволюционировали, менялись. Они забыли меня и селились там, где хотели. Но, прогрессируя в материальном отношении, они умирали духовно. Им не удавалось подняться до моего уровня и покончить с моим одиночеством. Из-за своей гордости они не могли испытывать братские чувства по отношению к такому существу, как я, а страх и эгоизм не позволяли им испытывать эти чувства по отношению друг к другу.

Тогда я решил стать одним из них. Я принял марковианский облик и явился к ним. Я узнал их во плоти, ощутил их радость и боль. Я пытался объяснить им, что такое зло, учил их тому, как побеждать внутренние страхи и самостоятельно избавляться от болезней, говорил о том, что разумнее не стремиться

к материальному благополучию, а искать ответы внутри себя. Они не обращали на меня никакого внимания.

И все же у них был нравственный потенциал. Он существует и сейчас. Отклик Вучжу на доброту и заботу. Самопожертвование Варнетта. Способность Вардии быть нужной другим. Имеется масса других примеров, относящихся не только к нам, но и ко всему нашему народу. И откуда этот нравственный потенциал существует, я буду продолжать. Я буду трудиться в надежде, что настанет день, когда какая-нибудь раса разожжет из этой искры костер и построит разумный мир, только тогда придет конец моему одиночеству.

Несколько секунд все молчали. Наконец Ортега спокойно сказал:

— Всю свою жизнь я был католиком, но никогда не слышал, чтобы Бог являлся в образе маленького отважного еврея по имени Натан Бразил. Но допустим, что сказанное тобою — правда. Объясни нам тогда, пожалуйста, почему ты не бросил нас? И почему продолжаешь жить нашей грязной, ничтожной жизнью?

— Пока горит искра, у меня остается надежда, Серж, — ответил Бразил. — На тот самый фактор случайности, о котором я уже говорил. Если она погаснет, я уйду. Может быть, начну все сначала, может быть, наконец умру. Мне бы хотелось умереть, Серж, но если я это сделаю, я все унесу с собой. Не только вас, но вообще все и всех, так как я стабилизирую уравнение Вселенной. И все вы — мои дети, и я забочусь о вас. Я не могу вас бросить — пока не погасла искра, вы — не только худшее, но и лучшее, что есть во мне.

Тук-тук-тук — продолжалось громкое биение, единственный посторонний звук, раздававшийся в комнате.

— Нет, Нат, ты — не Бог, — невозможно сказал Ортега. — Ты самый обыкновенный псих. Кто угодно сойдет с ума, если проживет так долго. Скорее всего ты — марковианский пережиток, который рехнулся, после того как миллиард лет был отрезан от своего естества. Если бы ты был Богом, ты бы просто взмахнул своими щупальцами или чем-нибудь еще и получил бы все, чего желаешь. К чему Богу скитания, боль, мучения?

— Варнетт! — позвал Бразил. — Хотите объяснить это математически?

— Я не совсем согласен с Ортегой, — осторожно ответил Варнетт. — И я понимаю, куда вы клоните. Это та же самая дилемма, с которой мы столкнулись здесь, у этого контрольного пульта.

Предположим, мы позволим Скандеру сделать то, что он хочет, — ликвидировать коммов, — продолжал математик. — Предположим, что сейчас Бразил точно покажет ему, как это можно осуществить, — что нажать и в какой последовательности. Но комм-концепция и комм-миры развиваются в соответствии с нормальным течением социальной эволюции человечества — не важно, верным или ошибочным. Они вызваны к жизни бесчисленными событиями, условиями и идеями. Вы не можете просто так избавиться от них; вы должны изменить уравнение, с тем чтобы они вообще никогда не возникли. Вы должны изменить всю историю человечества, все прошлые события, которые привели к их формированию. Новая линия развития, которую вы бы создали, была бы совершенно иной, в ней не было бы ни одного из тех критических моментов, которые привели к появлению коммов. Может

быть, это какой-то выход. Может быть, это единственный выход. Может быть, человек обречен на самоуничтожение, если отсутствует хотя бы один из перечисленных мною факторов. Но может быть, то, что мы получим, окажется еще хуже.

— Совершенно верно, — сказал Бразил. — Но если вы хотите получить что-нибудь значительное, вам необходимо изменить прошлое, всю его структуру. Ничто не исчезает и не появляется просто так. Мы все — результат нашего прошлого, как хорошего, так и плохого.

— Что же тогда делать? — простонал Скандер.

— Несколько вещей сделать можно, — спокойно ответил Бразил. — Большинство из вас рвется к власти. Ну что ж, вот она — власть.

С этими словами он направился к контрольному пульта.

— Боже мой! Он идет туда! Стреляйте, идиоты! — завопил Скандер и начал палить в Бразила из своего пистолета.

В следующую секунду его примеру последовали остальные. Они поливали Бразила таким количеством энергетических импульсов, которого хватило бы, чтобы уничтожить целое здание.

Огоньки Провидца часто замигали, и в тело марковианина вонзились жгучие молнии.

Бразил стоял как ни в чем не бывало.

Постепенно пальба прекратилась.

— Я же говорил вам, что вы не можете причинить мне никакого вреда, — сказал Бразил. — Никто из вас не может этого сделать.

— Вот дерьмо! — выругался Ортега. — В Мури-теле твоё тело было разорвано в клочья!

— Ну конечно! — возбужденно воскликнул Скандер. — Эх вы, глупцы! Это тело сконструирова-

но непосредственно марковианским мозгом. Мозг не позволяет разрушить его, так как оно, в сущности, является частью самого мозга.

— Именно так, — согласился Бразил. — И я могу приказывать мозгу прямо отсюда. Я в состоянии делать это с той минуты, как мы вошли в Колодец. Я лишь хотел преподать вам урок.

— Похоже, что мы находимся в вашей власти, марковианин, — сказал Опора. — Что вы намерены делать дальше?

— Я могу воздействовать отсюда на любые вещи, где бы они ни находились, — сказал Бразил. — Мне нужно лишь сообщить мозгу исходные данные, и дело с концом. Правда, для каждого типа имеется свой контрольный пульт, но все они универсальны. Каждый из них можно переключить на любую форму жизни.

— Но ты говорил... — запротестовал Ортега.

— Если употреблять лексику Сержа Ортеги, то я соврал, — ответил Бразил, и в его голосе прозвучала веселая нотка.

Вучжу бросилась к Бразилу и остановилась перед ним.

— Пожалуйста! Пожалуйста, не губите нас! — взмолилась она.

В голосе марковианина послышалось бесконечное сострадание.

— Я не собираюсь губить вас, Вучжу. Я — тот же самый Натан Бразил, которого вы знали с начала этой истории. Изменился я только внешне. Я ничего вам не сделал, ничего, чтобы заслужить подобное обвинение. И вы прекрасно знаете, что я не смог бы причинить вам вред. Я бы не смог... — Его голос не дрогнул; теперь в нем звучали боль и глубокое страдание, вызванные одиночеством, в котором протека-

ла его невообразимо долгая жизнь. — Я бы никогда не смог стрелять в вас, Вучжу, — сказал он.

Девушка горько расплакалась.

— Боже мой, Натан! Простите меня! Я не поверила вам и испугалась. О Боже! Мне так стыдно! Я хочу умереть! — выкрикивала она, рыдая.

Вардия подошла к ней и отвела в сторону.

— Надеюсь, вы удовлетворены! — воскликнула она. — Надеюсь, вы довольны собой! Если вам так уж обязательно кого-то мучить — пожалуйста, делайте со мной что хотите, но ее оставьте в покое!

Бразил вздохнул.

— Приветствую в вашем лице более терпимое человечество, Вардия. Не думая о себе, вы проявили сострадание, позаботились о другом человеке. Для прежней Вардии это было бы просто немыслимо. Но если никто из вас так и не понял, что я имею в виду, я кое-что сделаю, не вам, а ради вас. Ради большинства, во всяком случае.

И повернувшись, он обратился сразу ко всем:

— Каждый из вас по-своему несовершенен. Совершенство — это цель эксперимента, а не его составная часть. Не терзайте себя, не бойтесь своих страхов. Встречайтесь с ними лицом к лицу! Не пасуйте перед ними! Боритесь с ними добротой, милосердием, состраданием! Побеждайте их!

— В нас слилось наследие предков и наше собственное прошлое, — напомнил ему Опора. — То, к чему вы призываете, действительно возможно, но наши недостатки предопределены самой судьбой. Разумно ли требовать от нас, чтобы мы жили по этим правилам, если они нам непонятны?

— Вы можете хотя бы попытаться, — ответил Бразил. — В этом тоже состоит величие.

«Тук-тук-тук» не умолкало.

— Что это за шум? — поинтересовался Ортега, сохранивший свой практицизм.

— Электрические цепи Колодца открыты для мозга, — ответил Бразил. — Мозг ожидает приказаний.

— И каковы же будут эти приказания? — нервно спросил Варнетт.

— Я должен осуществить кое-какую регулировку, — стал объяснять Бразил. — Несколько небольших операций, чтобы никто больше не мог случайно расшифровать базовое уравнение. Мне не хотелось бы еще раз пройти через все это. Иначе не будет никаких гарантий, что кто-нибудь еще не воспользуется представившейся возможностью, чтобы испортить эту структуру, нанеся непоправимый вред триллионам существ, никогда не знавшим удачи. Но на всякий случай входные Ворота Колодца будут отрегулированы так, что станут открываться только передо мной. Кроме того, нужно будет принять дополнительные меры безопасности, чтобы меня можно было вызвать, если дела примут дурной оборот.

Скандер издал довольный смешок.

— Это все? — спросил он с облегчением.

— Особенно приятно это слышать мне, — заявил Опора. — Нам важно, чтобы ничто не нарушило статус-кво. На некоторое время мы об этом забыли, но теперь полностью контролируем себя.

— Трудно сделать хоть что-то, не нарушив ничей покой, — сказал Бразил. — Но я произведу лишь незначительную регулировку. И прежде всего я позабочусь о том, чтобы ничего такого, похожего на газ Амбрезы, который низвел тип Сорок один до уровня обезьян, больше не появлялось. Для этого я намерен отключить некоторые приборы, контролирующие развитие технологии.

И поскольку мне невыносимо видеть, как деградировали обитатели гекса Сорок один, я внесу в его атмосферу новый компонент, который разрушит молекулы ядовитого газа и сделает его безвредным; я также намерен превратить этот гекс в абсолютно нетехнологический. Не знаю, какого уровня его обитатели достигнут, но держу пари, это лучше, чем их нынешняя участь.

— А что будет с нами? — спросил Хаин.

— Я не изменю то, что содержится внутри каждого из вас, — объявил им Бразил. — Иначе вы просто перестанете существовать, и это приведет к невероятной путанице. Поэтому, по сути, мне придется оставить вас такими, какие вы есть.

На мгновение Бразил умолк. Затем произнес голосом, подобным грому:

— Элкинос Скандер! Вы хотели спасти человечество любой ценой. Но если цель оправдывает средства, то вы хуже тех, кого презираете. На Далгонии остались лежать семь тел. Семь человек, которые вам верили, помогали и которые стали жертвами вашей жажды власти. Я не в силах их забыть. И если я изменю линию времени, поверну его вспять, ничего этого не случится. Мне жаль вас, Скандер. Мое приказание мозгу — воздаяние за прошлое.

— Это был не я! — завопил Скандер. — Это Варнетт! Я хотел спасти все миры! Я хотел...

Внезапно он исчез.

— Куда он подевался? — спросил Опора.

— Профессор отправился в мир, который подходит такому, как он, приняв форму, которая согласуется со справедливостью, — ответил Бразил. — Там он может быть счастлив. Предоставьте Скандера его судьбе.

Бразил с минуту помолчал, а затем снова раздался громовой голос.

— Датам Хаин! — воззвал он. — Вы — порождение ужасной жизни. Выросший в заразе, вы сами распространяете ее.

— У меня не было возможности избрать другой путь! — вызывающе крикнул Хаин. — Вы это знаете!

— Большинство выходцев из вашей среды оказываются в тяжелом положении, — согласился Бразил. — Тем не менее некоторые великие люди, родившиеся в подобных условиях, победили судьбу. Вы этого не сделали, хотя вы умны и обладаете всеми необходимыми для этого качествами. Сейчас вы продолжаете оставаться заразой. Мне жаль вас, Хаин, и, поскольку мне вас жаль, я исполню ваше желание.

Хаин стал чуть крупнее, его панцирь побелел. Он понял это, заметив, как изменился цвет шерсти на его передних ногах.

— Вы сделали меня знатной особой! — воскликнул он с облегчением, невероятно довольный.

— Вы — самая красивая самка-производитель в Аккафианской империи, — сказал Бразил. — Когда я верну вас во дворец, никто вас не узнает. Вы будете находиться в начале брачного цикла. Барон Азкфру увидит вас и сойдет с ума от страсти. Вы станете его горячо любимой королевой и родите ему наследника престола. Таков ваш новый жребий, Хаин. Вы довольны?

— На все это я мог лишь надеяться, — ответил Хаин и исчез.

Вучжу гневно взглянула на Бразила.

— Вы исполнили желание этого мерзавца? — воскликнула она. — Как вы могли наградить это... это чудовище?

— Это не награда, Вучжу, — ответил Бразил. — Понимаете, они скрывают от новоприбывших один важный факт аккафианской жизни. Большинство марклингов стерильны. Производителями становятся лишь немногие. Так вот, производитель вынашивает не менее ста детенышей, но они вылупляются внутри материнского тела и, пробивая себе путь наверх, пожирают его.

Вучжу пыталась что-то произнести, но сумела выдать из себя лишь протяжное «ох!», настолько страшная судьба Хаина потрясла ее.

— Слелкронианин! — объявил Бразил. — Мне не нравится ваша жалкая цивилизация, не нравятся и вы сами. Я изменю обстоятельства, и отныне регистраторы не смогут трогать другие мыслящие растения. Но лично вы представляете для меня проблему. С одной стороны, вы слишком опасны, чтобы предоставить вам свободу действий в Чилле. С другой стороны, вы чересчур много знаете, чтобы позволить вам вернуться в Слелкрон. Однако я считаю, что фактически вы не стали сколько-нибудь существенной помехой для нашей экспедиции. Если бы вы не заняли место Вардии, ничего бы не изменилось. Стало быть, вы не помешали, а в сущности — и не могли помешать.

Казалось, ничего не произошло, но тело чиллианина как-то преобразилось.

— Так что же вы намерены сделать со мной и с моей сестрой? — спросил чиллианин-Вардия. Для всех, кроме Бразила, слелкронианский эпизод перестал существовать. Слелкрон был всего-навсего приятным местом, где росли цветы и летали гигантские пчелы и где они побывали без всяких приключений. Но при этом Вардия-человек обнаружила, что чил-

лианская сестра, несмотря на душевные муки, отдаляется от нее.

Внезапно все стало таким, каким было прежде.

— Вардия, вы возвратили себе свое «я» и перестали быть сестрой самой себе, — сказал Бразил чилианину. — Думаю, вам будет приятнее возвратиться в Чилл, в Центр. У вас есть чем поделиться с соотечественниками. Расскажите им обо всем, что произошло. Они не сумеют использовать эти сведения непосредственно, но ваш рассказ наверняка поможет ученым определить, какие из их проектов имеют реальную ценность. Идите!

Она исчезла.

В комнате остались только Бразил, Провидец и Опора, Варнетт, Ву Чжули, Ортега и настоящая Вардия.

— Провидец и Опора, — обратился к северянину Бразил. — Ваша раса меня заинтересовала. Вы бисексуальны, представляете собой две абсолютно различные формы, слившиеся в единый организм, причем одна из форм обладает могуществом, другая — способностью чувствовать. Вы — представители славной расы, имеющей огромный потенциал. Возможно, вы сумеете выполнить предназначенную вам миссию и достичь высокого положения.

— Значит, вы отправляете нас обратно? — спросил Опора.

— Нет, — ответил Бразил. — Не в гекс. Ваша раса находится накануне выхода за пределы своего вектора. Близится критический момент, когда возникнет вопрос о целях. Я посылаю вас к вашему народу в его мир с миссией, которую вам поручаю. Дар Провидца поможет вам. Не исключено, что вы сумеете направить ваш народ по верному пути. Вот и все о вас. Вперед!

Провидец и Опора исчезли.

— Варнетт, — позвал Бразил, и мальчик дернулся так, словно в него выстрелили.

— Что в этой шкатулке с сюрпризами приготовлено для меня? — поинтересовался он с ложной бравадой.

— Все комм-миры находятся на разных ступенях развития, — сказал Бразил. — Ваш мир еще не успел зайти слишком далеко. Даже мир Вардии способен измениться. Худший из всех — Дедал, там избрали путь генной инженерии. Все его обитатели одинаково выглядят, одинаково говорят, одинаково думают. Они вроде бы сохранили мужской и женский пол, но инженеры позаботились и об этом. Люди там — гермафродиты, маленькие мужские гениталии расположены над вагиной. Беременеют они лишь однажды, затем теряют все сексуальные желания и потенцию. У каждого есть один ребенок, во всем, конечно, похожий на родителей; детей воспитывает государство. Это — абсурдный муравейник, но таков, возможно, образ будущего.

У людей Дедала даже нет имен. В них заложены покорность и довольство судьбой. Власть находится в руках Центрального Комитета. Эта малочисленная группа сохранила сексуальные способности, и члены Комитета немного отличаются друг от друга. Население запрограммировано таким образом, что беспрекословно подчиняется любому из этих руководителей. Комитет контролируется синдикатом торговцев губкой. Боюсь, что именно такой вид генной инженерии торговцы губкой собираются в конечном итоге распространить на всех, сами же они намереваются править.

Я даю вам возможность все это изменить. То, что мурни сделал для меня, я сделаю для вас. Вы станете

Председателем Центрального Комитета Рая, прежде именовавшегося Дедалом. Вы станете новым Председателем. Прежний только что отдал концы, и теперь вам предстоит взять все в свои руки. Если то, что вы некогда говорили мне, — правда, то вы сможете изгнать торговцев губкой с самой безопасной для них планеты и воссоздать на этой планете общество личной инициативы. Революция получится бескровной: народ будет повиноваться беспрекословно. Ваш пример и ваши усилия смогут предостеречь других от принятия курса Дедала. Отныне бразды правления находятся в ваших руках.

— Что произойдет с рассудком нового Председателя? — спросил Варнетт. — И что будет с моим телом?

— Все будет заменено, — ответил Бразил. — В вашем старом гексе проснется новый мальчик. Он будет все понимать. Он будет рожден, чтобы командовать.

— Лишь бы не этим сумасшедшим домом, — фыркнул Варнетт. — Ладно, принято.

— Прекрасно, — сказал Бразил. — Да, вот что я упустил из виду. Стоит вам когда-нибудь пожелать, и перед вами откроются любые марковианские Ворота. Вы сможете прожить здесь до самой смерти, но у вас есть право выбора.

Варнетт печально кивнул.

— Ладно. Я понял, — сказал он и исчез.

— Серж Ортега, — вздохнул Бразил. — Что, черт возьми, должен я сделать с таким старым мошенником, как ты?

— Какая разница, Нат? — усмехнулся Ортега. — В этот раз выиграл ты.

— Ты в самом деле здесь счастлив, Серж? Или это было просто частью игры?

— Я счастлив, — ответил человек-змея. — Черт побери, Нат, раньше мне было так чертовски скучно, что я готов был убить себя. Там, в прежнем мире, все стало чертовски цивилизованно, а я уже был слишком стар, чтобы оставаться человеком пограничья. Попав сюда, я восемьдесят лет наслаждался жизнью. Пусть я проиграл, но все это доставило мне огромное удовольствие. Я бы не упустил такое. предложи мне за это хоть весь мир.

Бразил засмеялся.

— Хорошо, Серж.

Ортега исчез.

— Куда вы его отправили? — нерешительно спросила Вардия.

— Средняя продолжительность жизни уликов — восемьдесят лет, — ответил Бразил. — Так что Серж очень стар. Жить ему осталось год, пять, может быть, десять лет. Пусть возвращается к себе и радуется жизни.

— Все хотят радоваться жизни, — тихо произнесла Вучжу.

Вдруг фигура марковианина задрожала, заискрилась, закружилась вихрем, стала менять форму, и перед девушками предстал прежний Натан Бразил, в том же ярком костюме, который был на нем на корабле целую вечность назад.

— Боже мой! — выдохнула Вучжу, глядя на него как на привидение.

— Бог свое дело сделал, — произнес Бразил нормальным голосом. — Теперь можете посмотреть, с кем вы фактически имеете дело.

— Натан? — робко сказала Вучжу, сделав к нему шаг.

Бразил поднял руку.

— Нет, Вучжу. После всего того, что произошло, у нас ничего не может получиться, но вы обе заслужили лучшую участь, чем та, которая вам досталась. Знайте, что таких, как вы — людей, лишенных возможности нормально развиваться, — миллионы. На вашу долю выпало мало радостей и много забот. Вам, Вучжу, знакомы ужасы губки и жестокое обращение. А вам, Вардия, знакома ложь, покоящаяся в основе комм-философии. Я много разговаривал с вами обеими и внимательно вас изучал. Я проанализировал всю информацию, которую смог получить от мозга, пока вы находились в этой комнате. Мозг дал мне рекомендации относительно того, что окажется для вас наилучшим. Если после испытания, которое я намерен провести, выяснится, что мы — мозг и я — ошиблись, то вам будет предоставлена такая же возможность выбора, которая была открыта перед Варнеттом. Вам нужно будет всего лишь оказаться поблизости от марковианских Ворот, то есть сесть на корабль, курс которого будет проходить недалеко от марковианского мира. Как только вы этого захотите, Ворота выдернут вас оттуда, не причинив вреда ни кораблю, ни пассажирам, ни команде. Вы просто исчезнете и снова окажетесь в Зоне. Подобно Варнетту, вы получите возможность еще раз пройти через Ворота. Но на этот раз возврата не будет.

И все же попытайтесь сделать хоть немного из того, о чем я толкую. И помните, два человека, если они захотят, смогут изменить мир.

— Но что... — начала Вучжу и замолчала, не закончив фразу.

Два тела не исчезли. Они просто упали и остались лежать, словно груда одежды, брошенная уехавшим владельцем.

Бразил подошел к ним и осторожно расположил так, что они казались спящими.

— Ну что теперь, Бразил? — спросил он себя. Его голос отозвался эхом в пустой комнате.

«Возвращайся и жди», — сказал ему рассудок.

Ничего другого ему не оставалось. Владельцы лежащих на полу оболочек стали для него воспоминанием, странной смесью любви и страдания. Он лишь оттягивал неизбежное.

Раздался треск, и тела поглотила первичная энергия.

— К черту! — прошептал Натан Бразил и тоже исчез.

Контрольная комната опустела. Марковианский мозг отметил этот факт и, повинуясь заложенной в него логике, выключил освещение.

НА — ПЛАНЕТЕ, ВРАЩАЮЩЕЙСЯ ВОКРУГ ЗВЕЗДЫ У САМОГО КРАЯ СОЗВЕЗДИЯ АНДРОМЕДЫ

Только что Элкинос Скандер восседал на спине у Хаина, разглядывая контрольную комнату. И вдруг все это исчезло.

Он огляделся. Предметы вокруг казались ему смешными и искаженными. Мир перестал быть многоцветным, все окрасилось в коричневые тона.

Скандер снова растерянно осмотрелся. «Я прошел еще через одно превращение, — осознал он. — Последнее».

Привыкнув к искажающему зрению, он увидел леса, высокие горы, непривычно выглядывшую траву, незнакомые виды деревьев, но во всем этом не было ничего особенно неожиданного.

Вокруг него паслось много животных. «Они очень похожи на оленей», — с удивлением отметил он. Действительно, отличий было мало, но животные держались совершенно спокойно; казалось, что они находятся в пасторальном, гуманном мире.

Скандер посмотрел вниз и увидел тень, которую отбрасывала его голова.

«Я — один из них! — внезапно ужаснулся он. — Я — олень! Рогов, таких, как у этих здоровенных самцов, у меня нет, значит, я — самка?»

«Олень? — подумал он удивленно. — Почему олень?»

Он все еще раздумывал над этим вопросом, когда неожиданно послышались крики, и в его поле зрения появились странные фигуры: длинные прямоугольные тела с лицами на груди и с большими-пребольшими зубами.

Он видел, как мурни окружили крупную самку, которая паслась неподалеку, и пронзили ее копьями. Она упала на землю и, все еще живая, в безмолвной агонии истекала кровью.

Мурни накинлись на нее и стали рвать на куски.

«Быть съеденным заживо!» — в ужасе подумал Скандер, и им овладела дикая паника. Он бросился бежать, бежать как можно дальше от этой страшной сцены.

Но тут откуда ни возьмись появилась еще одна группа мурни. Загнав другую самку, они начали ее пожирать.

«Они повсюду! — понял он. — Это их мир! Я — всего лишь пища!»

Несколько раз ему едва удалось избежать подобной участи. Мурни были тысячи, и все они хотели есть.

Измученный и оглушенный, описывая бешеные круги, он понимал, что, если ему даже удастся спастись сегодня, он будет вынужден делать то же самое завтра, и послезавтра, и послепослезавтра и что, куда бы он ни убежал на этой планете, его везде поджидают голодные мурни.

«Рано или поздно меня схватят! — думал Скандер в отчаянии. — Боже, но заживо они меня не съедят! Я обману Бразила с его мстью!»

Догадавшись, что ему следует делать, он несколько успокоился.

«Ну! Давай! — сказал он себе весело. — Вперед!»

Достигнув высокогорья, он заглянул за край обрыва. До скал, расположенных прямо под ним, было больше километра. Возвратившись немного назад, он повернул обратно и, собрав последние силы, бросился вниз.

Скалы метнулись ему навстречу, но он почувствовал лишь слабый всплеск боли.

Скандер проснулся. Уже сам факт, что он проснулся, потряс его. Он осмотрелся кругом.

Та же долина на опушке леса. Та же самая тень.

Он снова был оленем.

«Нет! — закричал в ужасе его рассудок. — Я еще обману этого ублюдка! Уж как-нибудь я обману его!»

Но в этом мире было много оленей и много мурни, а Скандеру предстояло умереть еще шесть раз.

РАЙ, ПРЕЖДЕ ИМЕНОВАВШИЙСЯ ДЕДАЛОМ, ПЛАНЕТА, РАСПОЛОЖЕННАЯ НЕПОДАЛЕКУ ОТ СИРИУСА

Варнетт застонал и открыл глаза. Ему было холодно. Оглядевшись, он увидел, что над ним с тревогой наклонились несколько человек.

Все они казались абсолютно одинаковыми. Нельзя даже понять, мужчины это или женщины. Маленькие груди и соски, гибкие и мускулистые тела — какая-то безумная смесь мужественности и женственности.

У всех были маленькие мужские гениталии там, где им и полагается быть, но лежащий на низкой кушетке Варнетт разглядел под ними маленькие влагалища.

Ни у кого на теле не было волос.

«Если заниматься сексом, перевернув партнера, — подумал он, — можно одновременно давать и получать».

— С вами все в порядке? — спросил один из этих людей мужским голосом, но с женской напевностью.

— Чувствуете себя хорошо? — словно эхо откликнулся другой.

— Кажется, да, — перешитительно ответил Варнетт и сел. — Только голова слегка кружится.

— Это пройдет. А как с памятью?

— Не очень, — осторожно ответил он. — Нужно будет ее немного освежить.

— Это нетрудно, — хором заметили его собеседники.

Он хотел спросить, как их зовут, но вовремя вспомнил: на его планете именами не пользуются.

Его планета! Его!

— Мне бы хотелось сразу же приступить к работе, — сказал он.

— Конечно, — ответил кто-то, и они повели его из сиявшего стерильной чистотой лазарета вниз, в такой же стерильно чистый коридор.

Лифт поднял их на самый верхний этаж в административный отдел. Десятки служащих подшивали здесь какие-то многочисленные бумаги, печатали, работали с компьютерами.

Варнетт заметил, что все вокруг ниже его ростом. Ненамного, но в мире, где все абсолютно одинаковы, даже такая незначительная разница сразу же бросалась в глаза.

У него оказался огромный комфортабельный кабинет. Весь пол от стены до стены был застелен белым мягким ковром, таким толстым, что ноги буквально тонули в нем. Все убранство составляли большой письменный стол и кресло с высокой спинкой.

— Принесите мне сводные данные о состоянии всех основных областей планеты, — приказал он. — Я хочу изучить эти материалы.

Поклонившись, служащие ушли. Варнетт посмотрел в окно.

Перед ним предстал комплекс одинаковых зданий. Широкие, обсаженные деревьями улицы, не-

сколько небольших парков и множество одинаковых фигур, спешащих по своим делам.

По светло-голубому небу бежали пушистые облака. Вдалеке виднелись обработанные поля. «Страна кажется богатой, мирной и плодородной», — подумал он. Разумеется, климат и рельеф вносят разнообразие в жизнь планеты, но он готов был держать пари, что различия эти минимальны.

Помощники вернулись с грудой папок, набитых бумагами. Он коротко поблагодарил их и велел оставить его одного.

Зеркала в кабинете не оказалось, но он увидел свое отражение в оконном стекле.

Он был абсолютной копией своих служащих, только немного выше ростом и, соответственно, чуть массивнее.

Он потрогал свои гениталии. Они были точно такими же, как и в то время, когда он пребывал в образе кузена Ушана.

Опустив руку чуть ниже, он обнаружил маленькое влагалище.

Варнетт разложил на столе бумаги, чтобы все выглядело так, будто он изучает их, и, усевшись в глубокое кресло, нажал кнопку интеркома. В дальнем конце комнаты немедленно возник секретарь.

— Я обнаружил сведения о том, что некоторые члены Президиума больны, — внушительно сказал Председатель. — Необходимо, чтобы в мой кабинет как можно скорее доставили группу врачей из самых отдаленных провинций. Я хочу, чтобы это было выполнено точно и быстро. Когда они смогут быть здесь?

— Если вы хотите, чтобы они прибыли из центров провинций, то на это потребуется десять часов, — заявил секретарь.

— Хорошо, — кивнул Варнетт. — Как только их сюда доставят, они встретятся со мной, и только со мной. Никто даже не должен знать, что за ними послано. Сказав «никто», я имел в виду абсолютно всех, даже тех, кто здесь работает.

— Я сам этим займусь, Председатель, — ответил секретарь и повернулся, чтобы уйти. «Столько хлопот из-за наркоманов», — подумал он.

— Секретарь! — неожиданно позвал Варнетт.

Тот остановился и повернулся к нему.

— Как мне быть с проблемой секса?

Секретарь был удивлен и даже несколько озадачен.

— В любой момент, когда только Председатель пожелает, — сказал он. — Это большая честь для любого гражданина.

— Доставьте мне сюда через пять минут наилучший экземпляр, — приказал Варнетт.

— Хорошо, Председатель, — понимающе кивнул секретарь и вышел.

Глаза Варнетта засверкали, и он весело потер руки, предвкушая то, что сейчас произойдет.

Неожиданно где-то в уголке его мозга возник образ Натана Бразила.

«Он сказал, что дает мне шанс, — подумал Председатель. — Я сдержу слово. Этот мир будет изменен!»

Дверь отворилась, и в комнату вошел еще один обитатель Рая.

— В чем дело? — резко спросил Варнетт.

— Секретарь велел мне срочно явиться к вам в кабинет, — объяснил посетитель.

Варнетт улыбнулся. «Да, этот мир должен быть изменен, но не сразу, — решил он. — Не раньше, чем я получу максимум удовольствия».

— Подойдите поближе, — сказал он весело. — Вам будет оказана честь.

НА ГРАНИЦЕ — МИР ХАРВИЧА

н открыл глаза и увидел наклонившегося над ним дурно пахнущего старика в широких штанах и клетчатой рубашке, с трехдневной щетиной на лице.

— Калли? Ты меня слышишь, мальчик? Скажи что-нибудь! — громко позвал старик.

Он застонал.

— Боже! Я весь в грязи! — выдавил он наконец. Старик улыбнулся:

— Отлично! Отлично! Я уж испугался, что мы тебя потеряем. Голова у тебя просто треснула.

Калли потрогал свою голову. Слевой стороны под волосами была здоровенная шишка и немного засохшей крови. Внутри пульсировала боль.

— Постарайся встать, — сказал старик и протянул ему руку.

Он взял ее и, шатаясь, поднялся на ноги.

— Как себя чувствуешь, малыш? — спросил старик.

— Голова болит, — пожаловался он. — Но вообще-то ничего.

— Говорил я тебе, найди хорошую девчонку, чтобы помогать на ферме, — рассерженно сказал

старик. — Если бы здесь случайно не оказался я, ты бы помер.

Мужчина в недоумении огляделся. Это и в самом деле была ферма. Несколько кур, полуразвалившийся хлев с парой коров и ветхая бревенчатая хижина. В поле, судя по всему, росла пшеница.

— Калли, что-то не так? — спросил старик.

— Я... а вы-то кто? — нерешительно спросил он. — И где я?

Старик испуганно посмотрел на него.

— Да ты, видно, повредил себе мозги, малый. Отправляйся-ка в город и покажись доктору.

— Может быть, вы и правы, — согласился он. — Но я все еще не знаю, кто вы, где я нахожусь и кто я.

— Наверно, магнезия* или что-нибудь в этом роде, — с беспокойством пробормотал старик. — Будь я проклят. Слышал о таком, но никогда не видел. Ладно, черт с тобой, парень, ты — Калли Тондж. Твой отец преставился нынешней зимой, и ты остался на ферме совсем один. Родился ты здесь, на Харвиче, — объяснил он, произнеся это слово как «Харридж», — и был чертовски близок к тому, чтобы и помереть здесь. — Он показал на землю.

Всмотревшись, Калли увидел насос для орошения с компрессором. Очевидно, он затягивал большим гаечным ключом верхнюю гайку и случайно запустил двигатель. Ключ сорвался и ударил его по голове. Он равнодушно смотрел на ключ, представляя, как все это было.

— Ты в порядке? — с надеждой в голосе спросил старик. — Мне надо идти, не то мою старуху хватит кондрашка. Но если хочешь, я могу кого-нибудь прислать, чтобы тебя отвели к доктору.

* Старик путает магнезию с амнезией — потерей памяти.

— Не надо, я сам, — ответил Калли. — Лучше скажите мне, далеко ли до города?

— Бог с тобой, Калли! Ты говоришь смешные вещи! — воскликнул старик. — До станции вот по этой дороге — километра полтора. — Он указал нужное направление.

Калли Тондж кивнул.

— Хорошо, я пойду туда. Если с мозгами что-нибудь не в порядке, лучше сходить. Просто так, на всякий случай, чтобы проверить. Не волнуйтесь.

— Ладно, так тому и быть, — с сомнением ответил старик. — Вечером я зайду посмотреть на тебя, — предупредил он и, отвязав от ограды лошадь, двинулся по дороге.

«Он ездит верхом! — пронеслось в голове у молодого человека. — И дорога грязная!»

Калли повернулся и направился к хижине, которая оказалась новее, чем ему представлялось. Внутри он увидел широкую кровать с одеялами из шкур, умывальник, мойку, газовую плиту — баллон с газом помещался под плитой, а вода, по-видимому, поступала из бака, расположенного возле хлева. В хижине были также большой камин и комнатный душ. Тут же стоял маленький холодильник, работающий от тракторного аккумулятора.

В углу он заметил туалет. На стене висели треснувшее зеркало, ножницы и бритва.

Взглянув на себя в зеркало, Калли увидел сильное красивое лицо с резкими чертами и темные волосы, завязанные на затылке в конский хвост; у него были рыжеватая окладистая, но аккуратно подстриженная борода и усы.

Он повернул голову, над левым ухом зияла глубокая рапа.

«Во время этого несчастного случая Калли Тондж умер, — понял он. — И я занял пустую оболочку».

Он снял зеркало со стены и внимательно рассмотрел себя. Он увидел крепко сколоченное мускулистое тело, загорелое и привычное к труду. На руках были мозоли, появившиеся от тяжелой работы на ферме.

Голова продолжала болеть, и он решил, что ему все же лучше сходить в город. Рана поможет объяснить ошибки в его поведении.

Он надел толстую шерстяную рубашу, рабочие брюки, потрепанные кожаные башмаки и вышел наружу.

Место это оказалось в высшей степени интересным. Оно напоминало картинку из древней истории, несмотря на водопровод, электроприборы, пусть и примитивные, и некоторые другие признаки цивилизации. Калли с удовольствием отметил, что его запястье украшают изящные наручные часы.

Он бодро зашагал вперед, разглядывая окружающий мир. Тут и там были разбросаны маленькие фермы; некоторые из них казались более современными, чем его собственная. Дорожное движение практически отсутствовало. Лишь изредка мимо него проезжал всадник или конный экипаж.

Складывалось впечатление, что современные транспортные средства здесь либо не используются, либо находятся под запретом.

Несмотря на явное долгое отсутствие дождей, страна выглядела зажиточной. Почва представляла собой богатый минеральными солями чернозем, и там, где маленькие компрессоры качали воду из колодцев или ручьев в оросительные каналы, край процветал.

До станции он добрался гораздо быстрее, чем предполагал, и не чувствовал ни малейшей усталости. Город поразил его своими контрастами. Бревенчатые дома, некоторые в пять этажей, соседствовали с современными зданиями сборной конструкции. Улица

не была замощена, но тянулась вдоль нескольких кварталов; весь деловой район состоял из значительно более крупных и комфортабельных домов. В городе имелось уличное освещение, у части торговых заведений были электрические вывески, так что где-то неподалеку явно работала электростанция; похоже, что во всех домах был водопровод.

Калли рассматривал женщин. Большинство из них были одеты точно так же, как он, не считая маленьких ковбойских или широкополых соломенных шляп, прикрывающих головы. Женщин было гораздо меньше, чем мужчин, и выглядели они мускулистыми и мужеподобными.

Город оказался невелик, и молодой человек без труда нашел приемную врача. Осмотр встревожил доктора. Рентгеновское обследование выявило серьезное сотрясение мозга и трещину в черепе. Врач никак не мог понять, как он вообще остался жив, о чем и заявил напрямик, накладывая на рану небольшую повязку.

— Пусть в течение следующих нескольких дней кто-нибудь побудет с вами или хотя бы регулярно вас навещает, — посоветовал врач. — Память вы потеряли, вероятно, лишь временно, в подобных случаях это бывает. Но повреждения нанесены значительные. Мозг ушиблен, и кто-то должен за вами понаблюдать, чтобы в этом месте не возник тромб.

Калли поблагодарил врача, заверил его, что сумеет сам позаботиться о себе и что будет приходить на осмотр.

— Счет оплатите в конце этого месяца, — сказал врач.

Это его ошеломило. Счет? Деньги? Как же всем этим пользоваться? Выйдя на улицу, он вынул из кармана тонкий кожаный бумажник, выглядевший так,

словно ему довелось пережить артиллерийский обстрел, и раскрыл его.

В нем лежали забавные листочки бумаги; их насчитывалось около дюжины. На одних был трижды изображен один и тот же мужчина, на других — еще двое мужчин и женщина. На тыльной стороне были помещены очень реалистические сценки сельской жизни. Калли надеялся, что сумеет прочитать то, что написано на банкнотах. Но ему пришлось различать их только по рисункам.

В надвигающихся сумерках перед ним предстал ярко освещенный трехэтажный бревенчатый дом; судя по тому, что было изображено на вывеске, он понял, что это — бар и что-то еще. Непонятный второй символ заинтересовал Калли. Исполненный любопытства, он подошел к дому.

И тут вдали раздались раскаты грома.

Она проснулась от острого приступа тошноты и едва успела наклонить голову.

Желчь брызнула на дешевый коврик, и, давясь от спазмов, она различила в ней какие-то крошки, кусочки и даже целые таблетки.

Спазмы, выворачивающие ее наизнанку, длились несколько минут. Наконец, слабая и измученная, она снова откинулась на подушки, ожидая, когда комната перестанет вертеться перед глазами. Зловонный запах рвоты душил ее.

Она медленно огляделась. В крошечной комнатке не было ничего, кроме огромной кровати и плетеного стула.

Стены и потолок были, видимо, бревенчатыми, но казались настолько монолитными, что могли с тем же успехом быть сложены из камня. Догадав-

шись, что в комнате слишком темно, она начала искать выключатель. Нашарив над собой шнурок, она дернула за него, и под потолком загорелась слабая лампочка. Свет больно ударил в глаза.

Она приподняла голову и взглянула на свое тело.

Необычайно крупная грудь идеальной формы, нежно-бархатистая смуглая кожа.

Ее взгляд скользнул немного дальше, и она убедилась, что нижняя часть тела ничуть не хуже груди, хотя и скрыта под брючками из великолепного черного кружева, на которое наклеены сотни крошечных блесток.

Дотронувшись до головы, она обнаружила, что у нее какая-то особая, очень необычная прическа. В проколотых ушах висели длинные пластмассовые серьги. На полу валялась сумочка с косметикой. Она вынула из нее зеркальце и взглянула на свое отражение.

«Какая красивая! — восхитилась она. — Никогда еще таких не видела». Действительно, лицо было настолько безупречно, что его красота казалась почти вызывающей.

«Чье же это лицо?» — подумала она.

На полу рядом с косметичкой она заметила коробочку из-под лекарств и лениво подняла ее. На крышке был изображен универсальный предупреждающий знак и под ним какая-то надпись. Но читать она не умела, да и не нуждалась в этом.

«Эта девушка, кто бы она ни была, покончила с собой. Она проглотила все эти таблетки, превысив допустимую дозу. Она умерла здесь, в этой комнате, только что, одна. И в этот момент меня каким-то образом вложили в ее тело».

Она внимательно посмотрела на свое отражение. «Что же заставило ее решиться на самоубийство? Такую молодую, не старше шестнадцати — семнадцати лет. И такую красивую!»

Она опять легла и уставилась на лампочку, которая непонятно почему стала оказывать на нее гипнотическое воздействие.

Она обнаружила, что нежно поглаживает свое тело, — и это было фантастично, дрожь наслаждения пронизала каждый ее нерв.

«Это — таблетки, — подсказал ей разум. — Ты не сумела полностью удалить их из своего организма».

Внезапно отворилась дверь, и в комнату заглянул какой-то мужчина в белой рабочей одежде. Несмотря на солидный возраст и большую круглую лысину, он производил впечатление человека сильного и опасного.

— Эй, Нова, время... — начал он, запнулся, увидев ее состояние, пустую коробочку и следы рвоты на полу и на краю постели.

— Ну и дерьмо! — буркнул он сердито и взорвался: — Ты снова приняла эти таблетки счастья? Черт подери, я тебя предупреждал! Удивляюсь, как такая высококлассная секс-бомба, как ты, может заниматься подобной чепухой! Тебя же выделяют среди других!

Он остановился, и ярость сменилась у него отращением.

— Ты никому не приносишь пользы, даже самой себе! — резко сказал он. — Я уже говорил, что, если это повторится, я тебя выкину на улицу. Ты меня слышишь? — заорал он. — Убирайся немедленно! Вставай!

Она все слышала, но слова не откладывались в ее сознании. Внезапно его вид и голос показались ей ужасно смешными, и она истерически захохотала, по-дурацки тыкая в его сторону пальцем.

Мужчина схватил ее за руку и заставил встать.

— Иисус! — воскликнул он. — Проклятая девка! Как жаль, что твое нутро несравнимо с твоей наружностью. Пошли!

Он вытолкнул ее в коридор и потащил вниз по деревянной лестнице. Но ей чудилось, будто она плывет по воздуху, поэтому свободной рукой она делала летательные движения, одновременно имитируя гул мотора.

Несколько молодых женщин выглянули из комнат, расположенных на втором этаже. «Ни одна из них даже в подметки мне не годится», — с гордостью подумала она.

— Прекрати реветь! — гаркнул мужчина, но его слова рассмешили еще больше.

Внизу помещался бар. Там стояли несколько круглых столиков и маленькая стойка; пол был посыпан чистыми опилками. Клиенты пока отсутствовали.

— О черт! — сказал мужчина, чуть не плача, выдвинув кассовый ящик. — Ты не отработала даже свое содержание, а во время последнего закидона спалила все свои платья. Здесь пятьдесят реалов, — продолжал он, засовывая ей в кружевные штаны несколько кредиток. — Когда придешь в себя — на улице, в лесу или в конторе шерифа, — купи себе несколько платьев и билет на обратную дорогу. С меня хватит!

Он легко подхватил ее, словно она ничего не весила, и, открыв дверь ногой, грубо выбросил ее на темную улицу. Холодный воздух и удар о землю вернули ее к действительности; девушка стала озираясь, чувствуя себя покинутой и одинокой.

Внезапно она ужаснулась, что кто-нибудь ее увидит. Хотя народу на улице было немного, несколько прохожих вот-вот могли на нее наткнуться. Заметив узкий проход между баром и складом, она юркнула туда в надежде найти там убежище. Было очень темно и холодно, воняло застарелой гнилью, зато девушка почувствовала себя в относительной безопасности.

Неожиданно зажглись уличные фонари, и в укромном месте, куда она забилась, стало совсем темно. И тут наконец до девушки стал доходить весь ужас ее положения. Она все еще была одурманена таблетками, и тело ее по-прежнему трепетало, особенно когда она его растирала. Ей постоянно хотелось гладить его, но она понимала, что обстоятельства для этого несколько неподходящие.

«Я одна, в этом дурацком незнакомом месте, полуголая, а на улице холодает, — думала она, ощущая себя глубоко несчастной. — Положение — хуже не бывает».

Словно подтверждая мысли, сверкнула молния и раздался оглушительный громовой раскат.

Из глаз девушки брызнули слезы, и она зарыдала, ощущая полнейшую безысходность. Такой беспомощной она еще не была ни разу в жизни.

Какой-то мужчина пересек улицу, направляясь в бар. Внезапно он остановился. Блеснувшая молния на мгновение осветила женскую фигуру, скрючившуюся на земле. Несколько озадаченный, он двинулся в проулок. Девушка сидела, согнувшись, обхватив руками колени и низко наклонив голову. Все ее тело содрогалось от рыданий.

Не веря своим глазам, мужчина уставился на нее. «Что за черт!» — подумал он.

Подойдя к ней вплотную, он дотронулся до ее обнаженного плеча. Она вздрогнула, но, увидев на его лице тревогу, немного успокоилась.

— Что случилось, барышня? — мягко спросил он.

Она подняла страдающее лицо, попыталась заговорить, но не смогла.

Даже в неверном свете сверкающих молний он разглядел, что это — самая красивая женщина, которую ему когда-либо приходилось видеть.

— Ну-ну, не надо отчаиваться, — попытался он успокоить ее. — Где вы живете? Я отведу вас домой. Может быть, вас кто-то обидел?

Закашлявшись, она покачала головой.

— У меня нет дома, — сказала она. — Меня выгнали.

Он присел возле нее на корточки. Небо гроыхало, то и дело сверкали молнии, но дождя все еще не было.

— Тогда пойдемте со мной, — сказал он так же мягко. — Я живу один на ферме у самой дороги. Вы можете оставаться там, пока не решите, что делать дальше.

В замешательстве она снова покачала головой. Можно ли довериться этому типу? Посмеет ли она воспользоваться такой возможностью?

Станный далекий голос зазвучал у нее в мозгу. Он говорил: «Прислушались к себе. В вас клокочут страх, алчность, ужас, властолюбие!.. Совершенство — это цель эксперимента, а не его составная часть... Не терзайте себя, не бойтесь своих страхов. Боритесь с ними с помощью доброты, милосердия, сострадания...»

«И доверия? — пришло ей внезапно в голову. — О черт! Что я потеряю, если пойду? Что получу, если откажусь?»

— Я иду, — тихо сказала она.

Он осторожно помог ей встать на ноги, а затем смахнул с нее грязь. «Какой он высокий! — подумала она. — Я достаю ему только до плеча».

— Пошли, — поторопил он и взял ее за руку.

Девушка все еще колебалась.

— Не хочу... не хочу идти в таком виде, — нервно произнесла она.

— В вашем виде нет ничего неприличного, — заверил он ее абсолютно искренне. — К тому же мне

кажется, вот-вот разразится буря. Большинство людей останутся дома.

Она нерешительно переступила с ноги на ногу.

— А как же мы? — спросила она. — Разве мы не промокнем?

— По дороге можно будет найти какое-нибудь укрытие, — небрежно бросил мужчина. — К тому же немного воды не причинит нам вреда.

Она позволила ему вывести себя из города по пустынной улице. Гроза продолжалась, но дождя по-прежнему не было.

Температура воздуха упала уже примерно градус до восьми, и девушка начала дрожать.

Он с беспокойством посмотрел на нее.

— Хотите надеть мою рубаху?

— Вы замерзнете, — запротестовала она.

— Я люблю холодную погоду.

Его мускулистая волосатая грудь снова пробудила в ней незнакомые и странные ощущения. Он тщательно закутал ее в грубую шерстяную ткань, и девушка сразу согрелась.

Она не находила слов, но какой-то импульс заставил ее прильнуть к его плечу. Он обнял ее за талию, и они двинулись дальше.

Ей стало хорошо, спокойно, все ее страхи и тревоги, казалось, улетучились. Она подняла глаза.

— Как вас зовут? — спросила она, и мягкость ее голоса была каким-то образом связана с теми странными ощущениями.

— Ву... — начал он, но осекся: — Калли Тондж.

Она заметила у него на голове повязку.

— Вы ранены?

— Теперь уже ничего, — ответил он и усмехнулся: — По правде говоря, вы появились очень кстати. Доктор сказал, что в эту ночь кто-нибудь должен посидеть со мной.

— Сильно болит? — спросила она.

— Уже нет. Медицина здесь поставлена на широкую ногу, хотя, знаете, в целом это место — весьма примитивное.

— Вообще-то мне мало что известно об этом мире, — вздохнула девушка. — Я не отсюда.

— Я мог бы об этом догадаться, — быстро сказал он. — Откуда вы прибыли?

— Вряд ли вы когда-либо слышали об этом месте, — ответила она. — В сущности, ниоткуда.

— Как ваше имя?

Она вспомнила, что мужчина в баре называл ее «Нова», но вместо этого сказала:

— Вардия.

Калли Тондж остановился и странно на нее посмотрел.

— Так вы из какого-нибудь комм-мира? — спросил он.

— Вроде того, — туманно ответила она, — правда, я сильно изменилась.

— В Мире Колодца?

Вардия задохнулась и вскрикнула от удивления.

— Вы... вы — один из тех, что были в Колодце! — воскликнула она. — Вы, как и я, проснулись в новом теле! Из-за этой раны в голове Калли Тондж умер, и вы заняли его место!

— Вы дважды поддержали, даже защитили меня, когда я в этом нуждался, — сказал он.

— Вучжу! — воскликнула девушка, и недоверчивая улыбка озарила ее лицо. Она критичеки оглядела его широкоплечую фигуру. — Боже, как ты изменилась!

— Не больше, чем ты, — ответил он, оглядев ее с головы до ног. — Просто блеск!

— Но... но почему мужчина? — удивилась она.

Он сразу стал серьезен.

— Когда-нибудь я тебе все расскажу. Но добрый старый Натан! Он, конечно, своего добился!

В тот же миг на них обрушился ливень.

Не прошло и нескольких секунд, как они промокли насквозь, и ее фантастическая прическа погибла. Расхохотавшись, Калли Тондж поднял ее на руки и побежал по грязи. В свете молнии он увидел впереди свою хижину, но прозевал поворот на тропинку, ведущую к ней. Оба они плюхнулись в глубокую черную грязь.

— Ты в порядке? — крикнул он, стараясь перекрыть шум ливня.

— Тону в грязи, — откликнулась Вардия, и они выбрались из лужи, потешаясь друг над другом.

— Хлев ближе! — крикнул Калли. — Видишь его? Бежим туда!

Он припустился к хлеву, она за ним. Между тем дождь лил все сильнее и сильнее. Добежав до ворот первым, он широко распахнул их, и оба, задыхаясь, ввалились внутрь. Дождь глухо барабанил по железной крыше и по бревенчатым стенам. Было темно, и пахло так, как и должно пахнуть в хлеву. Коровы нервно зашевелились в своих стойлах.

— Вучжу! — тихо позвала девушка.

— Да, — прошептал он в ответ и протянул к ней руку. — Нам лучше переждать здесь, — сказал он. — В углу есть куча сена, а до дома — тысяча метров. Стоит ли дважды тонуть в этом наводнении?

— Хорошо, — ответила Вардия возбужденно и шлепнулась в сено. Дождь продолжал выстукивать по крыше симфонию для ударных инструментов.

Калли упал в сено рядом с ней, но девушку в первую очередь волновали ее кружевные брючки.

— Грязь засохла, и блестки царапаются, — заявила она. — Лучше я просто сниму их, хотя это все, что у меня есть.

Так она и сделала, и некоторое время они молча лежали рядом. Наконец он обнял ее и стал гладить ей грудь.

— Как же приятно, — прошептала Вардия. — А я думала, что это действовали таблетки. Интересно, похоже это на то, что ты ощущала с Бразилом?

«Будь я проклят! — сказал себе Калли. — Меня всегда интересовало, что испытывает мужчина во время эрекции!» Он нагнулся и посмотрел ей в глаза.

— Если хочешь, я покажу тебе, на что это по-настоящему похоже, — сказал он нежно.

— Я... я думаю, что это как раз то, чего хотел Бразил, — ответила она.

— А ты? — спросил он серьезно.

— Думаю, что да, — прошептала девушка и поняла, что как раз этого она хочет сейчас больше всего. — Но я даже не знаю, как это делается.

— Доверься специалисту, — ответил он. — Хотя меня и не подготовили к такому повороту событий.

Он наклонился над ней, и Вардия почувствовала, что его горячие губы скользят по ее животу.

Затем он скинул брюки и показал ей, что такое быть женщиной; сам он одновременно узнал, что значит быть мужчиной.

Дождь прекратился уже пару часов назад, но они все еще лежали, наслаждаясь близостью.

Ворота по-прежнему были полуоткрыты, и Вардия, потрясенная своим первым сексуальным переживанием и полная грез, наблюдала, как на небе появляются звезды и уплывают тучи.

— Утром мы купим тебе кое-какую одежду, — сказал Калли. — А потом совершим экскурсию на ферму. Этот дождь пришелся очень кстати. Ты же знаешь, я вырос на ферме, правда, не на своей.

— Скажи, пожалуйста, люди — я имею в виду не комм-люди, а нормальные, — занимаются этим каждый день? — спросила девушка.

Он фыркнул:

— Дважды в день, если они крепкие ребята. За исключением пары дней каждый месяц.

— Ты... ты делал это двумя способами, — сказала она. — Есть ли разница?

— Ощущения, конечно, разные, но и то, и другое одинаково важно, — ответил он. — Самое же существенное — и для мужчины, и для женщины — состоит в том, что ты занимаешься этим, когда хочешь и с кем хочешь.

— Это и есть любовь? — спросила она. — Именно об этом говорил Бразил?

— Он имел в виду не только секс, — ответил Калли. — Секс — всего лишь компонент. Без цели — без любви, без влечения к другому человеку, без заботы о нем это вообще не доставляет удовольствия.

— Значит, вот почему ты теперь мужчина, — сказала она. — В прежние времена все они были не такими, как нужно. Верно?

— Да, — ответил он сухо и взглянул на звезды.

Вардия крепко сжала его руки в своих ладонях.

— Ты считаешь, что Бразил и в самом деле был Богом? — тихо спросила она.

— Не знаю, — вздохнул Калли. — А если нет? В Мире Колодца он обладал могуществом. Он подарил мне эту ферму, дал крепкое здоровое молодое тело, предоставил новые возможности. И прислал мне тебя, — тихо добавил он.

Девушка кивнула.

— Мне никогда не было так хорошо, как сейчас, — сказала она. — У нас всегда все будет так чудесно, как этой ночью?

— Нет, — серьезно ответил он. — Будет много тяжелой работы, будут и боль, и страдания, но если все это приходит вместе, по-моему, переживать не стоит.

— Попытаемся прижиться здесь, — сказала она решительно. — А когда веселье исчезнет, если это вообще произойдет, или когда мы состаримся и посеем, мы отправимся в марковианский мир и все начнем сначала. Это — хорошее будущее.

— Думаю, ты права, — ответил он. — Это больше, чем когда-либо было даровано смертным.

— Эта планета, — сказала Вардия, — никогда не должна превратиться в другие комм-миры. Мы позаботимся об этом.

В тот же миг далекий горизонт озарила яркая вспышка света. Через несколько секунд до них донесся громовой раскат.

— Бедный Натан, — печально вздохнул Калли. — Для кого-то другого он может сделать все, только не для себя.

— Интересно, где он сейчас? — задумчиво спросила Вардия.

— Мне интересно, какую форму он принял, — отозвался Калли, — где он сейчас, что делает, что думает и чувствует, я знаю.

НА БОРТУ ГРУЗОВОГО КОРАБЛЯ «СТЕЕКИН»

Натан Бразил находился в рубке своего корабля. Он полулежал в командирском кресле и лениво разглядывал фальшивое звездное скопление, которое виднелось на двух экранах, имитировавших окна. На столе возле древнего компьютера лежал порнографический роман, открытый на том же самом месте, где он когда-то остановился. Бразил не мог вспомнить, о чем там шла речь, но тут же осознал, что это не имеет никакого значения. Все подобные романы были одинаковыми, и у него еще куча времени, чтобы перечитать этот.

Вздохнув, он достал из ящика судовой журнал.

«Груз зерна направляется на Кориолан, — гласила последняя запись. — Без пассажиров».

Без пассажиров.

Теперь они находятся где-то в других мирах: мерзавцы и негодяи — каждый в своем собственном аду, хорошие, в том числе потенциально добрые, — там, где могут рассчитывать на удачу. Интересно, так ли сладки оказались их мечты, неожиданно ставшие явью. Забудут ли они уроки Колодца, или попытаются измениться?

В конечном счете это, разумеется, никому не важно.

Кроме них.

Бразил закрыл судовой журнал и бросил его через всю рубку. Тот ударился о стену и косо упал на пол. Капитан печально вздохнул — он грустил о прожитой вечности и о вечности, которую еще предстояло прожить.

Воспоминания сотрутся, но боль останется.

«Итак, что бы ни случилось с остальными или с этим маленьким уголком Вселенной, — подумал он, — я — по-прежнему Натан Бразил, направляющийся на Кориолан с грузом зерна.

По-прежнему ждущий.

По-прежнему заботливый.

По-прежнему одинокий».

Литературно-художественное издание

Чалкер Джек Л.

Полночь у Колодца Душ

Редактор Е.В. Рослякова

Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев

Технический редактор Н.Н. Хотулева

Подписано в печать с готовых диапозитивов 26.02.98.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 25,20. Тираж 10 000 экз. Заказ № 7127.

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-00-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «Фирма «Издательство АСТ»

Лицензия 06 ИР 000048 № 03039 от 15.01.98.

366720, РФ, Республика Ингушетия,

г. Назрань, ул. Московская, 13а

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: AST@POSTMAN.RU

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени

ГУПП «Детская книга» Роскомпечати.

127018, Москва, Сушевский вал, 49.

ISBN 5-237-00042-8

9 785237 000429